

801-13

2146

ПОЭЗІЯ АРМЕНІИ

НАРОДНАЯ — СРЕДНЕВѢКОВАЯ — НОВАЯ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

477
55

ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ
ДО НАШИХЪ ДНЕЙ

въ переводѣ русскихъ поэтовъ:

Ю. К. Балтрушайтиса, К. Д. Балмонтъ,
А. А. Блока, академика И. А. Бунина,
Валерія Брюсова, Ю. А. Веселовскаго,
Ю. Н. Верховскаго, Вячеслава Иванова,
Федора Сологуба, В. Ф. Ходасевича,
С. В. Шервинскаго и др.,

подъ редакціей, со вступительнымъ
очеркомъ и примѣчаніями
ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

Изданіе
Московскаго Армянскаго Комитета.
1916.

Государственный
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОООП
им. В. В. Маяковского

9697-54

2011138127

ПОСТУПИЛО В РАБОТУ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИМ. В. В. МАЯКОВСКОГО

ОБЪЯСНЕНИЯ РЕДАКЦИИ.

I. Отъ редактора къ читателямъ.—II. Задачи изданія.—
III. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОТЫ.

- I. Валерій Брюсовъ. Отъ редактора къ читателямъ.
- II. Редакція. Задачи изданія.
- III. » » Распредѣленіе работъ.

I.

ОТЪ РЕДАКТОРА КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Врядъ ли я ошибусь, если скажу, что армянская поэзія, особенно поэзія прошлыхъ вѣковъ, составляетъ для большинства русскихъ читателей то самое, что на старинныхъ географическихъ картахъ означалось бѣлымъ мѣстомъ съ лаконической надписью: terra incognita — область невѣдомая. Тѣмъ смѣлѣе я могу высказывать такое предложеніе, что еще очень недавно и самъ я былъ въ положеніи такихъ читателей: и для меня поэзія Арменіи была чѣмъ-то неизвѣстнымъ, съ чѣмъ я былъ знакомъ лишь по смутнымъ и неопредѣленнымъ слухамъ. Мнѣ случалось читать произведенія нѣкоторыхъ ново-армянскихъ писателей (въ переводѣ Ю. Веселовскаго и др.); мнѣ приходилось, среди моихъ историческихъ занятій, знакомиться съ эпизодами изъ исторіи Арменіи, показавшими мнѣ, какого высокаго культурнаго уровня достигъ армянскій народъ уже въ древности и въ началѣ среднихъ вѣковъ; наконецъ, по статьѣ Я. Полонскаго и по его подражаніямъ стихамъ Саятъ-Новы, я могъ составить нѣкоторое понятіе о высокой художественности поэзіи лучшихъ ашуговъ (народныхъ пѣвцовъ Арменіи). Но всѣ эти свѣдѣнія были разрознены и далеко не давали представленія объ истинномъ богатствѣ армянской литературы. Впрочемъ, и нельзя было ставить мнѣ и другимъ русскимъ читателямъ такую неосвѣдомленность въ вину, такъ какъ, на русскомъ языкѣ, почти не откуда было почерпнуть болѣе основательныя свѣдѣнія по исторіи Арменіи и не существовало сочиненій, которыя могли бы познакомить съ художественными сокровищами прошлаго армянской литературы.¹

¹ Въ другомъ мѣстѣ (въ моей отдельной брошюрѣ: «Очеркъ историческихъ судебъ армянскаго народа») я болѣе подробно рассматриваю рус-

Вот почему, когда, в июль прошлого года, ко мнѣ обратились представители Московскаго Армянскаго Комитета съ просьбой принять на себя редактированіе сборника, посвященнаго армянской поэзіи въ русскомъ переводѣ, я сначала отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Съ одной стороны, мнѣ представлялось невозможнымъ редактировать книгу, относящуюся къ той области знанія, которая мнѣ была едва знакома; съ другой (сознаюсь въ этомъ откровенно)—я не предвидѣлъ, чтобы подобная работа могла дать что-либо важное, что-либо цѣнное мнѣ самому. Только послѣ долгихъ настояній отдѣльныхъ представителей Комитета,—которымъ за это я обязанъ глубокой благодарностью,—согласился я сдѣлать опытъ, пробу: присмотрѣться къ работѣ ближе и, лишь вникнувъ въ нее, дать окончательный отвѣтъ. Между прочимъ, непремѣннымъ условіемъ своего согласія я поставилъ одно: чтобы мнѣ дана была возможность ознакомиться съ армянскимъ языкомъ и изучить, хотя бы въ общихъ чертахъ, какъ исторію армянскаго народа, такъ и исторію его литературы. Послѣ этого, одинъ изъ представителей Комитета, любезно принявъ на себя обязанности быть моимъ учителемъ, моимъ профессоромъ, началъ давать мнѣ уроки языка и читать мнѣ курсы лекцій по исторіи армянской литературы....

Съ того времени прошло немногимъ больше полугода,—срокъ, конечно, крайне недостаточный, чтобы получить сколько-нибудь основательныя свѣдѣнія объ исторіи народа, обнимающей 2½ тысячелѣтія, и объ исторіи литературы, начало которой вос-

скія сочиненія объ Арменіи. Здѣсь же ограничусь замѣчаніемъ, что, на русскомъ языкѣ, литература по исторіи Арменіи сводится: 1) къ работамъ строго ученыхъ, требующимъ подготовки для ознакомленія съ ними, каковы, напр., университетскія лекціи проф. Г. А. Халатянца, труды по отдѣльнымъ, специальнымъ вопросамъ проф. Н. Я. Марра, еще болѣе специальныя работы г. Эвова, еп. Месропа Теръ-Мовсесяна и т. под.; или 2) къ статьямъ въ Энциклопедическихъ Словаряхъ, весьма дѣльнымъ, но сухимъ и краткимъ, каковы, напр., статья Н. Адонца, І. Орбели и др.; или 3) къ сочиненіямъ, хотя и популярнымъ, но частью совершенно устарѣвшимъ и крайне наивнымъ, какъ, напр., книга г. Шопена, частью—непростительно поверхностнымъ, какъ, напр., недавно изданная брошюра г. Лагова. Во всѣхъ перечисленныхъ сочиненіяхъ собственно о художественныхъ достиженіяхъ армянской поэзіи въ прошломъ говорится очень немногое, болѣею частью—три-четыре строки. Добавлю, что въ послѣднемъ отношеніи лишь немногимъ богаче литература на другихъ языкахъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ.

ходить, по меньшей мѣрѣ, къ V столѣтію нашей эры. Но съ твердымъ сознаніемъ своей правоты, я могу сказать, что время не было мною потеряно даромъ. Мною была прочитана цѣлая библиотека книгъ, на разныхъ доступныхъ мнѣ языкахъ (русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, латинскомъ, итальянскомъ), и я успѣлъ ознакомиться, какъ, до нѣкоторой степени, съ армянскимъ языкомъ, такъ съ тѣмъ изъ армянской литературы, что могъ найти въ переводѣ. Это теоретическое изученіе закончилъ я поѣздкой по областямъ русской Арменіи, по Кавказу и Закавказью,—поѣздкой, во время которой могъ лично познакомиться со многими представителями современной армянской интеллигенціи, съ ея выдающимися поэтами, учеными, журналистами, общественными дѣятелями. Мнѣ удалось также, хотя и бѣгло, видѣть современную армянскую жизнь, посѣтить развалины нѣкоторыхъ древнихъ центровъ армянской жизни и побывать въ Эчмиадзинѣ, этомъ священномъ для всѣхъ армянъ мѣстѣ, гдѣ, по справедливому выраженію, «бьется сердце Арменіи». Мое маленькое путешествіе какъ бы увѣнчало первый періодъ моихъ работъ по Арменіи, позволивъ мнѣ подтвердить живыми впечатлѣніями кабинетныя соображенія и провѣрить по критикѣ или по одобренію авторитетныхъ лицъ тѣ выводы, къ которымъ я пришелъ, работая самостоятельно...

Все это я сообщаю отнюдь не для того, чтобы похвалиться достигнутыми мною результатами или своимъ трудолюбіемъ: напротивъ, я хорошо знаю, что сдѣланнаго мною еще слишкомъ недостаточно, чтобы имѣть право выставять себя человекомъ, освѣдомленнымъ въ вопросахъ армяновѣдѣнія, что, напротивъ, откровенно указывая даты моего перваго знакомства съ исторіей и литературой Арменіи, я скорѣе подрываю довѣріе къ своимъ утвержденіямъ. Но, перечисляя свои работы, я хочу подчеркнуть тотъ живой, и глубокой интересъ, какой возбудило во мнѣ изученіе Арменіи. Конечно, никакія обязательства передъ издателемъ (а, въ данномъ случаѣ, никакихъ формальныхъ обязательствъ съ моей стороны не было вовсе), никакія внѣшнія соображенія не могли бы заставить меня,—или кого другого,—совершить весь этотъ трудъ, прочесть всѣ эти книги, столько учиться и такъ углубиться въ дѣло! Побудить къ этому могло лишь одно: то, что въ изученіи Арменіи я нашелъ неизсякаемый источникъ высшихъ, духовныхъ радостей, что, какъ историкъ, какъ чело-

вѣкъ науки, я увидѣлъ въ исторіи Арменіи—цѣлый, самобытный міръ, въ которыхъ тысячи интереснѣйшихъ, сложныхъ вопросовъ будили научное любопытство, а какъ поэтъ, какъ художникъ, я увидѣлъ въ поэзіи Арменіи—такой же самобытный міръ красоты, новую, раньше неизвѣстную мнѣ, вселенную, въ которой блистали и свѣтились высокія созданія подлиннаго художественнаго творчества. И работа, начатая мною неохотно, принятая мною, какъ одна изъ очередныхъ литературныхъ задачъ, какія мы, писатели по-профессіи, должны бываемъ иногда выполнять, постепенно превратилась для меня въ завѣтное, страстно-любимое дѣло, которое заняло всѣ мои помыслы, которому я уже могъ отдаться, и не могъ не отдаться всей душой.

Чѣмъ глубже я вникалъ въ изученіе Арменіи, чѣмъ яснѣе вырисовывались предо мной очертанія ея историческихъ судьбъ и образы ея великихъ людей, прежде всего художниковъ (ибо на литературѣ, въ частности на поэзіи, были преимущественно сосредоточены мои работы),—тѣмъ все настойчивѣе вставалъ предо мной укоръ въ томъ, что раньше я могъ такъ равнодушно проходить мимо этого міра. Уже давно судьбы древней Арменіи связаны съ судьбой великой Россіи; уже цѣлое столѣтіе значительная часть армянскаго народа живетъ въ предѣлахъ Россійской имперіи; армяне—наши сограждане, а еще не освобожденные отъ мусульманскаго ига армянскія области именно отъ русскихъ ждуть своего освобожденія. И, тѣмъ не менѣе, мы—громадное большинство изъ насъ—ничего, или почти ничего, не знаемъ объ армянахъ и Арменіи. Нужны міровыя катастрофы, нужны безпримѣрные ужасы турецкой рѣзни или дикаго преслѣдованія цѣлой націи (что имѣло мѣсто, напр., въ началѣ нынѣшней Великой войны), чтобы мы вновь обратили вниманіе на бѣдствія «многострадательнаго народа». Мы, русскіе, какъ и вся Европа, вспоминаемъ объ армянахъ лишь въ тѣ дни, когда имъ нужна бываетъ рука помощи, чтобы спасти ихъ отъ поголовнаго истребленія озвѣрѣвшими полчищами султана. Между тѣмъ есть у армянъ болѣе высокое право на наше вниманіе и на вниманіе всего міра: та высокая культура, которую выработалъ армянскій народъ за долгіе вѣка своего самостоятельнаго существованія, и та исключительно-богатая литература, которая составляетъ драгоцѣнный вкладъ Арменіи въ общую сокровищницу человѣчества.

Дальше, во вступительномъ очеркѣ, я сдѣлалъ попытку

вкратцѣ охарактеризовать различные этапы въ развитіи армянской поэзіи и отмѣтить высшія достиженія отдѣльныхъ армянскихъ поэтовъ прошлаго и современности. Здѣсь довольно будетъ сказать, что, изучая поэзію Арменіи, я много разъ оставался прежде всего въ изумленіи передъ исключительнымъ совершенствомъ ея отдѣльныхъ созданій. Народная армянская поэзія принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ среди всѣхъ, какія мнѣ извѣстны: немногіе народы могутъ гордиться, что ихъ народныя пѣсни достигаютъ такого же художественнаго уровня, такъ изысканно-плѣнительны, такъ оригинально-самобытны, при всей ихъ непосредственной простотѣ и безыскусственной откровенности. Религіозная поэзія армянской церкви сохранила много созданій истинныхъ поэтовъ,—гимны, которые дышатъ тѣмъ же одушевленіемъ, какъ лучшіе образцы греческихъ и римскихъ гимнотворцевъ, но утонченностью своихъ художественныхъ приемовъ приближаются уже къ стихамъ новаго времени, вплоть до вдохновеній Верлена. Средневѣковая армянская лирика есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ побѣдъ челоувѣческаго духа, какія только знаетъ лѣтопись всего міра. Поэзія совершенно своеобразная, новая для насъ по своимъ формамъ, глубокая по содержанію, блистательная по мастерству техники, армянская поэзія среднихъ вѣковъ, въ своихъ лучшихъ образцахъ, можетъ и должна будетъ еще многому научить современныхъ поэтовъ: къ ней еще предстоитъ обратиться за уроками и за художественными откровеніями. Истинно прекрасное создали и лучшіе изъ ашуговъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ Саятъ-Нова, поэтъ XVIII в., величественный, многообразный, по-тютчевски чуткій и, какъ Мюссе, страстный: одинъ изъ тѣхъ «первоклассныхъ» поэтовъ, которые силой своего генія уже перестаютъ быть достояніемъ отдѣльнаго народа, но становятся любимцами всего человѣчества. Наконецъ, въ ново-армянской поэзіи есть рядъ именъ и рядъ созданій, которыя по праву могутъ стоять рядомъ съ чтимыми именами и прославленными созданіями западныхъ литературъ.

Давая этотъ восторженный отзывъ, я, конечно, имѣю въ виду *лучшихъ* представителей армянской поэзіи, *наиболѣе удачныя* ея созданія, ибо въ любой литературѣ вокругъ выдающихся талантовъ неизбѣжно группируются писатели рядовые и даже лица, облѣненные дарованіемъ. Но и ряда тѣхъ поэтовъ, которыхъ армянская литература имѣетъ право выдвинуть въ своей исторіи

на первыя мѣста, совершенно достаточно, чтобы обезпечить ей вниманіе на всѣ вѣка, пока люди будутъ цѣнить достиженія искусства. Каждый вѣкъ послѣдняго тысячелѣтія, безъ исключенія, имѣетъ въ армянской поэзіи своихъ достойныхъ представителей: одинъ—больше, другой меньше, въ зависимости отъ общей эволюціи литературы. Григорій Нарекскій (X в.), Нерсесъ Благодатный (XII в.), Фрикъ (XIII—XIV в.), Константинъ Ерзынкайскій (XIII—XIV в.), Мкртичъ Нагашъ (XV в.), Ованнесъ Ерзынкайскій (XIV—XV в.), Григорій Ахтамарскій (XVI в.), Наапетъ Кучакъ (XVI в.), Нагашъ Ионатанъ (XVII в.), Саятъ-Нова (XVIII в.) и лучшіе поэты современной Арменіи, все это—имена, которыя должно помнить и чтить всѣмъ, кому дорога поэзія, наравнѣ съ именами любимыхъ лириковъ другихъ народовъ: Сафо и Овидія, Гафиза и Омара-Хайяма, Петрарки и Ронсара, Шелли и Тютчева, Гейне и Верлена...

Но въ то же время, армянская поэзія, взятая въ ея цѣломъ, представляетъ другой, также выдающійся интересъ: историческій. Поэзія всегда—вѣрное зеркало народной души; поэтъ, даже думая, что воспѣваетъ свои личныя, скромныя радости, свои личныя, маленькія скорби, безсознательно, непримѣтно для самого себя, всегда поетъ о великихъ торжествахъ или о великихъ печаляхъ всей своей родины; въ созданіяхъ художниковъ всегда воплощены переживанія родного народа. И многообразная исторія Арменіи, сплетенная за двадцать пять столѣтій съ судьбами всѣхъ народовъ нашего міра, ассиро-вавилонянъ, древне-персовъ, грековъ, римлянъ, парсовъ, византійцевъ, новоперсовъ, арабовъ, монголовъ, турокъ-сельджуковъ и турокъ-османовъ, народовъ новой Европы, русскихъ, отчасти также съ судьбами Индіи, Китая, Африки, Америки,—эта исторія живыми отголосками, далекими эхо живетъ въ армянской поэзіи. Народы, давно сошедшіе съ мировой сцены, оставили слѣды въ народной душѣ Арменіи, и эти слѣды таинственно оживаютъ въ стихахъ армянскихъ поэтовъ. Прислушиваясь, мы слышимъ въ средневѣковой армянской лирикѣ отзвуки сѣдой, намъ еле вѣдомой старины... А въ созданіяхъ ново-армянской поэзіи оживаетъ передъ нами жизнь современной Арменіи, тоже мало-извѣстная намъ жизнь цѣлага народа, своеобразная, красочная, также связанная незримыми нитями съ отдаленнѣйшими вѣками.

Для русскаго читателя армянская поэзія, въ ея цѣломъ, есть

новый міръ, въ которомъ путникъ видитъ неизвѣстные ему цвѣты и деревья, невѣдомыхъ птицъ и животныхъ, впервые наблюдаемые обычаи и церемоніи. Такой была армянская поэзія для меня, и я надѣюсь, что сходное впечатлѣніе испытаютъ и всѣ другіе читатели. Но важнѣе, что армянская поэзія есть именно міръ красоты, что она обогащаетъ новыми сокровищами тотъ пантеонъ поэзіи, который каждый культурный человѣкъ воздвигаетъ въ своей душѣ, чтобы хранить въ немъ прекрасныя созданія поэтовъ всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ. Въ этомъ пантеонѣ мирно стоятъ рядомъ творенія генія французскаго и генія нѣмецкаго; поэмы индусскихъ поэтовъ или японскія танки со стихами классиковъ Эллады и Рима; пѣсни первобытныхъ скандинавовъ, грозная Эдда, пѣснь о Нибелунгахъ, съ утонченными строфами Китса, съ загадочными балладами Эдгара По; достиженія пѣвцовъ, жившихъ на зарѣ нашей эры, съ попытками поэтовъ послѣднихъ дней. Въ этомъ же храмѣ, по праву, должны занять свое мѣсто и лучшія созданія генія армянскаго,—прежде всего поэмы средневѣковыхъ поэтовъ Арменіи и плѣнительныя пѣсни ашуга Саятъ-Новы. Знакомство съ армянской поэзіей должно быть обязательно для каждого образованнаго человѣка, какъ обязательно для него знакомство съ эллинскими трагиками, съ «Комедіей» Данте, драмами Шекспира, съ поэмами Виктора Гюго. Поскольку изданіе, редактированное мною, сдѣлаетъ это доступнымъ для русскаго читателя, судить, конечно, не мнѣ,—но задача, которую я себѣ ставилъ, была именно такая: открыть передъ русскими читателями поэтическій міръ Арменіи.

Мнѣ хотѣлось бы еще, чтобы предлагаемая книга не оказалась лишней и для читателя-армянина, владѣющаго русскимъ языкомъ. Прежде всего произведенія армянскихъ поэтовъ прошлыхъ вѣковъ до сихъ поръ не собраны въ популярныя, легкодоступныя изданія, но разсыяны по разнымъ специальнымъ сборникамъ и журналамъ, а, частью, остаются еще въ рукописи. Въ нашемъ изданіи читатель-армянинъ найдетъ подборъ образцовъ поэзіи разныхъ эпохъ, что можетъ вполнѣ, до нѣкоторой степени, быть руководствомъ при чтеніи подлинниковъ. Кромѣ того, произведенія прошлыхъ вѣковъ Арменіи написаны на языкѣ, который требуетъ уже особаго изученія отъ современнаго армянина. Не всѣ имѣли случай и возможность заняться такимъ изученіемъ. Несомнѣнно, въ среднемъ кругу армянскаго

общества, среди тѣхъ, кто не посвятилъ себя научнымъ работамъ, найдутся лица, которыя впервые прочтутъ, на русскомъ языкѣ, нѣкоторыя поэмы армянскихъ средневѣковыхъ поэтовъ. Если это чтеніе побудитъ такихъ лицъ заняться изученіемъ классическаго и старо-армянскаго языка, чтобъ въ подлинникѣ насладиться красотой стиховъ, неизбежно поблѣднѣвшей въ переводѣ,—я, какъ редакторъ даннаго изданія, уже сочту себя нравственно удовлетвореннымъ и вознагражденнымъ за свой трудъ. Наконецъ, даже лицамъ, знакомымъ съ армянской поэзіей въ оригиналѣ, можетъ быть, не безынтересно будетъ перечестъ тѣ же стихи въ томъ истолкованіи, которое пытались имъ дать мы, русскіе поэты, отнесшіеся къ поставленной намъ задачѣ со всей серьезностью, со всѣмъ вниманіемъ, со всей любовью. Такія созданія, какъ лирика армянскаго Средневѣковья, никогда не устаешь перечитывать, въ какой бы одеждѣ ни представляли они передъ нами. И я не могу, въ заключеніе, не повторить словъ, сказанныхъ мною въ другомъ мѣстѣ, когда я примѣнилъ къ этой лирикѣ четверостишіе Фета о поэзіи Тютчева: эти стихи вправѣ повторять каждый армянинъ, думая о расцвѣтѣ лирической поэзіи въ Средніе вѣка своей родной страны:

Вотъ нашъ патентъ на благородство,—
Его вручаетъ намъ поэтъ:
Здѣсь — духа мощнаго господство,
Здѣсь — уточненный жизни цвѣтъ.

Далѣе тотъ же поэтъ говоритъ:

У чукчей нѣтъ Анакреона,
Къ зырянамъ Тютчевъ не придетъ.

И, дѣйствительно, есть народы, даже среди тѣхъ, которыхъ превратности исторической судьбы дѣлали временными господами надъ армянами,—народы, которые не могутъ назвать, въ числѣ своихъ писателей, ни одного имени, достойнаго стоять рядомъ съ лучшими лириками армянскаго Средневѣковья, даровавшими разъ навсегда «патентъ на благородство» родному армянскому народу.

II.

ЗАДАЧИ ИЗДАНИЯ.

Поэзія Арменіи, за послѣднія десятилѣтія, не разъ привлекала вниманіе русскихъ поэтовъ, и въ различныхъ изданіяхъ, — въ журналахъ, газетахъ, альманахахъ,—было напечатано не мало произведеній армянскихъ поэтовъ въ русскомъ переводѣ: Я. Полонскаго, К. Бальмонта, И. Бунина, Ю. Веселовскаго, И. Бѣлоусова, С. Головачевскаго, П. Сухотина, С. Потресова-Яблоновскаго, Л. Уманца, И. Гриневской, О. Чюминой и др.; былъ также изданъ рядъ отдѣльныхъ книгъ, въ которыхъ собраны русскіе стихотворные переводы съ армянскаго: сборники, посвященные Р. Патканьяну, Сибату Шахъ-Азизу, Ов. Туманьяну («Парвана» и др.), А. Исаакіану («Цвѣты Араза» и др.), «Современные армянскіе поэты», «Армянскіе беллетристы и поэты», «Современная армянская литература, вып. I, поэзія», «Армянская Муза», и др.,—перечень которыхъ данъ въ нашей «Библиографіи». Большинство этихъ переводовъ и изданій было сдѣлано со вниманіемъ и съ любовью къ дѣлу, и можно сказать, что переводчики и издатели, большею частью, вполне достигали поставленныхъ ими себѣ цѣлей. Однако, русскіе переводчики, за весьма немногими исключеніями (напр., переводы Я. Полонскаго, А. Гарденина, Аврелиана—стиховъ Саятъ-Новы, поэта XVIII в.), обращались только къ *новой* армянской поэзіи, т.-е. къ дѣятельности армянскихъ поэтовъ послѣдняго столѣтія. Поэтическія богатства средневѣковой лирики и народныхъ пѣсенъ оставались незатронутыми. Кромѣ того, многіе издатели и переводчики, при выборѣ образцовъ, болѣе стремились, повидимому, ознакомить читателей съ настроеніями народа, съ идеями поэтовъ, нежели дать представленіе о художественномъ уровнѣ армянской поэзіи.

Сборникъ, нынѣ предлагаемый вниманію читателей, въ отличіе отъ изданныхъ ранѣе, имѣетъ двѣ задачи: во-первыхъ, представить, въ характерныхъ образцахъ, въ русскомъ переводѣ, по возможности *всю поэзію Арменіи*, отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, на всемъ протяженіи ея, полутора-тысячелѣтняго, существованія; во-вторыхъ, положить въ основу выбора *художественную цѣнность*, какъ творчества отдѣльныхъ

поэтовъ, такъ и каждаго отдѣльнаго произведенія, чтобы стихи, объединенные въ книгѣ, были высшими художественными достиженіями армянской поэзіи въ различные періоды ея развитія. Можно надѣяться, что этимъ будутъ въ то же время охарактеризованы и настроенія народа, идеи, руководившія его жизнью, потому что знакомство съ поэзіей народа, въ его цѣломъ, всего вѣрнѣе знакомитъ и съ самимъ народомъ, и произведенія, наиболѣе совершенныя въ художественномъ отношеніи, всегда оказываются и наиболѣе характерными. Помимо того, высокія достиженія въ области искусства служатъ лучшимъ показателемъ культурнаго уровня народа и даютъ благородное право на вниманіе другихъ націй, независимо отъ тѣхъ или иныхъ превратностей исторической судьбы.

Сообразно съ такимъ общимъ замысломъ, сборникъ «Поэзія Арменіи» раздѣленъ на три части или отдѣла: 1) *Народная поэзія*; 2) *Поэзія Средневѣковья и поэзія ашуговъ*; 3) *Новая поэзія*.

Первая часть обнимаетъ народную поэзію стараго и новаго времени и распадается на два подотдѣла: лирическихъ пѣсень и эпическихъ созданій. Во главѣ *лирическихъ пѣсень* поставлены стихи, которые можно датировать болѣе отдаленными эпохами: пѣсня о рожденіи Ваагна, сохраненная Моисеемъ Хоренскимъ, и относящаяся еще къ языческой порѣ; отрывокъ, представляющій, повидимому, христіанскую переработку также еще языческаго гимна; лирической отрывокъ исторической пѣсни о царѣ Арташесѣ и др. Далѣе идутъ народныя пѣсни, время возникновенія которыхъ установить затруднительно, но которыя всѣ и понынѣ живутъ въ памяти и въ устахъ народа. Нами взяты онѣ изъ различныхъ сборниковъ, какъ въ научныхъ изданіяхъ, такъ и популярныхъ,—изъ «пѣсенниковъ» («сераганъ» и «тагаранъ», въ томъ числѣ и рукописныхъ, еще не напечатанныхъ, хранящихся въ бібліотекѣ Эчмиадзина). При выборѣ стихотвореній, мы, въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ обще-эстетическаго принципа, руководились еще желаніемъ—представить различные типы армянской народной пѣсни. Поэтому, рядомъ съ пѣснями любовными мы помѣстили пѣсни обрядовыя, свадебныя, колыбельныя, заплачки, наконецъ, — военныя, создавшіяся въ новое время, каковы, напр., Зейтунскій маршъ. Произведеній *эпическаго склада* дано нами два: стихотворная сказка о владыкѣ Асланѣ и значительная часть (почти вся первая половина избраннаго нами варианта) эпоса о Давидѣ Сасунскомъ.

Вторая часть, поэзія Средневѣковья и пѣсни ашуговъ, распадается на три подотдѣла. Въ первомъ подотдѣлѣ собраны образцы ранней *религиозной поэзіи* (V—XII вв.), въ стихахъ Григорія Нарекскаго, въ церковныхъ «шараканахъ» и въ произведеніяхъ (лирическихъ и эпическихъ) Нерсеса Благодатнаго. Во второмъ подотдѣлѣ представлены *лирики армянскаго Средневѣковья* и позднѣйшіе поэты, тѣсно примыкающіе къ нимъ по характеру своей поэзіи (XIII—XVII в.), причѣмъ особое вниманіе обращено на эпоху XV—XVI в., когда творчество армянскихъ лириковъ достигло своего высшаго расцвѣта. Въ третьемъ подотдѣлѣ даны пѣсни *ашуговъ*; центральное мѣсто занимаетъ здѣсь замѣчательнѣйшій и знаменитѣйшій среди нихъ—Саятъ-Нова (XVIII в.), но сохранены образцы также болѣе ранняго и болѣе поздняго времени, вплоть до стиховъ нашего современника—ашуга Дживани. При выборѣ стихотвореній, въ этомъ второмъ отдѣлѣ, мы, останавливаясь на лучшемъ, художественно наиболѣе значительномъ, постоянно стремились—показать также поступательный ходъ развитія армянской поэзіи, ея эволюцію отъ простѣйшихъ формъ къ болѣе сложнымъ, постепенное утонченіе и углубленіе, какъ темъ, такъ и творческихъ приемовъ автора. Въ виду этого мы старались дать образцы творчества каждаго отдѣльнаго столѣтія (отъ XIII до XVIII) и каждаго обособленнаго періода. Наконецъ, по мѣрѣ возможности, мы заботились и объ отраженіи въ избранныхъ стихахъ историческихъ моментовъ, переживавшихся Арменіей въ различные эпохи.

Третья часть, новая поэзія, раздѣлена на два подотдѣла: *поэзія русскихъ армянъ и турецкихъ (константинопольскихъ) армянъ*. Эволюція этихъ двухъ школъ, въ первое время ихъ существованія, шла настолько раздѣльно, и ихъ художественныя устремленія настолько разнились между собой, что мы не сочли возможнымъ расположить всѣхъ ново-армянскихъ поэтовъ въ одной общей хронологической послѣдовательности. При всемъ томъ, мы задавались цѣлью дать въ этой части характеристики всѣхъ ново-армянскихъ поэтовъ, къ какой бы школѣ они ни принадлежали, если только ихъ творчество представлялось намъ имѣющимъ художественный интересъ. Само собой разумѣется, что, при выборѣ стихотвореній, въ этой части, мы никогда не теряли изъ виду исторической точки зрѣнія, давая широкое мѣсто поэтамъ, дѣятельность которыхъ оказала опредѣленное

влияние на художественное развитие армянской литературы, но не могли, однако, во всем следовать сложившимся традициям в оценках отдельных писателей. В частности, мы считали необходимым руководствоваться установившимися взглядами преимущественно по отношению к поэтам старших поколений, деятельность которых уже стала достоянием истории. Напротив, по отношению к поэтам более молодым, многие из которых еще не успели вполне определиться, и деятельность которых еще всецело подлежит критике, мы считали себя вправе дать больше простора нашим личным суждениям. Так, напр., мы поместили в конце этой части несколько стихотворений поэтов, имена которых еще не пользуются известностью, что, однако, отнюдь не показывает отрицательного отношения к другим, чьи стихи не нашли себе места в сборнике. Касаясь новейших явлений литературы, каждая антология неизбежно становится, до известной степени, выборкой, и читатели должны смотреть на несколько стихотворений молодых поэтов, включенных в нашу книгу, лишь как на образчики новейшей армянской поэзии, избранные более или менее случайно среди ряда других, не менее достойных внимания.

Выбор всех стихотворений, включенных в нашу книгу, был сделан, конечно, по подлинникам, после внимательного просмотра всего написанного в данную эпоху или данным поэтом. В тех случаях, когда историческое и художественное значение писателя позволяло, мы старались, в самом подборе стихов одного поэта, характеризовать различные стороны его дарования и даже ход его развития. Так могли мы поступить по отношению к таким, напр., поэтам, как Наапеть Кучакъ, Саят-Нова, I. Иоаннисянъ, А. Цатурянъ, Ов. Туманьянъ, А. Исаакянъ. В других случаях, выбирая у поэтов одно или два стихотворения, мы не рассчитывали, конечно, дать полное понятие об их поэтической деятельности, но имели в виду охарактеризовать определенное направление в литературе или определенный тип творчества. Это равно относится как к поэтам прошлых веков, напр., к стихотворению Иеремии Кемурджиана, так и к авторам нового периода, напр., стихам г-жи Ш. Кургиньянъ. Однако, при всех условиях, мы давали место в книге лишь тому, что удовлетворяло требованиям художественности.

Нить сомнения, что, при всем нашем желании, как можно полнее представить эволюцию армянской поэзии, в нашем выборе оказалась известная доля субъективности. Но, в свое оправдание мы должны указать, что в осуществлении нашей задачи встречалось не мало и внешних затруднений. Так, иные стихотворения, которые мы желали бы видеть в нашем сборнике, не помещены потому, что мы не могли получить их переводы, которые нас удовлетворяли бы. Другие имена отсутствуют в книге потому, что мы не могли получить самых сочинений некоторых поэтов. Это относится, напр., к стихотворениям Егия Демирчибашьяна, до сих пор не соединенным в отдельном сборнике, но разбросанным по старым, ныне недоступным, журналам и газетам. Значительным препятствием служили нам и обстоятельства военного времени, по которым совершенно прекратились сношения с Константинополем и весьма затруднились с Западной Европой. Наконец, самые размеры нашего сборника заставляли нас ограничивать свой выбор только наиболее важным и наиболее характерным, оставляя в стороне, напр., авторов, которые лишь изредка писали стихи и главное значение которых в романе, как, напр., Хачатура Абовяна, Раффи и др. Некоторые объяснения нашего выбора даны нами в «Примечаниях», где перечислены имена тех, более известных, армянских поэтов, произведений которых, по разным причинам, не включены в наш сборник.

Что касается самого перевода, то, во-первых, оценка его достоинства принадлежит не нам, а, во-вторых, мы можем говорить лишь о том идеале, который ставили себя в этом отношении. Прежде всего мы заботились об том, чтобы переводчик, как можно лучше, был ознакомлен с подлинником. Так как от громадного большинства русских поэтов нельзя было требовать знания армянского языка, то в основу всех переводов положен буквальный подстрочный перевод и правильная транскрипция армянского текста, освещающая переводчика с ритмической и звуковой стороны оригинала. Каждый исполненный перевод затѣм вновь проверялся по подлиннику и, в случае надобности, подвергался (самим переводчиком или редактором) новой переработке, исправлениям и усовершенствованиям. Нашей конечной, идеаль-

ной цѣлью было получить, на русскомъ языкѣ, *точное воспроизведеніе оригинала* въ такой мѣрѣ, чтобы читатель могъ *довѣрять* переводамъ и былъ увѣренъ, что по нимъ онъ знакомится съ созданіями *армянскихъ* поэтовъ, а не *русскихъ* переводчиковъ.

Въ частности мы считали, что стихотворный переводъ долженъ не только вѣрно передавать содержаніе оригинала, но и воспроизводить всѣ характерныя отличія его формы. Первой задачей, по отношенію къ *формѣ*, являлся выборъ стиха, соответствующаго *метру и ритму* подлинника, насколько это осуществимо при разницѣ стихосложенія русскаго (тоническое) и армянскаго (силлабическое). Однако, мы не доводили своихъ требованій до педантизма и не настаивали на сохраненіи тѣхъ особенностей, которыя зависятъ отъ свойствъ самаго языка: напр., вмѣсто постоянной *мужской рифмы*, господствующей въ армянскихъ стихахъ (такъ какъ въ армянскомъ языкѣ, въ литературномъ произношеніи, почти всѣ слова имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ), допускали чередованіе рифмъ мужскихъ и женскихъ, обычное въ русскихъ стихахъ. Напротивъ, мы искали строгаго соблюденія техники оригинала въ построеніи стихотвореній, т.-е. *формы строфы, чередованія рифмъ* и т. п., такъ что число стиховъ въ переводѣ (за немногими исключеніями, которыя были вызваны особыми соображеніями) всегда соответствуетъ оригиналу. Наконецъ, настойчивое вниманіе обращалось на соблюденіе *звуковой стороны стиха*, т.-е. какъ ассонансовъ, аллитерацій, звукоподражаній, такъ особенно «звуконписи» или «словесной инструментовки», составляющей особое очарованіе средневѣковой лирики. Что касается *содержанія*, то здѣсь идеаломъ было: сохранить и въ стихотворной передачѣ подстрочную близость къ тексту, поскольку она допускается духомъ языка, сохранить всѣ образы подлинника и избѣгать всякихъ произвольныхъ добавленій.

Определенно отказались мы отъ воспроизведенія *различій въ языкѣ* разныхъ эпохъ и отдѣльныхъ поэтовъ. Стихи, собранные въ книгѣ, можно раздѣлить по языку на нѣсколько группъ. Небольшая часть (гимны Григорія Нарекскаго, Нерсеса Благодатнаго и др.) написаны на древнемъ классическомъ языкѣ (грапарь); произведенія среднихъ вѣковъ—на средневѣковомъ; народныя пѣсни и пѣсни ашуговъ—на различныхъ діалектахъ; стихи новыхъ поэтовъ—на двухъ, нѣсколько отличныхъ одинъ

отъ другого, нарѣчіяхъ ново-литературнаго языка, иногда съ преднамѣренной примѣсью мѣстныхъ говоровъ, и т. п. Всѣ наши переводы сдѣланы на одномъ современномъ литературномъ русскомъ языкѣ (въ томъ числѣ и переводы народныхъ пѣсенъ). Поступая такъ, мы имѣли въ виду соображеніе, что, въ концѣ концовъ, всѣ наши оригиналы также написаны на одномъ армянскомъ языкѣ, только въ разныхъ стадіяхъ и формахъ его развитія. Въ тѣ дни, когда писалъ тотъ или другой поэтъ, напр. данный лирикъ Средневѣковья,—къ языку, который онъ употреблялъ, его читатели относились совершенно такъ же, какъ относится теперь русскій читатель къ современному литературному языку. Что же касается діалектическихъ особенностей, вводимыхъ нѣкоторыми поэтами для приданія своимъ стихамъ «мѣстнаго оттѣнка» (*couleur locale*), то отъ ихъ передачи мы также отказались, по трудности отыскать въ русскомъ языкѣ соответствующіе эквиваленты.

Необходимо, однако, сдѣлать, ко всему сказанному о переводѣ, одну существенную оговорку. Въ виду того, что въ переводѣ участвовало значительное число лицъ, и среди нихъ—поэты, имѣющіе свою, рѣзко выраженную индивидуальность, между отдѣльными переводами оказались нѣкоторыя различія, не только въ исполненіи, но и въ самыхъ приѣмахъ работы. То, что говорилось выше о принципахъ стихотворнаго перевода, вполне приложимо лишь къ переводамъ, исполненнымъ самимъ редакторомъ или подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Грядъ лучшихъ русскихъ поэтовъ, которые оказали огромную услугу дѣлу, посвятивъ свое дарованіе переводу армянскихъ стиховъ, пользовался, само собой разумѣется, полной свободой въ своей работѣ. Такія имена, которыми подписаны многіе переводы, какъ, напр., К. Бальмонтъ, Вяч. Ивановъ, Ив. Бунинъ, Ф. Сологубъ, А. Блокъ (называемъ только нѣсколькими), служатъ достаточной порукой, что всѣ красоты, всѣ достоинства оригинала сохранены въ ихъ передачѣ. Но, въ цѣляхъ правильнаго отношенія къ предлагаемымъ образцамъ армянской поэзіи, должно отмѣтить, что приемы перевода *нѣкоторыхъ* изъ названныхъ поэтовъ, въ известной степени, отличались отъ приѣмовъ, положенныхъ въ основу другихъ (*значительнаго большинства*) переводовъ. Особенно приходится это отмѣтить по отношенію къ переводамъ К. Бальмонта и Вяч. Иванова. Впрочемъ, различіе это смягчается тѣмъ, что въ переводѣ Вяч. Иванова представлены,

преимущественно, произведения *одного поэта* (ряд лирических поэм Ов. Туманьяна).

Переводамъ предпосланъ (кромѣ даннаго «объясненія») *Вступительный очеркъ* редактора, дающій очеркъ исторіи армянской лирики. Задачей этой статьи было ознакомить читателей съ возникновеніемъ и эволюціей лирической поэзіи въ Арменіи, указать на взаимоотношенія отдѣльныхъ поэтовъ, дать краткія характеристики ихъ творчества, отмѣтить основныя теченія армянской поэзіи, особенно въ новое время, и, наконецъ, предложить ей общую историко-литературную оцѣнку. Статья строго замыкаетъ свои предѣлы именно исторіей *лирики*, и не только не рассматриваетъ хода всей армянской литературы, но и касается лишь попутно другихъ формъ поэзіи (напр., созданій драматическихъ, произведеній, написанныхъ прозой, а также всего, что новые поэты писали на классическомъ грапарѣ). Также лишь бѣгло говорится въ статьѣ объ обще-историческихъ условіяхъ, при которыхъ возникла и развивалась армянская лирика, причѣмъ авторъ отсылаетъ интересующихся къ другой своей статьѣ, посвященной исторіи Арменіи и изданной отдѣльно. Въ предлагаемомъ изданіи поэзія Арменіи должна говорить сама за себя, и авторъ Вступительнаго очерка счелъ себя обязаннымъ ограничиться лишь самымъ необходимымъ.

Такой же характеръ носятъ помѣщенные въ концѣ книги *Объяснительныя примѣчанія*, относящіяся: 1) къ каждому изъ семи подотдѣловъ; 2) къ отдѣльнымъ поэтамъ; 3) къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ. *Примѣчанія къ подотдѣламъ* содержатъ важнѣйшія свѣдѣнія общаго характера о данномъ родѣ поэзіи или данномъ литературномъ теченіи въ Арменіи, его возникновеніи, судьбѣ въ исторіи, оцѣнкѣ у критиковъ и историковъ и т. под. *Примѣчанія къ отдѣльнымъ поэтамъ* содержатъ біографическія свѣдѣнія объ нихъ, сжатую характеристику ихъ поэзіи, необходимую бібліографію ихъ сочиненій и переводовъ на русскій языкъ. *Примѣчанія къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ* содержатъ нужныя реальныя поясненія, касающіяся мало-извѣстныхъ обычаевъ, предметовъ обихода армянской жизни, и т. под., и перечень другихъ русскихъ переводовъ того же произведенія; иногда здѣсь же приводится другой переводъ того же стихотворенія, по разнымъ соображеніямъ не получившій мѣста въ самомъ текстѣ книги. Все изданіе заключается общей *Библіографіей*, дающей перечень русскихъ книгъ, которыя посвящены Поэзіи Арменіи.

III.

РАСПРЕДѢЛЕНИЕ РАБОТЪ.

Ради правильнаго распредѣленія отвѣтственности, редакция считаетъ нужнымъ указать, какъ была распредѣлена работа между сотрудниками книги.

Вопросъ съ изданіемъ сборника, посвященнаго армянской поэзіи въ русскомъ переводѣ, былъ принципиально рѣшенъ Московскимъ Армянскимъ Комитетомъ, подъ предсѣдательствомъ С. Г. Мамиконьяна, причѣмъ было постановлено организовать особую редакціонную комиссію и пригласить редактора сборника изъ среды русскихъ писателей.

Редакціонная комиссія работала въ составѣ: К. Б. Кусикьяна (скончался), Карзна Микаэляна, А. І. Цатуріана и П. Н. Макинціана; на послѣдняго редакціей былъ возложенъ выборъ произведеній поэзіи народной, средневѣковой и ашуговъ.

Выдающіяся услуги сборнику, по отдѣлу средневѣковой поэзіи, оказалъ своими обширными познаніями и постоянной готовностью давать всѣ необходимыя разъясненія—проф. К. Костаньянцъ, которому редакция считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ принести глубокую сердечную благодарность.

К. Костаньянцъ оказалъ также цѣнную услугу редакціи, способствуя ей въ полученіи необходимыхъ книгъ, какъ изъ его собственной бібліотеки, такъ и изъ бібліотеки Лазаревскаго Института. Редакция выражаетъ свою глубокую признательность также завѣдующему бібліотекъ Лазаревскаго Института,—проф. Атая.

Общую редакцію русскихъ переводовъ принялъ на себя В. Я. Брюсовъ, участвовавшій также и въ окончательномъ выборѣ произведеній, назначавшихся для перевода. Кромѣ того В. Я. Брюсову было предложено написать Вступительный очеркъ къ сборнику (историческій обзоръ армянской поэзіи).

Работа надъ стихотворнымъ переводомъ была распредѣлена слѣдующимъ образомъ: В. Я. Брюсовъ переводилъ преимущественно произведенія поэзіи народной, средневѣковой и ашуговъ, а также отдѣльныя произведенія новой поэзіи, въ томъ числѣ поэму А. Исаакіана «Абуль Ала Маари»; Вяч. И. Ивановъ переводилъ преимущественно лирическія поэмы Ов. Ту-

маньяна, въ томъ числѣ «Анушъ», «Голубиный скитъ», «Сердце дѣвы», затѣмъ отдѣльныя стихотворенія І. Иоаннисіана, Ов. Туманьяна и А. Исаакіана; К. Д. Бальмонтъ перевелъ стихи Ваана Тэріана и г-жи Сипиль, а также далъ разрѣшеніе перепечатать исполненные ими ранѣ переводы стиховъ І. Иоаннисіана и А. Цатуріана; Ѳедоръ Сологубъ перевелъ два стихотворенія Наапета Кучака; А. А. Блокъ перевелъ рядъ стихотвореній А. Исаакіана; Ю. К. Балтрушайтисъ—стихи А. Цатуріана и В. Тэкэяна; Ю. Н. Верховскій—стихи А. Цатуріана и І. Иоаннисіана; С. В. Шервинскій—стихи Д. Варужана и Сіаманто, а также Р. Патканьяна и др.; В. Ф. Ходасевичъ—сказку Ов. Туманьяна, стихи С. Шахъ-Азиза и др. Акад. И. А. Бунинъ и Ю. А. Веселовскій дали разрѣшеніе перепечатать исполненные ими ранѣ переводы, первый—стиховъ А. Исаакіана, второй—стиховъ Р. Патканьяна и С. Шахъ-Азиза. Другіе сотрудники сборника: Н. С. Ашукинъ, В. Я. Бакулинъ, С. П. Бобровъ, К. А. Большаковъ, Е. В. Выставкина, А. П. Глоба, К. А. Липскеровъ, В. В. Спасскій, Е. А. Сырейщикова, В. Г. Шершеневичъ и др.—переводили стихотворенія отдѣльныхъ поэтовъ, исключительно изъ эпохи новой литературы.

Рисунокъ для обложки,—воспроизведеніе армянской миниатюры изъ рукописи XI вѣка,—исполнилъ художникъ М. С. Сарьянъ; рисунокъ для фронтисписа,—по образцамъ древнихъ армянскихъ миниатюръ,—художникъ В. Я. Суреньянъ.

ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ

И ЕЯ ЕДИНСТВО НА ПРОТЯЖЕНІИ ВѢКОВЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ.

Вступительный очеркъ составленъ В. Я. Брюсовымъ.

ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ И ЕЯ ЕДИНСТВО НА ПРОТЯЖЕНИИ ВѢКОВЪ.

Историко-литературный очеркъ.

1.

Двѣ силы, два противоположныхъ начала, скрещиваясь, переплетаясь и сливаясь въ нѣчто новое, единое, направляли жизнь Арменіи и создавали характеръ ея народа на протяженіи тысячелѣтій: начало Запада и начало Востока, духъ Европы и духъ Азіи. Поставленная на рубежѣ двухъ міровъ, постоянно являвшаяся ареной для столкновенія народовъ, вовлекаемая ходомъ событій въ величайшіе историческіе перевороты, Арменія, самой судьбой, была предназначена—служить примирительницей двухъ различныхъ культуръ: той, на основѣ которой выросъ весь христіанскій Западъ, и той, которая въ наши дни представлена мусульманскимъ Востокомъ. «Арменія—авангардъ Европы въ Азіи», эта, давно предложенная, формула правильно опредѣляетъ положеніе армянскаго народа въ нашемъ мірѣ. Историческая миссія армянскаго народа, подсказанная всѣмъ ходомъ его развитія,—искать и обрѣсти синтезъ Востока и Запада. И это стремленіе всего полнѣе выразилось въ художественномъ творчествѣ Арменіи, въ ея литературѣ, въ ея поэзи.

Современная наука,¹ въ теоріи, выставленной и блиста-

¹ Здѣсь я могу дать только нѣсколько намековъ на историческія судьбы Арменіи. Болѣе подробно исторія армянскаго народа изложена мною въ отдельной брошюрѣ, являющейся какъ бы дополненіемъ къ настоящему очерку и изданной также Московскимъ Армянскимъ Комитетомъ: Валерій Брюсовъ «Очеркъ историческихъ судебъ армянскаго народа съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней», Мск. 1916.

тельно развиваемой акад. Н. Я. Марромъ, видитъ въ самомъ составѣ армянскаго народа два разнородныхъ элемента, западный и восточный. Происхождение армянскаго народа эта теорія связываетъ съ такъ называемымъ Киммерійскимъ движеніемъ VIII—VII в. до Р. X. Въ ту эпоху одно изъ фригійскихъ племенъ (слѣдовательно—индо-европейскаго корня), перебросившись, вмѣстѣ съ другими, изъ Фракіи въ Малую Азію, продвинулось на верховья рѣкъ Галиса и Евфрата и затѣмъ подчинило себѣ населеніе сосѣднихъ странъ, въ томъ числѣ Урарту и Наири, частью поработивъ, частью ассимилировавъ аборигеновъ (народъ *не* индо-европейскаго, по Н. Я. Марру, яфетидскаго корня). Изъ сліянія этихъ двухъ элементовъ: завоевателей фригійцевъ, индо-европейцевъ по происхожденію, и покоренныхъ урартійцевъ, яфетидовъ по происхожденію, и возникла армянская народность, сочетавшая въ себѣ, такимъ образомъ, чисто-восточный элементъ (урартійцы) съ элементомъ западнымъ (фригійцы). Это подтверждается филологическимъ анализомъ армянскаго языка, показаніями античныхъ историковъ, данными археологіи, этнографіи, географіи и, наконецъ, свидѣтельствомъ народныхъ армянскихъ преданій. Мы вправѣ поэтому разсматривать армянскій народъ, въ самомъ его существѣ, какъ западно-восточный, одновременно—и азіатскій и европейскій.

Вся исторія Армении могла только усилить это двуединство народнаго духа, такъ какъ армянскій народъ попеременно подвергался разнымъ влияніямъ, то со стороны своихъ восточныхъ, то—западныхъ сосѣдей. На зарѣ ея исторіи Армении суждено было испытать сильное воздѣйствіе персидскаго *иранизма*, такъ какъ она входила, какъ отдѣльная сатрапія, въ составъ державы древне-персовъ (съ VI по конецъ IV в. до Р. X.) Армянами управляли персидскіе сатрапы, армяне судились по персидскимъ законамъ и участвовали въ персидской арміи; въ народѣ получилъ широкое распространеніе персидскій языкъ и многіе чисто-персидскіе обычаи; наконецъ, въ значительной степени усвоили армяне и національную религію древне-персовъ. Персы—народъ аrio-европейскаго корня; ихъ языкъ принадлежитъ къ семьѣ арійскихъ языковъ. Но держава древне-персовъ была прямой наслѣдницей ассиро-вавилонской (семитической) имперіи. Персы испытали могучее давленіе той семитической культуры, которая сложилась, за нѣсколько тысячелѣтій до нашей эры, въ Передней Азіи, преимущественно въ бассейнахъ

Тигра и Евфрата, включивъ въ себя и элементы культуры Египта, съ которымъ ассиро-вавилоняне были въ постоянныхъ сношеніяхъ. Поддаваясь иранизаціи, армяне восприняли и извѣстную долю культурныхъ началъ Ассиро-Вавилоніи.

Періодъ персидскаго господства оставилъ глубокіе слѣды на всемъ характерѣ армянскаго народа, которые можно, въ слѣдующіе вѣка, слѣдить въ нравахъ, въ вѣрованіяхъ, въ государственномъ строѣ. Персидскій языкъ, напр., былъ настолько распространенъ въ Армении, что его знали даже женщины (свидѣтельство Ксенофонта), и несомнѣнно, что еще въ эту раннюю эпоху въ армянскій языкъ проникло множество иранскихъ корней. Армянскій пантеонъ почти совпадалъ съ иранскимъ, и Страбонъ писалъ, что «все святины персовъ чтутся также и армянами», на что указываютъ самыя имена армянскихъ боговъ: Арамазда, Анаитъ, Тиръ, Михра; были переняты армянами и идеи зороастризма. Дворъ армянскаго царя, съ его официальнымъ титуломъ «царь царей», до послѣднихъ временъ былъ сколкомъ съ роскоши персидскаго царскаго двора. Вообще влеченіе къ пышности, великолѣпію, торжественности было въ значительной степени, усвоено армянами подъ воздѣйствіемъ ихъ восточныхъ сосѣдей и, одно время, господъ.

Противовѣсомъ этому влиянію явилось могущественное влияніе *эллинизма*, который сталъ быстро распространяться на Востокъ послѣ походовъ Александра Великаго (ум. въ 323 г.), и возникновенія въ Азіи новыхъ полу-греческихъ государствъ. Македонское завоеваніе какъ бы распахнуло двери на Западъ для всей Передней Азіи, которая цѣлыя тысячелѣтія жила обособленной, замкнутой жизнью. Въ теченіе ближайшихъ трехъ столѣтій (съ конца IV до середины I в. до Р. X.) благотворный духъ Эллады, вѣя надъ Арменией, во многомъ видоизмѣнилъ идеи, міросозерцаніе и самый характеръ народа. Умирающая Греція передала, какъ многимъ другимъ странамъ, такъ и Армении, свои послѣдніе вѣдохи, оплодотворившіе всю европейскую культуру. Поддаваясь эллинизации, армяне тѣмъ самымъ становились причастны безсмертному источнику красоты и мысли, изъ котораго и понинѣ мы почерпаемъ наши лучшіе идеалы.

Результаты эллинизации уже опредѣленно сказались въ Армении къ эпохѣ Тиграна Великаго (95—56 г. до Р. X.) и его преемниковъ. По крайней мѣрѣ, высшіе классы армянскаго общества находились тогда подъ несомнѣннымъ греческимъ

вліяніємъ. Армянская архитектура того времени носила отпечатокъ эллинскаго художества; въ армянскихъ храмахъ появились статуи олимпійцевъ, отождествленныхъ съ національными божествами; образованные армяне понимали по-гречески, читали греческихъ писателей, интересовались греческимъ искусствомъ; существовало обыкновеніе—посылать юношей, чтобы закончить ихъ образованіе, въ Афины и другіе научные центры Эллады. Мы знаемъ, что ко двору армянскаго царя приглашались эллинскіе риторы, поэты, ученые, художники; что въ столицахъ Арменіи, въ придворномъ театрѣ, исполнялись пьесы великихъ трагиковъ Эллады; что сынъ Тиграна Великаго, царевичъ (впослѣдствіи—царь) Артаваздъ II, самъ писалъ драмы и стихотворенія на греческомъ языкѣ. Глубоко въ массу народа это эллинское вліяніе, повидимому, не проникало, но все же творческое воздѣйствіе его явно выразилось потомъ во всѣхъ проявленіяхъ духовной жизни Арменіи.

Попутно должно отмѣтить, что въ ту эпоху, когда случайности историческихъ судебъ вознесли, одно время, Арменію до высоты настоящей «имперіи», когда владѣнія армянскаго «царя царей» простерлись «отъ Куры до Иордана и отъ горъ Мидійскихъ до Киликійскаго Тавра»,—армянскій народъ принялъ въ себя новую волну восточной стихіи,—*самитической*. Тигранъ Великій и Артаваздъ II доходили въ своихъ завоеваніяхъ до предѣловъ Іудеи и нашли полезнымъ переселить въ свою страну значительное количество евреевъ (армянскіе историки увѣряютъ, что до 100.000 семействъ). Позднѣе нѣкоторыя знатнѣйшія армянскія фамиліи выводили свое происхожденіе именно отъ этихъ іудейскихъ выходцевъ и даже прямо отъ царя Давида Псалмопѣвца. Разумѣется, эта волна эмигрантовъ не могла имѣть существеннаго вліянія на составъ народа, но нѣкоторые слѣды въ его характерѣ оставить могла, какъ и вообще разныя другіе народности Малой Азіи, въ тѣ десятилѣтія, когда армянскіе цари-завоеватели совершали свои походы отъ Каспійскаго моря къ Средиземному и отъ береговъ Понта Эвксинскаго до глубинъ Месопотаміи, когда вновь смѣшивались племена, когда строились новые города (какъ великолѣпная столица Тиграна—Тигранакертъ) и заселялись выходцами съ разныхъ концовъ земли, и когда сокровища, въ томъ числѣ и художественныя, накопленныя вѣками, текли изъ завоеванныхъ странъ въ предѣлы своей властительницы—Арменіи.

Послѣ вступленія Рима въ число азіатскихъ державъ и послѣ распространенія по всему Востоку римскаго могущества, постепенно забираващаго подъ свою тяжелую руку царства и народы,—Арменія не могла не поддаться новой, сильной волнѣ западнаго вліянія, на этотъ разъ *романизаціи*. Римляне появились въ Азіи въ началѣ II в. до Р. Х. (189 г. битва при Магнесіи), но Арменія долго сопротивлялась римскому воздѣйствію: романизаціи противился эллинизмъ высшихъ классовъ общества и иранизмъ народныхъ массъ. Высшіе классы видѣли въ римлянахъ—варваровъ, поработителей Эллады; народъ тянулъ въ сторону сосѣдней, родственной по обычаямъ и по религии, Персіи, которая во многомъ была преемницей персидской державы. Въ теченіе трехъ столѣтій (отъ середины I в. Р. Х. и до середины III в. по Р. Х.) борьба между Западомъ и Востокомъ, въ Арменіи, воплощалась въ формѣ борьбы «партіи римской» и «партіи персеской». Потребовались цѣлыя вѣка, чтобы романизація достигла успѣховъ въ Арменіи, и нужны были коренные перевороты въ политическихъ отношеніяхъ, чтобы Арменія, уже въ III в. по Р. Х., тѣсно сблизилась съ Римомъ и стала его вѣрною союзницей.

Первоначальныя отношенія между Арменіей и Римомъ были враждебныя. Поступательное движеніе римлянъ на Востокъ грозило утратой самостоятельности всѣмъ мѣстнымъ государствамъ, что вызывало естественныя коалиціи азіатскихъ царствъ противъ Рима. Такой коалиціей были и союзы Тиграна Великаго съ Митридатомъ понтійскимъ (Эвпаторомъ) или Артавазда II съ царемъ персескимъ Ородомъ. И, въ общемъ, за всѣ три столѣтія, до возникновенія ново-персидской державы, армяне всегда оставались естественными врагами Рима, хотя не разъ, уступая угрозамъ силы, выступали, какъ союзники римлянъ. Римъ не былъ въ силахъ поработить Арменію; медали, выбитыя римлянами съ надписями: «Armenia devicta», «Armenia reserpta», «Armenia capta» и т. под., были лишь хвастовствомъ; вассалитетъ Арменіи, котораго добился Римъ, былъ (по признанію Моммсена) «лишень внутренняго содержанія»; попытка Траяна обратить Арменію въ римскую провинцію не удалась, не продержалась и года, и т. д. Но удары, которые Римъ наносилъ Арменіи: походы Суллы, Лукулла, Помпея, Антонія, Корбулона и др., обезсилили ее; римляне, дѣйствуя шагъ за шагомъ, принудили Арменію отка-

заться отъ всѣхъ своихъ завоеваній и постепенно замкнули ее въ ея естественныя границы, низвели съ высоты «имперіи» на степень національнаго царства, которое, позднѣе, уже не могло сопротивляться своимъ сильнымъ сосѣдямъ.

При всемъ томъ постоянныя сношенія съ Римомъ, то враждебныя, то дружественныя, неизбѣжно вводили въ Армению элементы романской культуры. Уже Тигранъ Великій вступилъ въ рядъ «друзей и союзниковъ римскаго народа» и сыну своему завѣщалъ союзъ съ Римомъ, какъ залогъ благополучія царства. Новыя войны съ римлянами привели въ Армению много военнопленныхъ-италійцевъ; за ними послѣдовали римскіе купцы. Антоній, со всей арміей, принужденъ былъ провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Армении (37 г. до Р. Х.); Августъ отправилъ въ Армению особое посольство, во главѣ съ Тиберіемъ Клавдіемъ, будущимъ принцемомъ (20 г. до Р. Х.); позднѣе съ посольствами являлись—Гай Цезарь, усыновленный Августомъ (1 или 2 г. по Р. Х.) и Германикъ (18 г. по Р. Х.). На армянскій престолъ стали всходить—возводимыя, разумѣется, проискамы Рима,—лица, получившія римское воспитаніе (Тигранъ V, Тигранъ VI и др.) Царь Тиридатъ (58—59 и 62—107 г. по Р. Х.), послѣ долгой (и, во многихъ отношеніяхъ, побѣдоносной) войны съ римлянами, согласился лично поѣхать въ Римъ и принять армянскую корону изъ рукъ Нерона. Съ Тиридатомъ ѣхало много знатныхъ армянъ; города, по пути, устраивали имъ торжественныя встрѣчи; въ Неаполѣ и въ Римѣ въ честь царя были даны пиры, праздники, представленія въ театрахъ, игры въ циркѣ. Уѣзжая обратно, Тиридатъ повезъ съ собой много италійскихъ художниковъ, мастеровъ, рабочихъ для восстановления разрушенныхъ, во время войны, городовъ и храмовъ.

Начиная со II в. по Р. Х., культурное вліяніе Рима начинаетъ явственно сказываться въ Армении. Это подтверждаютъ и данныя археологіи,—извѣстныя раскопки въ Гарни (древняя Гарнея), гдѣ найденъ храмъ, относящійся къ II—III в. и совпадающій съ формами римской архитектуры того времени. То же вліяніе отразилось въ нѣкоторыхъ деталяхъ другихъ археологическихъ находокъ. Надобно предположить, что распространялось среди армянъ также знаніе латинскаго языка и римской литературы. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что армянскіе юноши, для окончанія образованія, стали ѣздить въ Римъ, какъ раньше ѣздили въ Аены. Впрочемъ, армяне могли знакомиться съ ла-

тинскимъ языкомъ и на родинѣ, такъ какъ, въ теченіе всего II в., въ разныхъ армянскихъ городахъ стояли римскіе гарнизоны. Въ предѣлахъ древней Армении теперь находятъ не мало латинскихъ надписей; въ одной греческой надписи царя Тиридата (III в.) мѣсяць доименованъ латинскимъ названіемъ (февраль), и т. д.

Противовѣсомъ римскому вліянію служила въ Армении «пареская партія», вліяніе которой поддерживало въ народѣ вражду къ Риму, ко всему, идущему съ Запада. Парсеія, во многомъ, была близка Армении, такъ какъ сложилась при сходныхъ условіяхъ; между двумя народами, армянами и парсеями, существовали давнія связи родства, общности въ нравахъ, почти единства въ вѣрованіяхъ. Кромѣ того союзъ съ Парсеіей давалъ надежду на сохраненіе политической независимости, тогда какъ сближеніе съ Римомъ означало подчиненіе ему, переходъ въ состояніе вассальной зависимости (что римляне подчеркивали, требуя, чтобы армянскіе цари принимали корону изъ рукъ представителя Рима). Въ серединѣ I в. по Р. Х. парсеямъ удалось возвести на армянскій престолъ свою династію (къ ней принадлежалъ и Тиридатъ I, ѣздившій въ Римъ). Династія скоро націонализовалась, но осталась въ родственныхъ отношеніяхъ съ парескими царями, что тоже должно было способствовать жизненности, въ Армении, началъ, общихъ съ Парсеіей. Стоявшая не на высокой ступени культуры, Парсеія не могла вліять на Армению въ прямомъ смыслѣ слова, но союзъ и общеніе съ парсеями укрѣплялъ въ армянахъ традиціонныя, иранскіе элементы. Такимъ образомъ, въ Армении, которая одновременно и романизовалась и влеклась къ своему иранскому сосѣду, оба начала, Запада и Востока, развивались параллельно.

Ориентація Армении рѣзко измѣнилась, когда, послѣ паденія парескаго царства (около 226 г.), на его мѣстѣ возникла держава ново-персовъ. Сассаниды, занявъ престолъ парескихъ царей, опредѣленно порвали съ традиціями своихъ предшественниковъ. Полные мечтами о быломъ величіи персидской монархіи, новоперсы стали стремиться къ тому, чтобы возстановить въ своей землѣ древніе персидскіе обычаи, между прочимъ, и древній зароастризмъ, во всей первоначальной чистотѣ, и воздвигли гоненіе на все пареское. Естественно, что Сассаниды не могли не смотрѣть недружелюбно на Армению, гдѣ продолжала царить пареская династія, свергнутая ими въ Парсеи. Кромѣ того ново-

персы, съ самаго начала, выказали агрессивныя стремленія по отношенію ко всѣмъ сосѣднимъ землямъ,—какъ къ пограничнымъ провинціямъ Римской имперіи, такъ и къ Арменіи. Къ этому времени культурное вліяніе Рима въ Арменіи настолько окрѣпло, что сталъ возможенъ тѣснѣйшій союзъ армянъ съ римлянами противъ общаго врага. И въ теченіе слѣдующаго столѣтія во всѣхъ войнахъ, какія вела имперія противъ Персіи и которыя, въ сущности, были единой непрерывной войной (растянувшейся потомъ на рядъ вѣковъ), армяне всегда выступали на сторонѣ римлянъ, какъ ихъ вѣрные союзники.

Связь Арменіи съ Римомъ еще болѣе усилилась, когда армянскій царь Тиридатъ III Великій принялъ, со всѣмъ народомъ, крещеніе (295, 299 или 301 г.), и христіанство стало официальной религіей армянъ. Принявъ христіанство, которое глубоко проникло въ душу народа, армяне окончательно связали себя съ міромъ Запада, съ христіанскимъ міромъ Европы. Въ продолженіи всѣхъ слѣдующихъ вѣковъ они оставались вѣрны своей религіи и не поддались проповѣди ислама, который позднѣе властно подчинилъ себѣ большинство народовъ Передней Азіи. Христіанство вырыло непреодолимую пропасть между армянами и персами. Однако, прозелитизмъ новообращенныхъ и политическій союзъ съ Римомъ не означалъ для Арменіи полного разрыва съ Востокомъ. Восточныя начала поддерживались въ Арменіи этого времени воздѣйствіемъ христіанской Сиріи, откуда армяне и приняли новое ученіе. Сирійское вліяніе, позднѣе, явственно отразилось на первыхъ этапахъ армянской литературы и на памятникахъ древнѣйшаго церковнаго строительства въ Арменіи.

Какъ извѣстно, римляне весьма дурно отплатили армянамъ за ихъ вѣрность. Императоръ Іовіанъ, заключивъ съ Персіей позорный миръ, предоставилъ на разгромъ персамъ Арменію, и она не могла, конечно, сопротивляться державѣ, борьба съ которой оказалась не подъ силу и Риму. Позднѣе же (конецъ IV и начало V в.) римская имперія и персы прямо подѣлили между собою Арменію, такъ что, въ теченіе двухъ столѣтій (до начала VII в.), она оставалась разрѣзанной на двѣ части, византійскую и персидскую. Границы этихъ половинъ постепенно мѣнялись, такъ какъ завоеванія отдѣльныхъ византійскихъ императоровъ, Юстиніана, Маврикія, Ираклія и др., вырывали у персовъ отдѣльныя армянскія области, присо-

единяемая къ имперіи. Но общее положеніе дѣлъ оставалось неизмѣннымъ. Эти двѣ Арменіи стали какъ бы двумя очагами, въ которыхъ разгорались и крѣпли основныя начала армянской жизни: въ византійской—западныя, въ персидской—восточныя.

Византійскіе императоры сознательно стремились къ *романизации* (по терминамъ того времени, т.-е. эллинизации) своей части Арменіи: вводили въ ней обще-имперскую администрацію, объявляли государственнымъ языкомъ—греческій, способствовали распространенію греческой литературы, византійскаго искусства и т. д.; наконецъ принимали мѣры, вплоть до насильственныхъ, къ сближенію армянской церкви (весьма рано обособившейся) съ византійской. Въ персидской Арменіи, по мѣткому выраженію историка Елисея (Егише), «царство перешло къ нахарарамъ» т.-е. владѣтельнымъ князьямъ, которые собирали подати, выставляли въ персидскую армію опредѣленный контингентъ войска, но во внутреннихъ дѣлахъ распоряжались самостоятельно (что повело къ утверженію феодализма). Въ этой части Арменіи развивались начала національныя, *иранскія*, не говоря уже о томъ, что нѣкоторое вліяніе на жизнь народа не могли не получить и ставшіе владыками—персы (ирано-сасанидскія черты въ армянской архитектурѣ).

Успѣхи того и другого вліянія можно прослѣдить на рядѣ историческихъ фактовъ. Въ V в. возникла и стала быстро развиваться національная армянская литература, послѣ изобрѣтенія свв. Саакомъ и Месропомъ армянскаго алфавита. Первоначально, армянская литература опредѣленно подпала подъ сирійское вліяніе, и, какъ полагаютъ, первый переводъ книгъ Святого Писанія былъ сдѣланъ на армянскій языкъ съ сирійскаго (впослѣдствіи—исправленный по греческому тексту). Но съ VI в. въ армянской литературѣ проявляется, въ сильнѣйшей степени, вліяніе греческое. Армяне переводятъ на свой языкъ громадное количество греческихъ книгъ: сочиненія по философіи, богословію, риторикѣ, исторіи, грамматикѣ и по точнымъ наукамъ, какъ математика, астрономія, медицина, географія и т. под. Весь этотъ періодъ въ армянской литературѣ носить названіе эпохи эллинизмовъ. Своего расцвѣта движеніе достигаетъ въ VII в., когда даже самый армянскій языкъ приспособливается, въ книгахъ, къ формамъ греческаго языка, обогащаясь новыми реченіями, новыми оборотами рѣчи, новой разстановкой словъ, порой искусственной. У писателей—элли-

нистовъ замѣтно и желаніе воспринять лучшія стороны греческой литературы: пытливость мысли, аналитическое отношеніе къ трактуемому предмету, точность и ясность изложенія.

Параллельно этому, въ армянскомъ народѣ несомнѣнно существовала партія, тянувшая въ сторону сближенія съ персами. Представители ея вербовались преимущественно въ высшемъ слоѣ общества, особенно среди владѣтельныхъ князей, которымъ политическія отношенія къ Персіи давали различныя преимущества. Традиція (по новымъ изслѣдованіямъ—несправедливая) обвиняетъ, напр., въ симпатіяхъ къ персамъ Васака, бывшаго правителемъ персидской Арменіи въ эпоху возстанія 451 г. и отказавшагося примкнуть къ народному движенію. Во время войнъ Юстиніана, часть армянъ добровольно дѣйствовала на сторонѣ персовъ. Въ армянскихъ областяхъ, присоединенныхъ Юстиніаномъ къ имперіи, вспыхнуло возстаніе, имѣвшее цѣлью—вернуть эти области Персіи, и т. д. Эти факты и преданія, несмотря на рядъ открытыхъ выступленій (возстаній) противъ персидскаго гнета, какъ Вартана Великаго (451 г.), Ваана Мамиконида (484 г.), Варта (511 г.), другого Вартана (571 г.) и др., свидѣтельствуютъ о наличности среди армянъ партіи, которая чувствовала связь и сродство Арменіи съ Восточнымъ міромъ.

Арабское завоеваніе (середина VII в.) объединило всѣ армянскія области подъ властью халифата. Слѣдствіемъ этого была утрата Арменіей той связи съ Западомъ, которая поддерживалась черезъ Византію, и четыре столѣтія послѣ того армянская культура развивалась преимущественно подъ воздѣйствіями восточными. Непосредственное владычество арабовъ въ Арменіи продолжалось приблизительно два столѣтія (отъ 652 г. по 861 или 885 г.), но зависимость армянскихъ земель отъ халифата постепенно ослабѣвала (что показываетъ уменьшеніе дани, которой были обложены армяне: съ 13 милліоновъ диргемъ въ VIII в. на 8 милл., потомъ 4 милл. въ IX в. и менѣе 2 милл. въ X в.). Ослабленіе халифата повело къ тому, что армянскія феодальныя владѣнія постепенно превратились въ полунезависимыя армянскія «царства» и «княжества», изъ которыхъ самое значительное было царство Багратидовъ (съ 885 г.), со столицею въ Ани. Просуществовавшее также два вѣка (послѣдній Багратидъ, Гагикъ II, былъ убитъ въ 1079 г.), Багратидское царство развивалось въ обособленности отъ Западнаго міра, отъ новой Европы, въ которой скла-

дывалась тогда (IX—XI в.) своеобразная средневѣковая культура. Во всемъ Багратидскомъ періодѣ мы не находимъ значительныхъ слѣдовъ воздѣйствія Западной Европы и, напротивъ, видимъ не мало чертъ, проникшихъ съ мусульманскаго Востока. Правда, связь съ Византіей возстановилась, но она сама къ этому времени во многомъ поддалась восточнымъ влияніямъ.

Эти двѣ эпохи,—арабскаго владычества и царства Багратидовъ,—характеризуются рѣшительнымъ преобладаніемъ въ армянской жизни и въ армянскомъ искусствѣ восточныхъ, азіатскихъ началъ. Въ архитектурѣ византійскія формы, господство которыхъ относится къ VII—VIII в., понемногу уступаютъ влиянію арабскаго архитектурнаго стиля, который сначала подчинилъ себѣ свѣтскія постройки, а потомъ коснулся и храмовъ. Мусульманское влияніе сказывается и въ нѣкоторыхъ чертахъ армянской миниатюры. Въ литературѣ распадается школа эллинистовъ, и писатели начинаютъ искать своего собственнаго стиля. Возможно, что въ поэзію уже въ эту эпоху проникаютъ нѣкоторыя формы персидской и арабской лирики. Къ концу періода восточныя начала начинаютъ живо чувствоваться во всѣхъ сферахъ культурной жизни. Но Арменію ждалъ новый обновляющій притокъ идей съ Запада.

Багратидское царство и другія армянскія «царства» и «княжества» на Сѣверѣ распались и были поглощены Византіей (начало XI в.). Вскорѣ затѣмъ всѣ эти области были захвачены новыми завоевателями, тюрками-сельджуками (паденіе Ани 1071 г.). Однако, армянская самостоятельность не погибла подъ этими ударами. Она возродилась на Югѣ, въ Киликіи, гдѣ армянскими выходцами, во главѣ съ князьями Рубенидами, было основано Киликійское царство,—сначала маленькое баронство, потомъ обширное и значительное государство. Это Киликійское царство просуществовало три столѣтія (приблизительно съ 1080 г. по 1375 г.). Въ то же время, на Сѣверѣ, коренныя армянскія области также добились освобожденія отъ тюркскаго гнета, при содѣйствіи единовѣрной Грузіи (начало XII в.). Въ области Ани стали правителями, подъ грузинскимъ сюзеренитетомъ, князья Долгорукіе (Иванъ и Захарія и ихъ потомки); въ сосѣднихъ областяхъ—другіе армянскіе княжескіе дома. Эти полунезависимыя княжества (Долгорукихъ именовали тогда и «царями») продержались до походовъ Тамерлана (XIV в.) и завоеваній турокъ-османовъ (XV в.)

Въ Киликійскомъ царствѣ произошло сближеніе армянъ съ Западной Европой. На самой зарѣ его существованія киликійскіе армяне вступили въ сношенія съ крестоносцами, путь которыхъ лежалъ черезъ Киликію. Впослѣдствіи эти сношенія съ Европой не прерывались, но развивались шире. Рубениды, получившіе королевскій титулъ въ 1198 г. отъ папы и германо-римскаго императора, и ихъ преемники связали себя съ владѣтельными домами Запада длиннымъ рядомъ брачныхъ союзовъ. До насъ дошла разнообразѣйшая переписка королей Киликіи съ европейскими государями и папами (на латинскомъ языкѣ). Обширная торговля Киликіи привела въ нее выходцевъ со всѣхъ концовъ міра, и всѣ большіе города Европы имѣли въ киликійскихъ центрахъ свои колоніи и факторіи. Одинъ документъ, относящійся къ царствованію Левона V (середина XIV в.), перечисляетъ въ киликійской гавани суда изъ Генуи, Венеціи, Нима, Монпелье, Севильи, Брюгге, Лондона, Мессины, съ Майорки, съ Крита... Государственный строй Киликіи совпадалъ съ формами западнаго феодализма. Ученые Сиса (столицы Киликіи) именовали себя «докторами». Одинъ изъ киликійскихъ писателей, Нерсесъ Ламбронскій (XII в.), жаловался что «населеніе *заимствуетъ у франковъ любовь къ благамъ временнымъ, также какъ и много прекрасныхъ вещей*» и т. под.

Параллельно этому въ областяхъ древней Арменіи происходило дальнѣйшее объединеніе армянской культуры съ опредѣлявшейся культурой мусульманскаго Востока. Въ позднѣйшихъ строеніяхъ, обнаруженныхъ раскопками въ Ани, всего больше мотивовъ арабскаго зодчества. Остатки дворцовой обстановки и домашняго обихода свидѣтельствуютъ о развитіи чисто-«восточной» пышности. Хотя съ Киликіей сѣверная Арменія находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ, обособленное положеніе все же дѣлало ее естественнымъ членомъ восточной семьи государствъ. Культура новой Персіи и Грузіи должна была, въ этотъ періодъ, гораздо живѣе вліять на древнюю Арменію, нежели Западная Европа, вліяніе которой могло доходить лишь черезъ посредство Киликіи. Три столѣтія отдѣльнаго существованія Киликійскаго царства и царства Долгорукихъ завершили процессъ тысячелѣтій: западные и восточные элементы, въ разныхъ формахъ и проявленіяхъ, были восприняты армянскимъ народомъ. Историческія судьбы словно озаботились,

чтобы то и другое вліяніе имѣли свои преимущественныя эпохи и свои центры воспріятія.

Монгольское нашествіе и завоеваніе турокъ-османовъ положили конецъ самостоятельности Арменіи. Послѣ того три столѣтія (XVI, XVII и XVIII) всѣ армянскія области томилась подъ мусульманскимъ игомъ. Безпримѣрныя опустошенія во время походовъ Чингизъ-хана, Ленкимура (Тамерлана) и турокъ-османовъ, истребительная политика турецкихъ султановъ и персидскихъ шаховъ и кровавыя войны между Турціей и Персіей, ареной которыхъ большею частью была Арменія—надолго загасили свѣточъ армянской культурной жизни. Но 2-тысячелѣтняя культура, конечно, не могла погибнуть. Новыми ея носителями, положившими начало армянскаго возрожденія, явились армянскія колоніи, богато расцвѣтшія во всѣхъ большихъ центрахъ Европы, отчасти Америки и Азіи. Въ колоніяхъ были основаны, между прочимъ, первыя армянскія типографіи и зародилась новая армянская литература. По самому своему положенію армянскія колоніи въ Европѣ (въ Венеціи, Вѣнѣ, Амстердамѣ, Парижѣ и др. городахъ) способствовали проникновенію въ среду армянъ европейскихъ идей. Въ то же время въ самой Арменіи, силой вещей, въ массу порабошеннаго армянскаго народа просачивались обычаи, вѣрованія и уклады жизни мусульманскаго міра. Такимъ образомъ, и въ эти тягостныя вѣка работа тысячелѣтій продолжалась.

Съ начала XIX в. часть армянскихъ областей перешла подъ скипетръ Россіи. Этимъ для части армянъ была открыта возможность для мирнаго развитія народныхъ силъ и новой культурной жизни. Зародилась новая армянская литература и былъ выработанъ новый литературный языкъ, называемый *ашхарапаръ*—въ отличіе отъ древняго классическаго *гранара*. Однако, и въ этомъ возрожденіи сказалась вѣковая разъединенность армянъ: на Западѣ и на Востокѣ (въ Россіи) въ основу нсваго литературнаго языка были положены различныя нарѣчія: константинопольское—у западныхъ армянъ, араратское—у русскихъ. Сообразно съ этимъ ново-армянская литература пользуется двумя, нѣсколько отличающимися одно отъ другого, нарѣчіями. Помимо того и самое развитіе ново-армянской литературы шло въ двухъ теченіяхъ,—западномъ (въ Европѣ) и восточномъ (въ Россіи), что повело къ образованію двухъ основныхъ литературныхъ школъ, получившихъ названіе: *школы турецкихъ*

и *русскихъ армянъ*. Въ этомъ раздѣленіи можно видѣть послѣдній отголосокъ извѣчной борьбы въ Арменіи двухъ началъ,—Запада и Востока.

Вліяніе яфетидовъ и арійцевъ, Персіи и Эллады, Парсіи и Рима, Ново-Персіи и Византіи; арабы и царство Багратидовъ, Анійское княжество Долгорукихъ и Киликійское царство, Арменія подъ мусульманскимъ игомъ и армянскія колоніи въ Европѣ; школы турецкихъ и русскихъ армянъ въ новой литературѣ,—таковы, въ схематическомъ изображеніи, тѣ этапы, которые характеризуютъ взаимодействіе Востока и Запада, Азии и Европы въ Арменіи. Если исторической миссіей армянскаго народа должно признать исканія синтеза этихъ двухъ извѣчно противоборствующихъ началъ, то армянская литература должна отразить въ себѣ этапы этихъ исканій. И, прежде всего, отразить эту борьбу разнородныхъ элементовъ и первая попытка ихъ гармоническаго примиренія должна лирика, какъ голосъ народной души.

2.

Двуединство армянскаго народнаго характера даетъ ключъ къ армянской народной поэзіи.

Существуетъ армянская народная сказка, повидимому, весьма древняго происхожденія. Когда-то, — рассказываетъ сказка, — розу любила птичка *булбуль* и воспѣвала розу лучше всѣхъ другихъ птицъ; никакая птица не могла сравниться съ булбуломъ въ искусствѣ пѣсни. Но пришло такое время, что прилетѣла другая чужеземная птица, въ армянской сказкѣ: *іадонъ*, и этотъ іадонъ тоже полюбилъ розу и сталъ ее воспѣвать еще лучше, такъ что булбуль долженъ былъ улетѣть и его пѣсни забылись. *Булбуль* по-армянски значитъ—соловей: слово это заимствовано изъ персидскаго языка; но *іадонъ* тоже значитъ—соловей: это—искаженное греческое слово *αἰδών* (аидонъ, съ перестановкой двухъ первыхъ буквъ). Въ народной сказкѣ, слѣдовательно, символически изображена смѣна двухъ вліяній—персидскаго и эллинскаго, восточнаго и западнаго. Въ народной армянской пѣснѣ тѣ же вліянія сказались въ сочетаніи восточной яркости, пестроты съ западной сдержанностью, стройностью.

Опредѣлить время, когда возникли тѣ или другія пѣсни, большею частью, невозможно. Лишь нѣкоторыя удается при-

урочить къ извѣстной эпохѣ, или потому что онѣ дошли до насъ въ памятникахъ извѣстнаго времени (такъ, нѣсколько древнѣйшихъ народныхъ пѣсней сохранили намъ Моисей Хоренскій, Григорій Магистръ и др.), или потому, что пѣсня явно относится къ извѣстному историческому событію (такова пѣсня о плѣненіи короля Левона, новыя пѣсни о Зейтунскомъ возстаніи и т. под.) Самое содержаніе пѣсни и даже языкъ, на которомъ она сложена, не всегда даютъ точное указаніе на время ея возникновенія, потому что новыя поколѣнія нерѣдко приспособливали старую пѣсню къ своимъ воззрѣніямъ и къ своему говору (вставляли, напр., на мѣсто именъ языческихъ боговъ—имена Христа, Богоматери, Григорія Просвѣтителя, святыхъ и замѣняли обетшальныя слова и выраженія болѣе обычными въ данные годы). Поэтому народную пѣсню,—у армянъ, какъ у другихъ народовъ,—приходится разсматривать, какъ итогъ всей исторической жизни народа. Поколѣніе за поколѣніемъ, вѣкъ за вѣкомъ производили свою критическую работу: пѣсня, менѣе удовлетворявшая эстетическія требованія, забывалась; пѣсня, нравившаяся новому вѣку, какъ нравилась она отцамъ и дѣдамъ, укрѣпилась въ народной памяти. Такимъ «естественнымъ отборомъ» вырабатывался нѣкій канонъ, создавался особый ковчегъ пѣсней, гдѣ хранилось все, казавшееся народу особенно близкимъ, дорогимъ и нужнымъ. Уцѣлѣвшія на протяженіи вѣковъ народныя пѣсни—не свидѣтельства отдѣльныхъ увлеченій того или другаго періода, но общее выраженіе народнаго духа.

До сихъ поръ нѣтъ всеобъемлющаго собранія армянскихъ народныхъ пѣсней, какое успѣли, напр., составить (не говоря о первенствующихъ народахъ) латыши или финны. Условія исторической жизни всячески препятствовали собиранію матеріала; понынѣ армянскіе фольклористы продолжаютъ находить и записывать неизвѣстные еще образцы народнаго творчества (пишущій эти строки самъ былъ свидѣтелемъ такихъ записей въ Тифлисѣ, въ началѣ 1916 года). Но собраннаго, какъ въ научныхъ изданіяхъ (надъ чѣмъ въ послѣдніе годы особенно много потрудился проф. К. Костаньянцъ), такъ и въ популярныя «пѣсенникахъ» («ергаранъ» и «тагаранъ»), достаточно, чтобы дать понятіе объ особомъ, исключительномъ богатствѣ армянской народной лирики. «Въ каждомъ армянинѣ есть поэтъ», утверждаетъ старинная поговорка, и она оправдывается сборни-

ками армянскихъ пѣсень. Обладая обычными достоинствами народнаго творчества,—безыскусственностью, непосредственностью, мѣткостью эпитетовъ,—армянская пѣсня поражаетъ кромѣ того особой изысканностью словеснаго выраженія, несвойственной, напр., пѣснѣ славянской. Знакомая съ армянскими пѣснями, порой едва вѣришь, что это не тонко обдуманная созданія какого-нибудь позднѣйшаго поэта, искушеннаго въ стихотворной техникѣ, пока не узнаешь, что всѣ эти пѣсни понынѣ поетъ народъ на плоскогорьяхъ подъ Араратомъ, въ долинахъ Аракса, въ горныхъ деревняхъ древней Айастанъ и еще недавно, до послѣднихъ трагическихъ дней, пѣлъ на побережьяхъ Вана.

Въ армянской народной пѣснѣ нѣтъ суровости пѣсень скандинавскихъ, вскормленныхъ холоднымъ моремъ и свинцовымъ небомъ: въ ней дышитъ знойность Юга и роскошь Востока. Нѣтъ въ армянской пѣснѣ заурядности и наивности пѣсень русскихъ, сложенныхъ во дни младенчества нашего народа: въ ней чувствуется бѣлая зрѣлость народа, съ самой колыбели брошеннаго въ среду культурнѣйшихъ націй земли. Нѣтъ въ армянской пѣснѣ и грубости германскихъ пѣсень, часто отталкивающихъ своей цинической откровенностью; она заимствовала утонченность мысли и изысканность чувствованій у своихъ восточныхъ сосѣдей. Въ то же время армянской пѣснѣ чужда преувеличенная чувственность восточныхъ народныхъ пѣсень: арійская кровь и эллинская школа наложили спасительную узду на восточный разгулъ фантазіи. При всей своей страстности, армянская пѣсня—цѣломудренна; при всей пламенности,—сдержана въ выраженіяхъ. Это—поэзія, по-восточному цвѣтистая, по-западному мудрая, знающая скорбь безъ отчаянья, страсть безъ изступленія, восторгъ, чуждый безудержности: не пѣсня персидскаго гаремнаго владыки, но вздохъ влюбленнаго, поджидающаго свою милую на свиданіе; не призывъ Магомета—«ведите въ плѣнъ молодыхъ рабынь!»—но благословеніе матери сыну, идущему на правый бой; не покорный стонъ вдовы индуса передъ погребальнымъ костромъ, на которомъ ей предстоитъ обуглиться вмѣстѣ съ трупомъ, но полный христіанскаго смиренія плачъ жены на могилѣ любимаго мужа. А особое изящество формъ и оригинальность подхода къ каждому замыслу позволяетъ называть армянскую народную поэзію пѣснями народа-художника.

Народныя пѣсни, переведенныя въ этомъ сборникѣ, должны подтверждать сказанное выше, поскольку переводъ можетъ передать очарованіе народнаго творчества. Какъ ни накладываетъ властно національность свою печать на созданія поэта, все же въ «искусственной» поэзіи всѣхъ народовъ и эпохъ есть нѣчто общее, нѣкоторая всемірная художественная культура, что позволяетъ пересоздавать стихи на другомъ языкѣ. Въ народной пѣснѣ—все, начиная съ языка, своеобразно, единственно, неповторимо. Не довольно сохранить содержаніе, мысли, образы: при всей точности перевода можетъ отлетѣть что-то невыразимое, составляющее основную прелесть народной пѣсни. Все же можно обратить вниманіе читателей на такія вещи, какъ «Ноктюрнъ» (названіе, конечно, позднѣйшее, данное собирателями), очарованіе котораго въ той сдержанности, съ какой народный пѣвецъ передаетъ пламенную роскошь южной ночи;—на любовную пѣсню: «О, злая, съ черной красотой...», въ которой утонченность самаго построенія, особаго рефрена съ повтореніемъ только-что сказанныхъ словъ, сдѣлала бы честь любому мастеру стиха нашихъ дней;—на маленькую, записанную на берегу Вана, пѣсенку: «Ахъ, раствориться и стать водой...», гдѣ въ семи строкахъ цѣлое море нѣжности и гдѣ поражаетъ именно неожиданный подходъ къ столь, казалось бы, избитому сюжету. Далѣе нельзя не указать на своеобразіе «обрядовой» свадебной пѣсни, «Царю что дамъ я...», гдѣ пѣвецъ оставилъ себѣ въ каждомъ четверостишіи лишь по одному стиху (остальные—повторенія) и, при такомъ ограниченіи художественныхъ средствъ, достигаетъ величайшаго разнообразія;—на сходное построеніе пѣсни: «Вновь прилетѣли тѣ птицы...»;—на пѣсни колыбельныя и похоронныя;—на веснянки-«джанъ-гюлюмы»; и, наконецъ, на складъ, на манеру всѣхъ другихъ, представляющихъ такое разнообразіе замысловъ и напѣвовъ!

Лирика въ армянскомъ народномъ творествѣ господствуетъ, но только оригинальностью своихъ созданій. Рядомъ съ пѣснями армянскій народъ создалъ не мало стиховъ повѣствовательныхъ (историческихъ, на темы религіозныя и иныхъ) и сказокъ. Особый интересъ представляютъ они для этнографа, такъ какъ отражаютъ нравы, вѣрованія и народный духъ разныхъ эпохъ. Въ единую эпопею, подобную «Иліадѣ» и «Одиссеѣ» или «пѣснѣ о Нибелунгахъ», армянскія народныя поэмы не спаялись. Къ тому же древнѣйшія изъ нихъ, отрывки изъ кото-

рыхъ приводилъ Моисей Хоренскій, утеряны. Тѣ, которыя дошли до насъ, всё относятся уже къ эпохамъ послѣ принятія христіанства и притомъ, сравнительно, позднимъ. Наиболѣе популярна поэма о Давидѣ Сасунскомъ (Сасунское княжество процвѣтало одновременно съ Анійскимъ княжествомъ Долго-рукихъ, т.-е. въ XIII—XIV в.) Давидъ—олицетвореніе народныхъ идеаловъ, герой безмѣрно сильный, неустрашимо храбрый, глубоко цѣломудренный, непоколебимо честный, до конца правдивый. Но въ поэмѣ придана Давиду и комическая черта, отгѣняющая его благородство: наивная простота, въ которую переходитъ его прямодушіе и которая нерѣдко доводитъ героя до самыхъ опасныхъ положеній; кромѣ того Давидъ—косноязыченъ, способенъ увлекаться, порой совершаетъ явные промахи,—все это сообщаетъ образу жизненную правдивость. Рядомъ съ Давидомъ очертанъ въ поэмѣ рядъ другихъ лицъ, въ характеристикѣ которыхъ также соединены свѣтлыя и темныя черты, напр., дядя Давида—Ованъ; даже въ «злодѣѣ» поэмы, великанъ Мысрамеликъ, мелькаетъ кое-что привлекательное. Поэма живо изображаетъ бытъ своего времени, княжескія усобицы конца среднихъ вѣковъ и гнетъ надвигавшихся мусульманъ. Несомнѣнно, «Давидъ Сасунскій» созданъ не безъ сильнаго воздѣйствія персидскаго эпоса (образъ Рустема и др.), но армянскіе сказители внесли въ поэму и свои черты, напр., ослабили чрезмѣрности восточныхъ образовъ. Въ нашемъ сборникѣ, какъ образцы народнаго армянскаго эпоса, мы даемъ значительную часть поэмы «Давидъ Сасунскій» (вариантъ Манука Абегіана) и сказку о «Владыкѣ Асланѣ», въ которой чисто-восточный сюжетъ обработанъ въ христіанскомъ духѣ.

Народная поэзія была въ Арменіи, какъ мы видимъ то и у другихъ народовъ, поэзіей устной: ея созданія хранились въ памяти народа. Поэзія искусственная могла возникнуть только съ распространеніемъ письменности, которая въ Арменіи утвердилась сравнительно поздно. Традиція приписываетъ изобрѣтеніе армянской азбуки свв. Месропу и Сааку, въ V в. по Р. X. Существовала ли до той поры армянская письменность (которая могла пользоваться алфавитомъ греческимъ или сирійскимъ), вопросъ спорный; повидимому, существовала, но до насъ не дошло никакихъ, или почти никакихъ, ея слѣдовъ. Мы знаемъ, что древнѣйшіе армянскіе писатели пользовались иностранными языками, писали, или по-гречески, какъ старѣйшій изъ нихъ,

царь Артаваздъ II, и какъ нѣсколько позднѣйшихъ, чьи сочиненія дошли до насъ, Агаангель (Агатангехосъ, IV в.), Фавстъ Византійскій (Павстосъ Бюзандаци IV в.) и др., или по-сирійски какъ (можетъ быть) Зенобъ Глакъ (IV в.). Послѣ изобрѣтенія письменъ возникаетъ національная литература на родномъ языкѣ, но уже ея быстрый расцвѣтъ заставляеть предположить, что ей предшествовали созданія армянскихъ писателей не только на чужихъ языкахъ. Современная наука отказывается допустить, чтобы одинъ и тотъ же вѣкъ видѣлъ и самое рожденіе армянской письменности и ея богатое цвѣтеніе, выразившееся въ превосходномъ переводѣ Святого Писанія (который однимъ западнымъ критикомъ названъ «парицей переводовъ») и въ послѣдовавшемъ затѣмъ «золотомъ вѣкѣ» армянской литературы. Предполагають поэтому, что еще до изобрѣтенія письменъ существовали зачатки армянской письменной литературы, пользовавшейся или иностраннымъ, или своимъ, но несовершеннымъ алфавитомъ (на что есть намеки у различныхъ авторовъ той эпохи). Но вся эта древнѣйшая письменность погнбла, и для насъ армянская литература начинается не ранѣе, какъ съ V в. по Р. X.

Эпоха, въ которую армянская литература возникла, характеризуется въ Арменіи, какъ, впрочемъ, и въ большинствѣ другихъ странъ, преобладающимъ вліяніемъ идей христіанства. То было начало среднихъ вѣковъ, когда складывалось средневѣковое міросозерцаніе, полагавшее въ основу религиозное отношеніе къ міру и тотъ взглядъ, что этотъ міръ есть юдоль грѣха, скорби и скверны, а истинная жизнь начинается за гробомъ. Средневѣковое міросозерцаніе осуждало всё земныя радости и подлиннымъ благомъ считало лишь радости духовныя, прежде всего радости молитвы, богопознанія и, какъ ихъ увѣнчаніе, экстатическое сліяніе съ Божествомъ. Схоластика и мистика таковы два основныхъ начала всей духовной жизни средневѣковья, опредѣлившія пути науки и искусства. Поскольку духовная жизнь Арменіи двигалась въ направленіи духовной жизни Запада, постольку тѣ же начала предопредѣлили духъ ранней армянской литературы, въ которой властно выразился элементъ религиозный и которая ктому же была вовлечена въ догматическіе споры, свойственныя всему христіанскому Востоку. Благодѣтельнымъ противодействіемъ такому одностороннему направленію явилось вліяніе классической греческой литературы, которая съ того же V в. стала распространяться въ Арменіи

въ многочисленныхъ переводахъ, и въ VII в. вызвала появленіе «школы эллинистовъ». Этому эллинскому вліянію ранняя армянская литература обязана многими изъ своихъ лучшихъ созданий, особенно въ ряду историческихъ трудовъ, не исключая и книги Моисея Хоренскаго (на которомъ сказалось, между прочимъ, вліяніе Гомера).

Весьма вѣроятно, что оба указанныхъ вліянія отразились и въ ранней армянской поэзіи. На ряду съ религиозными гимнами, надо предполагать, писались въ Арменіи и стихи, образцами для которыхъ были греческія и латинскія антологіи или поэмы Гомера, Вергилія и александрійскихъ эпиковъ. До насъ, однако, дошла только одна струя этой ранней поэзіи: религиозная, и о существованіи второй мы должны лишь догадываться. Всѣ «свѣтскія» поэмы того времени (что таковыя были, намъ кажется несомнѣннымъ) утрачены; сохранились только «духовныя» благодаря тому, что извѣстная часть ихъ была принята для церковнаго употребленія. Именно церковь сберегла для будущихъ вѣковъ цѣлый многовѣковый періодъ армянской лирики, составивъ особый канонъ лучшихъ стихотвореній разныхъ авторовъ, и своимъ высшимъ авторитетомъ утвердивши за этими стихами право на всеобщее вниманіе. Сохранилось также и небольшое число стихотвореній внѣ этого канона, главнымъ образомъ потому, что авторами ихъ признавались тѣ же лица, которымъ были приписаны и гимны, одобренные церковью.

Сборникъ, въ которомъ дошли до насъ древнѣйшія религиозныя армянскія пѣсни, называется *Шараканъ*. Полагаютъ, что это слово—семитическаго происхожденія и вошло въ армянскій языкъ лишь къ XII в.; имъ означается «духовная пѣснь» и, въ смыслъ собственнаго имени, та книга, гдѣ эти пѣсни соединены. Редакція «Шаракана», извѣстная нынѣ, выработана, повидимому, лишь въ XIV в., но ей предшествовали болѣе раннія. Такъ есть извѣстія, что сборникъ духовныхъ пѣсень, прототипъ будущаго «Шаракана», былъ составленъ и одобренъ церковнымъ соборомъ еще въ VII в. Въ современномъ видѣ «Шараканъ» обнимаетъ религиозныя пѣсни, слагавшіяся на протяженіи 8 столѣтій, при чемъ традиція приписываетъ эти пѣсни двумъ группамъ поэтовъ: древнѣйшимъ, отъ V до VIII в., въ томъ числѣ—св. Месропу и Сааку (V в.), Иоанну Мандакуни (V в.), Моисею Хоренскому (V в., по новымъ изслѣдованіямъ жилъ гораздо позднѣе), католикусу Комиту (VII в.), Барсегу

Тчону (VII в.), Иоанну философу (VIII в.), и болѣе новымъ отъ XI до XIII в., въ томъ числѣ—Григорію Мартирофилю (XI в.), Нерсесу Благодатному (XII в.), Нерсесу Ламбронскому (XII в.), Иоанну Ерзынкайскому (XIII в.) и др., всего же 18 авторовъ. При всей научной спорности этихъ традиціонныхъ атрибуцій, несомнѣнно, что въ «Шараканѣ» имѣются наслоенія разныхъ эпохъ, и гимны, приписываемые древнѣйшимъ слагателямъ, отличаются отъ позднѣйшихъ, какъ по языку, такъ по общему складу. Въ болѣе древнихъ преобладаютъ стихи, впрочемъ не подчиненные опредѣленной метрикѣ; въ болѣе новыхъ—кадансированная проза, богатая различными звуковыми украшеніями (аллитераціями и т. п.).

Исслѣдователь (и переводчикъ на русскій языкъ) «Шаракана», Н. Эминъ, отмѣчаетъ, что въ болѣе древнихъ пѣсняхъ «читателя поражаютъ—простота формы, ясность содержанія, оригинальность образовъ и торжественность тона». Качествами этими особенно выдѣляются пѣсни, приписываемыя авторамъ V вѣка. Содержаніемъ такихъ раннихъ шаракановъ служатъ, по большей части, эпизоды изъ земной жизни Спасителя. Напомнивъ, въ краткихъ словахъ, то или иное евангельское событіе, поэты затѣмъ изливаютъ свои чувства въ смиренномъ, покаянномъ сокрушеніи о грѣхахъ или въ восторженномъ гимнѣ, славящемъ конечное торжество истины. Почти всѣ эти пѣсни очень кратки; ихъ образы заимствованы изъ Святого Писанія; поэтическое значеніе этихъ гимновъ—въ подлинномъ религиозномъ одушевленіи авторовъ. Въ нашемъ сборникѣ ранніе шараканы представлены нѣсколькими отрывками, приписываемыми св. Месропу и Иоанну I Мандакуни.

Пробѣлъ между ранними и позднѣйшими гимнотворцами заполняютъ стихотворенія, не включенныя въ «Шараканъ», но пользующіяся огромной популярностью среди армянъ,—Григорія Нарекскаго, автора X в. (951—1003 г.), жившаго въ царствѣ Багратидовъ. Григорій Нарекскій, сынъ выдающагося писателя Хосрова Андзевацийскаго, автора нѣсколькихъ богословскихъ трудовъ, и самъ замѣчательнѣйшій писатель всей своей эпохи, оставилъ рядъ сочиненій въ прозѣ: толкованія на библейскія книги, проповѣди и т. д. Но слава Григорія Нарекскаго основывается на сложенныхъ имъ духовныхъ пѣснопѣніяхъ, которыя справедливо называются «священными элегіями». До сихъ поръ молитвенникъ Григорія пользуется широкимъ распростра-

неніемъ въ армянскомъ народѣ, называясь просто «Нарекъ». Въ стихахъ Григорія Нарекскаго религиозное чувство соединяется съ истиннымъ поэтическимъ вдохновеніемъ, и многіе аллегорическіе гимны этого поэта остаются прекрасными, независимо отъ ихъ богословскаго толкованія. Притомъ Григорій Нарекскій довелъ до высокаго совершенства форму стиховъ, любовно культивируя «звукоспись» задолго до того, какъ она расцвѣла въ лирикѣ персидской и арабской. Въ этомъ отношеніи стихи Григорія Нарекскаго являются предвареніемъ «свѣтской» поэзіи средневѣковья. На современниковъ же Григорій Нарекскій оказалъ сильнѣйшее вліяніе, и позднѣйшіе поэты «Шаракана» несомнѣнно вышли изъ его школы. Въ нашемъ собраніи поэзіи Григорія Нарекскаго представлена двумя стихотвореніями.

Изъ позднѣйшихъ гимнотворцевъ «Шаракана» особенно выделяются три поэта: Нерсесь Благодатный († 1173 г.), Нерсесь Ламбронскій (1153—1198 г.) и Іоаннъ Ерзынкайскій (1250—1326 г.). Отъ Нерсеса Благодатнаго, кромѣ гимновъ, включенныхъ въ «Шараканъ», дошли до насъ и другія поэтическія созданія: элегіи, поэма на взятіе Эдессы, стихотворное переложеніе Евангелія, а также сочиненія прозаическія. Потомокъ Аршакидовъ, впоследствии католикосъ, Нерсесь Благодатный—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и плодovitѣйшихъ писателей Армении и имѣлъ огромное вліяніе на умы своего времени. Поэмы Нерсеса Благодатнаго всѣ проникнуты истиннымъ одушевленіемъ, мѣстами высоко трогательны и написаны съ исключительнымъ мастерствомъ, обличающимъ большаго художника, плѣннаго и техникой своего искусства. Есть у Нерсеса Благодатнаго стихотворенія, гдѣ каждый стихъ (точнѣе два стиха-полустихія) начинается, послѣдовательно, съ новой буквы алфавита. Такая стихотворная игра не мѣшаетъ свободѣ и чистотѣ вдохновенія поэта. Въ элегіи на взятіе Эдессы около 4.000 стиховъ написано на одну рѣму, но рассказъ остается живымъ и въ рѣчи поэта не чувствуется никакого затрудненія. Рассказываютъ, что многія стихотворенія Нерсеса Благодатнаго (получившаго свое прозвище столь же за кротость характера, какъ за «благодатное» изящество стиля)—импровизаціи, плоды безсонной ночи, когда поэтъ, въ порывѣ одушевленія, творилъ одновременно и текстъ и напѣвъ, слова и музыку. А. Чобаньянъ справедливо называетъ Нерсеса Благодатнаго «однимъ изъ величайшихъ поэтовъ церкви», и параллель его гимнамъ при-

ходится искать въ XIX в., у Вэрлена, въ его книгѣ «Sagesse». Въ нашемъ сборникѣ Нерсесь Благодатный представленъ переводомъ нѣсколькихъ лирическихъ гимновъ и отрывковъ изъ элегіи на взятіе Эдессы.

Нерсесь Ламбронскій, жившій въ Киликійскомъ царствѣ, былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей всей своей эпохи (XII в.). Онъ также оставилъ много сочиненій, о которыхъ современныя ему европейскія авторитеты отзывались съ величайшей похвалой. Греки и «франки» называли его «вторымъ апостоломъ Павломъ» и дивились его святости, мудрости и учености. Въ стихахъ Нерсеса Ламбронскаго меньше непосредственнаго вдохновенія и преобладаетъ рефлексія. То же надо сказать о стихахъ Ованнеса Ерзынкайскаго (иначе: Іоанна Плуза или изъ Дзордзора), отъ котораго, кромѣ гимновъ, сохранились еще стихи дидактическаго характера, «Хвала св. Григорію Просвѣтителю» и работы научныя: разсужденіе о движеніи небесныхъ тѣлъ, грамматическій комментарий и др. Іоаннъ Ерзынкайскій представленъ въ нашемъ сборникѣ отрывками дидактическаго содержанія.

Однако, всѣ эти поэты религиознаго направленія—только на половину поэты. Для нихъ поэзія важна и цѣнна не сама по себѣ, а по выражаемому въ стихахъ идеямъ; поэзія еще не цѣль, а средство. Иногда непосредственное дарованіе заставляетъ и гимнотворцевъ «Шаракана» какъ бы забывать о своихъ дидактическихъ задачахъ. У Григорія Нарекскаго, у Нерсеса Благодатнаго, кое-гдѣ и у другихъ, встрѣчаются строфы и цѣлыя стихотворенія, въ которыхъ поэтъ свободно изливаетъ свое чувство. Но почти всегда и такимъ созданіямъ поэты придаютъ аллегорическое толкованіе, хотя бы, чтобы ихъ слова понимались иносказательно. Таково, напр., стихотв. Григорія Нарекскаго объ «алмазной розѣ», въ которомъ мы видимъ только живую картину природы, но комментаторы признаютъ аллегорическое изображеніе Богоматери. Кромѣ того всѣ эти поэты ограничены въ выборѣ своихъ темъ, посвященныхъ исключительно или библейскимъ сюжетамъ или выраженію чувствъ благоговѣйныхъ. Ограниченъ и однообразенъ также выборъ образовъ, большею частью почерпаемыхъ изъ Святого Писанія. Современность этимъ поэтамъ какъ бы чужда: то, что они видѣли ежедневно, что непосредственно волновало ихъ и всѣхъ окружающихъ, проникало въ «духовныя пѣсни» лишь случайными

намекани. Религіозная поезія—еще не свободная поезія, такъ какъ поэту заранѣе указано, о чемъ и какъ онъ долженъ писать. Вполнѣ свободное художественное творчество въ армянской поезіи мы находимъ лишь въ созданіяхъ слѣдующаго періода,—въ средневѣковой лирикѣ (XIII—XVI в.)

3.

Средневѣковая армянская лирика создавалась и окрѣпла въ эпоху послѣ окончательной редакціи «Шаракана», въ темныя времена XIV вѣка. То была эпоха, когда, послѣ 2-тысячелѣтняго, болѣе или менѣе самостоятельнаго, существованія, армянскій народъ принужденъ былъ уступить натиску враговъ, надвигавшихся со всѣхъ сторонъ. Оба центра армянской культурной жизни гибли подъ ударами монголовъ. Киликійское царство было на краю паденія, и въ 1375 г. послѣдній король Киликійскаго царства, Левонъ VI, былъ захваченъ въ плѣнъ мусульманами. Оплотъ независимости армянскаго народа рушился: «окно въ Европу» было вновь наглухо заколочено. Въ то же время, на Сѣверѣ, какъ яростная буря, ломавшая все на своемъ пути, проходили полчища «железнаго хромца», Тамерлана, котораго армянскіе лѣтописцы именуютъ Ленктимуромъ. Вслѣдъ за ними должны были нахлынуть орды турокъ-османовъ. Ани былъ разрушенъ; города и селенія лежали въ развалинахъ; жители разбѣгались. Подступали вѣка тяжелаго порабоженія, тѣмъ болѣе тяжелаго, что господами на этотъ разъ являлись не утонченные, хотя бы и «сковарные», византійцы, не персы или арабы, народы, умѣвшіе цѣнить дары искусства и знанія, но дикіе турки, чуждые всему, кромѣ своего слѣплого фанатизма.

И странно! Именно въ эти вѣка въ армянской литературѣ начинается расцвѣтать изысканный цвѣтокъ чистой лирики. Эпоха была въ высшей степени неблагоприятна для всѣхъ вообще проявленій литературной дѣятельности. Въ то самое время, когда Западъ начиналъ дышать первыми вѣяніями обновляющаго Возрожденія, когда въ Европѣ мрачную схоластику прорывали первые лучи воскресающаго античнаго искусства и оживающей греко-римской науки, когда въ средневѣковомъ міросозерцаніи, превыше всего ставившее умерщвленіе плоти, проникало сіяніе эллинской жизнерадостности,—въ это самое

время Армения, силою вещей, была отброшена къ самымъ чернымъ днямъ эпохи переселенія народовъ, ко днямъ Аттилы и вандаловъ. Какъ въ самое раннее средневѣковье, въ Арменіи той поры, литературѣ и наукѣ приходилось ютиться и укрываться по уединеннымъ монастырямъ; совмѣстная литературная дѣятельность сдѣлалась почти невозможной; литературное общеніе крайне затруднительнымъ. Самое образованіе, которое, еще недавно, стояло такъ высоко въ академіяхъ Киликійскаго царства и въ школахъ царства Багратидовъ и князей Долгорукихъ,—было едва ли не уничтожено, такъ что писателямъ трудно было даже расчитывать найти читателей своимъ произведеніямъ. И, дѣйствительно, многія отрасли литературы склонили головы передъ такими неодолимыми препятствіями, подъ такими жестокими ударами. Крайне уменьшилась дѣятельность переводчиковъ; остановились научныя изысканія; исторія ограничивалась немногимъ, такъ сказать, только необходимыми сознаніями; даже литература церковно-догматическая значительно обдѣлѣла. И только для лирики наступила эпоха новаго расцвѣта, богатой и щедрой жатвы того, что было посѣяно предыдущими вѣками. И, конечно, именно этими долгими вѣками культурнаго развитія, напряженностью ихъ духовной жизни, объясняется этотъ блестящій расцвѣтъ самаго благороднаго, самаго утонченнаго, самаго хрупкаго изъ всѣхъ земныхъ искусствъ,—чистой субъективной лирики.

Лирика армянскаго средневѣковья есть высшее и наиболѣе самостоятельное созданіе армянскаго народа въ области поэтического творчества. Отъ европейской поезіи армянская средневѣковая лирика не стоитъ почти ни въ какой зависимости. Да и чтó могла дать лирическому творчеству западно-европейская поезія XIII—XIV в., еще только зарождавшаяся во всѣхъ странахъ, не исключая и передовой Италіи? Нѣсколько большому могла научить поезія такъ называемыхъ восточныхъ народовъ, арабовъ, персовъ, которые издавна культивировали чистую лирику. Указываютъ на различныя заимствованія армянскихъ поэтовъ у своихъ восточныхъ сосѣдей, особенно въ области формы. Такъ, напр., армянскіе средневѣковые поэты охотно строятъ цѣлое стихотвореніе на одной римѣ, какъ арабскіе; на всѣ лады воспѣваютъ розу и соловья, какъ персидскіе; пользуются характерными особенностями стихотворной формы «газели», и т. п. Однако, уже у поэтовъ предыдущаго

періода, у Григорія Нарекскаго, какъ у гимнотворцевъ «Шаракана», мы находимъ и изысканное построение строфы, и многократное повторение одной рѣмы, и особенно—глубокую игру внутренними созвучіями, ассонансами и аллитераціями, все то, что обычно считается заимствованиемъ. Съ другой стороны, армянскіе поэты безусловно внесли въ поэзію новый духъ, отличный отъ господствующаго духа характерно-«восточнаго» творчества: отвергли безудержную цвѣтистость, необузданное накопление красокъ и безграничное нагромождение образовъ, что составляетъ необходимое свойство восточной поэзіи. Вотъ почему, за послѣдніе годы, въ наукѣ выдвигается мнѣніе, что армянская поэзія гораздо менѣе подвергалась прямому влиянію Востока, нежели думали раньше, что весь культурный міръ Передней Азіи, въ томъ числѣ и армяне, совмѣстно работали надъ созданиемъ того стиля, который сталъ характернымъ, какъ для лирики арабовъ и персовъ, такъ и для поэзіи армянскаго Средневѣковья.

Но можно оставить въ сторонѣ эти нерѣшенные вопросы о степени влияния одной литературы на другую. Въ концѣ концовъ это не такъ важно, ибо никакое благодѣтельное «влияніе» не можетъ создать искусства тамъ, гдѣ нѣтъ его зерна. Какъ ни удобрять и ни поливать землю, на ней не всколосится нива, если въ почву не были брошены нужныя сѣмена. Вѣка культурной эволюціи бросили такія сѣмена въ душу армянскаго народа, и въ средніе вѣка этотъ сѣвъ всколосился, созрѣлъ и далъ плодъ въ десять разъ и сторицей. Сіяющая всѣми семью цвѣтами радуги, переливающаяся блескомъ всѣхъ драгоценныхъ каменьевъ, благоуханная, какъ полевые цвѣты, и какъ изнѣженные ароматы, то лепечущая, какъ лѣсной ручей, то рожущая, какъ горный потокъ, знающая усладительныя слова нѣжной любви и обжигающія рѣчи торжествующей страсти, всегда стройная, гармоничная, умѣющая подчинять части общему замыслу,—средневѣковая армянская лирика есть истинное торжество армянскаго духа во всемірной исторіи. Длинный рядъ поэтовъ, преемственно сохранявшихъ традиціи своихъ предшественниковъ, постепенно внесившихъ новые элементы въ содержаніе и неустанно совершенствовавшихъ технику, идетъ отъ XIII до XVI в.—эпохи высшаго расцвѣта средне-вѣковой лирики, которая затѣмъ частью замираетъ въ созданіяхъ XVII в., частью перерождается въ пѣсни ашуговъ.

Средневѣковая лирика тѣсно связана съ религиозной поэзіей предыдущаго періода и вырастаетъ изъ нея. На рубежѣ стоитъ творчество Іоанна Ерзынкайскаго, гимны котораго нашли себѣ мѣсто въ «Шараканѣ», а дидактическія стихотворенія уже характеризуютъ переходъ къ поэзіи свободной, въ которой поэтъ говоритъ обо всемъ, что непосредственно волнуетъ его въ современности. Но еще отчетливѣе сказывается это въ творествѣ поэта, жившаго одновременно съ Іоанномъ Ерзынкайскимъ (ум. въ 1326 г.) и извѣстнаго подъ псевдонимомъ Фрикъ (XIII—XIV в., ум., м. б., въ 1330 г.). Кто именно былъ Фрикъ, пока не выяснено. Есть мнѣніе, отождествляющее его со священникомъ по имени Хачатуръ Кечареци, который жилъ въ ту же эпоху и также писалъ стихи; нынѣ это мнѣніе оставлено. Съ именемъ Фрика дошелъ до насъ рядъ стихотвореній, которыя еще не всѣ изданы. Написаны они частью на классическомъ грапарѣ, частью—съ примѣсью формъ разговорнаго языка того времени. Последнее—употребленіе общепонятнаго языка, вмѣсто того, на который 8—9 столѣтій назадъ было переведено Святое Писаніе и который уже сталъ «мертвымъ» для новыхъ поколѣній,—составляетъ характерную черту отличія «средневѣковыхъ лириковъ» (терминъ, конечно, условный) отъ «религиозныхъ поэтовъ» предыдущаго періода.

Поэзія Фрика—еще дидактична, но уже смѣло подступаетъ къ самой жгучей современности. Подхватывая то течение поэзіи, которое отразилось въ «Элегіи на взятіе Эдессы» и въ историческихкихъ риемованныхъ хроникахъ, Фрикъ въ своихъ стихахъ говоритъ обо всемъ томъ, что видѣлъ своими глазами, какъ непосредственный наблюдатель, о событіяхъ своего вѣка, своего времени, своихъ дней. Во многихъ отношеніяхъ поэмы Фрика можно назвать сатирами въ лучшемъ смыслѣ слова: поэтъ съ горечью изображаетъ тѣ отрицательныя стороны жизни, какія подмѣтилъ (напр., въ приведенныхъ у насъ двухъ стихотвореніяхъ). Но Фрикъ и въ другомъ отношеніи порываетъ съ традиціями своихъ предшественниковъ. «Въ то время какъ большинство древнихъ армянскихъ писателей,—говоритъ А. Чобаніанъ,—приписывало, слѣдуя примѣру библейскихъ пророковъ, бѣдствія, постигавшія Армению, наказанію за ихъ грѣхи, Фрикъ возстаетъ противъ самого Господа Бога и жалуется на Его несправедливость по отношенію къ армянскому народу». Поэтъ какъ бы начинаетъ грозную тяжбу съ Создателемъ, обвиняя въ

неправедномъ судѣ и Его, и самую сущность вещей, Судьбу (стихотв. «Колесо Судьбы»). Духъ свободной критики впервые загорается въ этихъ стихахъ армянскаго вольнодумца XIV в., послѣ той догматической покорности волѣ Божіей, которой проникнуты стихи гимнотворцевъ «Шаракана».

Въ стихахъ Іоанна Ерзынкайскаго и Фрика армянская лирика освобождается отъ узъ церковности и библейскихъ образовъ. Оставалось сдѣлать одинъ шагъ, чтобы перейти къ чисто-субъективной лирикѣ. Этотъ шагъ и дѣлаетъ младшій современникъ Іоанна и Фрика,—Константинъ Ерзынкайскій (родившійся въ концѣ XIII и скончавшійся въ серединѣ XIV вѣка). О жизни его мы почти ничего не знаемъ, и изъ его произведеній дошли до насъ только стихи. Тѣмъ не менѣе въ исторіи армянской поэзіи Константинъ Ерзынкайскій долженъ занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Онъ, между прочимъ, рѣшительно отказался отъ классическаго грапара и сталъ писать на народномъ, живомъ языкѣ, который съ тѣхъ поръ сталъ общепринятымъ языкомъ лирики (такъ наз. «средній» или «средневѣковій» армянскій языкъ). Важнѣе, однако, то, что поэтъ заговорилъ не только на языкѣ жизни, но и о самой жизни, ближе, интимнѣе, нежели Фрикъ. Не поучать, не упрекать, не выставлять неправду въ сатиру хотѣлъ Константинъ Ерзынкайскій, но—излить въ стихахъ свою душу, съ ея радостями и печалями. Среди армянскихъ средневѣковыхъ лириковъ Константинъ Ерзынкайскій былъ и первымъ, кто коснулся мотивовъ любви, ставшихъ затѣмъ одной изъ господствующихъ темъ армянской поэзіи.

Въ нашемъ сборникѣ приведена поэма Константина Ерзынкайскаго, озаглавленная «Весна». Несмотря на упоминаніе въ первой строфѣ о благодати Всевышняго, вся эта поэма исполнена духомъ почти языческимъ, дышитъ необузданнымъ веселіемъ бытія. Аскетическій идеалъ Средневѣковья, взгляды на эту земную жизнь, какъ на юдоль скорби, увѣренность, что радости жизни—скверна и грѣхъ, остались гдѣ-то далеко позади. По силѣ, по энергіи стиха и языка, поэма сдѣлала бы честь любой литературѣ Западной Европы того вѣка, и Европѣ даже нечего ей противопоставить. А по духу, проникающему поэму, она, всѣми своими частями, принадлежитъ великому вѣянію Возрожденія, которое тогда едва занималось надъ передовыми странами Запада, и невѣдомыми путями было занесено въ далекія горы Арменіи. Поэтъ радъ веснѣ, счастливъ ею, и не боится,

не стыдится выразить въ стихахъ эту свою радость, это свое счастье. «Поэзія Константина Ерзынкайскаго,—справедливо говорить А. Чобаніанъ,—не созданіе богослова, ученаго и сухого, но плодъ вдохновенія, непосредственнаго порыва».

По путямъ, проложеннымъ Іоанномъ Ерзынкайскимъ, Фрикомъ и Константиномъ Ерзынкайскимъ, пошелъ цѣлый рядъ поэтовъ слѣдующихъ поколѣній,—XIV, XV, XVI в.: Аракель Багешскій, Мкртичъ Нагашъ, Кэроба, Ованнесь (Ерзынкайскій), Ованнесь Тылкураискій, Саркавагъ Бердакскій, Григорій Ахтамарскій, Газарось (Лазарь) Севастійскій, Нерсесь архимандритъ и др. Поэзія ихъ только за послѣдніе годы обратила на себя вниманіе изслѣдователей, такъ что созданія средневѣковой армянской лирики еще далеко не всѣ изданы, собраны и изучены. Разумѣется, не всѣ названные поэты обладали равнымъ поэтическимъ дарованіемъ: однихъ должно поставить выше, другимъ отвести болѣе скромное мѣсто. Но вся эта поэзія объединена тѣмъ же духомъ, сходной техникой стиха, одинаковыми или похожими формами, въ которыя выливалось творчество поэтовъ. Въ то же время въ ней нельзя не отмѣтить опредѣленнаго поступательнаго движенія, развитія, которое вело къ совершенствованію техники и къ углубленію темъ. Зерна, брошенныя зачинателями средневѣковой лирики, всѣ принялись и дали ростки. Заимствуя у своихъ сосѣдей, персовъ и арабовъ, нѣкоторыя темы и нѣкоторые приемы ихъ разработки, армянскіе поэты шли своей дорогой, продолжая дѣло двухъ Ерзынкайскихъ пѣвцовъ и, частью, желчнаго Фрика.

Опредѣленно «восточный» колоритъ имѣетъ поэма Аракела Багешскаго (поэтъ послѣднихъ десятилѣтій XIV в.), который изложилъ стихами діалогъ между розой и соловьемъ. Очень возможно, что Аракель Багешскій былъ не первый среди армянскихъ поэтовъ, избравшій такую тему, позднѣе же цѣлый рядъ лириковъ варіировалъ ее то ради красочности самыхъ сопоставленій, то влагая въ слова діалога аллегорическое содержаніе. Одна изъ извѣстнѣйшихъ поэмъ такого рода принадлежитъ Григорію Ахтамарскому, поэту уже XVI в. Историки литературы давно отмѣтили, что образъ соловья, влюбленнаго въ розу,—«испоконвѣченъ» въ восточной поэзіи. Мы его находимъ особенно часто у персидскихъ лириковъ. Джелаледдина (XIII в.), Саади (XIII в.), Гафиза (XIV в.) и мн. др., также у арабскихъ и турецкихъ (позднѣе). Подражалъ ли Аракельъ

Багешскій какому-либо опредѣленному образцу или воспользовался популярнымъ сюжетомъ, какъ общимъ достояніемъ (какъ имъ воспользовался, напр., въ русской поэзіи, въ XIX в., А. Фетъ въ діалогѣ «Соловей и Роза»), пока не выяснено. Несомнѣнно, однако, что армянскій поэтъ внесъ въ поэму и свое, хотя бы въ заключительныхъ строфахъ, гдѣ истолковываетъ діалогъ аллегорически: соловей это—архангелъ Гавриилъ, роза—Богоматерь, царь—Христосъ. Но и помимо этого внѣшняго добавленія, въ армянской поэміи есть особая сдержанность, которой чуждались чисто-«восточные» поэты. Въ нашемъ сборникѣ стихотвореніе Аракела Бакешскаго дано въ отрывкахъ.

Иной характеръ имѣетъ лирика Мкртича Нагаша, — поэта слѣдующаго поколѣнія. Мкртичъ Нагашъ родился, вѣроятно, въ самомъ концѣ XIV в., т.-е. на столѣтіе позже Ерзынкайскихъ пѣвцовъ и Фрика и на нѣсколько десятилѣтій позже Аракела Багешскаго. Достоверно извѣстно, что Мкртичъ Нагашъ былъ посвященъ въ епископы, въ Сисѣ, въ 1430 г.; смерть поэта относятъ, предположительно, къ 1470 г. Извѣстенъ Мкртичъ Нагашъ также какъ художникъ (самое его имя, Нагашъ, поперсидски, значить «живописецъ»), его кисти приписывается много миниатюръ въ рукописяхъ того времени, и онъ считается основателемъ особой школы въ миниатюрной живописи. Эпоха, когда жилъ Мкртичъ Нагашъ, была изъ числа самыхъ тяжелыхъ: онъ пережилъ эпидемію моровой язвы, опустошившую Арменію, и не менѣе губительное нашествіе Джоханъ-хана. Въ этихъ событіяхъ поэтъ-епископъ принималъ близкое участіе, всячески стараясь облегчать бѣдствія населенія: посѣщалъ больныхъ, выкупалъ плѣнныхъ и т. п. Но, исполняя свой долгъ епископа, находилъ время и для занятій искусствомъ.

Поэзія Мкртича Нагаша во многомъ подхватываетъ мотивы Фрика. Но за сто лѣтъ, прошедшихъ съ его дней, отношеніе всей Арменіи къ переживаемымъ ударамъ измѣнилось: при Фрикѣ еще была жива память о самостоятельности предшествовавшихъ вѣковъ; при Мкртичѣ Нагашѣ—мусульманское иго уже стало вѣковой традиціей, рана оскорбленнаго національнаго самолюбія, конечно, не зажила, но временно затянулась. Поэтому не только личными особенностями двухъ поэтовъ надо объяснять различіе ихъ поэзіи. Мкртичъ Нагашъ, и въ своей общественной дѣятельности выдѣлявшійся добротой, кротостью, готовностью помогать несчастнымъ, перенесъ и въ поэзію мяг-

кость своей души. Развивая темы Фрика, онъ не возобновляетъ его дерзостнаго спора съ Творцомъ, но съ тихой грустью призываетъ покориться Неизбѣжному. Поэмы Мкртича Нагаша менѣе блестящія, менѣе разнообразныя, нежели стихи нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ Средневѣковья, всѣ проникнуты глубокимъ чувствомъ, и его религиозность выражается интимнѣе, нежели у первыхъ гимнотворцевъ, и въ образахъ болѣе реалистическихъ. Въ этомъ—и значеніе лирики Мкртича Нагаша, какъ новаго этапа въ развитіи армянской поэзіи. Въ нашемъ сборникѣ дано одно изъ характернѣйшихъ стихотвореній Мкртича Нагаша—«Суета міра».

Мотивы страстной любви, впервые затронутые въ лирикѣ Константиномъ Ерзынкайскимъ, были подхвачены въ XV в. цѣлымъ рядомъ поэтовъ. Эта вѣчная тема поэзіи, быть можетъ, всего болѣе отвѣчаетъ самой сущности лирики, искусства, запечатлѣвающаго переживанія личныя, субъективныя, а что сильнѣе волнуетъ душу, нежели любовь? Расцвѣтъ лирики всегда совпадаетъ съ культомъ поэзіи любви; такъ было и въ Арменіи. Наиболѣе яркіе стихи на эту вѣчную тему, въ XV в., писались двумя поэтами, которые оба носили имя Іоанна,—одинъ—Ованнесь Тылкуранскій, другой—просто Ованнесь, или Оаннесь (можетъ быть, также изъ Ерзынкайскихъ монастырей). Ованнесь Тылкуранскій жилъ во второй половинѣ XV в. и былъ уже въ преклонныхъ годахъ католикосомъ въ Сисѣ, отъ 1489 по 1525 г. Кромѣ любовныхъ пѣсенъ отъ Ованнеса сохранились стихи дидактическаго характера, поученія о страхѣ смерти, о вредѣ вина, о ложныхъ друзьяхъ и т. п. Извѣстно, что еще при жизни Ованнесь Тылкуранскій пользовался, какъ поэтъ, высокимъ уваженіемъ современниковъ. Мы даемъ одну изъ его пѣсенъ любви, въ которой лишь послѣдняя строфа обличаетъ въ авторѣ его духовный санъ.

Дата жизни другаго Ованнеса неизвѣстна: вѣроятно, онъ жилъ также въ XV в., если не въ концѣ XIV в. Дошло до насъ лишь одно стихотвореніе Ованнеса, но этого достаточно, чтобы сохранить за поэтомъ самостоятельное мѣсто въ исторіи лирики. Въ Ованнесь нѣтъ мудрой разсудительности Нагаша: онъ весь—порывъ, страсть, пламя. Но стихотвореніе Ованнеса вскрываетъ такія глубины чувства, которыя стали широко доступны поэзіи лишь въ нашъ вѣкъ. Смѣло можно сказать, что этотъ, мало кому извѣстный, Ованнесь, быть мо-

жетъ, простой монахъ, затерянный въ армянскомъ (думаютъ: Ервнкайскомъ) монастырѣ XIV или XV в., писавшій почти безъ надежды на читателя,—въ выраженіи своего чувства во многомъ опередилъ всю современную ему поэзію на 2 или 3 вѣка. Такихъ криковъ подлинной страсти нѣтъ ни въ сонетахъ Петрарки, жившаго на столѣтіе раньше, ни въ любовныхъ пѣсенкахъ Ронсара, писавшаго вѣроятно, на столѣтіе позже. Стихотвореніе Ованнеса (повторяемъ, единственное сохранившееся, воспроизведенное у насъ) заканчивается примирительнымъ аккордомъ. Но не это важно: важно, что поэтъ нашель такія признанія («О, сердце ты мое сожгла»... и т. д.), которыя вполнѣ понятны стали лишь въ наши дни, послѣ того, какъ дали свои откровения и Альфредъ де Мюссе, и Гейне, и Бодлеръ...

Высшаго своего расцвѣта средневѣковая лирика достигла въ XVI вѣкѣ, въ которомъ ея наиболѣе характернымъ представителемъ явился Григорій Ахтамарскій. Полагаютъ, что онъ родился на островѣ Ахтамарѣ, на Ванскомъ озерѣ, повидимому, въ самомъ концѣ XV в., былъ членомъ мѣстной духовной общины и позднѣе сталъ Ахтамарскимъ католикомъ. Поэтъ самъ указываетъ, что одно изъ его стихотвореній написано въ 1515 г.; съ другой стороны онъ былъ современникомъ католика всѣхъ армянъ Михаила I (1547—1574 гг.): такимъ образомъ жизнь Григорія Ахтамарскаго падаетъ, приблизительно, на годы 1500—1575. Извѣстно, что положеніе армянскаго народа въ эту эпоху не только не улучшилось, сравнительно съ предшествующими, но, если то возможно, стало еще болѣе невыносимымъ. Посольства армянъ къ государямъ Европы, въ частности въ Венецію, къ папѣ, къ императору Германіи (1547—1550 гг.), не имѣли существеннаго успѣха, а, напротивъ, вызвали озлобленіе въ мусульманахъ. Персы жестоко опустошали армянскія области, а турецкія войска, выступившія противъ персовъ, продолжали эти опустошенія. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ этихъ бѣдствіяхъ могло служить лишь зарожденіе въ европейскихъ армянскихъ колоніяхъ первыхъ культурныхъ начинаній: въ 1512 г. была напечатана первая книга на армянскомъ языкѣ; въ серединѣ вѣка, подъ руководствомъ католика Михаила, основана первая армянская типографія, въ Венеціи, перенесенная затѣмъ въ Константинополь. То были первые, слабые ростки грядущаго обновленія.

При такихъ тягостныхъ обстоятельствахъ мѣстной жизни

долженъ былъ дѣйствовать и творить Григорій Ахтамарскій. Мы ничего не знаемъ о другихъ его литературныхъ трудахъ, кромѣ стиховъ, но сохранившіяся его поэмы (общимъ счетомъ около 20) показываютъ въ немъ, кромѣ всплешекъ поэтическаго гонія, незаурядное литературное дарованіе. Поэмы Григорія Ахтамарскаго всегда глубоко задуманы и, по общей концепціи, по стройности выполненія, принадлежать къ числу замѣчательнѣйшихъ въ средневѣковой лирикѣ. Однако, эта стройность плана и затѣмъ—христіанскія идеи, вплетаемая поэтомъ въ стихи, это все, что взялъ отъ Запада поэтъ, всю жизнь проведенный въ глубинѣ армянскаго монастыря. Образы, сравненія, весь духъ поэзіи у Григорія Ахтамарскаго—вполнѣ восточные. Восточнымъ колоритомъ окрашена его «Пѣсня объ одномъ епископѣ» (которую мы даемъ въ выдержкахъ, согласно съ переводомъ К. Костаньянца), вариантъ жалобъ Фрика на несправедливость судьбы. Еще болѣе «восточнымъ» характеромъ отличается «Пѣсня» (также переведенная нами), въ которой поэтъ, прославляя свою милую, подыскиваетъ десятки яркихъ уподобленій, сравнивая ее съ солнцемъ, луной, утренней звѣздой, съ драгоценными камнями, съ благоухающими деревьями, съ блистающими цвѣтами, со всѣмъ, что прекрасно въ мірѣ. Эта пышная поэма, насыщенная напряженностью страсти, по-восточному цвѣтиста и сама похожа на горсть самоцвѣтныхъ камней, отливающихъ всѣми цвѣтами радуги. Духомъ восточной поэзіи проникнуто и третье стихотвореніе Григорія Ахтамарскаго, включенное въ наше собраніе,—«Пѣсня о розѣ и соловьѣ».

Къ XVI в., вѣроятно, относится и поэзія Наапета Кучака. Теперь установлено, что онъ не имѣетъ ничего общаго, кромѣ имени, съ тѣмъ поэтомъ Кучакомъ, который жилъ въ началѣ XVI в. въ области Вана; Наапеть Кучакъ, повидимому, былъ родомъ изъ окрестностей Акина (Эгины), такъ какъ стихи его, по языку, по складу, по отдѣльнымъ выраженіямъ близко напоминаютъ мѣстныя народныя пѣсни. Но кто бы ни былъ историческій Наапеть Кучакъ и на какіе бы годы, точно, ни падала его жизнь (во всякомъ случаѣ, онъ жилъ въ концѣ Средневѣковья),—стихи его остаются прекраснѣйшими жемчужинами армянской поэзіи. Среди всѣхъ средневѣковыхъ лириковъ Кучакъ выдѣляется непосредственностью и безыскусственностью своихъ вдохновеній. Это, между прочимъ, даже подало поводъ

къ мнѣнію, что Кучакъ былъ только собирателемъ народныхъ пѣсенъ, тѣмъ болѣе, что въ его стихахъ встрѣчаются мотивы и цѣлые стихи, безспорно принадлежащіе народной поэзіи. Такое мнѣніе опровергается, однако, явнымъ оттѣнкомъ нѣкоторой книжности (не въ дурномъ смыслѣ слова), лежащемъ на другихъ стихахъ Кучака: онъ могъ пользоваться народными пѣснями, какъ матеріаломъ, но много обрабатывалъ самостоятельно и своеобразно.

Литературное наслѣдіе Наапета Кучака, сравнительно, богато. До насъ дошли отъ него: гномическіе отрывки, обычно—четверостишія, пѣсни любовныя и рядъ трогательныхъ пѣсенъ изгнанника. Гномы Кучака представляютъ характерные образцы восточной мудрости. Большею частью, это—тѣ же мысли, воплощенные въ сходные символы, какіе находимъ мы въ поучительныхъ стихотвореніяхъ персидскихъ поэтовъ: о непрочности житейскихъ благъ, о гибельности лжи, о предпочтительности молчанія и т. п.,—но все это овѣяно христіанскимъ отношеніемъ къ міру. Нѣсколько гномическихъ четверостишіи Кучака приведено въ нашемъ сборникѣ. Представлены въ немъ и пѣсни изгнанника Кучака,—въ популярномъ стихотвореніи о журавлѣ («Крункъ»),—впрочемъ, принадлежность этого стихотворенія Кучаку оспаривается). Однако, самое драгоценное среди созданій Кучака—его любовная лирика. Его стихи о любви всѣ очень невелики по размѣрамъ, часто вложены въ форму четверостишія, этого «сонета Востока», какъ давно было сказано. Чисто восточнымъ колоритомъ отмѣчены и образы Кучака,—яркіе, блистательные, порой преувеличенные и неожиданные. Въ стихахъ чувство страсти преобладаетъ надъ чувствомъ духовной любви,—тоже черта, роднящая Кучака съ восточной поэзіей. Но его сила и его очарованіе—въ глубокой искренности его стиховъ. Это не искусственныя разсужденія на избранную тему, не теоретическое или аллегорическое воспѣваніе нѣкоей «милой», которой, можетъ быть, и не существуетъ въ мірѣ. Нѣтъ, стихи Кучака—свободныя изліянія души, признанія въ томъ, что поэтъ дѣйствительно извѣдалъ, записанныя по мѣрѣ того, какъ ихъ подсказывала самая жизнь.

А. Чобаньянъ, у котораго мы заимствуемъ нѣкоторыя черты этой характеристики, проводитъ параллель между поэзіей Кучака и стихами наиболѣе прославленныхъ поэтовъ Востока. Лира Саади, Гафиза и даже Омара-Хайама служила царямъ

и вельможамъ; эти поэты были придворными, и ихъ поэзія отзывается дворомъ, блеститъ дворцовымъ лоскомъ. Этому нѣтъ въ простыхъ пѣсняхъ Наапета Кучака. Онъ независимъ въ выраженіи своихъ чувствъ; онъ ближе къ уличной толпѣ, нежели къ дворцовымъ ступенямъ; его голосъ звучалъ не для «сильныхъ міра сего», а въ народныхъ собраніяхъ. Единственный султанъ, передъ которымъ Кучакъ склонялъ голову, была его вѣчная и властная повелительница—любовь. А. Чобаньянъ предпочитаетъ сравнивать Наапета Кучака съ поэтами XIX вѣка, съ Гейне и Верленомъ, и это справедливо. Въ XVI вѣкѣ Кучакъ далъ въ своей поэзіи образцы истинной лирики, въ томъ смыслѣ, какъ это слово мы понимаемъ теперь,—поэзіи интимной и свободной, личной и ставящей себѣ лишь одну цѣль: выразить чувство, владѣющее поэтомъ въ данный мигъ.

4.

XVII вѣкъ былъ эпохой, когда армянская средневѣковая поэзія замирала. Все безотраднѣе становилось положеніе Армении; лучшія силы страны покидали ее,—искали пріюта на чужбинѣ. Выросли и крѣпли армянскія колоніи, гдѣ должна была зародиться новая жизнь, засвѣтить новое армянское Возрожденіе. Въ предѣлахъ же древней Армении, опустошаемой, систематически обезлюдиваемой политикой султановъ и шаховъ, почти не оставалось мѣста для литературной работы. И все же за стѣнами монастырей находились трудолюбцы, которые брались за перо, чтобы переписать рукописи болѣе счастливаго прошлаго и чтобы продолжить работу своихъ предшественниковъ. Въ частности не замолкалъ и голосъ поэзіи. Нѣсколько поэтовъ-монаховъ выступило въ Армению именно въ XVII в., и бодрые звуки ихъ поэзіи служатъ лучшимъ доказательствомъ той силы народнаго духа, которую не могли сломить никакія испытанія.

На самомъ рубежѣ вѣка стоитъ Іеремія Кемурджіанъ, родившійся въ 1600 г. То былъ довольно плодовитый писатель, много переводившій съ латинскаго и греческаго, писавшій также по вопросамъ богословскимъ, авторъ «Исторіи Оттоманской имперіи», армянской исторіи (современныя ему событія), географіи и мн. др. сочиненій, написанныхъ на классическомъ гпарарѣ. Между прочимъ, Кемурджіанъ писалъ также по-ту-

репки и подарилъ турецкой литературѣ переводъ отрывковъ изъ исторіи Моисея Хоренскаго. Но несомнѣнно Кемурджианъ былъ и поэтомъ. Кромѣ стихотворной «Исторіи Александра», онъ написалъ рядъ лирическихъ стихотвореній, по-армянски (на народномъ языкѣ) и по-турецки. Въ своей поэзіи Кемурджианъ продолжалъ традиціи средневѣковой лирики и въ его стихахъ слышенъ подлинный голосъ души. Особенность лирики Кемурджиана состоитъ въ томъ, что славить она преимущественно чувство раздѣленной любви, радость не только любить, но и быть любимымъ. Одно изъ такихъ стихотвореній воспроизведено въ нашемъ сборникѣ.

Значительнѣе и оказала большее вліяніе — поэзія Нагаша Ионатана (или Овнатана), который жилъ уже въ концѣ вѣка и умеръ въ 1722 г. Ионатанъ, какъ и Мкртичъ, былъ художникъ, чему оба и обязаны одинаковымъ прозвищемъ: Нагашу Ионатану принадлежатъ прекрасныя фрески въ Эчмиадзинѣ. Пѣсни Ионатана всѣ славятъ любовь и проникнуты какой-то особенной солнечностью. Мѣстами въ нихъ чувствуется какъ-бы легкая иронія, словно самъ поэтъ чуть-чуть улыбається надъ уже изжитыми формами средневѣковой лирики; но все же въ этихъ пѣсняхъ столько ликования, такіе смѣлые реалистическіе штрихи, что онѣ захватываютъ читателя непобѣдимо. По приемамъ творчества, этотъ поэтъ-монахъ почти вполнѣ совпадаетъ съ той народной поэзіей ашуговъ, которая въ ту эпоху начинала получать широкое распространеніе въ Арменіи. Нагашъ Ионатанъ одинъ изъ послѣднихъ поэтовъ-монаховъ и одинъ изъ первыхъ поэтовъ-ашуговъ. Въ этомъ — историческое значеніе его поэзіи, которой, въ нашемъ сборникѣ, мы даемъ три образца: три «пѣсни любви».

Но уже на смѣну умиравшей монастырской поэзіи выступала поэзія ашуговъ. Народные пѣвцы, рапсоды, существовали въ Арменіи съ незапамятной древности; объ нихъ упоминаетъ еще Моисей Хоренскій. Армяне, этотъ «народъ-художникъ», любили, чтобы всѣ празднества сопровождались пѣсней. На семейныхъ торжествахъ, вродѣ свадебъ, крестинъ и т. под., въ народныхъ собраніяхъ, просто на базарахъ и въ кофейняхъ — пѣвцы всегда были желанными гостями. Имъ удѣляли почетное мѣсто на пирѣ; ихъ музыкальнымъ инструментамъ (каманча, сазъ, таръ и др.) отводили почетное мѣсто на особой полкѣ; когда раздавалась пѣсня, всѣ смолкали, при-

слушиваясь внимательно. Издавна существовалъ и обычай состязанія между пѣвцами: ашуги поочередно пѣли пѣсни своего сочиненія, и побѣжденный, обыкновенно, уступалъ свою каманчу побѣдителю. Возможно, что многія изъ пѣсней, сохранившихся до сихъ поръ въ памяти народа и относимыхъ нами къ «народной поэзіи», были сочинены именно ашугами для одного изъ такихъ состязаній. Но долгое время никто не задумывался надъ тѣмъ, чтобы записать и сохранить эти импровизаціи. Пѣсни жили только въ памяти самого слагателя и тѣхъ, кому самъ авторъ передавалъ ихъ: со смертью этихъ немногихъ — пѣсня исчезала, забывалась, за самыми рѣдкими исключеніями.

Только къ XVIII в. выработался новый типъ ашуга-поэта, народнаго пѣвца, который дорожитъ своими вдохновеніями и хочетъ сохранить ихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ такой ашугъ, — до известной степени, конечно, — сталъ уже человѣкомъ книги, т. е. знакомымъ съ поэзіей прошлаго. Завѣщая свои стихи будущему, онъ, естественно, начиналъ интересоваться прошлымъ. Наконецъ, повысились и требованія нѣкоторой части народа. Отъ пѣвца стали требовать, на ряду съ традиционными элементами пѣсни, чего-то большаго: оригинальности и строгости формы, глубины содержания. Появились придворные ашуги, пѣвцы, пѣвшіе при дворѣ грузинскихъ царей, гдѣ армянскій языкъ получилъ распространеніе, рядомъ съ грузинскимъ. Такъ послѣдовательно, подъ вліяніемъ роста самихъ пѣвцовъ и культурнаго роста народа, создался типъ ашуга-поэта, подхватившаго традиціи средневѣковой армянской лирики и поведшей ее дальше, по новымъ путямъ. Однимъ изъ первыхъ ашуговъ новаго типа былъ пѣвецъ Степаннось (жившій, вѣроятно, въ XVII в.), пѣсни котораго, частью, дошли до насъ и который представленъ въ нашемъ сборникѣ однимъ изъ своихъ красивѣйшихъ стихотвореній.

Пѣвцомъ, вознесшимъ поэзію ашуговъ на недосягаемую до него высоту, былъ Саятъ-Нова; мощью своего генія онъ превратилъ ремесло народнаго пѣвца въ высокое призваніе поэта. Можно сказать, что все, что сдѣлали предшественники Саятъ-Новы, ничтожно предъ его подвигомъ и какъ бы померкло въ лучахъ его славы. Саятъ-Нова первый показалъ и доказалъ своимъ примѣромъ, какая сила таится въ голосѣ народнаго пѣвца, — показалъ, что этотъ пѣвецъ не только увеселитель на пиру, но и учитель, пророкъ, какъ бы ни казались легкомысленны

темы его пѣсень. Саять-Нова воспринялъ манеру своихъ предшественниковъ, но придавъ ей чеканъ совершенства, и вдругъ стало ясно, какое богатство, какая роскошь скрывается въ той пѣснѣ ашуговъ, къ которой многіе относились слишкомъ поверхностно. Въ то время, какъ умирали монастырская поэзія ученыхъ монаховъ, Саять-Нова далъ почувствовать, что армянская поэзія жива: она только ушла изъ монастырскихъ стѣнъ въ народъ и зазвучала въ свободныхъ пѣсняхъ ашуговъ, распѣваемыхъ на базарахъ, на площадяхъ и на семейныхъ торжествахъ, въ скромныхъ домахъ простолюдиновъ.

Саять-Нова наполнилъ своей жизнью весь XVIII в., такъ какъ родился, въ Тифлисъ, въ 1719 г., а умеръ (былъ убитъ), тамъ же, въ 1795 г. Подлинное имя поэта—Арутинъ; Саять-Нова—псевдонимъ, означающій, согласно съ разслѣдованіемъ Ов. Туманьяна, «царь пѣснопѣній» или «владыка музыки» (на языкѣ индустани, который былъ широко извѣстенъ въ Передней Азіи). Отецъ отдалъ маленькаго Арутина учиться къ ткачу, но мальчикъ съ раннихъ лѣтъ мечталъ стать ашугомъ: онъ въ свободныя минуты убѣгалъ слушать состязанія пѣвцовъ и самъ учился играть на каманчѣ, на чонгурѣ и на тарѣ. Рано сталъ Арутинъ и сочинять пѣсни, которыя распѣвалъ сначала въ домахъ родственниковъ, потомъ—у знатнѣйшихъ тифлисцевъ, которые приглашали къ себѣ талантливаго юношу. Успѣхъ побудилъ Арутина окончательно отдаться ремеслу пѣвца; онъ принялъ имя Саять-Нова и скоро сдѣлался любимѣйшимъ ашугомъ во всемъ Тифлисъ. Сколько можно судить по самымъ сочиненіямъ Саять-Новы, онъ успѣлъ приобрести довольно обширныя познанія: въ его стихахъ затрагиваются вопросы довольно сложные, упоминаются различные страны и народы, чувствуются отзвуки поэзіи персидской, у которой, между прочимъ, Саять-Нова заимствовала формы своихъ пѣсень. Кромѣ того Саять-Нова зналъ много языковъ; онъ писалъ свои стихи не только по-армянски, но также по-грузински и по-турецки: до насъ дошло 115 стихотвореній Саять-Новы, написанныхъ по-татарски (по-армянски только 46), а грузины считаютъ его своимъ поэтомъ.

Дальнѣйшая жизнь Саять-Новы еще не достаточно изслѣдована. Извѣстно только, что онъ пользовался покровительствомъ грузинскаго царя Герекла II, который высоко цѣнилъ дарованіе Саять-Новы и сдѣлалъ его своимъ придворнымъ пѣв-

цомъ. При дворѣ грузинскаго царя разыгрался и основной романъ знаменитаго ашуга: его любовь къ грузинской царевнѣ, которой посвящено большинство его стихотвореній. Позднѣе, уже въ немолодыхъ годахъ, Саять-Нова покинулъ блестящую жизнь при дворѣ и вступилъ въ монастырь Сурбъ-Нишана, въ Агбалѣ; это рѣшеніе поэта связываютъ со смертью его жены Мармаръ, въ 1770 г. Въ монашествѣ Саять-Нова принялъ имя Давида, и, согласно съ новѣйшими архивными розысканіями Ов. Туманьяна, былъ возведенъ въ санъ тифлискаго епископа. Этотъ санъ былъ данъ бывшему ашугу католикосомъ исключительно по настоянію царя. Но и за монастырской стѣной епископъ Давидъ не могъ побѣдить въ себѣ влеченія къ поэзіи: онъ продолжалъ писать стихи и тосковалъ по публичнымъ состязаніямъ. Говорятъ, новый епископъ иногда переодѣвался въ одежду ашуга, тайно уходилъ изъ монастыря, пробираясь въ Тифлисъ и все-таки выступалъ передъ народомъ, какъ пѣвецъ. Такъ, однажды, узнавъ, что въ Тифлисъ появился новый ашугъ, затмевающій всѣхъ другихъ, старикъ Саять-Нова не устоялъ передъ желаніемъ помѣриться съ нимъ силами, надѣлъ свое старое платье бродячаго пѣвца, взялъ свою каманчу и, явившись на состязаніе, одержалъ побѣду надъ молодымъ соперникомъ. Сохранилась переписка, въ которой католикосъ жалуется царю на такое поведеніе епископа Давида, указывая на соблазнъ, проистекающій отсюда для народа; престарѣлому поэту грозило лишеніе сана; но царь попросилъ оставить своего любимаго пѣвца въ покоѣ.

Въ 1795 году Ага-Махмутъ-ханъ персидскій обложилъ Тифлисъ и населенію угрожала жестокая рѣзня. Узнавъ объ томъ, престарѣлый ашугъ, онъ же—епископъ Давидъ, покинулъ свой уединенный монастырь и поспѣшилъ въ столицу, чтобы спасти свою семью. Ему удалось удалиться изъ города своихъ дѣтей въ Моздокъ, гдѣ они были въ безопасности. Но самъ Саять-Нова или не успѣлъ уѣхать или не захотѣлъ покинуть своихъ согражданъ въ бѣдѣ. Какъ бы то ни было, Саять-Нова былъ въ Тифлисъ въ тотъ день, когда городъ былъ взятъ персидскимъ полчищемъ. Поэтъ-епископъ, вмѣстѣ съ толпой народа, молился на колѣняхъ въ соборѣ. Персы потребовали, чтобы всѣ вышли изъ церкви и приняли исламъ. Саять-Нова отвѣчалъ однимъ стихомъ по-татарски:

Изъ храма, нѣтъ! не выйду я, не отречусь я отъ Христа!

Мусульмане вытащили старика из собора силой и убили его на пороге. Теперь на этом месте поставлена мраморная доска, на которой вырезаны—даты рождения и смерти Саять-Новы и его три стиха:

Не вѣзмь мой ключь гремучій пить,—особый вкусъ ручьевъ моихъ!
 Не вѣзмь мои писанья чтить,—особый смыслъ у словъ моихъ!
 Не вѣрь: меня легко свалить,—гранитна твердь основъ моихъ!

Содержаніе стиховъ Саять-Новы на первый взгляд—однообразно; однообразными кажутся и формы его стихотвореній. Но какое неисчерпаемое разнообразіе сумѣлъ вложить поэтъ въ эту кажущуюся однотонность! Онъ почти вездѣ говорить о любви, но какъ разноцвѣтны оттѣнки ея въ различныхъ стихотвореніяхъ, всѣ эти переходы отъ тихой нѣжности къ пламенной страсти, отъ отчаянья къ восторгу, отъ сомнѣнія въ самомъ себѣ къ гордому самосознанію художника! Поистинѣ Саять-Нову можно назвать «поэтомъ оттѣнковъ». Онъ, въ XVIII вѣкѣ, какъ бы уже исполнилъ завѣтъ, столѣтіе позже данный Верленомъ:

Has la couleur, rien que la nuance!

Да, не надо яркихъ красокъ! Истинный поэтъ даетъ читателю или слушателю почувствовать все—лишь силою едва замѣтныхъ переходовъ одного цвѣта къ другому. Но какъ, въ то же время, остры, глубоки и сочны въ пѣсняхъ Саять-Новы эти «оттѣнки»: ихъ воспринимаемъ мы какъ самые яркіе цвѣта, съ которыми не могутъ соперничать никакіе мазки менѣе удачливыхъ (скажемъ прямо: менѣе гениальныхъ) поэтовъ, накладывающихъ краски слишкомъ густо. Тонкой и нѣжной кистью живописаль Саять-Нова, и тѣмъ больше очарованія въ его всегда плѣнительныхъ стихахъ.

Саять-Нова утвердилъ, освятилъ для пѣсенъ ашуговъ особую форму стиховъ, приближающуюся къ персидской «газели»; послѣ того эта форма стала излюбленной и господствующей у всѣхъ пѣвцовъ. Непремѣнное повтореніе одного и того же слова (или нѣсколькихъ одинаковыхъ словъ) въ концѣ цѣлаго ряда стиховъ, требуемое этой формой, само уже принуждаетъ поэта и скатъ разнообразія въ однообразіи. Но въ то же время эта форма, почти независимо отъ поэта, даетъ

особую звучность, углубленную пѣвучесть его стихамъ. У Саять-Новы соединяется съ этимъ чуткая заботливость вообще о звуковой сторонѣ стиха. Пѣсни Саять-Новы исполнены ассонансовъ, аллитерацій, повторныхъ и внутреннихъ рѣимъ: онъ одинъ изъ высшихъ мастеровъ «звукописи», какихъ знала мировая поэзія. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и—дивный эвритмистъ, умѣющій находить новизну напѣва въ общеупотребительныхъ размѣрахъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Саять-Нову можно сравнить, въ нашей поэзіи, съ К. Д. Бальмонтомъ. У послѣдователей и подражателей Саять-Новы многія особенности его поэзіи выродились въ условность: изысканная форма свелась къ мертвымъ повтореніямъ, напѣвность—къ пустой игрѣ звуками, тонкая смѣна оттѣнковъ—къ скучной монотонности содержанія. Но у самого Саять-Новы все оживлено и одухотворено силою подлиннаго поэтического гениа. Поэтъ былъ правъ, когда заявлялъ гордо, (это—гордость, создавшая «Памятникъ» Горация и Пушкина!): «гранитна твердь основъ моихъ!» Хочется вѣрить, что и къ памятнику Саять-Новы «не зарастетъ народная тропа». Такими поэтами, какъ Саять-Нова, можетъ и долженъ гордиться весь народъ; это—великіе дары Неба, посылаемые не всѣмъ и не часто; это—избранники Провидѣнія, кладущіе благословеніе на свой вѣкъ и на свою родину...

Мощное развитіе поэзіи ашуговъ въ стихахъ Саять-Новы, конечно, вызвало къ жизни множество послѣдователей и подражателей. Быстро создалась «школа Саять-Новы», и, въ сущности, до самыхъ нашихъ дней, армянскіе ашуги всѣ подчинены его неодолимому вліянію, вращаются въ кругу имъ очерченной орбиты. Вотъ почему нѣтъ надобности ближе останавливаться на отдѣльныхъ представителяхъ поэзіи ашуговъ конца XVIII и XIX в. Среди нихъ были пѣвцы талантливые, сумѣвшие сказать свое слово; не мало было среди нихъ поэтовъ съ настоящимъ даромъ пѣснопѣнія, создававшихъ напѣвныя, ласкающія слухъ строки. Но изъ предѣловъ, захваченныхъ во владѣніе поэзіи ашуговъ Саять-Новой, никто изъ нихъ,—какъ кажется,—не вышелъ. Всѣ остались талантливыми учениками,—не больше. Добавимъ только, что число ашуговъ, т.-е. тѣхъ изъ нихъ, которые стали собирать и записывать свои пѣсни, въ XIX в. весьма значительно. Эта лирика представляетъ большой интересъ, исторической эстетической, но мы, въ тѣхъ общихъ чертахъ, которыми характеризуемъ эволюцію армянской поэзіи,

принуждены обойти ее молчаніемъ. Тѣ 12 стихотвореній Саятъ-Новы, которыя приведены въ нашемъ сборникѣ, въ нашемъ посильномъ переводѣ, даютъ достаточное представленіе о различныхъ темахъ и о характерныхъ приемахъ поэзіи ашуговъ.

Исключеніе мы можемъ только сдѣлать для двухъ позднѣйшихъ ашуговъ, во-первыхъ,—чтобы все же охарактеризовать творчество народныхъ пѣвцовъ нашихъ дней, а, во-вторыхъ, потому,—что у обоихъ этихъ поэтовъ, сильнѣе, чѣмъ у другихъ, звучитъ нѣчто свое, новое. Мы говоримъ объ ашугахъ Лункіаносѣ и Дживани. Первый изъ нихъ, Лункіаносъ, родился въ самомъ концѣ XVIII в., въ Эрзерумѣ, провель нѣсколько лѣтъ въ монастырѣ, потомъ оказался въ Египтѣ, служилъ секретаремъ у Ибрагима-паши, но, покинувъ его, отдался бродячей жизни, полной всевозможныхъ лишений, причемъ побывалъ, между прочимъ, въ Петроградѣ, и умеръ, въ серединѣ прошлаго вѣка въ деревнѣ Вареванъ. Дживани—уже нашъ современникъ; онъ родился въ 1846 г., близъ города Ахалкалаки, рано сдѣлался бродячимъ пѣвцомъ, ашугомъ, организовалъ даже цѣлую труппу пѣвцовъ, и пѣлъ свои пѣсни, съ огромнымъ успѣхомъ, въ Александрополѣ, въ Тифлисѣ, въ Баку, въ Батумѣ, въ Карсѣ; скончался Дживани въ 1909 г. Поэзія Лункіаноса замѣчательна своимъ мистическимъ оттѣнкомъ, мало обычнымъ въ пѣсняхъ ашуговъ. Поэзія Дживани болѣе разнообразна, разностороння; поэтъ, въ своихъ пѣсняхъ, касался самыхъ различныхъ темъ,—изъ пѣвца любви становился моралистомъ, воспѣвалъ современныя ему событія, злобы дня, и писалъ застольныя пѣсни и т. под. Между прочимъ, языкъ Дживани—уже современный литературный языкъ, и вообще на пѣсняхъ Дживани сказалось книжное вліяніе. Среди несомнѣнныхъ подражаній Саятъ-Новѣ и нѣкоторымъ новымъ поэтамъ, Дживани создалъ нѣсколько истинно прекрасныхъ стихотвореній, которыя, вѣроятно, останутся въ армянской поэзіи навсегда. Именно такія пѣсни мы постарались воспроизвести въ нашемъ сборникѣ, также какъ и одну изъ мистическихъ пѣсенъ Лункіаноса.

Но поэзія Лункіаноса и Дживани относится уже къ слѣдующему періоду. Раньше, чѣмъ ашугъ Дживани началъ слагать свои пѣсни, возникла, выросла и окрѣпла новая армянская поэзія,—поэзія не народныхъ пѣвцовъ, но книжная, «искусственная», какъ обычно (и, конечно, неправильно) ее называютъ.

На Западѣ, въ Константинополѣ и въ европейскихъ колоніяхъ армянъ, и въ предѣлахъ Россіи, какъ въ армянскихъ областяхъ, прежде всего въ Тифлисѣ, такъ особенно въ армянской колоніи въ Москвѣ,—началось развитіе ново-армянской литературы, возстановившей связь армянской литературы съ міровой. Выработана была новый литературный языкъ (точнѣе: два новыхъ литературныхъ языка или нарѣчій, одно—у западныхъ армянъ, другое—у русскихъ), и рядъ поколѣній армянскихъ писателей принялъ на себя трудную, отвѣтственную, но и благодарную задачу,—усвоить армянскому народу все то, что европейскія литературы успѣли свершить за нѣсколько вѣковъ, въ теченіе которыхъ Армения была отрѣзана отъ обще-культурной работы человечества.

Исторія ново-армянской литературы есть совершенно особая область знанія. Здѣсь, въ этомъ краткомъ очеркѣ, невозможно будетъ сколько-нибудь обстоятельно изложить эту исторію и прослѣдить всѣ послѣдовательные этапы ея развитія. По многимъ причинамъ (въ томъ числѣ и по недостаточной подготовленности къ такой задачѣ пишущаго эти строки), мы должны будемъ ограничиться лишь указаніемъ на общія черты этого развитія и также лишь общими характеристиками наиболѣе выдающихся дѣятелей. Притомъ, вниманіе мы обратимъ преимущественно на дѣятельность поэтовъ старшихъ поколѣній, въ большей или меньшей степени завершившихъ кругъ своего творческаго подвига, такъ какъ для болѣе молодыхъ писателей, продолжающихъ итти впередъ, измѣняться и искать, еще не наступило время *истріи*: ихъ поэзія еще всецѣло подлежить *критикѣ*, которой не мѣсто въ нашемъ сборникѣ.

5.

Возрожденіе армянской литературы тѣсно связано съ дѣятельностью конгрегации мхитаристовъ, основанной Мхитаромъ Себастици (1676—1749) въ Константинополѣ, но упрочившейся въ Венеціи. Изъ этой коллегіи вышелъ длинный рядъ ученыхъ, писателей и вообще дѣятелей просвѣщенія. Мхитаристы издали словари и грамматики армянскаго языка (древняго), сочиненія по исторіи Арменіи, переводы классиковъ европейской литературы на армянскій языкъ и много др. сочи-

неній, оказавшихъ могущественное вліяніе. Позднѣе часть мхитаристовъ основала особую коллегію въ Вѣнѣ и продолжала тамъ ту же полезную дѣятельность. Изъ рядовъ мхитаристовъ вышли и первые ново-армянскіе поэты, въ томъ числѣ Багратуни и Алишанъ. Первый Арсенъ Багратуни (1790—1866 г.), былъ представителемъ лже-классицизма, еще господствовавшего въ его время въ европейскихъ литературахъ. Второй, Геондъ Алишанъ, также не избѣгъ этого вліянія, но постепенно освободился отъ него, что выразилось между прочимъ и въ переходѣ отъ классическаго грапара (на которомъ написаны всѣ болѣе раннія стихотворенія Алишана) къ новому языку (константинопольскому нарѣчю).

Геондъ Алишанъ (1820—1901 гг.) оставилъ много цѣнныхъ научныхъ работъ,—по исторіи, археологіи, географіи и т. под. Но онъ былъ и выдающимся поэтомъ, стихи котораго составили въ общемъ 5 томовъ. Въ технику стиха Алишанъ достигалъ большого совершенства, и его произведенія до сихъ поръ сохраняютъ любовь значительнаго числа читателей, какъ искреннія и красивыя вдохновенія. Алишаномъ написано не мало религиозныхъ стихотвореній, молитвъ и гимновъ; есть поэмы, посвященныя историческому прошлому Арменіи; есть живыя описанія природы; особую глубину стихамъ Алишана придаетъ его трогательная любовь къ родинѣ, воспламенявшаяся судьбой поэта, жившаго на чужбинѣ. Въ нашемъ сборникѣ Алишанъ представленъ стихотвореніемъ «Разданъ», въ которомъ «вѣчная» тема поэзіи—возвращеніе изгнанника въ родной край,—оживлена и согрѣта сильнымъ чувствомъ армянина-патріота.

Однако, истинными основателями «школы турецкихъ армянъ» (или константинопольской) въ ново-армянской литературѣ должно признать двухъ поэтовъ слѣдующаго поколѣнія: Пѣшикташляна и Дуріана,—поэтовъ, творчество которыхъ уже всецѣло пользовалось новымъ языкомъ. Чтобы правильно оцѣнить ихъ дѣятельность,—также какъ и дѣятельность работавшихъ параллельно съ ними зачинателей «школы русскихъ армянъ», должно представить себѣ огромность и трудности выдвигающихся задачъ. Предстояло, прежде всего, сдѣлать выборъ изъ разнообразныхъ діалектовъ, выковать новое орудіе литературной, въ частности поэтической, рѣчи: иначе говоря,—предстояло *создать языкъ*: угадать единство въ противорѣчивыхъ элементахъ народныхъ говоровъ, приспособить этотъ

языкъ для выраженія всѣхъ оттѣнковъ утонченной мысли, сдѣлать его пригоднымъ для отраженія всѣхъ порывовъ души совершеннаго человѣка. Конечно, эту задачу разрѣшали совмѣстно и прозаики и поэты, но на долю тѣхъ, кто писалъ стихами, выпала болѣе ответственная ея часть: придать языку красоту при сжатости выраженій. Рядомъ стояла другая задача, не менѣе огромная и не менѣе трудная: усвоить возникавшей новой армянской поэзіи всѣ завоеванія европейскихъ литературъ, которыя къ серединѣ XIX вѣка пережили длинную эволюцію, изживъ, одна за другой, школы псевдо-классицизма, сентиментализма, романтизма и уже вступивъ въ періодъ господства реализма. Въ Европѣ уже были и Гете и Шиллеръ, и Викторъ Гюго и Мюссе, и Байронъ и Шелли, не говоря о болѣе раннихъ творцахъ: предстояло основныя черты созданнаго ими сроднить и съ армянской душой. Наконецъ, первые ново-армянскіе писатели не имѣли права быть только художниками: положеніе родины обязывало ихъ въ той же мѣрѣ быть трибунами, глашатаями полузабытыхъ истинъ, будить народное самосознаніе, жить и одухотворять любовь къ родному краю, посилено врачевать многовѣковыя раны націи, укрѣплять въ ней силы для борьбы и поддерживать вѣру въ лучшее будущее... Только помня эти великія задачи, изъ которыхъ ни одной нельзя было пожертвовать, можно справедливо оцѣнить сдѣланное Пѣшикташляномъ, Дуріаномъ, Патканьяномъ, Шахъ-Азизомъ и др. «зачинателями», сумѣвшими пребыть и истинными поэтами.

Мкртичъ Пѣшикташлянъ (1828—1868 гг.) былъ прямымъ ученикомъ Алишана, такъ какъ воспитаніе получилъ въ обители мхитаристовъ. Но въ монашескій орденъ Пѣшикташлянъ не вступилъ и потому его жизнь прошла болѣе бурно, подверженная всѣмъ волненіямъ страстей, надеждъ и разочарованій. Во внѣшнемъ отношеніи жизнь Пѣшикташляна была полна тяжелыхъ испытаній; между прочимъ извѣдалъ онъ и борьбу съ матеріальной нуждой; но поэтъ не запятналъ своего образа никакимъ угодничествомъ передъ сильными. Онъ прожилъ свою жизнь скромно, но съ достоинствомъ, работалъ, какъ учитель и былъ боготворимъ учениками, зналъ неудачную любовь, но нашелъ утѣшеніе въ свѣтлой дружбѣ, и, благодаря своему ясному, привѣтливому характеру, приобрѣлъ гораздо больше друзей, нежели противниковъ. Уже при жизни избранные

круги общества сумѣли оцѣнить творчество Пѣшикташляна, и въ дни его послѣдней, предсмертной болѣзни множество лишь постоянно осведомлялось о его здоровьи, что крайне трогало скромнаго поэта.

Наибольшую популярность имѣли трагедіи Пѣшикташляна, особенно тѣ, сюжетъ которыхъ взять изъ армянской исторіи; несмотря на условность формы, драмы эти имѣли облагораживающее значеніе возвышенностью своего содержанія. Въ лирикѣ—лучшія вещи Пѣшикташляна тѣ, въ которыхъ дышитъ патріотичное чувство: поэтъ умѣлъ подходить къ такимъ темамъ не банально и каждый разъ придавать своимъ стихамъ привлекательность новизны. Но, и какъ поэтъ природы, Пѣшикташлянъ имѣетъ право на вниманіе, такъ какъ онъ ее понималъ и любилъ, «дышалъ одною жизнью» съ ней. Темамъ любви также отдало значительное мѣсто въ поэзіи Пѣшикташляна. Ю. Веселовскій, въ очеркѣ о творествѣ Пѣшикташляна, справедливо говоритъ, что «поэтъ обладалъ необыкновенною способностью соединять въ своихъ зротическихъ стихотвореніяхъ восточную роскошь красокъ съ міросозерцаніемъ и духовнымъ міромъ культурнаго европейца». Въ этомъ отношеніи Пѣшикташлянъ являлся истиннымъ продолжателемъ основной традиціи древней армянской поэзіи. Остается добавить, что въ поэзіи Пѣшикташляна сказывается вліяніе Гейне и Мюссе и нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ XIX вѣка и что поэтической языкъ, въ его стихахъ, еще носитъ слѣды ранняго періода своего образованія. Въ нашемъ сборникѣ Пѣшикташлянъ представленъ восемью стихотвореніями, характеризующими его какъ поэта родины, любви и природы.

Совершенно иного типа была личность Петроса Дуріана (1851—1872 гг.), поэтъ слѣдующаго поколѣнія, умершаго почти 20-лѣтнимъ юношей и прорѣзавшаго небосклонъ армянской литературы какъ яркій метеоръ. Родившись въ бѣдной семьѣ константинопольскаго армянина, учившійся только въ народной школѣ, не имѣвшій никакихъ покровителей или вліятельныхъ друзей, Дуріанъ одному себѣ обязанъ и своимъ образованіемъ и своими успѣхами въ литературѣ. Страстный, порывистый, но настойчивый, Дуріанъ всю жизнь боролся,—и съ нуждой, и съ непониманіемъ современниковъ, и съ міровыми предрассудками, свойственными не однимъ только армянамъ. Авторъ ряда драматическихъ произведеній, выступавшій на сценѣ и какъ актеръ, Дуріанъ наиболѣе силенъ, какъ лирикъ; но лирика

всегда—голосъ молодости, и ранняя кончина Дуріана не позволяетъ судить, какимъ могъ бы онъ стать драматургомъ, если бы могъ творить уже послѣ опыта жизни.

Романтикъ, и по убѣжденіямъ и по природѣ, Дуріанъ въ своихъ, сравнительно, немногочисленныхъ пѣсняхъ, прокричалъ міру о своей страстной любви къ родному народу, о своей вѣрѣ въ самого себя, о своихъ страданіяхъ, которыя были бы страданіями каждаго мыслящаго человѣка въ окружавшей поэта средѣ, и, наконецъ, бросилъ (въ стихотв. «Упреки») свой вызовъ Богу, нѣсколько романтически-преувеличенный, но захватывающій душу искренностью и глубиной чувства... Юноша Дуріанъ остается въ исторіи армянской поэзіи, какъ яркій, огненный штрихъ: среди другихъ, болѣе спокойныхъ поэтовъ, онъ показалъ, что значить въ творествѣ «темпераментъ», сила непосредственныхъ переживаній, часто не только замѣняющихъ «школу», «технику», но безмѣрно возвышающихся надъ ними... Въ этомъ—историческое значеніе творчества Дуріана, особенно важное и именно для поэзіи «турецкихъ армянъ», послѣдующіе дѣятели которой порой грѣшили излишней выдержкой, клонясь къ холоду парнасизма и ставя себѣ идеаломъ его «непогрѣшимость». Впрочемъ, многія стихотворенія Дуріана, и по формѣ, достигаютъ большой изысканности: особенно же изящно умѣлъ поэтъ строить строфу, въ чемъ учителями ему служили его любимѣйшіе французскіе поэты: Викторъ Гюго и Ламартинъ. Въ нашемъ сборникѣ мы стремились представить поэзію Дуріана во всѣхъ ея наиболѣе характерныхъ образцахъ.

Наряду съ Пѣшикташляномъ и Дуріаномъ въ школѣ «турецкихъ армянъ» работало не мало другихъ поэтовъ, дѣятельность которыхъ падаетъ на два среднихъ двадцатипятилѣтія XIX в. (между 1825 и 1875 гг.). Среди этихъ поэтовъ, безусловно, были писатели съ дарованіемъ, произведенія которыхъ не прошли безслѣдно для армянской литературы. Изъ болѣе раннихъ, таковы—Галфаянъ (Хоренъ Наръ-Бей, 1831—1892 гг.), также членъ общины мхитаристовъ, впрочемъ, впоследствии выступившій изъ нея, и Ачемьянъ (р. въ 1838 г.), драматургъ и лирикъ, авторъ нѣсколькихъ красивыхъ стихотвореній. Какъ эти два писателя, такъ и нѣкоторые изъ ихъ преемниковъ (назовемъ: Восканіана, Руссиняна, Тцеренца; въ «Смирнской школѣ»: Мамуріана, Стіана, Пароніана, Демирчибашьяна), безусловно,—писатели съ дарованіемъ. Въ ихъ произведеніяхъ ново-

армянскій языкъ вырабатывался, очищался и обогащался, новыми словами, и оборотами. Одновременно съ тѣмъ, дѣятели школы «турецкихъ армянъ», не по сознательному методу, но просто подчиняясь влеченію личныхъ симпатій, «пересаживали», такъ сказать, на армянскую почву цвѣты западной поэзіи, особенно — французской. Въ рядѣ прямыхъ переводовъ, сознательныхъ подражаній и невольныхъ реминисценцій, эти поэты усвоили армянской поэзіи мотивы французскихъ романтиковъ и, отчасти, парнасцевъ: В. Гюго, А. де-Виньи, А. де-Мюссе, Ламартина, Сюлли-Прюдома и мн. др. Такая дѣятельность и подготовила богатый расцвѣтъ послѣдующаго періода этой школы (конецъ XIX и начало XX вѣка). Рядъ поэтовъ (мы не будемъ здѣсь перечислять ихъ имена), съ большимъ совершенствомъ, разработалъ технику, обточилъ стихъ, обострил риѐму, испробовалъ всѣ формы (съ особой любовью культивируя сонетъ) и передалъ въ руки слѣдующаго поколѣнія превосходно-настроенный инструментъ, способный выразить всю гамму раздумій и чувствованій современнаго человѣка.

Иными путями шло развитіе школы «русскихъ армянъ», дѣятели которой выступили на литературное поприще позднѣе. Въ то время, какъ на Западѣ, благодаря дѣятельности мхитаристовъ, уже съ XVIII вѣка существовала новая армянская литература, хотя и пользовавшаяся для своего выраженія мертвымъ грапаромъ, русскіе армяне долгіе годы не имѣли, строго говоря, своей литературы (если не считать совершенно разрозненныхъ попытокъ, изданія нѣкоторыхъ учебниковъ, рукописныхъ сочиненій и т. под.). Только къ серединѣ вѣка вполне созрѣла потребность дать литературное выраженіе новому народному духу и, приблизительно около той же эпохи, когда западные армяне стали дѣлать попытки писать на константинопольскомъ нарѣчій, у русскихъ армянъ возникло первое произведеніе на араратскомъ нарѣчій, ставшемъ затѣмъ общепринятымъ: то былъ романъ Хачатура Абовьяна (1803—1848 гг.), «Раны Арменіи», написанный въ 40-хъ годахъ (но напечатанный лишь въ 1858 г.). Затѣмъ, въ 50-хъ годахъ было положено основаніе періодической печати на разговорномъ языкѣ: въ 1850—1851 г., въ Тифлисѣ, Габріэль Патканьянъ (отецъ будущаго поэта), издавалъ первый, въ Россіи, армянскій журналъ «Араратъ»; въ 1858 г., возникъ, благодаря энергической дѣятельности С. Назарьянца и М. Налбандьяна, въ Москвѣ, другой

армянскій журналъ «Сѣверное Сіаніе», продержавшійся нѣсколько лѣтъ; Г. Арцруни была основана, въ 1872 г., въ Тифлисѣ газета «Мшакъ», издающаяся и понынѣ... Эти изданія вывели къ жизни цѣлую литературу: публицистическихъ статей, разсказовъ, также—романовъ и стиховъ. Изъ первыхъ дѣятелей литературы, среди русскихъ армянъ, должны быть отмѣчены имена—Раффи (1835—1888 гг.), стяжавшаго большую и заслуженную популярность своими, широко задуманными романами, Габріэля Сундукьяна (1825—1912 гг.), не менѣе извѣстнаго создателя армянскаго театра, автора превосходныхъ бытовыхъ драмъ, Перча Прошьянца (романъ «Сось и Вартигеръ». 1860 г., написанный, однако, на аштаракскомъ нарѣчій), и, наконецъ, зачинателей новой поэзіи—Р. Патканьяна и С. Шахъ-Азиза.

Рафаэль Патканьянъ (1830—1892 гг.) вышелъ изъ семьи, преданной литературнымъ интересамъ. Дѣдъ поэта, Керовпъ, выходецъ изъ Константинополя, учившійся у мхитаристовъ въ Венеціи и затѣмъ поселившійся въ Нахичевани на Дону, сочинялъ пѣсни, охотно распѣвавшіяся современниками. Отецъ поэта, Габріэль, по сану—священникъ, тоже писалъ стихи и еще больше времени отдавалъ публицистикѣ, основавъ (какъ мы указывали) первый, въ Россіи, армянскій журналъ. Всѣ три сына Габріэля стали писателями: Микаэль,—кромѣ статей публицистическаго характера, писалъ комедіи и организовалъ первый, въ Тифлисѣ, публичный театръ; Керовпъ,—занимаясь въ Петроградскомъ университетѣ кафедрой армянской словесности и исторіи, оставилъ рядъ научныхъ трудовъ и рядъ стихотворныхъ переводовъ европейскихъ классиковъ; наконецъ, Рафаэль Патканьянъ—сталъ знаменитымъ поэтомъ. Отецъ, съ раннихъ лѣтъ, поощрялъ литературные интересы въ своихъ дѣтяхъ, такъ что будущій поэтъ, съ дѣтства, дышалъ атмосферой литературы. Между прочимъ, отецъ самъ поправлялъ его отроческіе стихи и, позднѣе, нѣкоторые изъ нихъ напечаталъ въ своемъ «Араратѣ». Начальное образованіе Рафаэль также получилъ подъ руководствомъ отца, такъ какъ тотъ содержалъ въ Нахичевани школу; затѣмъ, въ 1843 г., будущій поэтъ перешелъ въ Московскій Лаваревскій институтъ (основанный въ 1815 г.); наконецъ, съ 1852 г., слушалъ лекціи въ Юрьевскомъ университетѣ. За эти школьные годы Патканьяномъ было написано множество стихотвореній: самыя раннія—на грапарѣ, послѣдую-

щія—на разговорномъ языкѣ, однако, смѣшанномъ изъ разныхъ діалектовъ (эриванскомъ, ново-нахичеванскомъ, астраханскомъ), и только относящіяся къ концу этого періода—на томъ «новомъ литературномъ языкѣ», который тогда сталъ завоевывать права гражданства. Многія изъ юношескихъ стихотвореній Патканьяна исполнены одушевленіемъ молодости и понынѣ охотно поются армянской молодежи. Но серьезная литературная работа началась для Патканьяна лишь съ середины 50-хъ годовъ.

Въ 1855 г., Патканьянъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами издалъ первый сборникъ стиховъ (подъ псевдонимомъ Гамарь-Катипа), возбудившій общее вниманіе; эпиграфъ книжки гласилъ: «пиши такъ, какъ говоришь, и говори такъ, какъ пишешь» (Карамзинъ). Стихотвореніе «Слезы Аракса», появившееся вслѣдъ затѣмъ, сдѣлало имя молодого поэта популярнымъ, и эта популярность росла съ появленіемъ новыхъ стихотвореній и новыхъ книгъ Патканьяна. Одно время онъ издавалъ, въ Петроградѣ, армянскій журналъ «Сѣверъ»; но скоро прекратилъ его, переселился въ родной городъ и здѣсь, подобно своему отцу, занялся педагогической дѣятельностью, такъ какъ одна литература еще не могла, въ то время, обезпечить жизнь армянскаго писателя. Но задушевнымъ дѣломъ Патканьяна оставалась все же литература: онъ продолжалъ дѣятельно сотрудничать въ армянскихъ періодическихъ изданіяхъ, и его стихи тотчасъ становились достояніемъ всего народа, видѣвшаго въ Патканьянѣ своего національнаго поэта. Рано перешли его стихи и въ школу, такъ что дѣти воспитывались на его поэзіи. Последніе годы жизни Патканьяна были окружены всеобщимъ признаніемъ и почитаніемъ, въ которомъ исчезали голоса отдѣльныхъ недоброжелателей, раздраженныхъ обличительными сатирами поэта. Однако, матеріальное положеніе уже знаменитаго писателя все же оставалось необезпеченнымъ; чтобы дать возможность Патканьяну серьезно лечиться отъ грознаго недуга, пришлось прибѣгнуть къ общественной помощи... Необходимыя средства были собраны, но спасти поэта уже не удалось: онъ скончался въ родномъ городѣ и тамъ же похороненъ, хотя выражалъ желаніе покоемъ въ Эчмиадзинѣ, гдѣ теперь воздвигнутъ Патканьяну скромный памятникъ-бюстъ.

Значеніе поэзіи Патканьяна трудно оцѣнить въ полной мѣрѣ читателю не-армянину. Ея основная сила въ чувствѣ высокаго патриотизма, въ той огненной и безкорыстной любви къ

родному народу, которая выражается не въ однихъ диеирамбахъ, но и въ горькихъ сатирахъ. Истинная любовь не чуждается гнѣва и даже ненависти, и именно потому вѣришь въ глубину любви Патканьяна, что онъ смѣлъ ненавидѣть въ родной странѣ все, достойное ненависти, и умѣлъ разить гнѣвными стрѣлами все, заслуживающее такихъ ударовъ. Есть поэты, которые искренно любятъ родину, но ихъ любовь—слѣпая, разливающаяся, безъ различія, на все «родное»; любовь другихъ—безотчетная, не сознающая, на что именно она направлена, подобная привязанности звѣря къ тому лѣсу, гдѣ онъ родился; бываютъ и третьи, готовые любить родину изъ корыстныхъ цѣлей... Не таковъ патриотизмъ Патканьяна: его не ослѣпляетъ любовь, онъ видитъ грѣхи и язвы родного народа, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, знаетъ, за что его любить и что въ немъ любить. Это—патриотизмъ дѣйственный, обязывающій не къ безличнымъ восторгамъ, но къ рѣшающимъ поступкамъ; это—любовь оживляющая другихъ и самому поэту дающая черпать изъ себя все новыя силы. Но, конечно, надо быть сыномъ своего народа, чтобы вполне понять могучее впечатлѣніе, которое должна производить поэзія, проникнутая силой такой любви...

Патканьянъ писалъ публицистическія статьи и беллетристическіе очерки (на нахичеванскомъ нарѣчьи, широко популярны въ Нахичевани), но его обще-народное значеніе покоится на его лирикахъ. Пѣсни Патканьяна назначены для народа, и потому въ нихъ нѣтъ «особенной заботы объ отдѣлкѣ языка» (опредѣленіе Ю. Веселовскаго); въ частности, самый языкъ Патканьяна представляетъ соединеніе разныхъ элементовъ, такъ что въ немъ смѣшиваются различныя армянскіе діалекты. Но зато поэтъ умѣлъ найти выраженія мѣткія, прямо попадающія въ цѣль, и, въ каждомъ стихотвореніи, выдвинуть впередъ все самое важное; благодаря этому, стихи Патканьяна производятъ впечатлѣніе непосредственное, чѣмъ и объясняется ихъ огромный успѣхъ въ массѣ читателей. Поэзія Патканьяна, во многихъ отношеніяхъ, была выраженіемъ того, что другіе смутно чувствовали въ себѣ; поэтъ какъ бы сталъ голосомъ своего народа, далъ языкъ нѣмстующей массѣ, и каждый читатель чувствовалъ какъ бы самого себя авторомъ прочитаннаго стихотворенія. Основой въ поэзіи Патканьяна является мысль: содержаніемъ—сильный подъемъ патриотическаго чувства; все остальное—лишь прикрасой. Стихи Патканьяна,

прежде всего и больше всего,—голосъ учителя, въ которомъ такъ нуждался армянскій народъ въ ту эпоху... Разумѣется, все это относится къ главнымъ созданіямъ Патканьяна, такъ какъ у него есть отдѣльныя стихотворенія другого характера,—выражающія чувство любви, отражающія красоту природы и т. п. Нѣкоторымъ стихотвореніямъ приданъ пѣсенный складъ, съ повтореніемъ припѣва въ каждой строфѣ, и этотъ приемъ, заимствованный изъ народной поэзіи, придаетъ стихамъ новую силу. Въ нашемъ сборникѣ Патканьянъ представленъ преимущественно, какъ поэтъ идеи и національный пѣвецъ, ибо таково его историческое значеніе. Представлены въ сборникѣ и наиболѣе популярныя стихотворенія Патканьяна, какъ «Слезы Аракса» и «Пѣснь храбраго Вартана-Мамиконьяна».

Другимъ характеромъ запечатлѣна поэзія Сибата Шахъ-Азиза (1841—1907 г.). У него не было, какъ у Патканьяна, темперамента бойца и властнаго голоса учителя, хотя цѣли двухъ поэтовъ и пониманіе ими задачъ поэзіи—схожи. Шахъ-Азизъ, опять въ отличіе отъ Патканьяна, посвятилъ поэзіи не всю свою жизнь, но отдалъ ей лишь порывы юности и отдѣльныхъ періодовъ зрѣлаго возраста. Сынъ священника, родомъ изъ села Аштаракъ (Эриванской губ.), рано потерявшій отца, Шахъ-Азизъ воспитывался въ Москвѣ, въ Лазаревскомъ институтѣ, началъ писать еще на школьной скамьѣ и, въ 1860 г., издалъ, подъ заглавіемъ «Часы досуга», сборникъ юношескихъ стихотвореній. Болѣе серьезныя стихотворенія были опубликованы постомъ въ его второй книгѣ стиховъ, 1865 г., гдѣ появилась и большая поэма, названная «Скорбь Леона». Затѣмъ, только въ 1893 г., Шахъ-Азизъ издалъ третій и послѣдній сборникъ стиховъ, впрочемъ, весьма небольшой по объему. Помимо стиховъ, Шахъ-Азизъ участвовалъ въ литературѣ, какъ публицистъ, и написалъ довольно много статей, появлявшихся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ Лазаревскомъ институтѣ Шахъ-Азизъ занималъ должность преподавателя армянскаго языка и исполнялъ свои обязанности почти до самой своей смерти. Насколько извѣстно, жизнь его прошла безъ особыхъ волненій; не было у него и литературныхъ враговъ, и его старость была скрашена всеобщимъ уваженіемъ, покоившимся почти исключительно на стихахъ, собранныхъ въ сборникѣ 1865 г. Стихи Шахъ-Азиза получали широкое распространеніе; ихъ охотно

пѣли, изучали въ школахъ, и поэтъ былъ признанъ въ числѣ классиковъ ново-армянской литературы.

«Ораторство—*faculté maîtresse* Шахъ-Азиза», говоритъ М. Берберьянъ, и это совершенно справедливо. Тотъ же критикъ отмѣчаетъ «недостатки формы» въ поэзіи Шахъ-Азиза: «слишкомъ однообразный размѣръ стиховъ, невыдержанный ритмъ и неправильную риемовку». Если добавить, что темы стиховъ Шахъ-Азиза—всѣ обычные, основныя темы лирики: любовь, чувство патриотизма, картины природы и раздумья надъ «вѣчными» вопросами, то образъ поэта станетъ яснѣе. Шахъ-Азизъ самъ признавалъ, что, по его убѣжденію, дѣло поэта—«служить своей лирой обществу». Въ исторіи армянской поэзіи Шахъ-Азизъ занимаетъ мѣсто рядомъ съ Патканьяномъ, хотя уступаетъ ему въ непосредственномъ дарованіи,—такъ какъ выполнялъ ту же историческую задачу: ковать новый языкъ и будить національное чувство. Тотъ же М. Берберьянъ, говоря о патриотическихъ стихотвореніяхъ Шахъ-Азиза, которые называетъ «его рѣчами о патриотизмѣ, облеченными въ стихотворную форму», добавляетъ: «декламаторскій тонъ нѣсколько парализуетъ ихъ силу». О любовныхъ стихахъ Шахъ-Азиза этотъ критикъ выражается такъ: «какъ бы ни была сильна любовь, наружное спокойствіе не покидаетъ поэта; пылкихъ изліяній чувствъ въ у него не найдете». Наконецъ, о философскихъ раздумьяхъ поэта тамъ же читаемъ: «не имѣя философскаго образованія, онъ съ жадностью хватался за всѣ, болѣе или менѣе ясно выраженные идеи; потому-то въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ (у Шахъ-Азиза) много неяснаго». Таковы ограниченія, которыя армянскій критикъ счелъ необходимымъ сдѣлать къ оцѣнкѣ Шахъ-Азиза, отмѣтивъ его «богатый и изящный слогъ» и нѣсколько стихотвореній, являющихся «украшеніемъ армянской лирики». Мы, въ нашемъ сборникѣ, постарались представить эти стихотворенія, въ томъ числѣ, дѣйствительно, очаровательное—«Сонъ».

Современникомъ Патканьяна и Шахъ-Азиза былъ поэтъ Георгъ Додохьянъ, среди стихотвореній котораго есть одно—о ласточкѣ (представленное въ нашемъ сборникѣ), прелестная пѣсня, остающаяся украшеніемъ всѣхъ антологій армянской поэзіи. Этой пѣснѣ, конечно, суждено жить, пока живъ будетъ или хотя бы будетъ изучаемъ армянскій языкъ. Подобно французскому поэту Арно, автору стихотворенія о «Листикѣ», До-

дохьянъ—поэтъ одного стихотворенія, но имъ онъ навсегда приобрѣлъ себѣ мѣсто въ исторіи армянской литературы.

6.

Рядомъ съ названными «зачинателями» армянской поэзіи среди «русскихъ» работали и другіе, дѣятельность которыхъ, какъ и второстепенныхъ поэтовъ школы «турецкихъ армянъ», имѣла свое историческое значеніе. Такъ, писали стихи, представлявшіе несомнѣнные достоинства, и Хачатуръ Абовіанъ и Раффи, но значеніе этихъ писателей покоится не на стихахъ, а на написанныхъ ими романахъ. Также болѣе романистомъ былъ Газаръ Агаянъ (1840—1912 гг.), впрочемъ, оставившій превосходную «пѣсню о прялкѣ» (также включенную въ нашъ сборникъ). Рядъ другихъ поэтовъ развивали темы Патканьяна и Шахъ-Азиза, «подыгрывая» имъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и двигая ихъ дѣло впередъ. Однако, подлинное раскрытіе всѣхъ богатствъ, заложенныхъ въ армянской поэзіи, суждено было только слѣдующему поколѣнію, — поэтовъ, родившихся въ 60-хъ годахъ XIX в. и, слѣдовательно, выступившихъ на литературное поприще въ 80-хъ и 90-хъ годахъ. Въ исторіи всѣхъ литературъ извѣстны такія эпохи, когда для поэзіи вдругъ наступаетъ время цвѣтенія, словно для вишневаго дерева съ наступленіемъ весны. Такую эпоху и пережила поэзія «русскихъ армянъ», когда въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка одинъ за другимъ стали выдвигаться—Иоаннисіанъ, Цатуріанъ, Туманьянъ и Исаакіанъ.

Иоаннесъ Иоаннисіанъ (род. въ 1864 г.) выступилъ съ первымъ сборникомъ стиховъ въ 1886 г., въ эпоху, когда поэтическая дѣятельность Шахъ-Азиза временно прервалась, а Патканьяна стала нѣсколько менѣе интенсивной, и былъ сразу встрѣченъ сочувственно и критикой и читателями. Съ тѣхъ поръ Иоаннисіанъ, до послѣдняго времени, продолжаетъ работать, какъ поэтъ, помѣщая свои стихи въ періодическихъ изданіяхъ, хотя отдѣльныхъ книгъ имъ издано немного (съ его именемъ вышло всего 3 сборника стиховъ). Образованіе Иоаннисіанъ получилъ въ Московскомъ университетѣ, что позволило ему вполне овладѣть русскимъ языкомъ и дать позднѣе нѣсколько мастерскихъ переводовъ различныхъ произведеній русской поэзіи. Нѣкоторое время Иоаннисіанъ былъ преподавателемъ въ

Эчмиадзинской академіи, затѣмъ—въ семинаріи въ Тифлисѣ; за послѣдніе годы—переселился въ Баку, гдѣ занялъ должность инспектора городскихъ училищъ. Человѣкъ прекрасно образованный, воспитавшій свой вкусъ на классическихъ образцахъ міровой литературы, Иоаннисіанъ, въ многихъ отношеніяхъ, былъ создателемъ новѣйшей фазы новой армянской поэзіи: многіе ея дѣятели являются или прямыми учениками Иоаннисіана или связаны съ нимъ узами дружбы и не избѣгали его благотворнаго воздѣйствія.

Указанныя черты характера Иоаннисіана опредѣляютъ и характеръ его поэзіи. Нѣтъ сомнѣнія, что его творчество, какъ и у всѣхъ истинныхъ поэтовъ, развилось лишь подъ вліяніемъ внутреннихъ, «бессознательныхъ» импульсовъ. Но, разсматривая его со стороны, можно подумать, что оно является результатомъ методически выполняемаго плана. Иоаннисіанъ словно ставилъ себѣ задачей—указать всѣ пути и дать всѣ образцы лирики. Пѣсня, ода, элегія, обработка исторической легенды, философское раздумье,—всѣ эти и другія основныя формы лирики были любовно и тщательно культивированы Иоаннисіаномъ. Онъ, съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ его предшественники отнесся также къ техникѣ своего искусства: языкъ Иоаннисіана чистъ и обдуманъ, его размѣры строго выдержаны, и его риѣма подчинена опредѣленнымъ законамъ. Выдающейся особенностью поэзіи Иоаннисіана является ея близость къ народной пѣснѣ: поэтъ обработалъ нѣкоторыя древнѣйшія пѣсни и преданія (напр., пѣсню о рожденіи Ваагна, легенду о царѣ Артасешѣ), воспользовался мотивами и приѣмами народной лирики, и нѣкоторыя стихотворенія Иоаннисіана вернулись въ народъ: поются, какъ подлинныя народныя пѣсни, утративъ имя своего автора (напр., пѣсня: «Аразъ течетъ, волной бія...»). Конечно, это—одна изъ высшихъ наградъ, о которой только можетъ мечтать поэтъ. Въ этомъ смыслѣ, Иоаннисіанъ, по истинѣ, поэтъ, національный. Между прочимъ связь новой поэзіи съ народной—характерна вообще для всей школы «русскихъ армянъ»: въ этомъ сказалась ея «традиционность», въ противоположность школѣ «турецкихъ армянъ», которая тѣснѣе связана съ теченіями «Запада»,—новыхъ европейскихъ литературъ. Ту же близость къ народной поэзіи находимъ мы въ творчествѣ Туманьяна и Исаакіана.

Ованнесъ Туманьянъ (род. въ 1869 г.) представляетъ срав-

нительно съ Іоаннісіаномъ, типъ поэта болѣе страстнаго, болѣе непосредственнаго. Уроженецъ горнаго Лори, во многихъ отношеніяхъ автодидактъ, человекъ огромной, но не систематической начитанности, влюбленный въ армянскую старину и близкій духомъ ко всему укладу народной жизни, Туманьянъ какъ бы олицетворилъ собою типъ южанина, въ которомъ причудливо сочетаются два начала: кейфъ и геній. Нынѣ уже почти «патріархъ» новой поэзіи, такъ какъ уже успѣло вырости новое поколѣніе поэтовъ, принесшихъ съ собою новые идеалы, Туманьянъ является центромъ всей армянской литературной жизни въ Тифлисѣ. Популярность Туманьяна, какъ поэта, огромна и особенно растетъ благодаря тому, что имъ написано много дѣтскихъ книжекъ,—сказокъ, легендъ, разсказовъ, болшею частью въ стихахъ,—которыя съ жадностью читаются дѣтьми. Такимъ образомъ подрастающія поколѣнія учатся любить слово и поэзію по страницамъ Туманьяна, и черезъ его стихи впитываютъ въ себя любовь къ родному языку. Въ то же время Туманьянъ охотно сотрудничаетъ въ мѣстной армянской прессѣ, давая преимущественно статьи по вопросамъ, связаннымъ съ исторіей литературы. И, кажется, нѣтъ во всемъ Тифлисѣ человека, кто не зналъ бы характерной сѣдой головы поэта и не любилъ бы его, какъ благороднаго человека и прекраснаго писателя.

Никакого методическаго плана, какой чудится (конечно, несправедливо) въ поэзіи Іоаннісіана, въ творествѣ Туманьяна усмотрѣть невозможно: оно разливалось свободно, какъ весенняя вода, подчиняясь лишь прихотливому вдохновенію художника. И вообще все творчество Туманьяна носитъ на себѣ черты импровизаторскаго таланта (что не исключаетъ работы художника надъ своими произведеніями, изъ которыхъ нѣкоторыя извѣстны въ двухъ и трехъ послѣдовательныхъ обработкахъ). Наибольшей силы поэзія Туманьяна достигаетъ въ лирическихъ поэмахъ, гдѣ сказывается всестороннее знаніе народной жизни и живое проникновеніе въ глубь народнаго духа. Для читателей другого народа знакомство съ поэмами Туманьяна (напр., съ его «Анушъ») даетъ больше въ познаніи современной Арменіи и ея жизни, чѣмъ могутъ дать толстые томы специальныхъ исследованийъ. Поэтъ, въ рѣзкихъ и яркихъ чертахъ, возсоздаетъ бытъ роднаго народа, но дѣлаетъ это, какъ художникъ, вызывая къ жизни незабывающіеся образы, не столько индиви-

дуализованные, сколько типическіе. Нѣкоторая небрежность стиха щедро искупается у Туманьяна чуткимъ пониманіемъ ритма и рѣдкимъ даромъ звукописи. Въ цѣломъ, поэзія Туманьяна есть сама Арменія, древняя и новая, воскрешенная и запечатлѣнная въ стихахъ большимъ мастеромъ. Въ дѣтскихъ сказкахъ Туманьянъ далъ образцы наивной безыскусственности и свѣтлаго юмора, понятнаго и близкаго дѣтямъ. Наконецъ, сдѣлано Туманьяномъ и нѣсколько стихотворныхъ переводовъ съ русскаго (отрывокъ изъ былины, баллады Пушкина и т. под.), въ которыхъ плѣняетъ изумительное проникновеніе въ духъ оригинала, способность угадать самую сущность переводимаго произведенія.

Третій типъ поэта является собою Аветикъ Исаакіанъ (род. въ 1875 г.). На цѣлое десятилѣтіе болѣе молодой, нежели Іоаннісіанъ и на 6 лѣтъ моложе Туманьяна, Исаакіанъ не минулъ тѣхъ вліяній, которыхъ остались чужды его старшіе соратники. Кроме того самая судьба Исаакіана сложилась иначе и передъ нимъ было болѣе широкое поле наблюденій, такъ какъ, не кончивъ курса въ Эчміадзинской академіи, онъ уже въ 1893 г. отправился за границу, гдѣ работалъ въ музеѣ въ Вѣнѣ и слушалъ лекціи въ Лейпцигѣ. Послѣ того поэтъ неоднократно вновь уѣзжалъ въ Западную Европу, гдѣ находится и нынѣ. Благодаря сближенію съ европейскими литературными кругами, Исаакіанъ испыталъ воздѣйствіе того «символистическаго движенія», которое властно захватило всю европейскую литературу въ концѣ XIX в., хотя, впрочемъ, оно отразилось на творествѣ армянскаго поэта только въ своихъ основныхъ чертахъ, скорѣе какъ міровоззрѣніе, чѣмъ какъ литературная программа. Нѣкоторыя обстоятельства личной жизни, нашедшія, конечно, соответствующую почву въ самомъ характерѣ поэта, лишили его также той цѣльности, которая такъ привлекаетъ въ поэзіи Іоаннісіана и Туманьяна. Въ творествѣ Исаакіана есть надломъ, надрывъ, котораго нѣтъ у его старшихъ собратьевъ, и это сообщаетъ его стихамъ особую остроту. Насколько поэзія Іоаннісіана—серьезно-спокойна, настолько творчество Туманьяна—страстно-радостно (говоримъ, конечно, объ общемъ устремленіи поэтовъ, а не объ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ), настолько стихи Исаакіана страдальчески безпокойны и порывисты.

Литературное богатство Исаакіана можно раздѣлить на двѣ половины. Первую составляютъ его пѣсни, въ которыхъ

поэтъ такъ близко подошелъ къ складу народной лирики, что инья стихотворенія кажутся созданіями безымянныхъ пѣвцовъ, новой серіей народныхъ пѣсень. Всѣ обычные мотивы народной лирики использованы здѣсь со всѣмъ тѣмъ мастерствомъ, какое даетъ въ руки поэту новѣйшая стихотворная техника. Этого рода стихотворенія связываютъ Исаакіана съ поэзіей Іоаннисіана и Туманьяна, дѣлая его характернымъ представителемъ школы «русскихъ армянъ», продолжателемъ лучшихъ традицій прошлаго армянской литературы. Другую половину въ творчествѣ Исаакіана образуютъ его рефлексивныя стихотворенія и его большая поэма «Абу-Ала-Маари», въ которыхъ особенно явно сказывается вліяніе символическаго періода литературы. Здѣсь Исаакіанъ выступаетъ какъ одинъ изъ европейскихъ поэтовъ, ставя себѣ тѣ же или сходныя задачи, разрѣшить которыя стремятся и лирики другихъ народовъ,— французскіе, нѣмецкіе, русскіе... По этимъ стихамъ можно судить, какого большого мастера имѣетъ армянская литература въ лицѣ Аветика Исаакіана. Впрочемъ, характерно все же, что герою его основной поэмы избранъ арабскій поэтъ и что вся она насыщена роскошью и нѣгой Азіи. Элементы Востока и здѣсь торжествуютъ свою побѣду въ созданіи представителя школы «русскихъ армянъ», какъ элементы Запада господствуютъ вездѣ въ творчествѣ представителей школы «турецкихъ армянъ».

Въ виду особенно важнаго значенія поэзіи Іоаннисіана, Туманьяна и Исаакіана для всей современной армянской литературы, въ нашемъ сборникѣ ихъ творчество представлено исключительно полно. Эти три поэта составляютъ наиболѣе яркое «трехзвѣздіе» на небѣ армянской литературы, и ея историческіе пути лежатъ черезъ дѣятельность этихъ трехъ писателей. Дальнѣйшее развитіе армянской поэзіи должно быть,—и такъ оно есть въ дѣйствительности,—частью развитіе началъ, заложенныхъ ими, частью преодоленіе поставленныхъ ими предѣловъ, ибо въ «новомъ» всегда продолженіе «старого» соединяется съ его разрушеніемъ. Мы постарались представить разнообразнѣйшіе образцы творчества Іоаннисіана, въ томъ числѣ и его воссозданія древнѣйшихъ пѣсень и легендъ. Поэзія Туманьяна представлена преимущественно его лирическими поэмами, въ центрѣ которыхъ стоитъ всеобъемлющая «Анушъ»; къ ней присоеди-нена историческая поэма «Голубиный скитъ», воссоздающая прошлое Арменіи, и «Сердце дѣвы»; переведена нами и одна

изъ дѣтскихъ сказокъ: «Капля меда». Въ творчествѣ Исаакіана нами представлены обѣ половины: рядъ пѣсень, приближающихся къ народнымъ, и рядъ символическихъ стихотвореній, вмѣстѣ съ большой поэмой (или «каситомъ въ 7 сурахъ», какъ озаглавилъ авторъ) «Абу-Ала-Маари». Страницы, отведенныя Іоаннисіану, Туманьяну и Исаакіану, являются центральными въ отдѣлѣ новой армянской поэзіи, характеризуя то высшее развитіе, которое пока было ею достигнуто.

Нѣсколько обособленно отъ этой линіи исторической эволюціи стоитъ поэзія Александра Цатуріана (род. въ 1865 г.), и только потому ее приходится разсматривать здѣсь отдѣльно, такъ какъ, по своему вліянію на современниковъ и по своему абсолютному значенію, она не уступала дѣятельности трехъ названныхъ поэтовъ. Ровесникъ Іоаннисіана, Цатуріанъ выступилъ въ литературѣ въ тотъ же благоприятный моментъ, когда читатели ждали новаго поэта, и его первые стихи почти сразу создали ему видное имя. Воспитанный въ тяжелой школѣ жизни, самъ пробивавшій себѣ путь, Цатуріанъ тѣснѣе связалъ свою поэзію съ вопросами общественными, которымъ посвятилъ значительную часть своихъ стиховъ, особенно позднѣйшаго періода. Но, рядомъ съ ними, онъ далъ и образцы непосредственнаго лиризма, развивающаго «извѣчныя» темы любви и красоты природы. Воспитывая свой вкусъ, преимущественно, на лучшихъ созданіяхъ русской поэзіи, Цатуріанъ много вниманія удѣлялъ отдѣлкѣ языка и, въ этомъ отношеніи, его стихи, въ свое время, представляли значительный шагъ впередъ, что и было тогда же единодушно отмѣчено критикой. Роднитъ же Цатуріана съ плеядой его современниковъ та же прикосновенность его поэзіи къ поэзіи народной, которую мы отмѣчали у всѣхъ дѣятелей школы «русскихъ армянъ»: такъво, напр., очаровательное стихотвореніе «Веселый май, зеленый май!»

Выдающееся положеніе занимаетъ Цатуріанъ въ армянской литературѣ, какъ переводчикъ стихами. И Іоаннисіанъ и Туманьянъ подарили родной поэзіи нѣсколько превосходныхъ переводовъ, но у нихъ то было дѣломъ случайнаго вдохновенія. Александръ Цатуріанъ, напротивъ, сознательно и систематически посвятилъ себя переводамъ. Въ двухъ томахъ имъ была издана антологія изъ избранныхъ произведеній Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Никитина и Плещеева; помимо того, Цатуріаномъ были переведены «Стихотворенія въ прозѣ»

Тургенева, «три разказа» Гюи-де Мопассана, отдѣльныя произведенія Шиллера (переводомъ его стихотворенія «Дитя въ колыбели» Цатуріанъ дебютировалъ въ печати, въ 1886 г.), Байрона, Гартмана, Гюго, Гейне и др. Эта дѣятельность переводчика, разумѣется, не могла отразиться въ нашемъ сборникѣ; точно также, по общему характеру книги, мы не включали въ нее полу-сатирическихъ, полу-юмористическихъ стихотвореній Цатуріана, собранныхъ имъ въ сборникѣ «Шалости пера», гдѣ есть очень удачныя пьесы. Чистая же лирика Цатуріана представлена въ нашемъ сборникѣ, по возможности, во всѣхъ ея основныхъ направленіяхъ.

Рядомъ съ этими, наиболѣе видными поэтами своего поколѣнія, работало не мало и другихъ, среди которыхъ прежде всего должно назвать Дереника Дѣмерчяна (род. въ 1876 г.). Его дѣятельность не имѣла такого же вліянія, какъ дѣятельность его старшихъ сотоварищей, но причина тому, главнымъ образомъ, въ скупости Дѣмерчяна, какъ писателя: посвящая свое время другимъ областямъ дѣятельности (въ томъ числѣ—музыкѣ), онъ не имѣлъ возможности обработать и раскрыть свое дарованіе. Именемъ Дѣмерчяна подписано лишь ограниченное число стихотвореній, но среди нихъ есть прекрасная историческая поэма о Лангтимурѣ, отрывки изъ которой представлены въ нашемъ сборникѣ, какъ и небольшое, но плѣнительное по напѣву, лирическое стихотвореніе «Осень». Нынѣ Дереникъ Дѣмерчянь живеть въ Тифлисі, примыкая къ литературному кружку Туманьяна и являясь однимъ изъ лучшихъ поэтовъ его «школы».

Болѣе драматургомъ, нежели лирикомъ является Левонъ Мануэльянъ (род. въ 1864 г.), авторъ также романа «Разбитая жизнь», разказовъ и нѣсколькихъ поэмъ. Нѣсколько стихотвореній Мануэльяна было въ свое время переведено на русскій языкъ, но они не представляютъ никакого существеннаго уклона отъ того, что сдѣлано другими, болѣе видными поэтами его поколѣнія. То же приходится сказать о стихотвореніяхъ Леренца, выступившаго какъ ученикъ Патканьяна, но замѣнившаго страстную одушевленность своего учителя разсудочной риторикой; постольку и д е й н а я поэзія имѣеть всѣ права на вниманіе и всю силу воздѣйствія на души современниковъ, постольку поэзія т е н д е н ц і о з н а я стоитъ внѣ путей художественной эволюціи. Ученикомъ Туманьяна выступилъ Ваанъ Миракіанъ,

(род. въ 1875 г.), издавшій интересную поэму «Охота Лалвара,» подъ псевдонимомъ Мирь-Коно; но поэтъ не далъ болѣе ничего, и потому пока не можетъ быть включенъ въ общій ходъ развитія армянской поэзіи. Наконецъ, оставляя въ сторонѣ рядъ другихъ именъ, мы должны назвать поэтессу Шушаникъ Кургиньянь (род. въ 1876 г.), которая, послѣ первыхъ опытовъ, въ духѣ Исаакіана, обратилась къ идейной поэзіи въ духѣ правобѣрнаго марксизма. Въ этомъ отношеніи Кургиньянь представляетъ собою характерное явленіе въ армянской поэзіи. Въ стихахъ Кургиньянь есть одушевленіе, и ея поэзія въ нашемъ сборникѣ представлена. Добавимъ, что по тому же пути стремится итти Акопъ Акопіанъ (род. въ 1869 г.) и нѣсколько другихъ, болѣе молодыхъ поэтовъ.

Таковы были пути развитія школы «русскихъ армянъ» при поэтахъ старшаго поколѣнія, творчество которыхъ опредѣлилось еще въ концѣ XIX и въ самомъ началѣ XX в. Одновременно съ тѣмъ поэзія «турецкихъ армянъ» шла впередъ своими путями, слѣдуя, въ общихъ чертахъ, эволюціи западно-европейскихъ литературъ, особенно французской. Такъ западно-армянскіе поэты, безусловно, подпали подъ вліяніе французскаго «парнаса» («парнасской школы»), требовавшего прежде всего безупречности формы и отрѣшенія поэта отъ своей личности,—исчезновенія поэта за создаваемыми имъ образами. Направленіе «парнаса», во всѣхъ литературахъ, усвоившихъ его, всегда вело къ извѣстной холодности творчества, но зато способствовало развитію пластики въ поэзіи и доводило до высшаго совершенства технику стиха. То же произошло и съ поэзіей «турецкихъ армянъ», которая въ рядѣ своихъ лучшихъ созданій можетъ гордиться «непогрѣшимой» формой («impressable») — техническое слово въ этомъ отношеніи), большой скульптурностью образовъ и обдуманностью содержанія, въ ущербъ непосредственности вдохновеній и страстности стиховъ.

Спасительнымъ элементомъ оставалась для армянскихъ поэтовъ ихъ неизмѣнная любовь къ родинѣ, которая согрѣвала и оживляла ихъ «парнасскія» созданія. Впрочемъ, нѣкоторые изъ поэтовъ даже въ выборѣ темъ не избѣгли вліянія своихъ западныхъ сотоварищей, и, уклонившись отъ чисто-національныхъ сюжетовъ, разрабатывали задачи интернаціональныя. Несомнѣнно, по своей абсолютной цѣнности, иныя изъ такихъ стихотвореній не уступаютъ написаннымъ на темы народныхъ,

связанныя съ жизнью Арменіи. Для читателя-армянина эти произведенія «турецкихъ армянъ» могутъ представлять высокое очарованіе, такъ какъ на родномъ языкѣ даютъ ему ту же красоту, которую онъ долженъ былъ бы иначе искать въ созданіяхъ чужеземныхъ поэтовъ. Но такое очарованіе исчезаетъ для читателя другой націи, который можетъ знакомиться съ этой красотой или въ стихахъ своихъ поэтовъ или въ какой-либо иной, не армянской, литературѣ. Историческое значеніе за дѣломъ школы «турецкихъ армянъ» остается, и для армянской литературы она дала много необходимаго и прекраснаго; но ея значеніе для читателей не-армянъ, черезъ это, значительно уменьшается. Въ частности русскій читатель—и тѣ «вѣчныя» темы, которыя столь охотно и успѣшно разрабатываетъ школа «турецкихъ армянъ», и ту «безупречную» красоту формы, которой достигаетъ она въ своихъ лучшихъ созданіяхъ,—знаетъ и по стихамъ русскихъ поэтовъ и по творчеству французскихъ парнасцевъ. Вотъ почему въ нашемъ сборникѣ поэзіи «турецкихъ армянъ» удѣлено меньше мѣста, нежели «русскихъ», хотя мы и высоко цѣнимъ отдѣльныя произведенія западныхъ армянскихъ поэтовъ.

Надобно, впрочемъ, признать, что школа «турецкихъ армянъ» не дала поэта, который, по широтѣ захвата и по богатству творчества, могъ бы быть поставленъ въ рядъ съ корифеями школы русскихъ армянъ. На смѣну Пешикташляну и Дуріану не пришелъ поэтъ съ такой же стихійной силой дарованія. Если не говорить о дѣятельности Демірчибашіана, съ поэзіей котораго мы не могли ознакомиться (по причинамъ, указаннымъ въ «объясненіи редакціи»), то поколѣнію Іоаннисіана, Цатуріана, Туманьяна и Исаакіана соотвѣтствуетъ среди «турецкихъ армянъ» поколѣніе—г-жи Сипиль, Шанта, Чобаньяна, Малезіана и Тэкэяна; моложе ихъ, но примыкаетъ къ нимъ по характеру своей поэзіи—Мэцарэнцъ. Однако, изъ ряда этихъ поэтовъ ни одинъ не создалъ своего цѣльнаго «міра», какой открывается, напр., въ творествѣ Туманьяна. Всѣ они ктому же исключительно лирики и чуждаются слишкомъ обширныхъ замысловъ и всеобъемлющихъ задачъ.

Шантъ (род. въ 1869 г.)—болѣе драматургъ, нежели лирикъ. Его драмы очень замѣчательны (одна изъ нихъ, «Старые боги», недавно была переведена на русскій языкъ), но какъ чистый поэтъ онъ облюбовалъ себѣ ограниченное мѣсто: фило-

софскихъ раздумій. Какъ философъ-лирикъ, Шантъ создалъ рядъ превосходныхъ стихотвореній, глубоко продуманныхъ и тонко исполненныхъ. Особое очарованіе поэзіи Шанта коренится въ совершенной гармоніи между формой и содержаниемъ: они у него связаны неразрывно, и чувствуется, что данная мысль могла быть выражена только въ данныхъ образахъ и никакихъ иныхъ... Г-жа Сипиль (род. въ 1863 г.) дала рядъ красивыхъ стихотвореній, ни въ чемъ не уступающихъ лучшимъ произведеніямъ французской поэзіи того же періода. Въ стихахъ г-жи Сипиль есть что-то характерно-женственное, что рѣдко встрѣчается въ армянской поэзіи.—Есть задушевность въ поэзіи Малезіана (род. въ 1873 г.), и есть большое мастерство въ строгихъ стихотвореніяхъ Мисака Мэцарэнца (род. въ 1885 г.), скончавшагося рано и не успѣвшаго развить свое прекрасное дарованіе.

Наиболѣе разнообразенъ и многостороненъ среди этихъ поэтовъ Ваанъ Тэкэянь (род. въ 1877 г.). вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и болѣе націоналенъ, такъ какъ охотно затрагиваетъ темы армянской жизни и вопросы о судьбахъ Арменіи. Есть отголоски поэзіи Пешикташляна и Дуріана въ стихахъ Тэкэяна и вообще онъ можетъ считаться, съ наибольшимъ правомъ, ихъ прямымъ преемникомъ. Со школой «турецкихъ армянъ» Тэкэяна роднитъ мастерство формы, разработанной у него, какъ у всѣхъ западно-армянскихъ поэтовъ до высокаго совершенства. Съ другой стороны Тэкэяна приближаютъ къ школѣ «русскихъ армянъ» темы, которыя характерны для русско-армянскихъ поэтовъ,—напр., о легендарной «лампадѣ Просвѣтителя». Въ нашемъ сборникѣ поэзія Ваана Тэкэяна представлена рядомъ переводовъ, какъ даны образцы и поэзіи г-жи Сипиль, Шанта, Малезіана и Мэцарэнца. Стихи этихъ поэтовъ, какъ сходные по приемамъ съ творчествомъ поэтовъ французскихъ, легко, сравнительно, поддаются переводу, но врядъ ли увеличеніе числа этихъ переводовъ соотвѣтствовало бы назначенію нашей книги.

Особое мѣсто занимаетъ въ армянской литературѣ Аршакъ Чобаньянь (род. въ 1872 г.). Неутомимый дѣятель и плодовитый писатель, онъ оказалъ родной литературѣ неоцѣнимыя услуги. Онъ издавалъ тексты забытыхъ армянскихъ писателей, перевелъ на французскій языкъ образцы народной армянской лирики и лирики средневѣковой, собранные имъ въ двухъ томахъ, редактировалъ, въ Парижѣ, армянскій журналъ, выступалъ съ лек-

ціями и докладами по вопросамъ, связаннымъ съ армянской жизнью и т. д.,—вообще сдѣлалъ такъ много, какъ никто, для знакомства западной публики съ Арменией. За все это армянская литература обязана глубокой благодарностью Аршаку Чобаніану. Меньшее значеніе можетъ имѣть его собственное поэтическое творчество, съ которымъ онъ тоже ознакомилъ европейскихъ читателей, издавъ сборникъ своихъ стиховъ въ собственномъ переводѣ на французскій языкъ. Стихи Чобаніана, чаще всего перепѣвъ, иногда — талантливый, поэзіи новыхъ французскихъ поэтовъ, особенно Бодлера и Верлена. Въ нашемъ сборникѣ представлено два стихотворенія А. Чобаніана.

Въ общемъ можно установить, что сбѣ школы—«русскихъ» и «турецкихъ армянъ», независимо отъ размѣра дарованія отдѣльныхъ поэтовъ, выполняли въ XIX в. каждая свою миссію. Первая—продолжала и развивала традиціи древней армянской литературы и сохраняла тѣснѣйшую связь съ народной поэзіей и народной жизнью. Вторая—совершенствовала технику и вводила въ армянскую литературу идеи и принципы западныхъ литературъ, усваивая себѣ ихъ новыя завоеванія. Какъ мы уже указывали, то было возрожденіе, въ новой формѣ, въ новой одеждѣ, исконной въ армянской литературѣ борьбы началъ Востока и Запада. Черезъ русскую литературу, несомнѣнно вліявшую на поэтовъ русской Арменіи, проникало въ армянскую литературу углубленное отношеніе къ выдвигаемымъ вопросамъ, какъ черезъ французскую литературу, столь же несомнѣнно вліявшую на западно-армянскихъ поэтовъ, стремленіе къ совершенству стили и формы. Попытка соединить оба эти направленія выпала на долю слѣдующаго поколѣнія поэтовъ, дѣятельность которыхъ еще только развивается въ наши дни.

7.

Наиболѣе виднымъ дѣятелемъ среди молодыхъ поэтовъ «русской Арменіи» должно признать Ваана Тэріана (род. въ 1885 г.). Выступившій съ первымъ сборникомъ стиховъ въ 1905 г., но, въ рядѣ стихотвореній опубликованныхъ позже, значительно разившій и углубившій темы своей поэзіи, Тэріанъ былъ принятъ читателями и критикой, какъ несомнѣнная величина, хотя въ оцѣнкѣ его голоса и раздѣлились. Ученикъ символистствъ, Тэріанъ сдѣлалъ попытку усвоить армянской поэзіи все, что

было достигнуто европейской поэзіей (особенно,—русской и французской) за самую послѣднюю десятилѣтія. Такъ, Тэріанъ коснулся темъ, которыя раньше оставались внѣ кругозора армянскихъ поэтовъ, искалъ новыхъ ритмовъ въ армянскомъ стихѣ, съ исключительной строгостью отнесся къ рѣмѣ, наконецъ, далъ нѣсколько превосходныхъ переводовъ новѣйшихъ русскихъ и французскихъ поэтовъ. Всѣ эти стремленія сближаютъ Тэріана скорѣе съ западно-армянскими поэтами, но онъ остался вѣренъ основнымъ теченіямъ школы «русскихъ армянъ» задушевностью своихъ вдохновеній, подходомъ ко многимъ вопросамъ, всѣмъ своимъ міросозерцаніемъ (не говоря уже о языкѣ и стилѣ). Въ нашемъ сборникѣ поэзія Тэріана представлена нѣсколькими разнообразными образцами, но, конечно, полного раскрытія его творчества должно ждать только въ будущемъ.

Тѣмъ болѣе должно это сказать о молодыхъ поэтахъ, которые выступили какъ продолжатели начатаго Тэріаномъ дѣла. Всѣ они еще очень молоды и направленіе ихъ творчества совершенно не опредѣлилось. Мы даемъ, только какъ примѣръ, два стихотворенія Теръ-Мартirosіана, не желая, тѣмъ, однако, выдѣлить начинающаго лирика изъ ряда другихъ и отказываясь высказать рѣшительное сужденіе о размѣрахъ его дарованія. Ктому же, рядомъ съ поэтами, которыхъ, въ общихъ чертахъ, можно отнести къ нарождающейся «школѣ Тэріана», работаютъ въ армянской литературѣ другіе молодые поэты, идущіе своими, отъ него независимыми, путями. Такова талантливая поэтесса, скрывающаяся подъ псевдонимомъ Лейли, одно стихотвореніе которой представлено въ нашемъ сборникѣ. Сколько можно судить по тому немногому, что до сихъ поръ напечатано ею, Лейли не задается никакими «программами» и безыскусственно, но не безъ подлинной, непосредственной художественности, пересказываетъ въ стихахъ свои личныя радости и печали, чаще—печали. Перечисленіе другихъ молодыхъ поэтовъ, какъ г-жа Арменуи Тиграніанъ и др., и характеристика ихъ начинаній вышли бы изъ предѣловъ нашей вступительной статьи.

Характерно, что въ то время, какъ, въ поэзіи Ваана Тэріана и его соратниковъ, школа «русскихъ армянъ» дѣлаетъ шаги въ сторону большаго мастерства и большаго строгости техники, школа «турецкихъ армянъ», въ своихъ молодыхъ представителяхъ, устремляется къ большому углубленію и къ большаго широтѣ содержанія. Особенно замѣтно это въ стихахъ

двухъ молодыхъ дѣятелей западно-армянской литературы: Даниэла Варужана и Сіаманто (псевдонимъ Атома Ярджаньяна). О томъ, какія надежды въ будущемъ можно соединить съ этими именами, сейчасъ говорить затруднительно, такъ какъ есть горестное извѣстіе, будто оба молодыхъ писателя трагически погибли въ страшные дни начала великой войны (впрочемъ, есть и противоположный слухъ, утверждающій, что обоимъ имъ удалось спастись отъ турецкой рѣзни). Во всякомъ случаѣ и то, что уже сдѣлано Варужаномъ и Сіаманто достаточно для того, чтобы обезпечить имъ мѣсто въ исторіи армянской литературы и уяснить общее устремленіе ихъ поэзіи.

Варужанъ и Сіаманто, подобно многимъ западно-армянскихъ поэтамъ, не избѣгли вліянія французской поэзіи, но выбрали своими образцами тѣ ея новыя созданія, въ которыхъ она освобождается отъ обособленности «символистовъ», а ищетъ сближенія съ жизнью. Какъ извѣстно, этотъ выходъ изъ «башни изъ слоновой кости» всего рѣзче выразился въ мощномъ творчествѣ Эмиля Верхарна, и отзвуки его поэзіи, дѣйствительно, явно звучатъ въ стихахъ Варужана. Даже въ формѣ стиховъ и Варужана и Сіаманто, въ неравномѣрныхъ строкахъ ихъ поэмъ, чувствуется вліяніе французскихъ «верлибристовъ»,—того же Верхарна, Вьеле-Гриффина и др. Но молодые армянскіе поэты учились у французскихъ собратьевъ не только техникѣ, но и ихъ живой связи съ окружающей дѣйствительностью. Миръ современной жизни и запросы современной души нашли свое выраженіе въ стихахъ Варужана и Сіаманто, но не въ тенденціозно-реторическихъ разсужденіяхъ, а въ живыхъ образахъ, возвышающихся до значенія всеобщаго символа. Варужанъ болѣе суровъ и жестокъ; Сіаманто болѣе лириченъ и женственъ; но оба—истинные поэты. Каждый изъ нихъ представленъ нѣсколькими образцами въ нашемъ сборникѣ.

Великая война нашихъ дней должна во многомъ измѣнить положеніе армянскаго народа, и это, конечно, отразится въ армянской литературѣ и въ армянской поэзіи. Можно надѣяться, что произойдетъ болѣе тѣсное сближеніе между двумя, долгое время жившими обособленно, частями армянскаго народа, что западные армяне подадутъ руку восточнымъ, а въ литературѣ двѣ раздѣльныя «школы» сольются въ одну. Есть уже несомнѣнные признаки такого сближенія. Тогда основныя достоинства поэзіи западныхъ армянъ,—выработанность стиля и формаль-

ныя достиженія,—сочетаются съ основными достоинствами поэзіи армянъ восточныхъ,—съ постоянной углубленностью содержания и близостью къ традиционнѣмъ началамъ прошлаго. То будетъ первый этапъ въ новомъ осуществленіи вѣковѣчной задачи армянской литературы—найти синтезъ Запада и Востока.

Давно сказано, что пророкомъ быть—дѣло мудреное. Среди дѣятелей молодой армянской поэзіи можно указать поэтовъ безусловно талантливыхъ. Но талантъ—явленіе случайное, благостный даръ неба, какъ голубые глаза. Явятся ли новыя таланты въ ближайшіе годы, и какіе именно, этого намъ знать не дано. Но по всему, что мы знаемъ о прошломъ армянской литературы, мы вправѣ утверждать, что передъ ней открыты самыя широкія перспективы. Въ народной армянской поэзіи и въ поэзіи армянскаго средневѣковья заключенъ неисчерпаемый родникъ новыхъ вдохновеній. *Первая задача* грядущихъ поэтовъ Арменіи—прикинуть къ этому живительному ключу, черпать затаенные въ немъ мотивы и по-новому разрабатывать ихъ, во всеоружіи современной стихотворной техники и въ соотвѣтствіи съ духомъ времени и его новыми запросами. *Вторая задача*, тѣсно связанная съ первой и подсказанная всѣмъ прошлымъ армянской литературы,—искать и явить міру новый синтезъ двухъ вѣковѣчныхъ началъ, которыми живетъ все человечество и которыя такъ ярко выражены, въ своемъ взаимодействіи, въ исторіи Арменіи: началъ Запада и Востока. Примирить ихъ въ высшемъ единствѣ, что, на другой ступени развитія, уже было сдѣлано поэтами армянскаго средневѣковья.— есть выполненіе исторической миссіи всего армянскаго народа. Наконецъ, *третья задача* армянской поэзіи это—полное, всестороннее, предѣльное выявленіе народнаго національнаго духа... Мировую поэзію справедливо сравнивали съ божественной арфой, для которой каждый отдѣльный народъ служить какъ бы особой струной. Заставить свою струну звучать ей присущимъ, единственно ей свойственнымъ звукомъ, отличнымъ отъ другихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ звучать такъ, чтобы ея голосъ гармонично сливался со звуками другихъ струнъ, образуя единую мировую мелодію, таково самое, быть можетъ, высшее призваніе національнаго армянскаго поэта...

Сквозь черныя тучи, столько разъ заволакивавшія горизонтъ армянской исторіи, сквозь грозную и душную мглу, столько разъ застлавшую жизнь армянскаго народа, побѣдно

пробивались и сіяютъ понынѣ—огненные лучи его поэзіи. Это сіяніе кажется намъ лучшимъ обѣтомъ и для историческихъ судьбъ Арменіи въ будущемъ... Перефразируя слова Тургенева, мы можемъ сказать съ твердымъ убѣжденіемъ: «Нельзя вѣрить, чтобы такая поэзія не была дана народу съ великимъ будущимъ».

НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ.

ПѢСНИ

ЛЮБОВНЫЯ, ОБРЯДОВЫЯ, ВОЕННЫЯ, ДУМКИ И ДР.

I. Изъ древнѣйшихъ пѣсенъ.

Рожденіе Ваагна.
О царѣ Арташесѣ.
О построеніи Вардгеса.
Пѣсня о разсвѣтѣ.

II. Пѣсни о любви.

Пѣсни о любви. 1—9.
Джанъ-гюлюмы. 1—11.

III. Пѣсни колыбельныя, обрядовыя, заплачки и др.

Колыбельныя. 1—4.
Свадебная пѣсня.
Похоронныя. 1—5.
Религіозныя. Заклинанія. 1—6.

IV. Пѣсни о природѣ, думки и др.

Ноктюрь и др. 1—4.
Пѣсня хариба.
Плясовая ванцевъ.

V. Военныя пѣсни.

Зейтунскій маршъ.
Военная эрзерумская пѣсня.
Пѣсня удальцовъ.

VI. Средневѣковыя пѣсни, народныя и неизвѣстныхъ авторовъ.

На плѣненіе короля Левона.
Пѣсня аиста.
Юноша и вода.
О, злая, съ черной красотой...
Пѣсня пахарей.
Пѣсня о четырехъ элементахъ.

VII. Подражаніе народному.

Пѣсня Арутюна Туманьяна.

Перевель *Валерій Брюсовъ*.

ИЗЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ПѢСЕНЪ.

1.

РОЖДЕНІЕ ВААГНА. ¹

Небеса и Земля были въ мукахъ родинъ,
Морей багрянець былъ въ страданьи родинъ,
Изъ воды возникъ алый тростникъ,
Изъ горла его дымъ возникъ,
Изъ горла его пламень возникъ,
Изъ того огня младенець возникъ,
И были его власы изъ огня,
Была у него брада изъ огня,
И, какъ солнце, былъ прекрасенъ ликъ.

2.

О ЦАРѢ АРТАШЕСѢ. ²

ОТРЫВОКЪ.

Храбрый царь Арташесъ на вороного сѣлъ,
Вынулъ красный арканъ съ золотымъ кольцомъ,
Черезъ рѣку махнулъ быстрокрылымъ орломъ,
Метнулъ красный арканъ съ золотымъ кольцомъ,
Аланской царевны станъ обхватилъ,
Стану нѣжной царевны боль причинилъ,
Быстро въ ставку свою ее повлачилъ.

¹ Ваагнъ—божество армянской мифологіи, отождествляемое, позднѣе, съ Геракломъ.

² Арташесъ—одинъ изъ царей древнѣйшей Арменіи; въ пѣснѣ—лицо полумифическое. По преданію, Арташесъ воевалъ съ аланами.

3.

О ПОСТРОЕНИИ ВАРДГЕСА.¹

Отдѣлился, пошелъ Вардгесь-юноша,
Изъ области Туховъ къ Касахъ-рѣкѣ.
Онъ пришелъ и сѣлъ на Шрепгъ-холмѣ,
Близъ города Артимедъ у Касахъ-рѣки,
Тесать да ваять Еруанда врата.

4.

ПѢСНЯ О РАЗСВѢТѢ.

Скоро будетъ свѣтло,
Свѣтъ есть добро!
Птицы—въ гнѣздѣ,
Куры—на своемъ шестѣ.
Лѣнивецъ поконится, спитъ,
Работникъ на дѣло спѣшитъ.
Небесная дверь растворяется,
Тамъ тронъ золотой возвышается,
Христось на престолѣ сидитъ,
Предъ нимъ Просвѣтитель² стоитъ,
Золотое Онъ держитъ перо,
Онъ пишетъ, гдѣ зло, гдѣ добро,
Чтобъ праведныхъ сонмъ ликоваль,
Чтобъ грѣшниковъ сонмъ возрыдалъ.

¹ Вардгесь—селеніе, укрѣпленное, по преданію, царемъ Вахаршемъ; Еруандъ—полумифическій армянскій царь.

² Григорій, Просвѣтитель Арменіи.

ПѢСНИ О ЛЮБВИ.

1.

ПѢСНЯ НА ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНІЯ.

Роза распустилась подъ Ваномъ въ саду.
Господи! дорогу какъ туда найду!
Милая, малютка, скажи мнѣ: ты чья?
Цѣлый міръ отвѣтитъ: ты—моя, моя!

Роза распустилась и пѣтухъ пропѣлъ.
Милую въ саду я утромъ подсмотрѣлъ.
Роза распустилась утромъ подъ росой,
Милая срывала розы предъ собой.

Роза распустилась въ Воскресенье Розъ.¹
Ты зажгла любовью рощу моихъ грезъ.
Милая, малютка, скажи мнѣ: ты чья?
Цѣлый міръ отвѣтитъ: ты—моя, моя!

2.

Для милой надо платье сшить,
А тканью солнце можетъ быть,
Подкладкой платью—лунный свѣтъ,
И лучше тучекъ—нитокъ нѣтъ,

¹ Воскресенья Розъ или день розъ—праздникъ Преображенія Господня.

Уборы—лѣна на волнахъ,
Застежки—звѣзды въ небесахъ,
А ей на грудь цвѣтокъ—я самъ!

3.

Ахъ, раствориться,—и стать водой,
И покатиться—большой рѣкой,
Водой струиться,—ахъ! ключевой!
А яръ¹ пришла бы—налить кувшинъ,
Я прожурчалъ бы—въ ея кувшинъ,
Съ водой поднялся—ей на плечо,
Ей грудь облилъ бы—такъ горячо!

4.

Я повторять всегда готовъ!
«Не надо розъ,—онѣ явять,
Люби фиалку безъ шиповъ,
Ея такъ нѣженъ аромать.

Ты розу пышную нашель?
Она увянетъ,—вотъ гляди!
Люби цвѣтокъ, что не расцвѣлъ,—
Онъ расцвѣтаетъ на груди!»

5.

Отнесите меня къ дверямъ милой моей;
Раны сердца открывъ, покажите вы ей;
Пальцы рукъ пусть горять, подобно свѣчамъ,
Пусть, засыпанъ пескомъ, прахъ струитъ оймѣамъ;
На могилу она пусть глядитъ у дверей!

¹ Яръ—милая (и милый), возлюбленная (и возлюбленный).

6.

Какъ изъ яблокъ шербеть—твой румяный ликъ!
Губы—медь у тебя, и сахаръ—языкъ!
Голосъ твой—каманча¹, сердце жаждетъ—тебя,
Словно звѣзды—твой взглядъ, груди—сладостный садъ!

Если въ садъ ты войдешь,—какъ стань твой высокъ!
Пощелуетъ тебѣ ноги каждый цвѣтокъ,
Всѣ деревья тебѣ отвѣсятъ поклонъ,
И стыдно лунѣ блистать въ вышинѣ.

Какъ павлинь ты идешь, хороша и стройна
Въ переливныхъ цвѣтахъ, и ала и блѣдна.
Да какую изъ птицъ съ тобой сравнить?
И чайкъ морской не спорить съ тобой!

7.

Былъ бы сазомъ² я, лежалъ бы
На груди твоей весь день;
Былъ бы поясомъ шелковымъ,
Оплеталъ бы я твой станъ;
Былъ бы розой, окроплялъ бы
Я тебя росой весь день;
Былъ бы я водой фонтана,
Проникалъ бы я въ твой ротъ;
Былъ бы я струной, звучалъ бы
Для тебя я цѣлый день;
Былъ бы я виномъ гренады,
Ты меня бы берегла.
Былъ бы ласточкой желалъ я
И ласкалъ бы твой языкъ;
Свивъ гнѣздо подъ милой кровлей,
Вывель птенчиковъ, имъ пѣлъ бы,
Утолилъ свою любовь!

¹ Каманча—народный музыкальный инструментъ.

² Сазъ—народный музыкальный инструментъ.

Я отъ вечера до утра
 На твое бѣ лицо смотрѣлъ;
 Съ наступленьемъ ночи темной
 Я бѣ къ тебѣ войти сумѣлъ;
 Я отъ вечера до утра
 Близъ тебя во мглѣ сидѣлъ;
 Съ наступленьемъ зорьки ранней
 Я въ гнѣздо скрывался бѣ вновь,
 А когда вставало бѣ солнце
 Въ Божій міръ гулять летѣлъ!

8.

Ахъ, дѣва! твой станъ—что озерный тростникъ,
 И груди—что плодъ, и плечи—что садъ!
 Я бы все цѣловалъ румяный твой ликъ...
 Ахъ, Богомъ молю! не клонись ты назадъ!
 Безъ вѣтра—какъ жить?—и тоска и бѣда!

Ты скажи мнѣ: твой станъ—точилъ чей рѣзецъ?
 Рѣсницы твои—чертилъ чей каламъ?¹
 Отъ любви я изсохъ, пришелъ мой конецъ:
 Подѣлимъ, давай, нашу жизнь пополамъ!
 Безъ вѣтра—какъ жить?—и тоска и бѣда!

Не съ дѣтства ль тебя полюбилъ я давно,
 И вырѣзалъ имя твое на рукѣ?
 Ахъ! сердце мое давно сожжено,
 Лишь на мигъ отлучусь—и страдаю въ тоскѣ!
 Безъ вѣтра—какъ жить!—и тоска и бѣда!

¹ Каламъ—перо, кисть, которыми пишутъ на Востокаѣ.

ДЖАНЪ-ГЮЛЮМЫ.¹

1.

Соловей, въ мой садъ летай,
 Пѣсню яра² распѣвай,
 Твоей пѣсней мой привѣтъ
 Къ дому яра передай.

2.

Ахъ, въ бахчѣ ты возросла,
 Какъ шамамъ³ сама была.
 День и ночь—все про тебя
 Моей пѣсенки хвала.

3.

Ты, Аразъ,⁴ меня пойми,
 Говори, языкъ прими,
 Молви милому: «Скорѣй
 Ты меня въ свой домъ возьми!»

¹ Джанъ-Гюлюмъ—хороводная пѣсня въ праздникъ цвѣтовъ, веснянка. Въ пѣніи послѣ каждаго стиха поется припѣвъ, именно—послѣ нечетныхъ (1-го и 3-го):

Роза моя! джанъ! джанъ!
 послѣ четныхъ (2-го и 4-го):

Цвѣтикъ мой! джанъ! джанъ!

(Джанъ—ласкательное именованіе).

² Яръ—милый (см. выше, стр. 98).

³ Шамамъ—особый ароматичный плодъ, вродѣ дыни.

⁴ Аразъ—Аракъ, рѣка.

4.

Ночь велѣла людямъ спать,
Птицамъ—время замолчать.
Что хотять, пусть говорятъ:
Тебя буду цѣловать!

5.

Статный всадникъ проскакаль,
Лишь подковой просверкаль.
Поклонился всѣмъ кругомъ,
Меня сжегъ, а самъ пропаль.

6.

Не умчатся жерновамъ,
Не уйдеть съ куста шамамъ.
Птица у отца въ саду,—
Да крылатая я тамъ!

7.

— Противъ вашего нашъ садъ,
Кто слѣдятъ за нами, спятъ.
Ты въ постель меня возьми,
Иль позволъ уйти назадъ.

— Не возьму тебя въ постель;
Отпускать обратно—мнѣ ль?
Нѣтъ, до утра ты броди,
Стереги по саду хмель.

Утромъ встрѣчусь я съ тобой,
Розъ возьму пучокъ съ росой,
По лицу тебя хлестну,
Все лицо залью водой!

8.

Что ты! парень молодой!
Весь забрызганный росой,
Про меня въ саду поешь?
Хорошо мнѣ слушать, пой!

Нарвала я сито розъ!
Ихъ кладу подъ дождикъ росъ.
Вотъ, на аломъ на конѣ,
Ѣдетъ милый подъ откосъ.

Куртка алая на немъ,
У него съ балкономъ домъ.
Счастливь будетъ день, когда
Онъ ко мнѣ придетъ царемъ.¹

Подымають волны гуль,
Яблокъ яблочко толкнуль,
Вотъ мой милый на конѣ
Алой шапочкой взмахнуль.

9.

Бѣлый конь! тебѣ ль подкова!
— Роза моя, джанъ! джанъ!
Родинка что чернобровой?
— Цвѣтикъ свѣтлый, джанъ! джанъ!
Если милой вижу взоры,
— Роза моя, джанъ! джанъ!
Поведу ли разговоры?
— Цвѣтикъ свѣтлый, джанъ! джанъ!

¹ Царемъ, т.е. женихомъ; жениха и невесту въ народѣ называють царемъ и царицей (см. дальше—Свадебную пѣсню).

10.

Какъ у насъ за домою—старый складъ,
 — Роза моя, джанъ! джанъ! джанъ!
 Парни были—и пошли назадъ,
 — Цвѣтикъ свѣтлый, джанъ! джанъ! джанъ!
 Протянула руку и поймала
 — Роза моя, джанъ! джанъ! джанъ!
 Стали всѣ вокругъ—лаллы и кораллы!—
 — Цвѣтикъ свѣтлый, джанъ! джанъ! джанъ!

11.

Дождь прошелъ и просверкалъ,
 — Роза моя! джанъ, джанъ!
 Ивы листь поколебалъ,
 — Цвѣтикъ милый! джанъ, джанъ!
 Вотъ мой братецъ проскакалъ,
 — Роза моя! джанъ, джанъ!
 Алый конь подъ нимъ игралъ,
 — Цвѣтикъ милый! джанъ, джанъ!¹

¹ Переводы 1—6 передаютъ основной текстъ веснянокъ, обычно представляющихъ одно четверостишіе; въ переводахъ 7—8 такія четверостишія, болѣе или менѣе произвольно, соединены въ два стихотворенія; въ переводахъ 9—11 сдѣлана попытка передать и припѣвъ.

ПѢСНИ КОЛЫБЕЛЬНЫЯ.

1.

Ты, вода, теки,
 Тѣльце дѣтки обойми,
 Тысячъ сонъ да будь съ тобой,
 Не спать мужу съ молодой женой,
 Моему же мальчику—покой!
 Баю-бай! ну что жъ, ну что жъ,
 Коль до ночи ты заснешь,
 Баю-бай! къ тебѣ кто золь,
 Пропадеть пускай его осель,
 Тотъ осель пойдетъ на огородъ,
 Въ творогъ уши обмакнетъ,
 Все сожретъ онъ у него,
 Не оставитъ ничего.

2.

У меня ль невѣста есть,
 Жениху прямая честь,
 У меня ли дочка есть кудрявая,
 Справку свадебку на славу я,
 Посреди зеленыхъ свѣчь,
 Въ кудряхъ съ лентами до плечъ.
 Дѣвочка руками двигаетъ,
 Дѣвочка въ постелькѣ прыгаетъ.
 Я кому ее отдамъ?
 Принцу я ее отдамъ,
 А въ приданое я дамъ—сто каретъ

Съ платьями, какихъ нигдѣ—краше нѣтъ,
 Дамъ покрыться ей—узорчатый платокъ,
 Дамъ чесаться ей—янтарный гребешокъ,
 Дамъ одѣться ей—серебрянъ поясокъ,
 Дамъ обуться ей—сафьянный башмачокъ,
 Все, что въ домѣ есть,—отъ крыши по порогъ.

3.

Ты въ постелькѣ хороша,
 Я тебѣ, моя душа,
 Мѣсяцъ въ гости приведу
 Да вечернюю звѣзду.

4.

Баю-бай, идутъ овечки,
 Съ черныхъ горъ подходятъ къ рѣчкѣ,
 Милый сонъ несутъ для насъ,
 Для твоихъ, что море, глазъ,
 Усыпляютъ милымъ сномъ,
 Упоютъ молокомъ.

Баю-бай! Христось съ тобой,
 Богоматерь надъ тобой.
 Богоматерь надъ тобой,
 Чтобы ты тихонько спалъ,
 Чтобъ въ постелькѣ ты лежалъ.

Богоматерь—мать твоя,
 Сынъ Ея—хранить тебя.
 Въ церковь Божию пойду,
 Всѣхъ святыхъ я попрошу,
 Чтобъ Распятый насъ хранилъ
 И тебя благословилъ.

СВАДЕБНАЯ ПѢСНЯ.

I.

Царю¹ что дамъ я, съ нимъ что схоже,
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Зарю ли дамъ я, что займетъ,
 Займетъ, съ этимъ солнцемъ схоже?

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не солнце ль дамъ я, что засвѣтитъ,
 Засвѣтитъ съ этимъ солнцемъ схоже?

Царю, что дамъ я, съ нимъ что схоже,
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не раду ли дамъ, что встанетъ,
 Что встанетъ, съ этимъ солнцемъ схоже?

II.

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не бальзаминъ ли, что задышитъ,
 Задышитъ съ этимъ солнцемъ схоже?

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не розу ль дамъ я, что заблещетъ,
 Заблещетъ, съ этимъ солнцемъ схоже?

¹ Царь и царица—женихъ и невѣста или новобрачные (см. выше, стр. 102).

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не гамаспюръ¹ ли, что не вянетъ,
 Не вянетъ, съ этимъ солнцемъ схоже.

III.

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже?
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не абрикось ли, весь цвѣтуцій?
 Цвѣтите съ абрикосомъ схоже.

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не виноградъ ли, плодъ дающій?
 Давайте плодъ, съ лозою схоже.

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не дубъ ли дамъ я, крѣпко мощный?
 Вы будьте мощны, съ дубомъ схоже.

IV.

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не василекъ ли дамъ пахучій?
 Благоухай твоя царица!

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не дамъ ли желтый макъ, пахучій?
 Благоухай твоя царица!

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не златоцвѣтъ ли дамъ пахучій?
 Благоухай твоя царица!

¹ Гамаспюръ—сказочный цвѣтокъ.

ПѢСНИ ПОХОРОННЫЯ.

1.

ПЛАЧЪ ВДОВЫ.

Перекинусь я орломъ,
 Сяду подъ твоимъ окномъ,
 Буду громко такъ стонать,
 Чтобъ не могъ ты больше спать,
 Пусть отнынѣ спишь другой,
 Не уснуть тебѣ со мной!

2.

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ—МАТЕРИ.

Твой не мертвъ, не мертвъ сынокъ:
 Розы онъ сорвалъ цвѣтокъ,
 Положилъ себѣ на грудь,—
 Въ сладкомъ запахѣ заснуть!

3.

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ НАДЪ МОЛОДЫМЪ.

Понесемъ тебя мы—хоронить въ саду,
 Мы просѣемъ землю черезъ кисею,
 Надъ могилою посѣемъ мы цвѣты,
 Чтобъ за изгородью розъ проснулся ты.

4.

ЖАЛОБА СЕСТЕРЪ.

Пойдемъ мы вдвоемъ, на холмъ мы взойдемъ,
 Я буду—звать, ты будешь—искать.
 Его не найдемъ,—могилу найдемъ,
 И камень могильный будемъ мы цѣловать.

5.

ЗАПЛАЧКА.

Былъ ты четками жемчужными,
 Зернами на нити дружными,
 Да рассыпался жемчугъ.
 Вы, сестрицы, соберитесь,
 Подбирайте, потрудитесь,
 Что зерно къ зерну, самъ другъ!

РЕЛИГИОЗНЫЯ ЗАКЛИНАНІЯ.

1.

Забѣлѣлася заря,
 Обозначились кресты,
 Смилосердился Господь,
 Въ рай раскрылися врата,
 Въ адъ закрылися врата,
 Цѣпи падаютъ съ души,
 Господи, помилуй насъ!

2.

На подушку я—голову склонилъ,
 Ангелу-хранителю душу поручилъ:
 Храни въ полночь,
 Храни всю ночь,
 Когда пѣтухъ поетъ,
 Когда заря идетъ,
 Въѣряюсь одному
 Царю Небесному,
 Во смертномъ рву лежу,
 Я сплю, я отхожу,
 Въ руки твои, Матерь Божія,
 Душу вручаю на ложѣ я!

3.

Погашены огни,
 Лукавый отошелъ.

Закрывъ лицо, Христось,
Межь ангеловъ своихъ,
Съ небесъ теперь сошелъ,
Въ домъ христіанъ вошелъ.

— Куда идешь, Христось?
— Разожжены огни
Въ кадилъницахъ моихъ,
И нити—изъ огня.
Я люльки обошелъ,
Спѣшу къ обѣднѣ я.

4.

ЗАКЛИНАНІЕ НА ВОЛКА.

Восьмью пальцами, двумя ладонями,
Гривой лошади Саркисовой,¹
Тѣмъ жезломъ ли Моисеевымъ,
Тѣмъ копьемъ ли святъ-Егорія,
Той ли вѣрой святъ-Григорія,
Богоматери святымъ млекою,
Ухвати его, свяжи его;
Глазъ за глазомъ ему выколи,
Языкъ въ горлѣ привяжи ему,
Осѣни его, одолѣй его,
Ради Господа Христа всѣ бѣдствія
Да падутъ на звѣря лютаго.

5.

ЗАКЛЯТІЕ НА СГЛАЗЪ.

Храмомъ Соломоновымъ,
Да жезломъ Давидовымъ,
Словомъ Аароновымъ,
Да ключемъ Іоновымъ,

¹ Святой Саркисъ — святой Сергій.

Злого глаза нѣтъ! злого шипа нѣтъ!
Сгинь, лихой навѣтъ! сгинь, лихой совѣтъ!

6.

ЗАКЛЯТІЕ СТАРУХЪ КЪ ЛУНѢ.

— Молодая, молодая, обновленный серпъ!
Въ полночь ала, зелена въ ущербъ!
Ты стара зашла, ты млада взошла,
Съ края свѣта что намъ ты принесла?

— Счастье на весь міръ,
Царямъ—ладъ и миръ,
Покойникамъ—любовь,
Хлѣбушку—дешовъ,
Добрымъ—много дней,
Рай—душѣ твоей.

ПѢСНИ О ПРИРОДѢ, ДУМКИ И ДР.

1.

НОКТЮРНЪ.

Луна нѣжна, вѣтеръ нѣженъ,
И сонъ земледѣловъ нѣженъ;
Луна высоко взошла,
И голось свирѣли нѣженъ;
Пастухъ распустилъ быцовъ,
И сонъ подъ чинарой нѣженъ;
Прохлада вѣетъ въ листьѣ,
И вѣтеръ приморскій нѣженъ;
По камнямъ ручей журчитъ,
И говоръ струй его нѣженъ;
Всѣ птички по гнѣздамъ спятъ,
Но свистъ соловья такъ нѣженъ;
Какъ сладко пахнетъ въ лѣсу:
То запахъ розы такъ нѣженъ!

2.

— Какъ вамъ не завидовать,
Горы вы высокія!
— Что же намъ завидовать,—
Участь наша горькая:
Лѣтомъ жжетъ насъ солнышко,
Въ зиму—стужа лютая!

3.

Не пой ты солнцу обо мнѣ,
А то оно съ тоски затмится;
Спой про мою тоску лунѣ,
Что каждый мѣсяцъ вновь родится!

4.

Золотая звѣздочка въ небѣ
Любить маленькую рыбку въ морѣ.
Но не плавать рыбокѣ по тверди синей,
Не блистать и звѣздѣ въ морской пучинѣ.

5.

ПѢСНЯ ХАРИБА.

Деревцомъ я персиковымъ росъ,
Подо мной родимый былъ утесъ.
Меня выкопали, унесли,
Посадили въ садъ чужой земли.
Тамъ шербець изъ сахара любимъ,—
Мои корни поливали имъ.
Ахъ, меня верните въ край родной,
Ахъ, полейте снѣговой водой!

6.

ПЛЯСОВАЯ ВАНЦЕВЪ.

Мы сошлись однажды вмѣстѣ пировать,—
То лавѣ!
Говорить тутъ кто-то: «только не плошать!»
То лавѣ!
Въ садъ пойдемъ и будемъ на пиру плясать!
То лавѣ!

Водку да закуску съ плясками мѣшать!
 То лавò!
 Шашлыка вкуснѣй что? съ водкой что сравнять?
 То лавò!
 Травы подь ногами хорошо топтать!
 То лавò!
 Пусть Варага скалы вторять намъ въ отвѣтъ:
 То лавò!
 Малыя, большія звѣзды льютъ свой свѣтъ,—
 То лавò!
 Той луной высокой праздникъ нашъ согрѣтъ!
 То лавò!

ВОЕННЫЯ ПѢСНИ.

1.

ЗЕЙТУНСКІЙ МАРШЬ.¹

Зейтунцы, въ путь! уже свѣтло.
 Бери ружье, садись въ сѣдло,
 Пойдемъ впередъ!
 Доколь, доколь хребетъ склонять,
 Тирану шею подставлять?

Довольно, братья, въ рабствѣ жить
 Да иго турка выносить!
 Покула нашъ народъ согбенъ,
 Гдѣ нашъ вѣнецъ, языкъ, законъ?

Зейтунцы! храбрость—наша честь,
 И къ туркамъ мы лелѣемъ мечь.
 Мы вскормлены не молокомъ,
 Съ младенчества мы кровь сосемъ!

Зейтунцы! намъ—стезя одна:
 Походы, битвы да война!
 Мечь, сабля, пуля да ружье,—
 Зейтунецъ, вотъ—добро твое!

Живи, Зейтунъ! цвѣти, Зейтунъ!
 Свободы наступилъ канунъ.
 Коль у тебя—сыны, какъ мы,
 Цвѣти, Зейтунъ! живи, Зейтунъ!

¹ Зейтунъ—городъ, въ горахъ, въ предѣлахъ бывшаго Киликійскаго царства, памятный мужественнымъ возстаніемъ противъ ига турокъ, въ 1895 г. Подробности—см. Примѣчанія.

2.

ВОЕННАЯ ЭРЗЕРУМСКАЯ ПѢСНЯ.

Поднялся крикъ съ огромныхъ горъ, гдѣ дремлетъ Эрзерумъ,
Сердца армянъ потрясены, слышавъ бранный шумъ.

Крестьянинъ, знавшій до того лишь ремесло свое,
Бросаетъ старое село, держа въ рукѣ ружье.

Старикъ, на посохъ опершись, съ слезами креститъ лобъ.
«Свободной родину узрѣть, а тамъ хотя бѣ и въ гробъ!»

Ласкаясь, женщины мужьямъ сурово говорятъ:
«Ступай, сражайся и безъ ранъ не приходи назадъ!»

И дѣвамъ легкая ихъ жизнь отнынѣ тяжела;
Онѣ торопятъ жениховъ на славныя дѣла.

Рыдала слишкомъ долго ты, о мать, Аястанъ!¹
Пусть голодны твои сыны, но бодрѣ ихъ бранный станъ.

Въ объятія ихъ свои прими, прижми къ груди своей,
Свои священныя поля ихъ кровью отогрѣй!

3.

ПѢСНЯ УДАЛЬЦОВЪ.

Заодно удалецъ съ арабскимъ конемъ,
Не бѣжать никогда имъ двоимъ предъ врагомъ.
Престарѣлый орелъ знаетъ въ добычѣ толкъ,
И волка дѣтенышъ всегда будетъ волкъ!

¹ Гай—армянинъ, откуда Гайастанъ (или Аястанъ)—Арменія (см. дальше въ равныхъ стихотвореніяхъ).

Я желалъ бы взойти къ себѣ на балконъ,
Веселясь обнимать, въ кого я влюбленъ.
Я бѣ желалъ осѣдлать вороного коня,
Чтобъ туда, гдѣ бой, онъ помчалъ меня.

Идутъ удалцы гулять по полямъ,
Любы розы имъ днемъ, луна—по ночамъ.
Оружье гремитъ, скалы вторятъ въ отвѣтъ,
Если брякнуть мечи, то враговъ вблизи нѣтъ.

Мнѣ скажетъ мой сынъ, что видно въ горахъ.
Видя бой удалцовъ, дѣвы—въ слезахъ.
А я вамъ скажу, ты, ага, и ты, бей:
Тотъ честенъ, кто палъ съ вѣрой своей!

ПѢСНИ СРЕДНЕВѢКОВЬЯ,

народныя и неизвѣстныхъ авторовъ.

1.

ПѢСНЯ.

НА ПЛѢНЕНІЕ КОРОЛЯ ЛЕВОНА.

1268 г.

Увы, увы! Левонъ
Невѣрными плѣненъ.
Нашъ свѣточъ, Матерь Божія!
Да Крестъ Честной хранить—его и насъ!

Пришелъ играть въ мейтанъ¹
Въ мячъ золотой—султанъ.
Нашъ свѣточъ, Матерь Божія!
Да Крестъ Честной хранить—его и насъ!

Левону мячъ даетъ:
«Играй ты въ свой чередъ!»
Нашъ свѣточъ, Матерь Божія!
Да Крестъ Честной хранить—его и насъ!

«Невѣрнымъ стань, мы всѣ
Поклонимся тебѣ!»
Нашъ свѣточъ, Матерь Божія!
Да Крестъ Честной хранить—его и насъ!

¹ Мейтанъ—площадка для игры въ мячъ или ипподромъ для конскихъ ристаній. См. Примѣчанія.

пѣсни средневековья.

121

Левонъ въ тюрьмѣ глухой
Твердитъ, въ слезахъ, съ тоской:
«О караваны, въ Сисъ идя,
Снесите вы отцу—вѣсть обо мнѣ!»

Отцу лишь дали знать,
Собралъ онъ тотчасъ рать,
Пошелъ онъ на невѣрнаго
И пролилъ онъ въ поляхъ—ручьями кровь.

Вернулся сынъ Левонъ,
Отцомъ освобожденъ.
Нашъ свѣточъ, Матерь Божія!
Да Крестъ Честной хранить—его и насъ!

2.

ПѢСНЯ АИСТА.

Здравствуй, аистъ! аистъ-другъ!
Ты вернулся аистъ-другъ,
Разлилась весна вокругъ,
Веселѣй намъ стало вдругъ!

Милый аистъ, къ намъ спустись,
Къ намъ на кровлю опустись,
Въ нашемъ домѣ поселись,
Свей на ясени гнѣздо.

Я пожалуюсь тебѣ,
Ахъ, пожалуюсь тебѣ;
Много бѣдъ въ моей судьбѣ,
Горе сердца—море бѣдъ!

Ахъ! когда ты улетѣлъ,
Съ нашей кровли улетѣлъ,
Вѣтеръ злой разсвирѣпѣлъ,
Иссушилъ цвѣты въ саду.

Омрачился небосводъ,
Помрачился небосводъ,
Выпалъ снѣгъ, закрылся ледъ,
И зима цвѣты смела.

Отъ Варагскихъ самыхъ горъ
Ахъ! съ Варагскихъ самыхъ горъ
Замели снѣга просторъ,
Холодъ выбѣлилъ поля.

Аистъ! здѣсь у насъ въ раю,
Все занесъ морозъ въ краю,
Засушилъ и умертвилъ
Розу милую мою!

3.

ЮНОША И ВОДА.

Съ высокихъ горъ, угрюмыхъ горъ
Вода сбѣгаетъ на просторъ.
Вотъ юноша пришелъ къ водѣ,
Помылся юноша въ водѣ,
Лицо и руки мыль въ водѣ.
Такъ юноша сказалъ водѣ:

— Съ какой горы, ты, ключъ, бѣжишь,
Мой сладкій ключъ, студеный ключъ?
— Я съ той горы струюсь, бѣгу,
Гдѣ новый снѣгъ, гдѣ старый снѣгъ.

— Въ какой ручей, ты, ключъ, бѣжишь,
Мой сладкій ключъ, студеный ключъ?
— Я въ тотъ ручей, струюсь, бѣгу,
Гдѣ цвѣтъ фиалокъ льнетъ на брегъ!

— Къ бахчѣ какой ты, ключъ, бѣжишь,
Мой сладкій ключъ, студеный ключъ?
— Я въ ту бахчу струюсь, бѣгу,
Садовникъ гдѣ хозяинъ самъ.

— Что за кусты тамъ оросишь—
Ты, сладкій ключъ, студеный ключъ?
— Я тѣ стволы тамъ берегу
Вкругъ коихъ мягкій дернъ возросъ,
Для аглицевъ мягкій дернъ возросъ:
Высокихъ яблонь, пышныхъ розъ!
Я въ тѣ сады струюсь, бѣгу,
Гдѣ сладокъ голосъ соловья.

— Въ какую жъ рѣку ты бѣжишь,
Мой сладкій ключъ, студеный ключъ!
— Я въ ту рѣку струюсь бѣгу,
Въ какой приходитъ яръ¹ твоя,
Тамъ воду пьетъ она, а я,
Пока она твердитъ «люблю»,
Ея уста волной ловлю!

4.

О, злая! съ черной красотой! о дорогая! ангель мой!
Ты и не спросишь, что со мной, о дорогая, что со мной!

Какъ жжетъ меня моя любовь! о дорогая, жжетъ любовь!
Твой лобъ такъ бѣлъ, но сумракъ—бровь! о дорогая, сумракъ—
бровь.

Твой взоръ—какъ море, я—ладья! о дорогая, я—ладья.
На этихъ волнахъ—чайка я! о дорогая, чайка—я.

Мнѣ не уснуть, и то судьба, о дорогая, то судьба!
О, злая, послушай раба! о дорогая, рѣчь раба.

Ты—врачъ: мнѣ раны излѣчи, о дорогая, излѣчи!
Я словно въ огненной печи, о дорогая, я—въ печи!

¹ Яръ—милая (см. выше).

Всѣ дни горю я, стонѣ тая, о дорогая, стонѣ тая,
О, злая, вѣдь не камень я, о дорогая, пламень—я!

Мнѣ не уснуть и краткій срокъ, о дорогая, краткій срокъ,
Тебя ишу—и одинокъ! о дорогая, одинокъ!

И ночь и день къ тебѣ лечу, о дорогая, я лечу,
Тебя назвать я всѣмъ хочу, о дорогая, и молчу.

Но какъ молчать, любовь тая, о дорогая, страсть тая?
О злая, вѣдь не камень я, о дорогая, пламень—я!

5.

ПѢСНЯ ПАХАРЕЙ.

Мы съ первой зорькой встаемъ,
Идемъ работать въ поля,
Простую пѣсню поемъ,
Сердца свои веселя!

Темная ночка прошла,
Весель зеленый просторъ;
У Бога много тепла,
Солнце встаетъ изъ-за горъ.

Идемъ! за дѣло пора!
Въ лѣсахъ намъ птицы поютъ.
Богать, кто взялся съ утра
На нивѣ за скромный трудъ.

Пусть долго спитъ богатеи
И ждеть онъ другихъ услугъ.
Я сжился съ долей своей,
Хоть ѣмъ только хлѣбъ да лукъ.

У меня нѣтъ лишнихъ заботъ,
Всегда безпечаленъ я,
И пахарь пѣсню поетъ,
Звучнѣй, чѣмъ пѣснь соловья.

Едва проснется богачъ,
Клянеть онъ участь свою;
Надъ жизнью бѣдный не плачь:
Такая же будетъ въ Раю!

Мы съ первой зорькой встаемъ,
Идемъ работать въ поля,
Пѣсню простую поемъ,
Сердца людей веселя!

ПѢСНЯ О ЧЕТЫРЕХЪ ЭЛЕМЕНТАХЪ.

Весна.

Вновь прилетѣли тѣ птицы,
Опять прилетѣли тѣ птицы,
Снова явились тѣ птицы,
Что каждой весною приходятъ,
Надѣли зеленый нарядъ,
Надѣли зеленый нарядъ,
Надѣли зеленый нарядъ,
Надъ землею кружатся, кружать.
Пой, соловей, свою пѣснь,
Пой, сизокрылый, мнѣ пѣснь,
Пой, сладкогласый, мнѣ пѣснь,
Я безъ ума отъ нея,
Рабъ умиленный Творца.

Лѣто.

Вновь прилетѣли тѣ птицы,
Опять прилетѣли тѣ птицы,
Снова явились тѣ птицы,
Что каждымъ лѣтомъ приходятъ.
Надѣли багряный нарядъ,
Надѣли багряный нарядъ,
Надѣли багряный нарядъ,
Надъ розой кружили, кружать.
Пой, соловей, свою пѣснь,
Пой, сизокрылый, мнѣ пѣснь,
Пой, сладкогласый, мнѣ пѣснь,
Я безъ ума отъ нея,
Рабъ умиленный Творца.

Осень.

Вновь прилетѣли тѣ птицы,
Опять прилетѣли тѣ птицы,
Снова явились тѣ птицы,
Что осенью каждой приходятъ.
Надѣли желтый нарядъ,
Надѣли желтый нарядъ,
Надѣли желтый нарядъ,
Надъ сушью кружатся, кружать.
Пой, соловей, свою пѣснь,
Пой, сизокрылый, мнѣ пѣснь,
Пой, сладкогласый, мнѣ пѣснь,
Я безъ ума отъ нея,
Рабъ умиленный Творца.

Зима.

Вновь прилетѣли тѣ птицы,
Опять прилетѣли тѣ птицы,
Снова явились тѣ птицы,
Что каждой зимою приходятъ.
Надѣли бѣлый нарядъ,
Надѣли бѣлый нарядъ,
Надѣли бѣлый нарядъ,
Надъ снѣгами кружатся, кружать.
Пой, соловей, свою пѣснь,
Пой, сизокрылый, мнѣ пѣснь,
Пой, сладкогласый, мнѣ пѣснь,
Я безъ ума отъ нея,
Рабъ умиленный Творца.

ПОДРАЖАНІЕ НАРОДНОМУ.

ПѢСНЯ.

Арутюна Туманьяна.

Ахъ, если алымъ сталь бы я,
Твоимъ коралломъ сталь бы я,
Тебя лобзаль бы день и ночь
И снѣгомъ талымъ сталь бы я!
 Я сталь бы алымъ
 Коралломъ, лалломъ
И снѣгомъ талымъ сталь бы я...

Ахъ, если шалью сталь бы я,
Твоей вуалью сталь бы я,
Тебя лобзаль бы каждый день,
Иль бусъ эмалью сталь бы я!
 Я сталь бы шалью,
 Твоей вуалью,
И бусъ эмалью сталь бы я.

Ахъ, если таромъ¹ сталь бы я,
Звучать не даромъ сталь бы я.
Я разглашаль бы гимнъ тебѣ,
И милой яромъ² сталь бы я!
 Я сталь бы таромъ,
 Звуча не даромъ,
Ахъ, милой яромъ сталь бы я!

¹ Таръ — народный музыкальный инструментъ.

² Яръ — милый (см. выше).

ЭПОСЪ.

1. Владыка Асланъ. Сказка.
2. Давидъ Сасунскій. Эпосъ.

Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

ВЛАДЫКА АСЛАНЪ.

СКАЗКА.

Владыка Асланъ сидитъ въ золотой горницѣ,
И ѣсть онъ хлѣбъ, и пьетъ онъ вино,
Ведетъ на землѣ жизнь счастливую,
Ни о чемъ-то чужомъ не тужитъ онъ.

И случилось такъ: хлѣба нѣтъ, нѣтъ вина.
Владыка Асланъ слугу позовалъ:
«Вотъ деньги тебѣ, на рынокъ ступай,
Тамъ ты хлѣба купи, вина купи,
Поспѣши принеси, пока пиръ мой идетъ.»

Аслана слуга на рынокъ пошелъ,
Видитъ: умеръ бѣднякъ середь улицы.
Онъ попу отдаетъ съ головы чалму,
Поясъ свой отдаетъ на саванъ тому.
Послѣ хлѣба купилъ и вина купилъ,
Но домой припоздалъ: пиръ-то кончился.

«Поздно такъ почему ты назадъ пришелъ?»
Осердясь, говоритъ владыка Асланъ.
«Не вели казнить!»—отвѣчаетъ слуга,—
Какъ на рынокъ я шелъ,
Вижу: умеръ бѣднякъ середь улицы.
Тутъ попу я отдалъ съ головы чалму,
И свой поясъ отдалъ на саванъ тому.
Схоронили тогда бѣдняка въ землѣ,
А я потому на твой пиръ опоздалъ.»

Тутъ Аслана глаза словно выскочили.
 Говорить: «Кто же взялъ душу мертваго?
 Коль онъ смѣлъ, пусть придетъ за моей за душой!»
 «Не вели казнить, отвѣчаетъ слуга,—
 То архангелъ былъ, съ мечомъ Гаврииль,
 Того бѣдняка онъ душу унесъ».

Владыка Асланъ слугѣ закричалъ:
 «Мнѣ коня подведи, моего Бозъ-Бедави,
 Возложи на него съ жемчугами сѣдло,
 Какъ же взять онъ смѣлъ, моего бѣдняка?»

Владыка Асланъ на рынокъ поскакалъ,
 Гавриила онъ къ себѣ позвалъ.
 Говорить: «На что тебѣ мой бѣднякъ?
 Зачѣмъ бѣдняка душу ты взялъ?
 Коль ты смѣлъ, приходи за моей за душой!»

Архангелъ тогда, съ мечомъ Гаврииль
 Съ Асланомъ вступилъ въ беспощадный бой.
 И до полдня они рубились тамъ.
 Аслана щадя разилъ Гаврииль,
 Гавриила съ плеча разилъ Асланъ.

Въ полдень грозно взглянулъ на врага Гаврииль.
 Асланъ утомленъ возвратился домой,
 Онъ на ложе упалъ, а отецъ говорить:
 «Помилуй меня, любезный сынъ,
 Отчего, утомленъ, ты на ложе упалъ?»
 Говорить Асланъ:
 «Съ Гаврииломъ я рубился весь день,
 Онъ хотѣлъ прійти за моей за душой!»

Отецъ говорить:
 «Отдай ты ему коня Бозъ-Бедави,
 И отдай еще съ жемчугами сѣдло,
 И саблю отдай, закаленный клинокъ,
 И злата отдай семь четвертей,
 И сребра отдай семь четвертей,
 Только пусть не беретъ онъ души твоей!»

Въ отвѣтъ Асланъ: «Вѣдь то—Гаврииль:
 Ему на что всего міра добро!
 Онъ хочеть души въ обмѣнъ на мою.
 Отецъ говорить: «Мнѣ ужъ триста лѣтъ,
 Но я какъ женихъ съ невѣстой своей,
 Души не отдамъ въ обмѣнъ на твою.»

Мать пришла, говорить: «Помилуй, мой сынъ,
 Отчего, утомленъ, ты на ложе упалъ?»
 Говорить Асланъ:
 «Съ Гаврииломъ я рубился весь день,
 Онъ хочеть прійти за моей за душой.»

Мать говорить:
 «Отдай ты ему коня Бозъ-Бедави
 И отдай еще съ жемчугами сѣдло,
 И саблю отдай, закаленный клинокъ,
 И злата отдай семь четвертей,
 И сребра отдай семь четвертей,
 Только пусть не беретъ онъ души твоей.»

Въ отвѣтъ Асланъ: «Вѣдь то—Гаврииль:
 Ему на что всего міра добро,
 Онъ хочеть души въ обмѣнъ на мою.»
 Мать говорить: «Мнѣ ужъ триста лѣтъ,
 Но какъ невѣста я съ женихомъ своимъ,
 Души не отдамъ въ обмѣнъ на твою.»

Жена пришла, говорить: «Помилуй, Асланъ,
 Отчего, утомленъ, ты на ложе упалъ?»
 Говорить Асланъ:
 «Съ Гаврииломъ я рубился весь день,
 Онъ хочеть прійти за моей за душой.»

Жена говорить:
 «Отдай ты ему коня Бозъ-Бедави,
 И отдай еще съ жемчугами сѣдло,
 И саблю отдай, закаленный клинокъ,
 И злата отдай семь четвертей,
 И сребра отдай семь четвертей,
 Только пусть не беретъ онъ души твоей.»

Въ отвѣтъ Аслань: «Вѣдь то—Гаврииль,
 Ему на что всего міра добро!
 Онъ хочеть души въ обмѣнъ на мою.»
 Жена говоритъ: «Не знала я,
 Что онъ хочеть души въ обмѣнъ на твою,
 За тебя я отдамъ отъ сердца свою.»

Аслана жену Гаврииль призвалъ,
 Говорить: «Почему ты себя отдала?
 Отецъ не хотѣлъ, не хотѣла мать,
 Свою душу зачѣмъ ты согласна отдать?»
 Въ отвѣтъ жена: «Не знала я,
 Что ты хочешь души въ обмѣнъ на его,
 Я тебѣ отдаю отъ сердца свою,
 Чтобъ въ мірѣ не быть несчастной вдовой.»

Къ Богу тогда Гаврииль возлетѣлъ,
 Господу все тогда разсказалъ:
 «Отецъ не хотѣлъ, не хотѣла мать
 Свою душу въ обмѣнъ за сына отдать,
 А жена отдастъ отъ сердца свою.»

Говорить Господь: «Поди и возьми
 Душу отца и матери то-жь,
 А супруги пускай двѣсти лѣтъ живутъ
 Да счастливую жизнь на свѣтѣ ведутъ.»

ДАВИДЪ САСУНСКІЙ.

Народная эпопея.

1.

Миръ Господень тебѣ, — Абамаликъ,
 Миръ Господень тебѣ, — Санасаръ,
 Миръ Господень тебѣ, — Багдасаръ,
 Миръ Господень тебѣ, — Меликсетъ,
 Миръ Господень тебѣ, — Дзеновъ-Ованъ,
 Миръ Господень тебѣ, — Цыранъ-Верго,
 Миръ Господень тебѣ, — Тырланъ-Давидъ,
 Матерямъ и отцамъ тѣхъ, предъ кѣмъ я пою.

2.

Скончался когда Давида отецъ,
 Съ Мысрамэликомъ мать пошла подъ вѣнецъ,
 Остался Давидъ и сирѣ и младъ,
 Дядья собрались, промежъ себя говорить.
 Ованъ говоритъ: — Цыранъ-Верго,
 Ты ль Давида возьмешь, или я возьму?—
 Верго говоритъ: «Есть сынъ у меня,
 Ты возьми, содержи, сдѣлай сыномъ его.»
 Взялъ Давида Ованъ и его содержалъ,
 Былъ Овану Давидъ, какъ духовный сынъ.

3.

Только мѣсяць прошелъ, стосковалася мать,
 Послала она за сыномъ гонцовъ.
 И въ дому у нея поселился Давидъ.

Каждый день булаву Мысрамэликъ металлъ,
И Давида мать ему говоритъ:
— Мое дитя съ собой возьми.—
Мысрамэликъ въ отвѣтъ: «Я его не возьму.
А ну какъ въ него попаду и убью?
Люди скажутъ, что я дитя волей убилъ.»
Но Давида мать опять говоритъ:
— Чтобъ не плакать ему, ты возьми, пусть убьешь.—
Мысрамэликъ съ собой Давида повель,
Поставилъ его вдалькѣ на лугу.
И пошли удалыцы метать булаву.
Мысрамэликъ свою метнулъ булаву,
Давидъ привсталъ,
Руку простеръ, булаву поймалъ.
Мысрамэликъ тогда прогнѣвался, сказалъ:
«День придетъ, на меня онъ войной пойдетъ!»

Мысрамэликъ домой, разгнѣванъ, пришель,
Принахмурилъ бровь, сидитъ и молчитъ.
Тутъ жена говоритъ:
— Почему ты молчишь, разгнѣванъ сидишь?—
Онъ женѣ въ отвѣтъ: «Да мнѣ что жъ сказать?
Предъ людьми твой сынъ меня осрамилъ.»
Говоритъ жена:— Да что сдѣлалъ онъ?—
«Какъ я нынче свою метнулъ булаву,
Давидъ привсталъ,
Руки простеръ, булаву поймалъ.»
Та въ отвѣтъ:— Онъ же малъ, еще несмышлентъ.—
Мысрамэликъ тогда женѣ говоритъ:
«Коли малъ Давидъ, еще несмышлентъ,
Ты со златомъ приборъ поставь передъ нимъ
И съ углями приборъ поставь передъ нимъ.
Коли малъ Давидъ, еще несмышлентъ,
Красный уголь онъ возьметъ, злата онъ не возьметъ.»

И со златомъ приборъ и съ углями приборъ
Былъ поставленъ тогда предъ Давидомъ на столъ,
Руку поднялъ Давидъ, хотѣлъ золото взять,
Руку ангель отвелъ, положилъ на огонь.
Палець къ углю прижалъ и палець обжегъ,

Палець въ ротъ положилъ, и языкъ обжегъ,
Какъ языкъ онъ обжегъ, мало—онъ онѣмѣлъ,
И его стали звать—заика-Давидъ.

4.

Мысрамэликъ не сталъ Давида держать,
И къ дядѣ назадъ вернулся Давидъ,
Изъ желѣза Ованъ сапоги заказалъ,
Изъ желѣза Ованъ посошокъ припасъ,
И сталъ Давидъ съ той поры пастухомъ.

Изъ желѣза Давидъ надѣлъ сапоги,
Изъ желѣза Давидъ захватилъ посошокъ,
И въ поле Давидъ ягнятъ погналъ.
Оставилъ Давидъ среди поля ягнятъ,
Сколько было волковъ, зайчатъ и лисицъ,
И всякихъ звѣрей,
Къ себѣ притащилъ, со стадомъ смѣшалъ,
Подъ вечеръ погналъ и въ городъ привелъ.
Какъ увидѣлъ Сасунъ, испугался весь градъ.
Всѣ—врата на замокъ, изъ домовъ нейдуть.
Давидъ положилъ на камень лицо,
На землѣ сырой среди поля уснулъ.

На зарѣ Ованъ самъ къ нему пошелъ.
Видитъ: много тотъ по горамъ гулялъ:
Износился его изъ желѣза сапогъ,
Изломалась его изъ желѣза клюка,
Говоритъ:— Давидъ, какъ твой дѣла?—
Тотъ въ отвѣтъ: «Любо мнѣ стадо черныхъ ягнятъ,
Но не любо мнѣ стадо сѣрыхъ ягнятъ,
Было трудно ихъ въ лѣсахъ собирать.»
Ованъ говоритъ:— Ты сѣрыхъ оставь,
Они—прокляты,
Тѣхъ, что сами пойдутъ, ты гони домой!—

Сталъ на день еще Давидъ пастухомъ.
По горамъ опять погналъ ягнятъ.

Сколько тигровъ нашлось, медвѣдей и львовъ,
Къ себѣ притащилъ, со стадомъ смѣшалъ,
Подъ вечеръ погналъ и въ городъ привелъ.
Какъ увидѣлъ Сасунъ, испугался весь градъ,
Всѣ—врата на замокъ, изъ домовъ нейдутъ.

Давидъ на-земь легъ, до утра проспалъ,
На зарѣ сошлись горожане всѣ,
Говорятъ:—Слушай насъ, Дзеновъ-Ованъ!
Этотъ мальчикъ твой весь нашъ градъ разбилъ,
Боишься мы его волковъ,
И зайцевъ тѣхъ, и медвѣдей.—
Ованъ говорить: «Коль боитесь вы,
Пойду, приведу Давида домой.»
Пошелъ, привелъ, Давида домой,
Отъ хлѣба ключи, отъ ѣды ключи
Давиду отдалъ и ему сказалъ:
— Коль гости придутъ, ты хлѣба имъ дашь,
А хлѣбъ какъ сѣдять, до воротъ проведешь.—

5.

Такъ мѣсяцъ прошелъ, и другой прошелъ...
Ована тогда жена, Саріэ,
Ибо мальчикъ Давидъ красивымъ былъ,
Заглядысь на него, ему говорить:
— Ты долженъ ко мнѣ въ опочивальню прійти.—
Но ей въ отвѣтъ Давидъ говорить:
«Вѣдь ты—моя мать, а я тебѣ—сынъ.»

Саріэ говорить:— Пойду голову мыть,
А Давидъ пускай на меня воду льетъ—
Какъ тѣло мое увидитъ Давидъ,
Такъ въ сердце его и грѣхъ войдетъ.—
И Давида зоветъ, пусть онъ воду льетъ.
Но глаза свои Давидъ прикрылъ,
Чтобы наготы не видать, грѣха не принять,
Такъ, глаза закрывъ, онъ и воду лилъ.

Какъ помылась тогда Ована жена,
Повернулась она, увидала она,
Что плотно закрылъ Давидъ глаза;
Зарыдала она, стала волосы рвать,
Все лицо свое разбила въ кровь,
Домой пошла и съла тамъ,
Пока ея мужъ не пришелъ домой.

Ованъ говорить:—Что съ тобой, жена?—
Та ему въ отвѣтъ: «Какъ иначе быть?
То-то вѣрила я, ты сына далъ,
И не знала я, ты мнѣ мужа далъ.»
Ованъ говорить: — Эй, смотри, жена!
Быть не можетъ такъ, говоришь ты ложь.—
Жена въ отвѣтъ: «Говорю я не ложь.
Давидъ на меня самъ руку занесъ,
Но я тогда ему не далась.»
— Коли такъ, къ вечеру я прилажу дверь.—
Ованъ, къ вечеру, приладилъ дверь,
Пришелъ Давидъ, увидалъ, говорить:
«Могъ бы, дядя, я ударить ногой,
И дверь и ты самъ провалились бы вдругъ,
Но какъ же мнѣ быть, не ты виновать,
Но злая жена обманула тебя.»

6.

Сдѣлалъ Давидъ себѣ стрѣлы и лукъ,
На охоту пошелъ за городъ въ поля,
То ли каждый день охотится онъ
Убиваетъ онъ перепеловъ, воробьевъ,
Къ старухѣ одной подъ вечеръ идетъ,
Той, что милой была его отца.
Старуха та ему говорить:
— А зачѣмъ ты, Давидъ, по моей гречѣ ходилъ!
По гречѣ ходилъ, мою гречу помялъ.—
Давидъ говорить: «А какъ же мнѣ быть?»
Старуха тогда Давиду въ отвѣтъ:

— Вѣдь былъ твой отецъ могучимъ царемъ,
И много имѣлъ скота и добра.
А какъ померъ отецъ, и по сей самый годъ
Мысрамэлику Ованъ податей не платилъ.
Мысрамэликъ теперь за ними пошлетъ,
И заплатитъ Ованъ подать за семь лѣтъ.—

Уснулъ Давидъ и спалъ до зари;
На разсвѣтъ всталъ, лукъ и стрѣлы взялъ,
На гречу пошелъ, перепелку убилъ.
Мысрамэлика жъ посоль, именемъ Козбадинъ,
Пришелъ, отворилъ ворота казны,
И казну считалъ, унести хотѣлъ.
Старуха пошла, увидала посла
И что въ гречѣ Давидъ перепелку убилъ,
Говорить:—Давидъ, чтобъ тебѣ да пропасть!
Только есть у меня, что греча моя,
Хлѣба куска ты лишаешь меня.
Если ты удалецъ, такъ поди, посмотри,
Мысрамэлика посоль, именемъ Козбадинъ,
Тамъ отца твоего уноситъ казну.
Давидъ ей въ отвѣтъ: «А гдѣ онъ, покажи.»

Старуха тогда Давида повела,
Вернулась сама, а Давидъ увидаль,
Что посоль Козбадинъ считаетъ казну.
Какъ завидѣлъ Давидъ,—
Кровью вворъ налился,
Разсердился, сказалъ:
«Ты встань, Козбадинъ, а я буду считать!»
Не всталъ Козбадинъ.
Занесъ руку Давидъ, его за руку взялъ,
Да какъ бросить его до самыхъ дверей.
А самъ присѣлъ, и мѣру—вверхъ дномъ,
Палкой дно высадилъ,
Золото высыпалъ,
Не оставилъ ни денежки,
Пустую мѣру повернулъ, сказалъ: «Это—разъ!»
Козбадинъ говоритъ:
—Ованъ, отгони мальчишку прочь,

Надо платить, такъ плати подать за семь лѣтъ,
Коли нѣтъ, такъ пойду Мысрамэлику скажу,
Онъ придетъ, и Сасунъ разгромить, разобьетъ.
За Мысыромъ другой онъ построить градъ.—
Разсердился Давидъ, онъ на ноги всталъ,
Козбадина въ лобъ онъ мѣрою—хлопъ
И губы прочь отрѣзалъ ему
И зубы въ лобъ ему вбилъ да сказалъ:
«Къ Мысрамэлику ступай, ему дай отвѣтъ,
Пусть, что хочеть онъ, то теперь и творить.»

7.

Поднялся Козбадинъ, къ Мысрамэлику пошелъ.
Женщины глядятъ: Козбадинъ идетъ,
Словно ротъ онъ открылъ, хохочеть точь-въ-точь.
Говорятъ: «Вотъ забралъ подать за семь лѣтъ.»
Козбадинъ какъ пришелъ, близко къ нимъ подошелъ,
Увидали онъ: у него губъ-то нѣтъ,
И зубы его ему вбиты въ лобъ.
Тутъ онъ говорятъ:
«Ты отколь, Козбадинъ, вперевалку бредешь?»
Козбадинъ имъ въ отвѣтъ:
Что вамъ знать, я отколь въ перевалку бреду,
Отъ Сасунской страны наводненію быть.—
Къ Мысрамэлику потомъ пошелъ и сказалъ:
«Не даетъ намъ Давидъ, подать за семь лѣтъ,
О тебѣ говорить: пусть, что хочеть, творить.»

Мысрамэликъ послалъ бирючей ходить,
Войска собрать, повсюду кричатъ:
«Мнѣ должно собрать полторы тысячи
Новорожденныхъ дѣтей,
Мнѣ должно собрать полторы тысячи,
Безусыхъ юнцовъ,
Мнѣ должно собрать полторы тысячи
Темнобородыхъ мужей,
Мнѣ должно собрать полторы тысячи
Бѣлобородыхъ мужей.»

Сказалъ, собралъ, въ одно мѣсто всѣхъ свелъ,
 Войско повелъ въ городъ Сасунъ,
 Палатки свои среди поля разбилъ,
 И къ Овану своихъ гонцовъ послалъ.
 Говорить: — Ованъ!
 Коли подать платить, по чести плати,
 Не заплатишь, пойду, разгромлю Сасунъ,
 Подъ Мысырой другой построю я градъ.—
 Говорить Ованъ: «Не хотимъ воевать,
 Кто готовъ воевать, такъ только Давидъ,
 Потерпи, погоди, мы спросимъ его.»
 Давидъ говоритъ: «Казны отца не отдамъ,
 Мысрамэликъ пускай, что хочеть, творить.»
 Давиду Ованъ тогда говоритъ:
 — Коли такъ, Давидъ, въ эту ночь они
 Придутъ, нападуть, разгромятъ нашъ градъ.—
 Давидъ въ отвѣтъ:
 «Всѣ идите домой, ложитесь спать,
 А я на зарѣ пойду воевать.»

8.

Разгнѣвился Давидъ,
 Всю ночь не спалъ,
 На разсвѣтъ всталъ, лукъ и стрѣлы взялъ,
 Какъ собрался пойти, старуха ему:
 — Давидъ, ты куда?— А Давидъ въ отвѣтъ:
 «Съ Мысрамэликомъ я воевать иду!»

— Что же есть у тебя? только стрѣлы и лукъ?
 Съ Мысрамэликомъ ли такъ хочешь ты воевать?—
 «Да вѣдь нѣтъ у меня ни коня, ни меча.»
 Старуха въ отвѣтъ:—Да побьетъ тебя Грохъ!¹
 Достоинъ ли ты отца своего!
 У отца твоего былъ конь Джалали,
 Молнія—мечъ,

¹ Грохъ—буквально: писецъ, вѣроятно, имя языческаго бога (можетъ быть, тождественно съ именемъ Тира).

Головной уборъ,
 Золотой кафтанъ,
 Поясъ аль,
 Божья Матерь была Марутская съ нимъ,
 Патараза¹ крестъ въ десницѣ его.—
 Говорить Давидъ: «Гдѣ, старуха, все?»
 — Пропади твой домъ, отнялъ дядя все!
 Не отдасть добромъ онъ твоихъ вещей,
 Ты поди, схвати дядю за-воротъ—
 На своемъ настой, силой все возьми!—

Къ Овану тогда Давидъ пошелъ,
 Руки поднялъ, дядю за-воротъ взялъ,
 Такъ что ноги того отъ земли взнеслись,
 «Отъ тебя,—говорить,—дядя, требую:
 Божью Матерь верни мнѣ Марутскую,
 Патараза крестъ, что въ десной былъ отца,
 Коня Джалали,
 И мечъ-молнію,
 Головной уборъ,
 Золотой кафтанъ,
 Алыи поясъ мой!
 Не отдашь добромъ, возьму силою!»

Тутъ Ованъ въ отвѣтъ:—Пропади, Давидъ!
 Не твои то слова—подучили тебя.
 Съ того самаго дня, какъ твой померъ отецъ,
 Я не видѣлъ нигдѣ коня Джалали,
 Мысрамэлика страшась, его въ стойлѣ держалъ;
 Мысрамэлика страшась, я задралъ дверь,
 Черезъ ердикъ² ему мы кормъ даемъ.
 Если силенъ ты, если властенъ ты,
 Такъ поди: предъ тобой—дверь раскроется.—

Пошелъ Давидъ, ударилъ ногой,
 Ударилъ ногой, и распалась стѣна.
 Хотѣлъ потрепать коня по бедру,

¹ Маруть—гора; Патаразъ,—вѣроятно, имя языческаго бога.

² Ердикъ—верхнее окно (на плоской крышѣ).

Но, Давида конь не признавъ, взметнуль,
 По стѣнѣ лягнуль, та обрушилась.
 Зарыдалъ Давидъ, зарычалъ, говорить:
 — Ахъ, что дѣлать мнѣ, чей ты, конь Джалали!
 Думалъ я, ты меня на войнѣ спасешь.—
 Повелѣлъ Господь, конь въ отвѣтъ сказалъ:
 «Коли такъ, Давидъ, послужу я тебѣ.
 Съ того самаго дня, какъ твой померъ отецъ,
 Твой дядя Ованъ ходилъ за мной,
 Содержалъ меня какъ будто въ тюрьмѣ,
 Ты жъ скребницей меня хорошенько почисть.»
 Потрепалъ Давидъ коня по бедру,
 Былъ кругомъ отъ куръ по локоть пометъ,
 Но вывелъ коня подъ солнце Давидъ,
 Поскакалъ и сталъ у воротъ дворца.
 Вышелъ дядя Ованъ, все, что должно, принесъ:
 Головной уборъ,
 Золотой кафтанъ,
 Поясъ алъ
 И мечъ-молнію.
 Говорить:—Давидъ, Патараза крестъ
 Въ сундукъ лежить.
 Къ сундуку пойди,
 На колѣни стань,
 Богу помолись.
 Коль, подобно отцу, праведенъ ты,
 На десницу твою самъ придетъ, възблестѣвъ,
 Патараза крестъ.—

И Давидъ пошелъ, на колѣни сталъ,
 На колѣни сталъ, зарыдалъ, завывль...
 Повелѣлъ Господь: Патараза крестъ
 Полетѣлъ и самъ на десной осѣлъ.

9.

Сѣлъ Давидъ тогда на коня Джалали,
 И надѣлъ отцовъ головной уборъ,
 И надѣлъ отцовъ золотой кафтанъ,

Повязалъ себѣ и мечъ-молнію,
 Окрутилъ вокругъ также поясъ-алъ.
 Спину сорокъ разъ поясъ тотъ обвилъ,
 По землѣ стучалъ тотъ мечъ-молнія,
 На глаза сползалъ головной уборъ
 (Ваты сорокъ пудъ подложить пришлось,
 Чтобы тотъ уборъ на себя надѣтъ!)

Поскакалъ Давидъ, за оградой сталъ,
 Сталъ да слушаетъ,
 Что ему въ тотъ часъ дядя вымолвить.
 Говорить Ованъ:
 — Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
 Коня Джалали!
 Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
 Головной уборъ!
 Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
 Золотой кафтанъ!
 Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
 Тотъ нашъ поясъ-алъ!
 Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
 Нашъ мечъ-молнію!
 Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
 Патараза крестъ!
 Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
 Того нашего, того мальчика.—
 Говорить Давидъ:
 «Исполать тебѣ, что меня помянулъ.
 Кабы ты меня помянуть забылъ,
 Раньше битвы я тебя бы убилъ!»

Такъ сказалъ, поскакалъ, въ поле выѣхалъ.
 Повелѣлъ Господь, сказалъ конь Джалали:
 — Ты скачи, Давидъ, гдѣ молочный ключъ.
 Тамъ, гдѣ стану я, ты съ меня слѣзай.—
 Поскакалъ и сталъ, гдѣ молочный ключъ,
 Но Давидъ забылъ и съ коня не слѣзъ,
 Лишь подумалъ Давидъ, что конь усталъ,
 Въ бокъ ударилъ его и сломилъ ребро.
 Разсердился конь, и проржалъ—сказалъ:

— Могъ бы, къ солнцу внесеся, я тебя спалить,
 Какъ ты скоро забылъ мои слова!
 Но во имя отца я тебя пошажу,
 Ты скачи, Давидъ, гдѣ желѣзный столбъ,
 Ты ударь мечомъ о желѣзный столбъ,
 Коли срубишь столбъ, мы вернемся назадъ.—

Тогда съ коня слѣзаетъ Давидъ,
 Молочнымъ ключомъ его бокъ цѣлить,
 Самъ напился воды и хлѣба поѣлъ,
 Надъ молочнымъ ключомъ уснулъ, захрапѣлъ.
 Только часъ проспалъ,—удивился, какъ всталъ:
 Такъ-то онъ пополнилъ,
 Такъ-то онъ растолстѣлъ,
 Столько силы вошло, столько мочи въ него,
 Что и выше онъ сталъ, чѣмъ былъ до того.
 Тогда взялъ Давидъ головной уборъ,
 Ваты сорокъ пудъ на землю швырнулъ,
 Шапка и тогда до бровей не дошла;
 Молнію-мечъ, что стучалъ по землѣ,
 Надѣлъ, не дошелъ онъ ему до колѣнъ;
 Поясъ-аль, что его сорокъ разъ обвивалъ,
 Надѣлъ, только разъ онъ спину обвилъ.

Поскакалъ Давидъ, гдѣ желѣзный столбъ;
 Ударилъ мечомъ о желѣзный столбъ,
 Разрубился столбъ отъ удара меча.
 Въѣхалъ Давидъ на вершину горы,
 Посмотрѣлъ кругомъ, что-то видно вокругъ.
 Сколько есть въ небесахъ лучистыхъ звѣздъ,
 Мысрамэликъ въ поляхъ наставилъ шатровъ,
 Увидалъ Давидъ, испугался, сказалъ:
 — Славенъ будь, Господь, милосердъ Богъ,
 Да будетъ воля Твоя,
 Только какъ же мнѣ быть?
 Если бъ ватой они всё сдѣлались вдругъ,
 А я сталъ бы огнемъ, не пожечь мнѣ ихъ всѣхъ.
 Если бъ агнцами всё они сдѣлались вдругъ,
 А я волкомъ бы сталъ, не пожрать мнѣ ихъ всѣхъ.—

Джалали говоритъ: «Ты не бойся, Давидъ!
 Сколько скосишь мечомъ, я скошу хвостомъ,
 Что скосить мечу, я копытомъ скошу.
 Лишь на мнѣ усиди и не дайся въ обманъ».
 Говоритъ Давидъ:—Только какъ же мнѣ быть?
 Тайкомъ подползаетъ,—скажутъ, вышелъ какъ тать,
 Итти прямо къ врагамъ, испугаюсь я самъ.—

Такъ подумалъ Давидъ, потомъ такъ кричить:
 — Въ шатрѣ кто спитъ, да проснется тотъ,
 Проснулся кто, да скорѣй встаетъ,
 Поднялся кто, да броню беретъ,
 Броню кто надѣлъ, да несетъ сѣдло,
 Осѣдлалъ кто коня, да садится въ сѣдло,
 И, чуръ, не кричать, что пришелъ я, какъ тать!—

Такъ сказалъ, поскакалъ, полетѣлъ на войска,
 Два-раза проскакалъ и впередъ и назадъ,
 Словно крови потокъ поднялся и потекъ,
 Сколькихъ мечъ порубилъ, сколькихъ конь потопталъ.

Былъ въ томъ войскѣ мудрецъ, сѣдой старикъ,
 Предъ Давидомъ онъ сталъ, Давиду сказалъ:
 «Ты зачѣмъ, Давидъ, убиваешь людей?
 У всѣхъ-то у нихъ вѣдь матери есть,
 Сюда Мысрамэликъ насъ силой привелъ,
 Коли ты удалецъ, поди, съ нимъ повоюй.»
 Говоритъ Давидъ:—Гдѣ его шатерь?—
 Старикъ говоритъ: «Вонъ зеленый шатерь.»

10.

Предъ зеленымъ шатромъ Давидъ сталъ, сказалъ:
 — Мысрамэликъ, выходи, драться иди.
 Коль безсмертенъ ты, тебѣ смерть я принесъ,
 Коль безъ Гроха ты, тебѣ Гроха принесъ.—
 Мать Давида тогда ему говоритъ:
 «Мысрамэликъ въ постели спитъ,
 Семь день ему спать, только три проспалъ.»

Давидъ говорить:—Что за дѣло мнѣ!
Разбудите его, ему драться пора.—

Тутъ огонь несутъ, большой вертель жгутъ,
Да имъ по нсгамъ Мысрамэлика бьютъ.
Мысрамэликъ во снѣ, закричалъ, сказалъ:
— Нынче плохо мнѣ постлали постель,
Укусила меня блоха во снѣ.—
А Давидъ ему говорить: «Вставай!
Вѣдь то не блоха, предъ тобою—я.»
Мысрамэликъ не всталъ и опять уснулъ.
Тутъ огонь несутъ, плуга лемехъ жгутъ,
Да имъ по нсгамъ Мысрамэлика бьютъ.
Мысрамэликъ во снѣ закричалъ, сказалъ:
— Нынче плохо мнѣ постлали постель,
Укусила меня блоха во снѣ.—
А Давидъ ему говорить: «Вставай!
Нынче со мной долженъ драться ты.»

Мысрамэликъ тутъ всталъ, Давида узналъ,
На него дохнулъ, думалъ тотъ полетить,
Но Давидъ на конѣ остался стоять.
Мысрамэликъ тогда Давиду сказалъ:
— Приходи, Давидъ, поѣдимъ съ тобой,
Поболтаемъ вдвоемъ, а тамъ драться начнемъ.—
Дался тогда Давидъ въ обманъ,
Съ коня онъ слѣзъ, а конь убѣжалъ,
Разсердясь, ускакалъ на вершину горы.
Мысрамэликъ межъ тѣмъ велѣлъ яму изрыть,—
Глубиной она была въ сорокъ мечей,
Прикрыта она была сѣткой поверхъ,
А на сѣтку ту постлали ковры.
Давида тогда посадили туда,
Онъ въ яму упалъ, Мысрамэликъ же сказалъ:
— Такъ вотъ какъ, Давидъ, ты подрался со мной,
Оставайся тамъ, пока кости сгніють.—

11.

Дзеновъ-Ованъ видѣлъ ночью сонъ:
Мысыра звѣзда ясна была,

Сасуна звѣзда покрылась тьмой,
Проснулся Ованъ, женѣ сказалъ:
— Поднимайся, жена! Я видѣлъ сонъ,
Мысыра звѣзда ясна была,
Сасуна звѣзда покрылась тьмой,
Погибъ нашъ Давидъ!—
Жена говорить: «Пропади твой домъ!
Самъ ты спишь, а во снѣ все видишь другихъ.»
Уснулъ Ованъ, вновь увидѣлъ сонъ:
Мысыра звѣзда ясна была,
Сасуна звѣзда померкла совсѣмъ.
Проснулся Ованъ, женѣ сказалъ:
— Поднимайся, жена, я видѣлъ сонъ:
Мысыра звѣзда ясна была,
Сасуна звѣзда померкла совсѣмъ,
Погибъ нашъ Давидъ!—
Жена говорить: «Пропади твой домъ,
Чего ты не спишь и мнѣ спать не даешь.»
Уснулъ Ованъ, вновь увидѣлъ сонъ:
Мысыра звѣзда ясна была
И Сасуна звѣзду поглотили совсѣмъ.
Проснулся Ованъ, женѣ сказалъ:
— Поднимайся, жена, Давидъ убить!—
Жена говорить: «Охъ, чего ты не спишь,
Видно, млѣешь во снѣ съ красоткой какой!»
Разсердился Ованъ, пхнулъ жену ногой,
Жена поднялась и свѣтъ зажгла.
Ованъ говорить:—Подай мечъ и шить!—
Жена подала, и Ованъ ихъ надѣлъ,
Самъ пошелъ отворилъ въ конюшню дверь,
Ударилъ въ бедро коня Бѣлаго
(Прикоснулся конь животомъ до земли),
Говорить:—Бѣлый конь, какъ поскачешь ты,
Скоро ль ты доведешь меня, гдѣ Давидъ?—
Конь въ отвѣтъ: «Донесу я тебя до зари.»
Говорить Ованъ:—Поганымъ будь кормь,
Какимъ досель я тебя кормилъ.—
Ударилъ въ бедро коня Рыжаго
(Прикоснулся конь животомъ до земли),
Говорить:—Рыжий конь, какъ поскачешь ты,

Скоро ль довезешь меня, гдѣ Давидь?—
 Конь въ отвѣтъ: «Донесу я тебя въ одинъ часъ.»
 Говорить Овань:—Поганымъ будь кормъ,
 Какимъ досель я тебя кормилъ.—
 Ударилъ въ бедро Вороного коня,
 Не коснулся конь животомъ до земли.
 Облобызаль Овань Вороного коня,
 Говорить:—Вороной, какъ поскачешь ты,
 Скоро ль ты довезешь меня, гдѣ Давидь?—
 Конь въ отвѣтъ: «Ухватись за меня посильнѣй.
 Только станешь ногой ты въ стремя одно,
 А другую внесешь, чтобъ въ другое попасть,
 Донесу я тебя туда, гдѣ Давидь.»

Сѣлъ Дзеновъ-Овань на Вороного коня,
 Только сталъ ногой на стремя одно,
 А другую занесъ, чтобъ въ другую попасть,—
 А ужъ конь Вороной полетѣлъ, какъ огонь,
 Домчался и сталъ на вершинѣ горы.
 Лишь конь Джалали его увидалъ,
 Громко заржалъ, къ нему подскакалъ.
 Испугался Овань, про себя сказалъ:
 «Если конь убѣжалъ, такъ Давидь убить.»
 И Дзеновъ-Овань тогда закричалъ,
 По горамъ и доламъ его крикъ прозвучалъ:
 — Эй, гдѣ ты, Давидь! помяни теперь
 Ты Марутскую Богородицу,
 Патараза крестъ, что въ десной твоей!—
 Давидь услыхалъ тотъ Ована крикъ,
 Давидь разслыхалъ и сказалъ тогда:
 «Ты Марутская Богородица,
 Патараза крестъ, что въ десной моей!»
 Такъ онъ разъ сказалъ, тѣломъ всѣмъ трякнулъ.
 Повелѣлъ Господь и распалась цѣпь,
 И изъ ямы Давидь тогда выскочилъ.
 Мысрамэликъ къ нему подойти не посмѣлъ,
 Овань же позвалъ:—Поди сюда, Давидь!—
 Давидь на тотъ зовъ къ Овану пришелъ,
 Ему Овань коня подвелъ,
 Сѣлъ Давидь и сказалъ:

«Отправляйся теперь ты, дядя, домой,
 Съ Мысрамэликомъ я пойду воевать.»

12.

Къ Мысрамэлику Давидь прискакалъ, сказалъ:
 — Мысрамэликъ, меня ты тогда обмануль,
 А что же теперь станешь дѣлать ты?—
 Мысрамэликъ сказалъ: «Ну, иди, садись.»
 Но Давидь говорить:—Нѣтъ, намъ драться пора.—
 Мысрамэликъ ему: «Чуръ мой первый чередъ.»

Пошелъ Давидь, на площади сталъ.
 Мысрамэликъ махнулъ, пустилъ булавой
 Надъ Давидомъ пыль поднялась столбомъ,
 И солнечный ликъ застлала пыль.
 Мысрамэликъ сказалъ:
 «Быль прахомъ Давидь, сталъ прахомъ Давидь.»
 Но Давидь въ отвѣтъ:—Нѣтъ, еще я тутъ,
 Ты ступай опять булавой метать.—
 Мысрамэликъ махнулъ, пустилъ булавой,
 Надъ Давидомъ пыль поднялась столбомъ,
 И солнечный дымъ застлала пыль.
 Мысрамэликъ сказалъ:
 «Быль прахомъ Давидь, сталъ прахомъ Давидь.»
 Но Давидь въ отвѣтъ:—Нѣтъ, еще я тутъ,
 Ты ступай опять булавой метать.—
 Мысрамэликъ въ третей пустилъ булавой
 Какъ осѣла пыль, Давидь говорить:
 — Все еще я тутъ, но чередъ ужъ мой.—

Мысрамэликъ сказалъ: «Давидь, подожди.
 Вырыть яму хочу въ сорокъ версть глубиной,
 Въ эту яму хочу опустить на дно,
 Сорокъ я навалю жернововъ на дно,
 Сорокъ я наложу шкуру воловъ на себя.»
 Давидь говорить:—Что же, рой, накрывай,
 Какъ любо тебѣ, такъ ты поступай.—

13.

Мысрамэликъ сидитъ въ той ямѣ на днѣ,
 Сорокъ онъ навалилъ жернововъ на себя,
 Сорокъ онъ наложилъ шкуру воловъ на себя.
 Разбѣжался Давидъ ударить хотѣлъ.
 Мать Давида пришла, ему говорить:
 — Развѣ грудью тебя не кормила я?
 Ты уважь меня, этотъ разъ не бей.»
 Согласился Давидъ и уважилъ мать.

Разбѣжался Давидъ, взмахнулъ булавой.
 Мысрамэлика сестра пришла, говорить:
 — Не носила ль я тебя на спинѣ?
 Ты уважь меня, этотъ разъ не бей.—
 Согласился Давидъ и уважилъ ее,
 Только разъ одинъ остался ему.

Разбѣжался Давидъ, взмахнулъ булавой,
 Давида сестра пришла, говорить:
 — Ты уважь меня, этотъ разъ не бей.—
 Но Давидъ въ отвѣтъ: «Нѣтъ чередъ ужъ мой!»

Божье имя тогда Давидъ помянулъ,
 Марутскую онъ Божью мать помянулъ,
 Патараза крестъ на десной своей,
 Ударилъ лишь разъ Давидъ булавой.
 Повелѣлъ Господь: какъ ударилъ Давидъ,
 Онъ сорокъ пробилъ тогда жернововъ,
 Онъ сорокъ пробилъ воловьихъ шкуръ
 И полъ-головы Мысрамэлику снесъ.

Мысрамэликъ сказалъ:—Еще я тутъ.—
 Но Давидъ въ отвѣтъ: «Ты всѣмъ тѣломъ тряхни.»
 Мысрамэликъ тогда всѣмъ тѣломъ трякнулъ,
 На двѣ части онъ развалился весь:
 Половина—тамъ, половина—здѣсь.
 Прекратилась такъ Мысрамэлика жизнь.

ПОЭЗИЯ СРЕДНЕВѢКОВЬЯ И ПѢСНИ АШУГОВЪ.

ИЗЪ ШАРАКАНА.

ДРЕВНѢЙШІЕ ГИМНЫ V—VII в.

1. «Море жизни всегда обуревает меня...» (Приписывается св. Месропу-Маштоцу, V в.)
2. «Рано утромъ предстану передъ Тобой...» (Тоже.)
3. «Преображеніемъ Твоимъ на горѣ...» (Приписывается Іоанну I Мандакуни, V в.)
4. Изъ канона спутницамъ св. Рипсима.
(Приписывается католикосу Комитасу, VII в.)
Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

1.

Море жизни всегда обуреваетъ меня.
Воздвигаетъ Врагъ валы на меня.
Добрый Кормчій, Ты—оборони меня!

2.

Рано утромъ предстану передъ Тобой,
Царь мой и Богъ мой!
Рано утромъ преклѣбнишь къ молебѣ моей слухъ,
Царь мой и Богъ мой!
Молю я: взгляни на молитву мою,
Царь мой и Богъ мой!

3.

Преображеніемъ Твоимъ на горѣ
Ты божественную силу явилъ,
Тебя славимъ, о мысленный свѣтъ!

Лучъ славы Твоей ты явилъ,
Возсіялъ и всю твердь освѣтилъ,
Тебя славимъ, о мысленный свѣтъ!

Ужаснулись ученики Твои
Явленіе чудесное зря,
Тебя славимъ, о мысленный свѣтъ!

Но, возставъ отъ тяжелаго сна,
Къ Твоей славы прилѣпились сильнѣй,
Тебя славимъ, о мысленный свѣтъ!

4.

ИЗЪ КАНОНА СВ. ДѢВАМЪ, СПУТНИЦАМЪ СВ. РИПСИМѢ.

ПОДРАЖАНІЕ.

Наполнили землю голоса съ небесъ,
Ибо вы предъ Христомъ—пролитой аромать;
Какъ жертву на алтарь вы себя принесли
Безпорочныя агницы, посвященныя Творцу.

Красотой блистающей царь ослѣпленъ,
Ею всѣ язычники изумлены;
Но, при зрѣлищѣ дивной благодатной красы,
Святыя силы ликуютъ съ людьми.

Жива, какъ въ началѣ, сила Творца,
Украшается вновь благодатный Эдемъ,
Ибо древо жизни, что веростало въ Раю,
Свой плодъ принесло—блаженную РипсимѢ.

ГРИГОРІЙ НАРЕКСКІЙ.

X В.

1. Алмазная роза.
2. Пѣснь на Воскресеніе Христова.
Перевель *Валерій Брюсовъ*.

1.

АЛМАЗНАЯ РОЗА.

Алмазную розу одѣль
Алый свѣтъ покрываломъ благимъ,
А надъ тѣмъ покрываломъ благимъ
Жемчугомъ нунуфаръ просіяль.

Въ огромномъ просторѣ морскомъ
Отразилось сверканье цвѣтка,
И зардѣлся сверканьемъ цвѣтка
На вѣткѣ пылающей плодъ.

Сочный шафрановый плодъ
Густая скрывала листва,
Создателя арфа,—листва,—
Тобой пѣтаго, дивный Давидъ!

Въ роѣ торжественномъ розъ
Зазвучала стоцвѣтность цвѣтовъ;
Молодыхъ тонкоствоныхъ деревъ
Заалѣли побѣги вокругъ.

Кипарисы, красуясь, калятъ
Надъ чашами розъ и лилей;
И въ долинѣ чаши лилей
Подъ солнцемъ всходящемъ горять.

На алмазную лилію съ горъ
Сладкій популъ вѣтерокъ;
Съ полночной горы вѣтерокъ
Лилею росой окропиль.

Росой и красой жемчуговъ
Покрылась лилея въ долу;
Цвѣты оросились въ долу
Росой съ золотыхъ облаковъ.

И звѣзды пошли въ небесахъ,
Огнями луну окруживъ,
И алмазный крестъ водрузивъ
Надъ кругомъ своимъ въ небесахъ.

2.

ПѢСНЬ НА ВОСКРЕСЕНЬЕ ХРИСТОВО.

Телѣга идетъ съ Масиса-горы.¹
На телѣгѣ той—высока скамья,
А на той скамьѣ—золотой престоль,
А на томъ столѣ—пурпурова тканьъ,
А на томъ тканьѣ—сидитъ царскій сынъ,
А по праву съ нимъ—шестикрылые,
А по лѣву съ нимъ—многоокие,
А предъ самымъ нимъ—отроки-краса,
А въ объятяхъ ихъ—то Господень крестъ,
А въ рукахъ у нихъ—лира да псалтырь,
Воспѣвають тѣ, славословятъ тѣ:
Слава всемогущему Христову Воскресенію!

Телѣгу ведутъ съ Масиса-горы,
Ведутъ да ведутъ, устанавливають,
Вотъ телѣга стоитъ и не движется,
Колесо-то ея не вертится.

Проса шесть сноповъ, да сто клевера,
Да фіалокъ снопъ наваливають,
Что по праву-то отъ Масиса горы,
Наваливають, устанавливають.

¹ Масисъ—Араратъ.

А телѣга стоитъ и не движется,
Колесо-то ея не вертится.

У телѣги той нити шелковы,
Сребряна шлея, золото ярмо,
А постромки виты жемчугомъ.
Но телѣга стоитъ и не движется,
Колесо-то ея не вертится.

Впряжены воли черные да бѣлые,
Воли въ яблокахъ, быстроногіе,
И рога-то ихъ крестовидные,
Такъ и шерсть у нихъ—безъ конца жемчугъ.
Вотъ телѣга стоитъ и не движется,
Колесо-то ея не вертится.

Возчикъ у нея ловокъ и великъ:
Станъ—что ивы стволь, широки плеча,
Перву пару онъ вотъ понукиваетъ,
На вторую онъ вотъ покрикиваетъ,
И телѣга тутъ съ мѣста сдвинулась,
Съ мѣста сдвинулась, покатила.

Покатила вся телѣга тутъ
Что по праву-то отъ Масисъ-горы,
Покатила, заскрипѣла ось,
И, поскрипывая, въ Ерусалимъ въѣхала,
И Сіона Новаго воспѣли сыны
Пѣсню хвалебную:
Слава всемогущему Христову Воскресенію.

НЕРСЕСЪ БЛАГОДАТНЫЙ.

XII в.

- На распятіе Господне. Перевель *Валерій Брюсовъ.*
2. На Великій Пятокъ. I. Перевель *С. Шервинскій.*
3. То же. II. Перевель *Валерій Брюсовъ.*
4. Всѣмъ усопшимъ. Перевель *онъ же.*
5. При восходѣ солнца. Перевель *онъ же.*
6. На взятіе Эдессы. Отрывки. Перевель *онъ же.*

1.

НА РАСПЯТІЕ ГОСПОДНЕ.

Тотъ жаждалъ на крестѣ, какъ человѣкъ простой,
Кто создалъ Океанъ, наполненный водой.

Самаритянку Тотъ «дай Мнѣ испытъ» просилъ,
Кто всю вселенную безсмертьемъ напоилъ.

И сотникъ римскихъ войскъ, желчь съ укусомъ смѣшавъ,
Черезъ губку напоилъ Царя небесныхъ славъ.

Днемъ солнце было мглой затѣмъ облечено,
Что Слово вѣчное землей оскорблено.

И громкимъ голосомъ Господь съ креста къ Отцу
«Или! Или!» воззвалъ и предалъ духъ Творцу.

Завѣта ветхаго порвался завѣсъ—въ мигъ,
Когда въ мученіяхъ Даятель Жизни никъ.

Земля потрясена была до глубины;
Рассѣлись камни скаль, гроба потрясены;

Темница страшная, восколебался Адъ,
Тьму душъ окованныхъ онъ выпустилъ назадъ:

Отъ гласа мощнаго Того, Кѣмъ жизнь дана,
Была свобода имъ въ тотъ часъ возвращена.

Сей Жизнедатель нашъ, когда во Адъ сошелъ,
Онъ свѣтъ затеплилъ тѣмъ, кого въ тюрьмѣ обрѣлъ,

На небо верхнее из бездны ихъ вознесъ
И съ безтѣлесными—ихъ водворилъ Христось;

Ихъ свѣту причастилъ въ чертогѣ безъ грѣха,
Во царствѣ свадебномъ святого Жениха,—

Тамъ, церкви-матери гдѣ первенцы царятъ
И Авраамовыхъ наслѣдниковъ гдѣ градь,

Гдѣ праведныхъ ряды предъ Господомъ Отцомъ
Ликують безъ конца о Женихѣ святомъ.

Съ Отцомъ и Святымъ Духомъ, въ вѣкъ вѣковъ, псаломъ.
Распятому за насъ мы Слову воспоемъ.

2.

НА ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Когда властительно Отцу съ креста—Онъ предалъ духъ,
Къ предѣламъ низшимъ Онъ сошелъ,—гдѣ жизнь и смерть въ
борьбѣ,

Лишь услыхалъ Властитель Зла—почуялъ страхъ и дрожь.
Лишь услышали Смерть и Адъ,—и трепеть ихъ объялъ.

Могучимъ свѣтомъ пригрозивъ—крестомъ—кромѣшной тмѣ,
Межъ плѣнныхъ сталъ искать Исусъ заполоненныхъ слугъ.

Но знакъ сошествія Христа во адъ узналъ Адамъ,
Недвижный, пораженъ стыдомъ, въ безмолвіи стоялъ

Онъ, страха полнъ, но видитъ длань, пронзенную гвоздемъ,
«О, не страшись», речеть Христось, съ собой зоветъ: «Пойдемъ!»

Признай ты кровь гвоздиныхъ ранъ, пріятыхъ за тебя,
Признай чело, что злой земли шипомъ изъязвлено!

Рукою грѣшникъ трость вносилъ надъ головой моей,
Рукою даль щекѣ ударъ и плюнулъ на лицо;

Съ оцетомъ вмѣстѣ на копѣ мнѣ дали въ пищу желчь,
Смывающую желчь грѣха, свершеннаго въ Раю.

Такъ по дорогѣ смерти Я—подвигся за тобой
Ты къ воскресенью днесъ иди—за мною въ путь живой!»

3.

НА НОЧЬ ВЕЛИКАГО ПЯТКА.

По всей землѣ превратилъ Онъ солнечный свѣтъ во тьму,
Онъ въ полдень оный покровъ возложилъ на свою наготу.
Въ полдень умеръ Адамъ, во грѣхѣ, и свѣтъ померкъ,
Въ девятомъ часу восіялъ, когда Христось попралъ смертью.
У креста Богоматерь, скорбя, росу проливала слезъ,
Внимая о жадлѣ словамъ, что Сынъ Ея принесъ.
Дали оцетъ Тому, волей чьей—рѣки въ Элемѣ текли,
Кто въ пустынѣ народъ напоилъ сладчайшей водой изъ скалы.
Въ третьемъ часу обольстилъ Еву праматерь—Змѣй,
Въ шестомъ часу согрѣшилъ Адамъ, внимая ей.
И въ третьемъ часу Господь висѣлъ, ко кресту пригвожденъ,
Когда жъ Рай покидалъ Адамъ, туда былъ разбойникъ введенъ.

4.

ВСЪМЪ УСОПШИМЪ.

Когда архангелъ возгремить трубой
И воззоветъ на Страшный Судъ всю плоть,
Въ тотъ страшный день всѣхъ помяни, Господь,
Усопшихъ со святыми упокой.

Когда съ Востока, славой золотой,
Твой ликъ блеснетъ, чтобъ сумракъ поборотъ,
Въ тотъ страшный день всѣхъ помяни, Господь,
Усопшихъ со святыми упокой.

Ты книгу Тайнъ развернешь предъ Собой,
И задрожить отъ ужаса вся плоть.
Въ тотъ страшный день всѣхъ помяни, Господь,
Усопшихъ со святыми упокой.

5.

ПРИ ВСХОДѢ СОЛНЦА.

Свѣтъ, Свѣта Творецъ, первый Свѣтъ, чей дворецъ—непреступ-
нѣйшій Свѣтъ!
Небесный Отецъ! Кто хвалимъ сонмомъ духовъ, созданныхъ
отъ Свѣта!
Наши души, въ свѣтъ зари, осіяй Твоимъ мысленнымъ свѣтомъ:
Свѣтъ, исшедшій отъ Свѣта, Богъ Сынъ, Кто Одинъ—рождение
Отца,
Солнце Правды, чье имя, до солнцъ, сонмы духовъ гимномъ
хвалили,
Наши души, въ свѣтъ зари, осіяй Твоимъ мысленнымъ свѣтомъ.
Свѣтъ, идущій отъ Свѣта, Богъ Духъ, Кто въ слухъ чрезъ про-
роковъ гласилъ,
Благъ источникъ, хвалятъ Кого, съ сонмомъ духовъ, отроки
Церкви,
Наши души, въ свѣтъ зари, осіяй Твоимъ мысленнымъ свѣтомъ.
Свѣтъ, Кому и названія нѣтъ, одинъ, троиченъ, не раздѣлимъ,
Святая Троица, хвалимъ Кого, съ сонмомъ духовъ, мы, гласы
земные,
Наши души, въ свѣтъ зари, осіяй Твоимъ мысленнымъ свѣтомъ.

6.

ЭЛЕГИЯ НА ВЗЯТІЕ ЭДЕССЫ.

ОТРЫВКИ.

I.

1. Нерсесь оставилъ пѣсню слезъ,
Арменіи католикось,
Гдѣ вещи сами говорятъ,
Размѣрно на Гомеровъ ладъ,
Придавъ стихамъ печальный складъ,
Объ томъ, какъ палъ Эдессы градъ.
То было писано въ пятьсотъ
И девяносто третій годъ,
Въ день двадцать третій, въ декабрѣ,
10. Въ субботу, въ часъ третій по зарѣ.¹

II.

593. Тогда пошли грозой войны
Агари на меня сыны.
Сначала зло умерщвлены
Ряды дѣтей моеи страны,
И грады вслѣдъ истреблены,
Какъ рядъ зубцовъ одной стѣны,
Разрушены и сожжены,
600. Въ развалины обращены.

¹ Т. е. въ 1144 г. въ субботу 23 декабря, въ 9 час. утра. Нѣкоторыя подробности о взятіи Эдессы см. въ «Примѣчаніяхъ».

Но это все не въ годъ одинъ,
 А въ сорокъ съ лишнимъ лѣтъ войны.¹
 Я пала съ прежней вышины,
 И были силы сломлены.
 Злодѣями со стороны
 Владѣнья были плѣнены;
 Мнѣ всѣ мученья безъ вины,
 Всѣ бѣды были суждены;
 Хоть были дни мои больны,
 610. Лекарства не были даны...
 Пришла я къ краю крутизны,
 Гдѣ двери въ адъ растворены.

III.

Тиранъ, судьбы свидѣтель злой,
 Драконъ сей, сходный со змѣей,
 Поползъ, изгибистой дугой,
 Свирѣпый, ядомъ облитой,
 Чтобы въ пяту меня стрѣлой
 Сразить, таймой за спиной.
 Онъ, подъ личиной тишины,
 620. Скрывалъ коварство за душой,
 Какъ волкъ, живущій подъ горой
 И въ степь бѣгушій предо мной.
 Но имя ты его усвой:
 Занки,—всѣхъ гнусностей герой.

Напаль неожиданной онъ порой,
 Нарочно выбравъ день глухой,
 Когда узналъ онъ стороной,
 Что не было бойцовъ со мной:
 Со всѣхъ концовъ, какъ пеленой,
 630. Вмигъ окружилъ меня густой
 Мохерь-арабскою ордой.²

¹ Намекъ на французское владычество въ Эдессѣ, длившееся 46 лѣтъ.

² Въ подлинникѣ: арабовъ-мохраканъ; послѣднее слово есть искаженіе арабскаго maghrebi (собственно родомъ изъ Марокко, вообще африканскій); у Матвея Эдесскаго этому соответствуетъ слово—мохерь, для означенія египтянъ (мамелюковъ).

Не счесть, кто въ стаѣ былъ людской:
 Елимцы, Кетцы,¹ чередой,
 Безсчетны, какъ песокъ морской!
 Со сворой псовъ стоятъ стѣной,
 Ни выйти, ни пройти домой!
 Что часъ, то начинаютъ бой,
 Меня терзають день деньской;
 Что день, стремится новый строй;
 640. У всѣхъ—оружье подъ рукой,
 На шуйцѣ—щитъ, копье—въ десной,
 Кольчуга, шлемъ надъ головою,
 И дротики и лукъ тугой,—
 Летятъ и стрѣль пускають рой!
 Они, поставивъ рядъ махинъ,
 Метали дождь камней, пращей,
 Крушившихъ, бившихъ все съ собой,
 Что созерцала я съ тоской.
 Но, сколь ни длили приступъ свой,
 650. Мы все же дали имъ отбой.

Замыслилъ тутъ иной разбой—
 Нашъ врагъ, на хитрости лихой.
 Какъ кротъ, прорылъ онъ подъ землей
 Подъ наши башни ходъ прямой,
 И утвердилъ тамъ, скрытый мглой,
 Подпоры, ровно подъ стѣной,
 Чтобъ взрывъ насъ поразилъ бѣдой,
 Что для невѣрныхъ—не впервой!²

IV.

Потомъ, представъ передъ толпой,
 660. Онъ крикнулъ, съ гордой похвальбой:
 «Народъ! Не спорь съ своей судьбой!

¹ Элимцы и Кетцы (потомки Kheth, хананеяне)—вообще мусульмане.

² Рѣчь идетъ, конечно, не о взрывѣ, съ помощью пороха, еще не изобрѣтеннаго въ XII столѣтіи, но о поджогѣ черезъ мину,—способѣ, примѣненіемъ котораго славились въ ту эпоху инженеры изъ Алсппо.

- Чтобъ сѣни минутъ гробовой,
Ты самъ ворота мнѣ открой,
Тогда я сжалюсь надъ тобой!»
Но вызовъ услыхавъ такой,
Герои, храбрецы,—гурьбой
Сошлись, толкуя межъ собой,
Давая клятвы съ прямою:
Не отступать передъ борьбой,
670. Стоять упорно подъ грозой,
Отвергнувъ договоръ худой,—
Не растворять стѣны градской;
Вѣдь лучше сгинуть всей семьей
И быть прославлену молвой,
Чѣмъ клятвѣ измѣнить честной
И жизнь купить такой цѣной:
Такъ Манкавеевъ кругъ былъ ой
678. Сражался и Варданъ святой!
.....
776. Такъ одному твердилъ другой,
Подобно кабанамъ весной,
Точащимъ зубы, въ мглѣ лѣсной;
Такъ сына звалъ отецъ родной,
780. А сынъ готовилъ мечъ стальной.
Призывъ на битву, словно вой,
Гудѣлъ въ домахъ, надъ мостовой.
Вождемъ—забыть санъ боевой,
И—рядомъ съ нимъ бѣднякъ простой:
Всѣ стали равны предъ бѣдой,
Всѣ мыслью спаяны одной.
Священники, епископы
Примкнули всѣ къ присягѣ той:
790. Рѣшили твердой стать стопой,
Непоколебимой бороздой,
И смерть презрѣть, что лишь покой
Даруетъ жизни остальной.
Гласятъ другъ другу: «Смѣло стой!
Дрожать намъ—лишь предъ Сатаной,
Любить Того, Кто вѣковой
Вѣнокъ возносить надъ душой!

Брать! Мужество свое удвой,
И Богъ заплатитъ лучшей мздой!»

- Другъ друга такъ они съ мольбой
800. Поддерживали вперебой.
«Гляди: по тверди голубой,
Къ намъ помощь мчится подъ звѣздой!»
Шептали, сей крѣпясь мечтой.
Потомъ, за каждую тропой
Слѣдя, и днемъ и въ тѣмѣ ночной,
Все ждали помощи земной,
Но не было имъ—никакой!
Никто не двинулъ и рукою
Изъ христіанъ страны иной,
810. Земля осталась къ намъ глухой:
Кто чтили крестъ—не шли войной!¹
.....

V.

823. Былъ истощенъ запасъ съѣстной;
Подвозъ отрѣзанъ—за чертой;
Мы голодь лютый и слѣпой
Со всякой вѣдали нуждой.
И нынѣ рвется голосъ мой,
И сердце сдавлено тугой,
И грудь вздымается волной,
830. И мысль томится слѣпотою,
Чуть вспомню день тотъ роковой,
Съ его зловѣшею зарей,
Когда не вспыхнулъ свѣтъ дневной,
Но было все покрыто тьмой.

¹ Раймондъ Антиохійскій, по своей враждѣ къ Жосселину, не оказывалъ поддержки Эдессѣ. Въ Иерусалимѣ, Мелисенда, правившая въ малолѣтство своего сына, Водуна III, отдала приказъ о посылкѣ вспомогательнаго отряда къ Эдессѣ; но разстояніе между двумя городами было слишкомъ велико, и помощь не могла успѣть во-время.

- Содомскій факель огневой
 Влетѣлъ до неба полосой;
 Не дождь изъ тучи грозовой
 Упалъ, но—каменный прибой.
 И нашей крѣлости устой
840. Распался, словно пень гнилой,
 Отъ самой кручи основной,
 Открылся входъ—ордѣ чужой.
 Но взводъ остался удалой,
 На шагъ не отступивъ ногой,
 Другъ друга убѣждали всѣ:
 Быть твердыми передъ враждой,
 Держаться дружеской четой,
 И надъ разрушенной плитой,
 Бороться съ силою двойной,
860. Презрѣвъ врага клинокъ кривой!

VI.

890. Ихъ вождь, вмѣстилище грѣховъ,
 Воззвалъ къ своимъ, дикъ и суровъ:
 Обрекъ мечу и грабежу
 И плѣну всѣхъ моихъ сыновъ.
 Арабы, послѣ этихъ словъ,
900. И всякихъ варвары родовъ,
 Подобно сворѣ дикихъ псовъ,
 Накинулись со всѣхъ концовъ,
 Составя цѣпи изъ рядовъ,
 Одни во слѣдъ другимъ на зовъ,
 Подъ трубъ и барабановъ ревъ,
 Подобный грому съ облаковъ.
 Дрожаль просторъ отъ голосовъ,
 Все потрясавшихъ до основъ,
 Сердца сжимались у трусовъ,
910. Росла отвага храбрецовъ:
 Тотъ былъ на смерть летѣть готовъ,
 Тотъ въ страхъ умереть готовъ.
 Но было мало удалцовъ,

Чтобъ защищать валы и ровъ.
 Они устали отъ трудовъ,
 Безсонныхъ, тягостныхъ часовъ,
 Прошедшихъ предъ лицомъ враговъ,
 За мѣсяцъ роковыхъ боевъ.
 И вотъ какой-то изъ угловъ
 Предсталъ невѣрнымъ безъ бойцовъ.

VII.

921. И врагъ, вскарабкавшись, проникъ
 Внутрь башни, близъ домовъ жилыхъ.
 Толпа, узрѣвъ въ стѣнахъ своихъ
 Враговъ (хоть мало было ихъ),
 Подъемя безнадежный крикъ,
 Бѣжитъ вдоль улицъ городскихъ...
 Что видѣли въ вѣкахъ иныхъ
 Прискорбнѣй зрѣлищъ таковыхъ?
 Орда невѣрныхъ, дикихъ, злыхъ,
930. Свирѣпствуетъ межъ толпъ людскихъ;
 Ударами мечей стальныхъ
 Всѣхъ рубить,—старыхъ, молодыхъ.
 Бойцы отъ валовъ земляныхъ
 Бѣгутъ въ смятеньи напрямикъ
 Къ развалинамъ воротъ былыхъ.
 Но стая тѣхъ звѣрей лѣсныхъ
 Пронзаетъ ихъ клинками вмигъ:
 Овецъ такъ волки луговыхъ
940. Преслѣдуютъ въ поляхъ нагихъ,
 Изъ множества лова любыхъ,
 Топа ихъ въ токахъ кровяныхъ.
 Смерть грудей не коснулась чьихъ?
 Губили и дѣтей грудныхъ,
 И старцевъ, хилыхъ и больныхъ.
 Что имъ ребенка нѣжный ликъ?
 Что имъ священникъ-духовникъ?
 Что даже патріархъ-старикъ?
 Все гибло отъ враговъ лихихъ;
950. Кровь капала съ волосъ сѣдыхъ;

Служители церкви родныхъ,
Что кровь лишь въ таинствахъ святыхъ
Знавали,—кровью жилъ своихъ
Святили кровь людей простыхъ.
Тиранъ, неукротимъ и дикъ,
Убийства радости постигъ:

Такъ левъ, въ лѣсахъ, пускаетъ рыкъ
Иль въ трупъ медвѣды вонзаетъ клыкъ.
Межъ тѣхъ событій гробовыхъ,

960. Для коихъ нѣтъ и словъ земныхъ,

Какъ выразить поэта стихъ

962. Весь ужасъ бѣдствій роковыхъ?

Ф Р И К Ъ.

XIII—XIV В.

1. Жалобы. (Отрывок).

2. Колесо Судьбы.

Перевелъ Валерій Брюсовъ.

1.

ЖАЛОБЫ.

Ты, Боже—мудръ и справедливъ,
Ты—благъ и долготерпѣливъ.
Тебѣ я жалобы несу:
О, выслушай Ты мой призывъ!

Чудны дѣянiя Творца,
Все дивно, странно безъ конца,
И передъ тѣмъ, что Ты творишь,
Дивится мудрость мудреца.

Въ Раю единый былъ Адамъ,
И съ нимъ одна лишь Ева тамъ,—
Одинъ глаголь, пока они
Къ запретнымъ не пришли плодамъ.

И мы, въ сознаньи слѣпоты,
Стоимъ предъ тѣмъ, что создалъ Ты:
Предъ сей безсчетностью племенъ,
Возникшихъ отъ одной четы!

И каждый созданный народъ
Съ особымъ языкомъ живетъ:
Тотъ—армянинъ, а тотъ—грузинъ,
Тотъ—турокъ, и сиріецъ—тотъ.

Тотъ—жидъ, иль иначе—еврей,
Тотъ—агарянинъ, сынъ степей,
Другой—аланъ, что Солнце чтить,
А тотъ абазъ, поклонникъ змѣй.

Тоть—курдь, его въ Халдеѣ край,
А тотъ—монголь, чей домъ—Китай,
Изъ Тогормы татаринъ—тоть,
Тоть—самаркандецъ, джагатай.

Тоть—франкъ, изнѣженный болтунъ,
Тоть—венетіецъ, сынъ лагунъ,
Тоть—римлянинъ, а этотъ—грекъ,
А третій—русскій или гуннь.

Испанецъ—тоть, изъ дальнихъ мѣстъ,
Тоть—далматіецъ, чей Триестъ.
Но христіанъ всѣхъ единить
Крещеніе и Божій Крестъ.

Въ насъ вѣры пламень не потухъ:
Всѣ исповѣдуемъ мы вслухъ:
Блаженна, Богоматерь, Ты,
Отець, Богъ-Сынъ и Святой Духъ!

Но мы невѣрнымъ преданы,
Что мучать насъ огнемъ войны,
И, храмы Божіе круша,
Возносятъ знаменье Луны.

Врагъ нашихъ женщинъ продаетъ,
О, сколько между насъ—сиротъ,
О, сколько крови пролито,
И сколько каждый день невзгодъ!

Доколѣ будемъ мы страдать?
Доколѣ въ рабствѣ изнывать?
И Ты, о Боже, терпишь все,
Гдѣ жъ пресвятая благодать!

И Ты за насъ не мстишь, Творецъ!
Ты бѣдамъ не кладешь конецъ!
Ты знаешь, что изъ плоти мы,
А не статуи безъ сердець!

Увы! мы—не тростникъ рѣчной,
Но гибнемъ въ печи огневой:
Ты насъ покинулъ на кострѣ,
Какъ траву или кустъ сухой!

За что Ты въ гнѣвъ на армянъ,
Какъ, въ нѣдрахъ аравійскихъ странъ,
Ты нѣкогда евреевъ гналъ?
Изнемогаемъ мы отъ ранъ!

Коль мы негодны ни къ чему,
Отъ свѣта отошли во тьму,
И Твой мы заслужили гнѣвъ,
Не внемля гласу Твоему,—

Пусть истребитъ насъ безъ слѣда
Единый приговоръ Суда,
Коль воля такова Твоя,
О Боже, праведный всегда!

2.

КОЛЕСО СУДЬБЫ.

Гей, ты, Судьба! Намъ измѣнивъ, ты насъ свергаешь съ высоты;
Ты останавливаешь вмигъ коловращенье суеты.
Отъ вѣка зыблущійся міръ на склонѣ скользкомъ держишь ты,
Подставивъ мѣру зла, твердишь: «сыпь всѣ заботы и мечты!»

Ахъ, Колесо! Злодѣя ты лелѣешь въ домѣ золотомъ,
А честный долженъ подбирать объѣдки за чужимъ столомъ.
Ты въ рыцари выводилъ тѣхъ, кому бѣ сидѣть въ хлѣву свиномъ,
Безъ заступа ты роешь ровъ и рушишь праведника домъ.

Скажи: «ты—не права, Судьба!» и смѣхъ услышишь безъ конца.
За что ученыхъ гонишь ты, а любишь злого иль глупца?
Изъ нихъ ты дѣлаешь вельможъ, ихъ ты доводишь до вѣнца,
И шлешь по горамъ и полямъ бродить за хлѣбомъ мудреца.

Теперь еще труднѣ намъ, когда Татаринъ сѣлъ на тронъ,
 Всѣхъ обдѣлилъ онъ и воровъ поставилъ господами онъ.
 Но ты ни съ кѣмъ вѣдь не родня: вновь повернется ось времени,
 Ударишь ты, и нѣтъ царя, исчезнетъ онъ, какъ утромъ сонъ.

Какъ вѣрить, Колесо, тебѣ, вѣдь ты не любишь никого!
 Нѣтъ правды у тебя, нѣтъ клятвъ, нѣтъ совѣсти, нѣтъ ничего!
 Сегодня возведешь на тронъ, а завтра сокрушишь его,
 Повергнешь въ пепелъ и въ прахъ, лишишь—честей, короны и
 всего.

Лишь, изъ-подлобья взглянувъ, Судьба хребеть свой повернетъ,
 Что тутъ бумага, что перо иль даже всадниковъ сто сотъ!
 Всѣ терпятъ: отъ пинковъ Судьбы и царь спины не сбережетъ.
 Не сдержишь стрѣлами тебя и полетишь на дно съ высотъ!

Судья неправедный! зачѣмъ ты правый презираешь судъ?
 Ты съ правымъ во враждѣ всегда, а твой любимецъ—воръ иль
 плутъ.

Ошибки чаще ты творишь, Судьба, чѣмъ на землѣ весь людъ,
 Ты землю, море, небо, все—заворажаешь въ пять минутъ.

Невѣжда предъ тобой великъ, а мудрый головой поникъ,
 И, что кругомъ ты не права, какой не вымолвить языкъ!
 Но, слышу, мнѣ Судьба въ отвѣтъ: «Не лай, какъ песь, пустой
 старикъ,
 Съ тѣхъ поръ, какъ я—Судьба, никто еще не лгалъ, какъ этотъ
 Фрикъ!

Моя судьба, меня ты бьешь, ты—мой неправедный судья,
 Но вспомни, что отъ Бога все, и власть Его, а не моя!
 Судьба еще: «Величить Богъ, какъ бѣдняка, такъ и царя,
 Хоть я—Судьба, но вотъ тебѣ дать ничего не въ правѣ я!

Богъ повелитъ, ты будешь царь, я посажу тебя въ чертогъ,
 Богъ не велитъ, и будешь ты скитаться нищимъ вдоль дорогъ.»
 — Судьба, я замолкаю: все—прекрасно, что дозволилъ Богъ,
 Но, нашимъ по грѣхамъ, порой—Армянскій къ намъ Создатель
 строгъ.

ЮАННЪ ЕРЗЫНКАЙСКІЙ.

(Ованнесь Плузъ).

XIII—XIV В.

1. Гномическія размышленія. I—IV.
Перевелъ Валерій Брюсовъ.

I.

Нашъ міръ подобенъ колесу: то вверхъ, то внизъ влечетъ судьба;
Верхъ падаетъ, и вновь ему взнестись настанетъ череда.
Такъ плотникъ мастеритъ равно и колыбели и гроба:
Приходитъ сей, уходитъ тотъ, а онъ работаетъ всегда.

II.

Языкъ для рѣчи служить намъ: рѣчь праведныхъ—что злата
звонъ:
Богъ людямъ далъ одинъ языкъ, языкъ у змій—раздвоенъ.
И, у кого два языка, одинъ—колючъ, другой—червленъ,
Становится сродни змѣѣ и всѣми ненавидимъ онъ.

III.

Подобенъ морю міръ: сухимъ—остаться, переплывъ, нельзя.
Какъ выплылъ мой челнокъ въ просторъ, того и не замѣтилъ я.
Вотъ я почти у береговъ, но страшно мнѣ подводныхъ скаль,
Чтобъ вдребезги мою ладью одинъ ударъ не разломаль.
Но Господу я помолюсь, да вѣтръ попутный Онъ пошлетъ,
Освѣтитъ мглу и утлый челнъ въ благоую гавань приведетъ.

IV.

Я, всё грѣхи свои собравъ, оплакалъ зло прошедшихъ лѣтъ.
Шель къ небу караванъ, и я, сложивъ грѣхи, пошелъ вослѣдъ.
Но ангель мой, представъ, сказалъ: «Куда идешь ты, дай отвѣтъ!
Въ Раю для тѣхъ, кто предстаеъ—съ подобнымъ грузомъ, мѣста
нѣтъ!»

V.

Такъ говорили мнѣ цари и каждый такъ мудрецъ твердить:
«До самой смерти человекъ съ алчбой глаза на все стремить,
И, лишь когда во гробъ онъ и прахомъ взоръ его покрыть,
Раскаявшись, онъ говорить: Довольно этого! я--сытъ!»

КОНСТАНТИНЪ ЕРЗЫНКАЙСКІЙ

XIII—XIV В.

1. Весна. Перевелъ Валерій Брюсовъ.

1.

ВЕСНА.

Веселье вокругъ насъ и веселье вдали,
Намъ вѣтры веселую пѣснь принесли,
Великая благодать Господня,—внемли!—
Сегодня нисходитъ съ небесъ до земли.

Лежала земля и мрачна и темна,
Покрытая льдами, тверда, холодна,
Про травы, про зелень забыла она,
И снова сегодня она зелена!

Зима была темнымъ вертепомъ тюрмы,
Но снова вернулась весна на холмы,
И всѣхъ насъ выводитъ на волю изъ тьмы!
Вновь солнце на небѣ увидѣли мы!

Земля, словно мать, велика добротой,
Рождаетъ всѣ вещи, одну за другой,
Ихъ кормить и поить, питаетъ собой...
Вотъ вновь она блещетъ своей красотой.

Дохнулъ вѣтеркомъ запѣвающимъ Югъ,
Изъ міра исчезли всѣ горести вдругъ,
Нѣтъ мѣста, гдѣ могъ бы гнѣздиться недугъ,
И все переполнено счастьемъ вокругъ.

Тихонько гремя надъ землей свысока,
Подъ сводомъ лазурнымъ плывутъ облака:
И падаетъ вдругъ водяная рѣка,
Лука затопивъ, широка, глубока.

Миръ весело праздновать свадьбу готовъ:
 Веселье во всемъ для плодовыхъ деревь,
 Цвѣтами всѣхъ красокъ и разныхъ родовъ
 Раскрашены дали полей и луговъ.

На морѣ влюбленномъ—опѣнный вальс,
 И гадъ, между волнъ, веселясь, заплясалъ;
 Ключи, зазвенѣвъ, побѣжали изъ скаль,
 И быстрый потокъ по камнямъ засверкаль.

А рѣки, сбѣгая съ возвышенныхъ горъ,
 Гудятъ, какъ могучій, торжественный хоръ:
 Прорѣзавъ долины цвѣтушій коверъ,
 Стремятся въ морской, имъ любезный, просторъ.

Спускаются телки и козы къ ручьямъ,
 Играютъ и скачутъ по свѣжимъ цвѣтамъ;
 И звѣри, что крылись зимой по лѣсамъ,
 Сбѣгаются, рады свободнымъ полямъ.

Слетаются птицы, поютъ надъ гнѣздомъ:
 Вотъ ласточка нѣжно щебечетъ псаломъ,
 Вотъ—луга пѣвецъ, улетѣвшій тайкомъ,
 Привѣтствуетъ день въ далекомъ голубомъ.

Звѣрямъ и скотамъ такъ пріятно играть,
 И множиться въ мирѣ и миръ наполнять;
 Сзываетъ птенцовъ легкокрылая мать,
 Ихъ учить на крыльяхъ некрѣпкихъ летать.

И также цвѣты образуютъ гряду,
 Въ большихъ цвѣтникахъ и въ плодовомъ саду;
 Другіе вошли покачаться въ пруду,
 И обликъ ихъ блѣдный похожъ на звѣзду.

Но вотъ, наконецъ, прилетѣлъ соловей,
 Чтобъ пѣть возрожденіе въ пѣснѣ своей;
 Онъ строитъ шатеръ изъ зеленыхъ вѣтвей,
 Чтобъ алая роза зажглась поскорѣй!

АРАКЕЛЪ БАГЕШСКІЙ.

XIV—XV в.

1. Пѣсня о Розѣ и Соловьѣ.
Перевелъ Валерій Брюсовъ.

1.

ПѢСНЯ О РОЗѢ И СОЛОВЬѢ.

Пѣснь изумительную вы услышите сейчасъ,
И тѣлу и душѣ она готовить радость въ насъ.
Я буду славить Соловья, чей такъ пріятенъ гласъ,
И Розу, чей цвѣтной уборъ такъ сладостенъ для глазъ.

Такъ молвить Розѣ Соловей: «Влечешь меня лишь ты!
Знай: я тебя люблю; ты—храмъ Любви и Красоты!
Должна въ тебя сойти любовь святая съ высоты;
Твоей любовью расцвѣтутъ по всей землѣ цвѣты.»

Такъ молвить Роза Соловью: «О, дивный соловей!
Какъ счастлива, въ душѣ моей, я отъ твоихъ рѣчей;
Но ты летаешь высоко, я—вѣчно среди полей:
Я слить могу ль свою любовь съ любовію твоей.»

Такъ молвить Розѣ Соловей: «Внемли, что я пою:
Чтобъ сердце поняло твое, до дна, любовь мою,
Я, красоту твою цѣня, съ небесъ росу пролью,
Съ моей любовью ты сольешь тогда любовь свою.»

Такъ молвить Роза Соловью и это говоритъ:
«Боюсь, что молнія съ небесъ ко мнѣ съ росой слетитъ,
Что яркость лепестковъ моихъ то пламя опалитъ,
И станеть на-смѣхъ всѣмъ цвѣтамъ мой искаженный видъ.»

Такъ молвить Розѣ Соловей: «Внемли моимъ словамъ,
И неисчерпный ключъ любви тогда тебѣ я дамъ,
Чтобъ чистымъ и зеленымъ быть всегда твоимъ листамъ,
И токъ поящихъ водъ пошлю всѣмъ на землѣ цвѣтамъ.»

Такъ молвить Роза Соловью, ея отвѣтъ таковъ:
«Меня не разувѣрилъ смыслъ твоихъ отважныхъ словъ;
Боюсь, что ключъ твой потечетъ водой безъ береговъ,
Что онъ залыетъ и унесетъ красу моихъ листовъ.»

Такъ молвилъ Розѣ Соловей: «Хочу я тучей стать,
Отъ солнечныхъ лучей тебя я буду защищать,
И съ нѣжностью въ палящій день навѣсомъ отгнать.
И сладостной своей росой, въ часы зари, питать.»

Такъ молвить Роза Соловью, и это говорить:
«Мнѣ страшно, я боюсь, что громъ изъ тучи загремитъ,
Что лепестки мои, гремя, всѣхъ красокъ онъ лишитъ,
И станеть на-смѣхъ всѣмъ цвѣтамъ мой искаженный видъ.»

Такъ молвилъ Розѣ Соловей: «Я солнцемъ стать могу,
Свой заревой, свой нѣжный свѣтъ я для тебя зажгу,
Я красокъ тысячу твоихъ любовно сберегу,
И честью всѣхъ другихъ цвѣтовъ ты станешь на лугу.»

Такъ молвить Роза Соловью: «Такъ хрупокъ мой нарядъ!
Разсвѣтные часы меня лугаютъ и палать;
Боюсь я солнечныхъ лучей: они меня пронзятъ,
И упадутъ всѣ лепестки на лугъ, за рядомъ рядъ.»

Такъ молвить Розѣ Соловей, и такъ поетъ пѣвецъ:
«Достойна ты! ты всѣмъ цвѣтамъ—прекраснѣйшій вѣнецъ;
Что я любовью опьяненъ признаюсь, наконецъ!
Тебя зеленой навсегда да сохранить Творецъ!»

Такъ молвить Роза Соловью, въ отвѣтъ на пѣснь пѣвца:
«Твой нѣженъ голосъ, веселишь ты всѣхъ людей сердца,
И пѣснь на тысячу ладовъ ты строишь безъ конца,
Ты—честь и ты—краса всѣхъ птицъ, по милости Творца!»

Такъ молвить Розѣ Соловей: «Ты всѣхъ лѣкарство золь,
Кто боленъ, исцѣленъ тотъ въ любви къ тебѣ обрѣлъ,
Кто страждетъ, и еще къ тебѣ за благомъ не пришелъ,
Томимъ раскаянемъ, что онъ спасеня не нашель.»

Такъ молвить Роза Соловью: «О, дивный Соловей!
Откуда пѣснь твоя, что всѣхъ пѣвучей и сильнѣй?
Я въ умиленьи отъ твоихъ властительныхъ рѣчей.
Навѣрно, равнаго тебѣ нѣтъ во вселенной всей.»

Такъ молвить Розѣ Соловей: «Есть Царь, что надо мной.
Даруетъ всѣмъ цвѣтамъ дары онъ щедрою рукой.
И если жаждешь ты узрѣть Его передъ собой,
Прославлена въ вѣка вѣковъ ты будешь всей землей!»

Такъ молвить Роза Соловью: «Я завистью полна!
Служить Ему—тебѣ судьба безцѣнная дана!
Да, если осыпалъ тебя Онъ милостью сполна,
Понятно мнѣ, я почему томилась здѣсь одна!»

Такъ молвить Розѣ Соловей, и вотъ его отвѣтъ:
«Когда всѣмъ сердцемъ примешь ты мой радостный обѣтъ,
Тебя, и тѣломъ и душой, прославить цѣлый свѣтъ,
И, какъ рабы, всѣ будутъ чтить твой непорочный цвѣтъ.»

Такъ молвить Роза Соловью: «Спѣши—мнѣ все открыть!
Я вся желаніемъ горю—твои слова испить!
Что есть на сердцѣ, ничего—не долженъ ты таить,
Когда любовію меня ты хочешь покорить!»

Такъ молвить Розѣ Соловей: «Несу благою вѣсть:
Рабою быть Царя—твоя достойнѣйшая честь!
Начнуть тебя превозносить всѣ птицы, сколько есть,
И пѣсень про тебя спюю—я столько, что не счастье!»

Такъ молвить Роза Соловью: «Тебя благодарю:
Служить желаю всей душой подобному Царю
Но предъ величіемъ Его я радостью горю.
Чѣмъ я плѣню его и что Ему я подарю?»

Такъ молвить Розѣ Соловей: «Тебѣ я бодрость дамъ.
Узнай, что снизойти къ тебѣ сей Царь желаетъ самъ.
Ты, въ радости безмѣрной, вѣрѣ—божественнымъ мечтамъ,
Затѣмъ, что будешь ты Его—нерукотворный храмъ!»

.....
Тотъ Соловей, краса всѣхъ птицъ,—архангелъ Гавріиль,
И Богоматерь—Роза та, святѣе всѣхъ святыхъ,
И Царь тотъ—Исусъ Христосъ, Владыка вышнихъ силъ.
Въ безсмертной Розѣ воплотясь, Онъ къ людямъ нисходилъ.

Все это, полнъ земныхъ грѣховъ, писалъ я, Аракель,
Такъ Соловья и Розу я, какъ только могъ, воспѣлъ;
А Гавріила въ Соловѣи изобразить хотѣлъ,
Марію—въ Розѣ, и Христа—въ Царѣ, какъ я умѣлъ.

И всѣхъ молю я нынѣ, кто—мои стихи прочтеть,
И всѣхъ, кто на веселый ладъ иль нѣжный ихъ споеть,
Да Богу имя онъ мое въ молитвѣ назоветъ,
И за молитву ту Господь къ нему да нисойдетъ.

МКРТИЧЪ НАГАШЪ.

XIV—XV В.

1. Суета міра. Перевель Валерій Брюсовъ.

СУЕТА МІРА

О братья, въ мірѣ всѣ дѣла—сонъ и обманъ!
Гдѣ господа, князья, цари,—султанъ и ханъ?
Строй крѣпость, городъ, иль дворець, иль бранный станъ:
Все жъ будетъ подъ землей пріютъ—навѣки данъ.

Разумень будь, Магашъ, презри грѣховъ дурманъ,
Не вѣрь, что сбережешь добро: оно—туманъ,
Стрѣлами полный, смерть для всѣхъ—несетъ колчанъ,
Всѣмъ будетъ подъ землей пріютъ—навѣки данъ.

Міръ—вѣроломъ, онъ добра—намъ не сулитъ,
Веселье длится день, потомъ—вновь скорбь и стыдъ.
Не вѣрь же міру, онъ всегда—обманъ таитъ,
Онъ общаетъ, но даетъ—лишь желчь обидъ.

Тѣхъ, обещающъ имъ покой,—всю жизнь томить;
Тѣхъ, обещающъ богатство имъ,—нуждой язвить.
И счастье предлагаетъ всѣмъ,—ахъ, лишь на видъ!
Уводитъ въ море насъ, гдѣ безднъ—злой зѣвъ раскрытъ.

Проходятъ дни: вдругъ Смертный день—наводитъ страхъ,
И свѣта солнца ты лишень,—несчастень, нагъ.
Ахъ, отроки! вашъ будетъ ликъ—истлѣвшій прахъ,
Пройдете вы, какъ лѣтній сонъ—въ ночныхъ мечтахъ.

Знай, рабъ! Что и твоя любовь—лишь тѣнь во дняхъ,
Не возлюбляй же ты мірскихъ,—минутныхъ благъ.
Не собирай земныхъ богатствъ,—съ огнемъ въ очахъ:
Олѣтъ и сытъ? Доволенъ будь!—иное—прахъ!

Трудись и доброе твори,—бѣднякъ Нагашъ!
Свои завѣты чти: другимъ—примѣръ ты дашь!
Потокъ грѣха тебя, пловца,—унеси, куда жъ?
И, благъ ища, сталь—не добра, но зла ты—стражь!

ОВАННЕСЪ ТЫЛКУРАНСКІЙ.

XV—XVI В.

1. Пѣсня любви.

2. Къ смерти. Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

1.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Въ сіяніи сидѣла ты
Подобной солнцу красоты;
Похожа на прекрасный садъ,
Гдѣ розъ и лилій аромать
Цвѣты лучистые струять.

Твой взоръ—какъ гладь морскихъ валовъ,
А брови—сумракъ облаковъ;
Межъ тонкихъ губъ ряды зубовъ
Блестятъ, какъ нити жемчуговъ.

Монахи, встрѣтившись съ тобой,
О книгѣ позабывъ святой,
Дрожать всѣмъ тѣломъ въ лѣтній зной,
Зима жъ имъ кажется весной.

Съ тобой вступить могу ль я въ споръ?
Любовью твердь ты плавишь горь,
Ты крѣпостей крушишь затворъ,
Ты скалы мчишь въ морской просторъ.

Безумецъ бѣдный, Ованнесь!
Ты пѣль золотой ковчегъ чудесь,¹
Чтобъ, по суду благихъ небесь,
Червь тѣло грызъ, а душу—бѣсь!

¹ Златой ковчегъ—традиціонное условное выраженіе, символизирующее женскую грудь.

2.

КЪ СМЕРТИ.

Лишь о тебѣ помысли, Смерть, въ душѣ тоска.
Всего ты горче, предъ тобой—желчь не горька!
Ты горче горькаго! лишь ты—къ себѣ близка!
Пусть горче Адъ: въ него влечеть—твоя рука!

Ты мстишь Адамовымъ сынамъ, ведешь ихъ въ Адъ;
Ты—наказанье за грѣхи, за райскій садъ.
Давида съ Моисеемъ ты берешь подъ рядъ;
Взять Авраамъ, и Исаакъ подъ землю взять;
Тобой низвергнуть Константинъ и Тиридатъ.
Тебя и тысячи враговъ не утрашать.

Шесть панцырей надѣнь, ихъ всѣ—твой дротъ пробьешь:
Въ тюрьму всѣхъ бросишь и скалой завалишь входъ.
Ты—тотъ орелъ безмѣрнокрыль, чей мощень летъ,
И волочить концами крыль онъ весь народъ.
Блаженъ, кого въ добрѣ найдетъ его чередъ,
Но схваченныхъ во злѣ—въ огонь твой взмахъ метнеть!

О, Тылкуранскій Ованнесъ! ты учишь всѣхъ,
И семь десятковъ лѣтъ ты самъ ласкаешь грѣхъ!

ОВАННЕСЪ.

XV—XVI В.

Землей, что топчетъ удалецъ, клянусь: во мнѣ душа—одна!
Меня сожгла ты! наконецъ, пей кровь мою, взаменъ вина!

Съ моей главы на сердце вдругъ упали клубы черныхъ тучъ.
Желчь разлилась, туманъ вокругъ, а слезъ потокъ—кровавъ
и жгучъ.

Мы ѣли за однимъ столомъ, изъ кубка пили одного,
Садились вмѣстѣ, шли вдвоемъ, ахъ! что осталось отъ того!

Свои слова и свой обѣтъ ты помнишь? имъ свидѣтель — Богъ!
Теперь межъ нами связи нѣтъ, все зложелатель превозмогъ.

За зло пусть Богъ заплатитъ зломъ, чтобъ врагъ могъ зло
свое испить.

И добрымъ пусть воздастъ добромъ чтобъ вновь вдвоемъ съ
тобой намъ быть.

Да мнѣ укажетъ Богъ пути! Деревья зацвѣтутъ въ лѣсахъ,
И древу сердца вновь цвѣсти, и вновь пернатымъ пѣть въ вѣтвяхъ!

Безумный Ованесъ! терпи, работай, полно унывать!
Надеждой твердой духъ крѣпи: она придетъ—вновь цѣловать!

ГРИГОРІЙ АХТАМАРСКІЙ.

XVI В.

1. Пѣснь объ одномъ епископѣ.
2. Пѣсня.
3. Пѣснь о Розѣ и Соловьѣ.

Перевелъ Валерій Брюсовъ.

1.

ПѢСНЬ
ОБЪ ОДНОМЪ ЕПИСКОПѢ.

Лишь утромъ розы заблестятъ,
Влетаетъ соловей въ мой садъ,
И розу воспѣвать онъ радъ.
И слышу: Встань, покинь свой садъ,

Опустошилъ я горный скатъ,
Камнями защитилъ свой садъ,
Собралъ колючки для оградъ.
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

Устроилъ я въ саду каскадъ,
Росу небесъ онъ брызжетъ въ садъ;
Льетъ не вода,—фонтанъ усладъ.
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

Въ моемъ саду цвѣтеть гранатъ,
Лозъ виноградныхъ полноъ садъ,
Льнетъ къ зрѣющимъ плодамъ мой взглядъ.
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

И бѣлыхъ розъ и алыхъ рядъ
Расцвѣлъ, украсивъ горный садъ;
Хочу впивать ихъ ароматъ...
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

Въ точилѣ мнется виноградъ,
Виномъ меня утѣшить садъ,

Хочу я пить въ тиши прохладѣ.
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

Сорву я десять розъ подь рядъ:
Онѣ вино твое, мой садъ,
Пусть ароматомъ напоятъ.
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

Увы! въ цвѣты вселился ядъ,
Не дышитъ розами мой садъ,
Распались камни колоннадъ...
Да! мнѣ пора покинуть садъ.

Не внемлетъ роза соловью,
Я больше сладко не пою,
Кто душу отовалъ мою?
Ахъ, бѣдный рабъ, оплачь свой садъ!

2.

ПѢСНЯ.

Весна пришла! весна пришла! сады—въ убранствѣ розъ.
И горлинка и соловей поютъ, поютъ до слезъ,
Горя любовію къ цвѣтку, что краше всѣхъ возросъ,
Чей въ зелени румяный ликъ влечетъ безсцетность грезъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

О, солнце! о, луна! звѣзда, встающая съ зарей!
Венера, льющая огонь лучистый и живой!
О, ослѣпительный алмазъ! о, жемчугъ дорогой!
Пурпуровый цвѣтокъ въ саду! фіалка въ мглѣ лѣсной!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Ты—свѣтлый вязъ! лилея ты, чей стебель благоуханъ!
На пыльной, людной площади зеленый ты фонтанъ!
Что градъ Катай! что весь Китай! что славный Хорассанъ!
Они—ничто передъ тобой, и я любовью пьянъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Духъ бальзамическій струять персты, бѣлѣй, чѣмъ снѣгъ.
Ты—сладкій сахаръ! ты—миндаль! ты—ладана ковчегъ!
Ты—свѣжій, сладостный цвѣтникъ! садъ, полный вешнихъ нѣгъ!
Ты—красный яблочъ, а къ нему зеленый льнетъ побѣгъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Ты—багрянѣющій топазъ! сверкающій рубинъ!
Ты—безпорочный изумрудъ! цвѣтной аквамаринъ!
Ты—перль, обточенный волной на днѣ морскихъ глубинъ,
Отважнымъ добытый пловцомъ изъ сумрачныхъ пучинъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Ты—нууфаръ! ты—базиликъ, цвѣтушій долгій срокъ!
Ты—мирта! нѣжный бальзаминъ! ты—лиліи цвѣтокъ!
Ты—гамаспюръ, въ садахъ весны пустившій свой ростокъ!
Ты—лавръ, изъ коего плетутъ въ земномъ раю вѣнокъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Ты—дерево, гдѣ безъ плодовъ зеленой вѣтки нѣтъ!
 Ты—пальма въ почкахъ безъ конца, ты—пальмы первоцвѣтъ!
 Ты—лѣсъ, что острыми запахомъ цвѣтовъ и травъ согрѣтъ!
 Ты—роза и фіалка—ты, надъ моремъ алый свѣтъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Ты—изъ миндальныхъ деревьевъ роскошный, пышный садъ!
 Ты—запахъ амбры! мускусъ—ты! ты—дивный ароматъ!
 Ты—апельсиновыхъ цвѣтовъ душистое стократно!
 Ты—кипарисъ и ты—платанъ! ты—кедръ, шатеръ усладъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

О, гамаспуръ ты, что, цвѣтя, не вянешь никогда!
 О, элексиръ! ты, что цѣлишь всѣ скорби безъ слѣда!
 Прекрасная! будь, какъ миндаля, зеленой навсегда,
 Чтобъ видѣли красу твою мы долгіе года!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Да лѣются милости Творца вокругъ тебя дождемъ!
 Да осѣняетъ Онъ тебя всегда святымъ Крестомъ!
 Да направляетъ Онъ тебя вездѣ прямымъ путемъ!
 Да будешь ты охранена отъ всякихъ золь Отцомъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

О, чудный образъ! ты вовѣкъ—прекрасна и чиста!
 Какъ ангелы, сіяешь ты небеснымъ облита!

Твой ротъ—божественный алтарь и эмианъ—уста,
 А зубы—нити жемчуговъ, и вся ты—Красота!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! и дни мои—что сонъ!

3.

ПѢСНЬ
О РОЗѢ И СОЛОВЬѢ.

Когда исчезла Роза, въ садъ явился Соловей,
 Уарѣвъ ея шатеръ пустыи, затосковалъ по ней,
 Всѣхъ спрашивалъ, не находя возлюбленной своей,
 Въ ночи взывалъ, за часомъ часъ плачевнѣй и грустнѣй.

«О садъ, съ тобой я говорю! Дай мнѣ, о садъ, отвѣтъ!
 Ты Розы не берегъ моей, любимой Розы нѣтъ,
 Главы, царицы всѣхъ цвѣтовъ, увы, пропала и слѣдъ,
 Чей былъ безсмертенъ ароматъ, чей былъ прекрасенъ цвѣтъ!»

Такъ рухнетъ пусть твоя стѣна и распадешься ты;
 Засохнуть пусть твоихъ деревъ и вѣтки и листы,
 Пусть топчетъ всякая нога просторы пустоты,
 Исчезнуть злаки, и трава, и корни, и кусты.

Обильноводный, не теки, я говорю ручью.
 Стряхните, дерева, листву зеленую свою!
 Я, безъ смущенья, говорю, отчетливо пою;
 Достоинѣйшую унесли любимицу мою.

Ахъ, Розу унесли мою, и нынѣ я уныль,
 Отняли свѣтъ очей моихъ, и мракъ меня стѣсниль,
 Я плачу и при свѣтѣ дня и при лучахъ свѣтилъ,
 Моей привычкой стала грусть, въ душѣ нѣтъ прежнихъ силъ.

То надо мною учинилъ Садовникъ, можетъ быть:
 Онъ Розу отъ меня унесъ, чтобъ боль мнѣ причинить.

Ее мнѣ больше не видать! рабу, мнѣ какъ же быть?
На грусть веселый свой напѣвъ я долженъ измѣнить.

Боюсь, быть можетъ, вѣтеръ всталъ, суровый, страшный, злой,
И листья Розы оттого увяли подъ грозой.
Иль дуновеніемъ ее палящій солнца зной
Обжегъ и Розу омертвилъ съ непрочной красотой.

Иль, мнѣ завидуя, цвѣты свершили это все,
Похитивъ, тайно унесли все счастье мое.
Иль сильный градъ на Розу палъ, изъ тучъ, какъ лезвіе,
Сразивъ жестоко, отъ куста отрѣзалъ онъ ее.»

Одно въ отвѣтъ цвѣты гласятъ на много голосовъ:
«Гдѣ Роза спрятана, объ томъ—нѣтъ вѣсти у цвѣтовъ.
Утѣха мы тебѣ, пѣвецъ—на тысячу ладовъ,
И каждый все тебѣ изъ насъ пересказать готовъ.»

Соловей пошелъ къ птицамъ и спросилъ у нихъ о Розѣ.

На крыльяхъ въ воздухъ Соловей взлетѣлъ на этотъ разъ,
Подумалъ: «Разспрошу у птицъ я обо всемъ сейчасъ,
Что знаютъ, пусть объ томъ скорѣй мнѣ сообщатъ разказы,
А то, какъ море, хлынетъ токъ слезъ у меня изъ глазъ.»

«Вы знаете ль, свершилось что? О птицы, къ вамъ вопросъ.
Изъ саду Розу унесли, чистѣйшую изъ розъ!
Не знаете ль, куда ушла, иль кто ее унесъ!
Вы, можетъ, видѣли ее, иль вѣсть вамъ кто принесъ.»

А тѣ въ отвѣтъ: «Создатель Богъ то вѣдаетъ лишь самъ,
Лишь Онъ одинъ читаетъ все, что скрыто по сердцамъ.
Иди, лети, ищи ее ты по другимъ мѣстамъ,
Но Розы не видали мы, Господь свидѣтель намъ.»

И огорчился Соловей, сказалъ: «Куда пойду!
Вѣдь до разсвѣта я всю ночь терзаюсь, какъ въ бреду.
Мнѣ страшно, что безъ Розы вдругъ я смерть свою найду,
Тоскуя, съ Розой разлученъ, въ могилу я сойду.»

Хотя бь, безъ Розы, дали мнѣ весь міровой просторъ,
Все будетъ жалкимъ для меня, презрѣнный, лишній вздоръ!
Пусть пѣснопѣвцы мнѣ поютъ и съ музыкою хоръ,
Мнѣ будетъ сладкій ихъ напѣвъ—какъ тягостный укоръ.

Куда же унесли тебя иль скрыли гдѣ тебя?
Твою высокую любовь какъ позабуду я?
Страдаетъ сердце у меня, какъ и душа моя,
И увядаютъ всѣ цвѣты сегодня, грусть тая.

Я весь дрожу, вся жизнь моя—какъ-будто сны одни,
И самый солнца свѣтъ, какъ мракъ, мнѣ кажется въ тѣни.
Въ мученіяхъ и въ горести провель я эти дни,
И жизни той, что прожилъ я, въ счетъ не войдутъ они.

Моя разлука тяжела, терпимая едва.
Не обо мнѣ ли издавна сказалъ пророкъ слова:
Не хуже ль я, чѣмъ пеликанъ, въ странѣ, гдѣ жизнь мертва,
И на развалинахъ не я ль усѣлся, какъ сова!»

Пошелъ Садовникъ, говорилъ съ Соловьемъ и сказалъ.

Пришелъ Садовникъ я его утѣшилъ средь заботъ,
Сказалъ: «Не плачь, о Соловей, вѣдь Роза вновь придетъ.
Смотри,—фіалка ужъ пришла, предтеча Розы—вотъ,
Я съ доброй вѣстью прихожу, несу поклонъ впередъ.»

И Соловей благодарилъ и былъ безмѣрно радъ:
«Дай Богъ, чтобъ ты блаженно жилъ и дней безсчетныхъ рядъ,
Пускай твои цвѣты цвѣтутъ, распутится твой садъ,
Пусть обновятся въ немъ фонтанъ и камни изъ оградъ!»

Всѣ вѣточки и всѣ ростки пусть зеленѣютъ въ немъ,
Росой покроются съ небесъ, заблещутъ какъ огнемъ,
Размѣрно зыблются пускай подъ нѣжнымъ вѣтеркомъ,
На радость людямъ ароматъ пусть разливаютъ днемъ!»

Затѣмъ Соловей написалъ письмо къ Розѣ. И Роза созвала цвѣты, и отдала читать передъ всѣми. Оно имѣло такой видъ:

Взявъ, Розы по двору снесли посланье отъ пѣвца,
Тамъ Розу-астру передъ ней избрали, какъ чтеца.
Вставъ на ноги, она, держа посланье у лица,
Прочла отъ Соловья письмо всѣмъ громко до конца.

«Душой любимая! тебѣ я низкій шлю поклонъ!
Блаженная! здорова ль ты, лишь этимъ я смущень.
На Господа надѣюсь я, Кто всѣмъ обогашень,
Что безпорочной и живой тебя содѣяль Онъ.

Простерши руки, цѣлый день я возношу мольбы,
Молюсь, чтобъ длились для тебя дни радостной судьбы.
Ты—всѣмъ земнымъ цвѣтамъ глава, они—твои рабы,
Надъ ними всѣми ты царишь и правишь безъ борьбы.

По цвѣту несравненна ты, и запахъ твой—хорошъ,
Ты ярче солнечныхъ лучей сіянье утромъ льешь.
Когда увижу я тебя, какъ будетъ часъ пригожь:
Вѣдь по природѣ ты кротка и ненавидишь ложь.

Покорнѣйшій пишу поклонъ тебѣ издалека.
Прошу тебя: вернись ко мнѣ и пожалѣй слегка.
Коль хочешь вѣдать, какъ живетъ покорный твой слуга,
Знай: у него и толкъ, и умъ,—все отняла тоска.

Покой и миръ утратилъ я, гнѣзда не создавалъ;
Ни капли силъ нѣтъ у меня, всю кровь я потерялъ;
Тебя не видя, я дрожу, почти совсѣмъ пропалъ,
До утра въ бдѣннѣ нахожусь, всѣ ночи я не спалъ.

Тоскуя, надрываюсь я: наступить ли весна!
Въ печали, въ думахъ по тебѣ душа изнурена.
Морозная, суровая—зима проведена;
Все горе по тебѣ, всю скорбь извѣдалъ я сполна.

Съ упрекомъ говорили мнѣ: «Зачѣмъ страдать, любя!
Ты—рабъ! Царица всѣхъ цвѣтовъ полюбить ли тебя!»

Выслушала Роза письмо Соловья и возвратила ему письмо.

И отвѣчала Роза такъ, когда закончила чтець:
«Отправлю множество цвѣтовъ къ нему я, наконецъ,
Да скрасятъ горы, и поля, и за дворцомъ дворець,
Чтобъ съ радостью среди цвѣтовъ могъ обитать пѣвецъ.

Мнѣ ѣхать не пришла пора, немного подожду.
Пусть подождетъ и Соловей немногихъ дней чреду.
Что высока его любовь, не подлежить суду.
Ему скажите, чтобъ меня онъ искалъ въ саду.»

Пошли и отнесли то письмо Соловью. И онъ открылъ уста съ радостью и сказалъ.

Услышавъ это, Соловей, сталъ очень ликовать,
Сказалъ: «Благую нынче вѣсть мнѣ довелось узнать:
Прелестнѣйшая Роза—въ садъ вернется къ намъ опять.
Съ единой Розой твари всѣ возможно ли равнять!»

Поднялось солнце въ небеса и до Овна дошло.
Вдругъ туча на-небѣ росой взгрѣмѣла тяжело,
И тысячь тысяча цвѣтовъ внезапно возрасло,
Но Розы, хоть искалъ пѣвецъ, тамъ не было на зло.

Зеленой Розы листь потомъ онъ запримѣтилъ вдругъ
Она была еще свѣтлѣй и ярче всѣхъ подругъ,—
За завѣсой, на тронъ воссѣвъ, обозрѣвала лугъ,
И били, какъ рабы, челою ей всѣ цвѣты вокругъ.

«О Боже! молвилъ Соловей, Тебя благодарю!
Всѣ славятъ Господа уста, и я хвалой горю.
Всѣ славословье вознесемъ Небесному Царю!
Я Розу межъ кустовъ узрѣлъ въ счастливую зарю.»

— Опомнись, Ахтамарець, ты! въ стихахъ не суесловь!
Припомни, что колючій шипъ—здѣсь, на землѣ, любовь:
На слезы обречеть и скорбь, согрѣвъ недолго кровь.
Что проку въ радости, когда—потомъ рыдать намъ вновь!

НААПЕТЪ КУЧАКЪ.

XVI В.

1. Пѣсни любви и гномы. I—XVI.
Перевель *Валерій Брюсовъ*.
2. Пѣсни любви. I—VII. Перевель *Федоръ Сологубъ*.
3. Гномы. I—II. Перевель *С. Шервинскій*.
4. Крункъ. (Пѣсня хариба.) Перевель *Валерій Брюсовъ*.

I.

ПѢСНИ ЛЮБВИ И ГНОМЫ.

I.

— На кровлѣ ты легла уснуть, твоя созвѣздьямъ свѣтитъ
грудь,
Позволь же мнѣ къ тебѣ прильнуть, иль укажи домой мнѣ путь!
— Тебѣ нельзя со мной уснуть, нельзя и дома отдохнуть,
Но такъ дрожи и жди, пока—захочетъ утра свѣтъ блеснуть!

II.

Ты въ мирѣ—перстень золотой, а я—алмазъ на немъ;
Ты—зелень, нѣжащая прудъ, а я—росинка днемъ;
Ты—яблочко, что берегутъ, я—листь въ вѣнцѣ твоемъ;
И я, когда тебя сорвуть, изсохну подъ лучемъ.

III.

Въ ту долгу ночь лишь разъ, лишь два я прялку повернуть
могла,
Мнѣ вспомнился желанный яръ,¹ я встала, пряжу убрала,
И, сладкимъ ковшъ наливъ виномъ, я къ двери яра подошла:
«Желанный яръ! Открой мнѣ дверь! Стою въ снѣгу, дай мнѣ
тепла!»

¹ Яръ—милый, милая, возлюбленный, возлюбленная (см. выше).

IV.

Скажи, мой милый мѣсяцъ, мнѣ: куда ты ночью правишь
 путь?
 Сквозь окна много милыхъ дѣвъ ты видишь, легшихъ отдох-
 нуть;
 Онѣ полураздѣты всѣ: твой лучъ имъ падаетъ на грудь,
 И заставляеть, отражень, онѣ звѣзды въ свѣтъ потонуть!

V.

Чуть соловей примчался въ садъ, онѣ возлѣ розы сѣсть былъ
 радъ,
 Свой добрый ротъ раскрылъ и пѣлъ, до утра, розѣ пѣснь усладъ.
 Та притворялась, будто спитъ, но вдругъ, струя свой аромать,
 Разорвала зеленый плащъ,—и алымъ сталъ ея нарядъ!

VI.

Какъ я люблю твой милый ликъ: ему луна поетъ съ высотъ!
 Твоихъ я жажду нѣжныхъ устъ: предъ ними горекъ дикій медъ!
 Твои глаза, въ дугѣ бровей, бездонны, какъ пучина водъ!
 И чаша съ розовой водой—твой алый, твой прекрасный ротъ!

VII.

Твоихъ грудей шамамы¹ я—вкушу ль, царица межъ ца-
 рицъ?
 Ахъ! море—грудь твоя: она—смиряетъ пламя огневицъ.
 И я желалъ бы стать чиркомъ, въ волнахъ купаться съ роемъ
 птицъ,
 А отдыхать на берегу, въ тѣни твоихъ густыхъ рѣсницъ.

¹ Шамамы—родъ лыжи, обычное сравненіе для женской груди (см. выше).

VIII.

Что ночь—покровъ твоихъ волосъ, а ликъ твой—что луна вы-
 сотъ,
 Глаза—морская глубина, виски—чудесный, райскій плодъ,
 Рѣсницы—стрѣлы у тебя, а брови—безподобный сводъ,
 Рубины упадаютъ съ устъ и перлами наполненъ ротъ!

IX.

Ты хвалишься, луна небесъ, что озаренъ весь міръ тобой.
 Но вотъ луна земная—здѣсь, въ моихъ объятыхъ и со мной!
 Не вѣришь? я могу поднять покровъ надъ дивной красотой,
 Но страшно: влюбишься и ты, и цѣлый міръ накажешь тьмой!

X.

О ночь, продлись! останься, мгла! стань годомъ, если можешь ты!
 Вѣдь милая ко мнѣ пришла! стань вѣкомъ если можешь ты!
 Помедли, утра грозный часъ! вѣдь игры двухъ тревожишь ты!
 Гдѣ радость? въ скорбь ты клонишь насъ! ты сладость гонишь
 темноты!

XI.

Тотъ поцѣлуй, что ты дала, былъ сладостенъ моимъ устамъ.
 Подобный плодъ, ахъ! не растеть ни по какимъ земнымъ лѣсамъ!
 Но былъ коваренъ этотъ плодъ, какъ оный, что вкусилъ Адамъ:
 Отецъ лишился Рая, ты—встрѣчаться запретила намъ!

XII.

Ахъ, милый мой миндальный цвѣтъ! ты пожелтѣлъ и сталъ
 миндаль!
 Твой сладокъ ротъ, въ устахъ—эмаль, уста—алчба, уста—
 миндаль.
 Когда ты родилась, едва ль заплакала не ты одна ль?
 Будь, умирая, весела, но всѣмъ тебя да будетъ жаль!

XIII.

Идя близъ церкви, видѣль я, у гроба, рядъ зажженныхъ свѣчь:
 То юношу во гробъ любовь заставила до срока лечь.
 Шептали свѣчи, воскъ струя, и грустную я слышалъ рѣчь:
 «Онъ отъ любви страдалъ, а намъ—должно то пламя сердце
 сжечь!»

XIV.

Когда умру я отъ любви, срѣжь косу, волосы сними,
 Какъ факель въ руку ихъ возьми, меня ищи не межъ людьми,
 Придя къ могилѣ, все пойми, плиту слезами окайми,
 И, мнѣ шепча: «любовь прими!» холодный камень обойми!

XV.

Мнѣ быть бы ласточкой-птенцомъ: и днемъ вошелъ бы я въ
 твой домъ,
 Я бь на балконѣ, подъ окномъ, устроился съ своимъ гнѣздомъ,
 Во мглѣ, когда все полно сномъ, къ тебѣ бь я приникалъ
 крыломъ,
 А, съ первымъ утреннимъ лучемъ, вновь былъ бы скрытъ въ
 гнѣздѣ своемъ.
 Мнѣ бь быть шелковымъ кушакомъ и обнимать твой поясъ
 днемъ,
 Иль быть гранатовымъ виномъ и днемъ быть въ кувшинѣ твоемъ,
 Ко мнѣ бь ты приникала ртомъ, а я бь лобзалъ его огнемъ!
 Иль золотымъ воротникомъ мнѣ бь облекать тебя тайкомъ!

XVI.

Душа души моей прошла, одѣта празднично, во храмъ.
 И я пошелъ навстрѣчу ей: «Богъ будетъ глухъ къ твоимъ моль-
 бамъ,
 Когда меня отвергнешь ты! Я жь для тебя пойду во храмъ,
 Молиться буду и просить, чтобъ разъ припасть къ твоимъ гру-
 дямъ!»

Онѣ—что гимны небесамъ! сосцы ихъ—чистый еиміамъ!
 Чтобъ только разъ обняться намъ, въ монахи поступлю я самъ,
 Всю жизнь свою отдамъ псалмамъ, чтобъ разъ припасть къ
 твоимъ грудямъ.

2.

ПѢСНИ ЛЮБВИ.

I.

По тебѣ, мой другъ, тоскую, да и какъ не тосковать!
 Кто тебя ко мнѣ проводить, душу спросить—радъ отдать.
 Много муки, много горя мнѣ пришлось испытать.
 Что мнѣ въ долгой жизни, если безъ тебя мнѣ вѣковать!

II.

Пожалѣй меня, голубка,—вѣрный рабъ твой одинокъ.
 Горькимъ плачемъ изойду ль? неужель таковъ мой рокъ?
 У тебя въ саду есть розы: мнѣ, рабу, пришли вѣнокъ,—
 Поцѣлю и надѣну, чтобъ слезъ прервался токъ.

III.

Какъ красиво расцвѣтали всѣ кусты въ бахчѣ моей!
 Но цвѣты похитилъ кто-то, льются слезы изъ очей.
 Я мечусь, какъ перепелка, потерявшая дѣтей.
 Съть свою скорѣй раскинь, чтобъ запутался я въ ней.

IV.

Сердце здѣсь предъ жаркимъ сердцемъ, какъ осенній листъ,
 дрожить.
 Слезы льются, словно щеки мнѣ весенній дождь кропить.
 Только нѣжность бѣлой груди исцѣленье мнѣ сулитъ!
 Съ грудью грудь сомкнемъ,—но кто, кто, скажи, къ тебѣ спѣ-
 шить?

V.

Ты сказала: я—твоя! Неужели это—ложь?
Ты закаялась любить! Иль иного ты найдешь?
Мнѣ такое будетъ горе, что къ иному ты прильнешь,
И къ слѣдамъ моихъ лобзаній ты уста его прижмешь!

VI.

—Высоко ты ходишь,—милой передай привѣтъ, луна!—
—«Передамъ привѣтъ я милой, но не знаю, гдѣ она.»
— Видишь дерево въ саду, гдѣ высокая стѣна?
Пьеть изъ чаши голубой тамъ подъ деревомъ она,
И армянской рѣчью славить сладость ласки и вина.

VII.

Спорять съ моремъ подъ Месрой эти очи глубиной,
Эти кудри разметались вѣтромъ зыблемой волной.
Возросла ты, точно ива, ты, какъ яблокъ наливной.
Ты напиши ароматомъ бѣлой розы мѣръ земной.

3.

ГНОМЫ.

I.

Однажды по улицѣ шель я домой.
Вдругъ черепъ, смотрю, на дорогѣ лежитъ.
Ударилъ ногой я по кости пустой,
Вдругъ черепъ въ лицо мнѣ улыбку кривить,
И кость отвѣчаетъ такіа слова:
«Эй, слушай, что дѣлаешь ты, удалецъ?
Вчера лишь я былъ, какъ твоя голова,
А нынче настигъ меня горькій конецъ!»

II.

О, сколько мнѣ разъ повторять:
Коль ухо имѣешь, внимай!
Но крѣпость—да будетъ твой ротъ!
Языкъ свой въ тюрьму запирай.

4.

КРУНКЪ.¹

Крункъ! куда летишь? Крикъ твой—словъ сильнѣй!
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?
Стой! домчишься вмигъ до семьи своей.
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Свой покинулъ садъ я въ родной странѣ,
Чуть вздохну, душа—вся горитъ въ огнѣ.
Крункъ! постой! твой крикъ—нѣжить сердце мнѣ.
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Пусть мои мольбы тщетно прозвучать,
Крикъ твой слаще, чѣмъ—въ скалахъ водопадъ.
Твой въ Алеппо путь? Иль летишь въ Багдадъ?
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Сердце звало насъ,—собрались, ушли,
Въ лживомъ мѣрѣ мы братьевъ не нашли,
И тоскуемъ здѣсь, отъ друзей вдали...
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Медленна годовъ въ мѣрѣ череда.
Да услышитъ Богъ, растворитъ врата!
Жизнь хариба—грусть, взоръ—въ слезахъ всегда.
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Боже! пожалѣй, кто живетъ изгнанъ!
Грудь хариба²—скорбь, сердце—полно ранъ,
Хлѣбъ, что ѣсть онъ—желчь, ключъ, что пьеть,—поганъ...
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Праздниковъ мнѣ нѣтъ, будни—день за днемъ!
Вертеломъ пронзенъ, я сожженъ огнемъ.

¹ Крункъ—журавль.² Харибъ—живущій на чужбинѣ.

Но не пламя жожеть: память о быломъ!
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Отъ Богдада путь до границъ далекъ!
Вотъ, возьми письмо, я даю въ залогъ,—
Вѣрности твоей будь порукой Богъ:
Ты снеси, доставь милымъ мой залогъ.

Я пишу въ письмѣ, что мой свѣтъ погасъ,
Что ни въ ночь ни днемъ не открытъ мнѣ глазъ,
Что я здѣсь томлюсь, милые, по васъ!
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Осень настаеть... Что же! поспѣшай!
Стаю ты собралъ межъ бесчетныхъ стай;
Не отвѣтивъ, ты улетѣлъ въ нашъ край...
Крункъ! изъ этихъ мѣстъ скройся, улетай!

ІЕРЕМІЯ КЕМУРДЖІАНЪ.

XVII В.

1. Пѣсня любви. Перевель Валерій Брюсовъ.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Богъ солнце создалъ, и оно,—покорное судьбѣ,—
Твоимъ готово быть рабомъ, во всемъ служить тебѣ.

Напоминаетъ лунный серпъ твою ночную бровь,
А полная луна твой станъ напоминаетъ вновь.

Рубинъ, алмазь, перль, изумрудъ,—все блекнетъ въ бѣгѣ дней,
Свѣтлѣй и драгоцѣннѣй ты, чѣмъ бранный блескъ камней.

Нардъ, мускусь, мирра, еиміамъ,—все лишь недолго льстить,
Но день и ночь твой аромать плѣняетъ и цѣлитъ.

Сосна, самшитъ, ель, кипарисъ—цари земныхъ лѣсовъ,¹
Но твой волноподобный станъ стройнѣе всѣхъ стволовъ.

Въ зеленыхъ листьяхъ, розы жгутъ пурпуровымъ огнемъ,
Но вянутъ краски розъ, а ты—прекраснѣй день за днемъ!

Блстаютъ лиліи, росой склоняемая ницъ,
Но что онѣ, чуть поведешь ты стрѣлами рѣсницъ!

Чаруетъ море всѣхъ, когда прибрежный вѣтеръ тихъ,
Но что оно, едва взгляну я въ море глазъ твоихъ!

Что соловей, что полугай, что фениксъ, горлинка, павлинъ!
Твоихъ ногтей иль щекъ затмитъ ихъ лепестокъ одинъ!

¹ Самшитъ—кавказская пальма.

Что солнце и луна, когда, отъ счастья заалѣвъ,
Смѣешься иль поешь, ко мнѣ ты на колѣни сѣвъ!

Когда, лицо клоня, сама моишь ты ищешь рукъ,—
Тебя обнявъ, восторгъ въ груди, я—тотъ, кто ожилъ вдругъ!

НАГАШЪ ИОНАТАНЪ.

XVII—XVIII В.

1—3. Пѣсни любви. Перевелъ Валерій Брюсовъ.

1.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Зажегся нынче новый свѣтъ,
Отъ милой слышала я, привѣтъ,
Расцвѣлъ въ душѣ весенній цвѣтъ,—
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Когда любовь такъ разлилась,
Какъ жить, отъ милаго таясь?
Тебѣ внемлю я, веселясь,
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ! о мой султанъ!

Когда въ мой домъ вошла ты вдругъ,
Твоихъ рѣчей вкусилъ я звукъ,
И выпало перо изъ рукъ.
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Не лги мнѣ, золото надѣвъ!
Твоихъ младыхъ грудей, созрѣвъ,
Малы, шамамы,¹ какъ у дѣвъ.
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Откроемъ дверцу, вступимъ въ садъ...
Рукой сжать грудь твою я радъ,
Бери цвѣтокъ, а я—гранатъ.
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Здѣсь на коврѣ, средь луговинъ,
Разставимъ мы кувшины винъ...

¹ Шамамы—родъ дщи (см. выше).

Цѣлуй, и да цвѣтеть твой сынъ!
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Играй и мнѣ цвѣты бросай,
Съ груди руки не отгоняй,
Дай сжать, души не отнимай,
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Тобою мнѣ цвѣточекъ данъ,
Вина ты выпила, я—пьянъ,
Сожженъ любовью Ионатанъ,
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

2.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Я нарядною тебя видѣлъ на зарѣ,
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!
Вся ты въ золотѣ была, въ перлахъ, въ янтарѣ,
Ты мнѣ разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Лобъ твой бѣлъ, твое лицо—розы лепестокъ,
Лѣвой ручкой протяни, подари цвѣтокъ,
Сахаръ я тебѣ припасъ и медовый сокъ.
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Зеркала—твои глаза, золото-мечи,
Сумракъ шелковыхъ рѣсницъ—стрѣлы и лучи,
Горнъ—душа моя, огни страсти—горячи.
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Полумѣсяцъ—бровь твоя, косы—черный макъ,
Отъ любви я не рыдать не могу никакъ,
Да погибнетъ, пропадетъ нашъ разлучникъ—врагъ!
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Сладковзвучный твой языкъ—соловей ночной,
Гіацинтъ въ рукѣ твоей и вино въ другой!

Съ родинкой твое лицо—роза подь росой.
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Сядемъ здѣсь подь деревцомъ, будемъ рвать миндаль.
Груди у тебя—шамамъ, не вкусить ихъ жаль.
На тебя гляжу, душа—улетаетъ въ даль.
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Кипарисъ—твой станъ, въ кудряхъ золото при днѣ,
Дай на стройный станъ упасть золотой волнѣ,
Долго ль осужденъ Нагашъ изнывать въ огнѣ?
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

3.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Ты мнѣ сказала: «Настала весна.
— Милая, сжался!—
Въ часъ, когда розу освѣтитъ луна,
Выйду я въ садъ, грудь открывъ и одна.»
— Милая сжался!—
Вечеромъ выйди въ сіяющей садъ!
Розы струять ароматъ.

Розу тебѣ съ письмецомъ я пошлю,
— Милая, сжался!—
Въ немъ расскажу, какъ тебя я люблю.
Выйди съ мазой и съ аракомъ, молю!¹
— Милая, сжался!—
Вечеромъ выйди въ сіяющей садъ!
Розы струять ароматъ.

Ликъ твой прекраснѣй, чѣмъ тысяча розъ,
— Милая, сжался!—
Ликъ твой прекрасенъ въ уборѣ волосъ.

¹ А р а к ъ—восточная водка; м а з а—закуски (оливы, сыръ, кусочки смара на хлѣбѣ, муль и т. под.).

Вѣтеръ весны благовонья принесть,
— Милая, сжался!—
Вечеромъ выйди въ сіяющій садъ!
Розы струять ароматъ.

Лишь твой прекраснѣй, чѣмъ розы весной,
— Милая, сжался!—
Какъ соловей я пою подъ луной:
Милая, сжался хоть разъ надо мной,
— Милая, сжался!—
Вечеромъ выйди въ сіяющій садъ!
Розы струять ароматъ!

Въ косы вплети украшенія розъ,
— Милая, сжался!—
Выйди исполнить желанія грезъ,
Вылѣчить муки, что я перенесъ!
— Милая, сжался!—
Вечеромъ выйди въ сіяющій садъ!
Розы струять ароматъ.

СТЕПАННОСЪ.

XVII—B.

1. Пѣсня любви. Перевелъ Валерій Брюсовъ.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Нѣжная! милая! злая! скажи,
Черныя очи, ярь! ¹ черныя очи!
Что, хоть бы разъ, не придешь ты ко мнѣ
Въ сумракѣ ночи, ярь! въ сумракѣ ночи!

Много тоски я и слезъ перенесъ,
Полонъ любви, ярь! полонъ любви!
Лобъ у тебя бѣлоснѣжень, дугой
Черныя брови, ярь! черныя брови!

Взоры твои—словно море! а я—
Кормщикъ несчастный, ярь! кормщикъ несчастный!
Вотъ я въ тревогѣ путей не найду
Къ пристани ясной, ярь! къ пристани ясной!

Ночью и днемъ утомленныхъ очей
Я не смыкаю, ярь! я не смыкаю.
Выслушай, злая! тебя, какъ твой рабъ,
Я умоляю, ярь! я умоляю!

Всѣ говорить ты—цѣлитель души...
Вылѣчи раны, ярь! вылѣчи раны!
Больше не въ силахъ я зтогъ сносить
Пламень багряный, ярь! пламень багряный!

Ночью и днемъ, отъ любви, все — къ тебѣ,
Въ горести слезъ я, ярь! въ горести слезъ я!

Ярь—милая, возлюбленная (см. выше).

Злая, подумай: не камень же я!
Что перенесъ я, ярь! что перенесъ я!

Сна не найти мнѣ, напрасно хочу
Сномъ позабыться, ярь! сномъ позабыться!
Плача, брожу и назадъ прихожу—
Снова томиться, ярь! снова томиться!

Ночью и днемъ отъ тоски по тебѣ
Горько вздыхаю, ярь! горько вздыхаю,
Имя твое порываюсь назвать,—
И замолкаю, ярь! я замолкаю!

Болѣе скрытно я жить не могу,
Произнесу я, ярь! произнесу я!
Злая, подумай: не камень же я!
Гибну, тоскуя, ярь! гибну, тоскуя!

Ахъ, Степаннось! думалъ ты, что умень,—
Все же другимъ занялся ты, какъ видно!
Бога оставилъ и дѣвой плѣнень...
Будеть на Страшномъ Судѣ тебѣ стыдно!

САЯТЪ-НОВА.

1719—1795 г.

1. «Я въ жизни вздоха не издамъ.»
2. «Я—на чужбинѣ соловей.»
3. «Нынче милую мою видѣлъ я въ саду...»
4. «Меня и милую мою година та жъ родила...»
5. «Чужбина—мука соловья.»
6. «Ахъ, почему мой влаженъ глазъ.»
7. «Откуда ты? (я—соловью).»
8. «Твоихъ грудей гранатъ—что мечъ.»
9. «Твой силенъ умъ...»
10. «Угодливо, народный рабъ, служить ступай!»
11. «Ты, безумное, сердце, мнѣ внемли.»
12. «К а м а н ч а.»

Перевелъ Валерій Брюсовъ.

1.

Я въ жизни вздоха не издамъ, доколѣ джанъ¹ ты для меня!
 Наполненный живой водой золотой пинджанъ² ты для меня!
 Я сяду, ты мнѣ бросишь тѣнь, въ пустынь—стань ты для меня!
 Узнавъ мой грѣхъ, меня убей: султанъ и ханъ ты для меня!

Ты вся—чинарный кипарисъ; твое лицо—пранги-атласъ;³
 Языкъ твой—сахаръ, медь—уста, а зубы—жемчугъ и алмазъ;
 Твой взоръ,—эмалевый сосудъ, гдѣ жемчугъ, изумрудъ, топазъ.
 Ты—бриллиантъ! безцѣнный лаллъ индійскихъ странъ ты для
 меня!

Какъ мнѣ печаль перенести? иль сердце стало какъ утесъ?
 Ахъ! я разсудокъ потерялъ! въ кровь обратились токи слезъ!
 Ты—новый садъ, и въ томъ саду, за тыномъ изъ роскошныхъ
 розъ,
 Позволь мнѣ надъ тобой порхать: краса полянь ты для меня!

Любовью опьяненъ, не сплю, но сердце спить, тобой полно:
 Всѣмъ міромъ пусть пресыщенъ міръ, но алчеть лишь тебя
 оно!
 Съ чѣмъ, милая, сравню тебя?—Все, все исчерпано давно.
 Конь-Рашъ⁴ изъ огненныхъ зыбей, степная лань ты для меня!

¹ Джанъ—слово, означающее и душу и тѣло, вообще нѣчто самое дорогое, милое, любимое.

² Пинджанъ—особый сосудъ, фиаль.

³ Пранги атласъ,—фряжскій, заморскій атласъ.

⁴ Конь-Рашъ—конь Рустема изъ персидскій эпопеи.

Поговори со мной хоть мигъ, будь—милая Саять-Новы!
Ты блескомъ озаряешь мѣръ, ты солнцу—шитьь средь синевы!
Ты—лилія долинь и ты—цвѣтокъ багряный среди травы:
Гвоздика, роза, сусамбаръ,¹ и майоранъ ты для меня!

2.

Я—на чужбинѣ соловей, а клѣтка золотая—ты!
Пройдешь, какъ по ковру царей,² лицо мнѣ попирая, ты!
Твои ланиты—розъ алѣй, какъ образъ дивный рая—ты!
Какъ шаха, я тебя молю; молчишь, не отвѣчая, ты.

О, милая! вошла ты въ садъ и взорами цвѣты палишь:
Твои глаза огонь струять, ты силой красоты палишь,
А я своимъ мученьямъ радъ: сгораю я, а ты палишь...
Никто такъ стройно не ступалъ, какъ ходишь, всѣхъ сжигая, ты!

Причти меня къ своимъ рабамъ! что я твой рабъ, не скрою я!
Поставь меня къ своимъ вратамъ: страдать въ темницѣ стою я!
Я живъ иль мертвъ, не знаю самъ, но боленъ лишь тобою я!
Какъ море, какъ Аразъ,³ мечусь: причина,—дорсгая, ты!

Ты, съ пятнышкомъ⁴ лица, мила; кто видѣлъ, тотъ плѣненъ тобой,
Хотя ты мной пренебрегла, но судъ произнесенъ тобой.
Ты отвернулась, отошла, не выслушанъ мой стонъ тобой,
Хотя жизнь можешь даровать, какъ царь повелѣвая, ты.

Саять-Нова сказала въ слезахъ: «Я слезъ не лью, пока могу,
Но буду выносить я страхъ и скорбь свою, пока могу.
Хочу быть славнымъ на пирахъ, тебя пою, пока могу...
Когда бъ со мной, сазъ⁵ золотой, вошла на пиръ, сверкая, ты!

¹ Сусамбаръ—пахучая трава.

² Коверъ Царей, «п и а н д а з ъ»,—драгоценная матерія, которую расстилаютъ подъ ноги почетнымъ гостямъ.

³ Аразъ—Араксъ, рѣка.

⁴ Пятнышко на лицѣ—считалось признакомъ красоты; объ немъ упоминается во многихъ армянскихъ народныхъ пѣсняхъ.

⁵ Сазъ—народный музыкальный инструментъ.

3.

Нынче милую мою видѣлъ я въ саду;
Слѣдъ подковки золотой освятилъ грядку;
Словно розу соловей я воспѣлъ звѣзду,
Взоръ затмился мой слезой, разумъ былъ въ бреду.
Ахъ, пусть врагъ мой попадетъ, какъ и я въ бѣду!

Яръ¹ моя! твой нѣжный видъ душу тайно жжетъ.
Образъ твой—шербеть любви, губы—сладкій медъ,
Словомъ, взглядомъ многихъ ты мучишь въ свой чередъ.
Что жъ, убей, но не скажи, что и я—не тотъ!
Пусть умру, вѣрью жизнь—твою суду.

Пряди косъ твоихъ весь годъ туго сплетены,
Медъ въ устахъ, могли бъ имъ быть груди смочены.
Расцвѣтаетъ алый ротъ между розъ весны...
Но садовника² глаза влагою полны:
Посмотри, какъ соловей, я пою и жду.

Ты прекраснѣе стократъ, чѣмъ и твой портретъ;
Если въ комнату войдешь, тьмы безъ лампы нѣтъ:
Какъ виномъ мускатнымъ домъ, духъ тобой согрѣтъ;
И въ садахъ передъ тобой блекнетъ каждый цвѣтъ:
Вѣтеръ льнетъ къ тебѣ, вокругъ воздухъ какъ въ меду!

Знай: другой не воспою, ты доколь жива!
Выслушай, матахъ³ тебѣ: искренни слова!
Хлѣбъ и соль не забывай, волю Божества!
Отъ любви къ тебѣ—въ тюрьмѣ я, Саять-Нова!
Я теряю разумъ, я—вовсе пропаду!

4.

Меня и милую мою година та жъ родила, знай
И потому я вздохъ таю, а въ сердцѣ кровь застыла, знай,

¹ Яръ—милая (см. выше).

² Садовникъ—т. е. влюбленный, возлюбленный; традиционное уподобленіе.

³ Матахъ тебѣ—привѣтъ; собственно: я готовъ принести себя въ жертву тебѣ.

Я днемъ и ночью слезы лью, а въ грезахъ много пыла, знай,
Мой влаженъ глазъ, языкъ сожженъ, уста любовь спалила, знай!

Ахъ, сердце замерло въ груди, утомлено борьбой оно
И око тускло, погляди, томится по одной оно,
Тьма передъ мыслью впереди, лишь пѣніе—со мной оно,
Но мнѣ надежды въ жизни нѣтъ, близка моя могила, знай.

Сожженъ, израненъ, я брожу, пріюта нѣтъ родного мнѣ,
Я острыхъ словъ не нахожу, но для чего и слово мнѣ!
Тысячекратно я тужу: дано такъ много злого мнѣ,
И мысль и память какъ въ цѣпяхъ, меня пучина скрыла, знай.

Но сердца трауренъ нарядъ, и кровь изъ глазъ струится вновь.
Какъ тучи на морѣ лежать, такъ жаждетъ грудь упиться вновь.
Лѣчить я рану сердца радъ, но можно ль исцѣлиться вновь?
Такъ истекаю кровью я, ахъ! я отвергнуть милой, знай!

Кто видитъ, говорить сейчасъ: «Ты гибнешь, ахъ! Саять-Нова!
Тебя встрѣчать ли намъ не разъ, кровь на очахъ, Саять-Нова!
Иль лучшей дѣвы, лучшихъ глазъ нѣтъ на пирахъ, Саять-Нова!»
Вся жизнь прошла какъ сонъ, плодовъ лоза не подарила,—знай!

5.

Чужбина—мука соловья: годъ—сада онъ родного ждеть!
Чтобъ подала рука твоя вина мнѣ, сердце снова ждеть!
Съ другими—ты, и мучусь—я: такъ рабъ царя земного ждеть!
Созрѣлъ грудей твоихъ шамамъ,¹ — сосуда золотого ждеть!

Слова безсилны предъ тобой! какъ алый ликъ твой описать?
Какъ бровь изобразить сурьмой? и золота тутъ мало взять!
И только станъ прекрасный твой овалу плечъ твоихъ подъ стать!
А золото твоихъ волосъ давно луча дневного ждеть!

¹ Ш а м а м ъ — родъ дыни, обычное сравненіе для женской груди (см. выше).

Ты съ дѣтства слышишь голосъ хвалъ: но славить красоту я радъ.
Ковчегъ¹ — твоихъ грудей овалъ, чтобъ ставить амбру и мускатъ.

Не можеть, кто тебя встрѣчалъ, представить лучшей мигъ усладъ!
Рука—самшитъ,² а пальцы—воскъ: хрустальныхъ спиць онъ снова ждеть.

Нѣтъ, я не полюблю другой! сдается: ты мнѣ суждена!
Лишь я недѣлю не съ тобой, какъ рвется каманчи струна!
Самъ царь иль врачъ-Лохманъ³ со мной, а мнѣ поется: «гдѣ она?»
Имъ раны не понять моей: она клинка стального ждеть!

Красавица! въ тоскѣ души, одинъ брожу, сожженъ тобой!
Красавица! о не спѣши! дай погляжу, плѣненъ тобой!
Красавица! мнѣ чей, рѣши: сужу, что отнять онъ—тобой!
Доколѣ живъ Саять-Нова, тебѣ ль пѣвца иного ждять!

6.

Ахъ, почему мой влаженъ глазъ и кровь на сердцѣ? ждеть она!
Болѣзнь—любовь и этотъ разъ, лѣкарство въ своей чередъ,—она!
Я слегъ, но взоръ мой каждый часъ опять къ себѣ влечеть—она!
Мнѣ надо умереть, ко мнѣ, ахъ! лишь тогда придетъ она!

Весна настала и манять зазеленѣвшіе края;
Фиалковыя горы въ садъ давно послали соловья.
Но пѣсни ночью не звучать. Чинара, это мечь твоя?
Пусть ищеть роза соловья: его, ахъ! не найдетъ она!

Макъ, ярко красный, даль совѣтъ: «Скиталець-соловей влюбленъ,
И, вѣрно, вспомнить про букетъ, что базиликой оплетенъ,
Но ты солги, что розы нѣтъ, и что цвѣтокъ былъ унесенъ!»
Вотъ—изгородь, ахъ, соловей! твой бѣдный трупъ несетъ она.

Сладки, сладки—твой слова! языкъ твой сахаръ и набатъ,⁴
И твой шербетъ, гласить молва, хорошъ, какъ спѣлый виноградъ.

¹ К о в ч е г ъ — также обычное уподобленіе женской груди (см. выше).

² С а м ш и т ъ — родъ сосны, обычное сравненіе для рукъ и стана.

³ Ц а р ь — грузинскій царь Герекль II; Л о х м а н ъ — придворный врачъ.

⁴ Н а б а т ъ — кристаллы топленого сахара, лакомство.

Семь дней твердилъ я, ты жъ, рѣзва, семь платьевъ мѣрила подъ
рядъ,
Бязь и кумачъ, но гдѣ же ткань, что всѣхъ достойнѣй?—ждеть
она!

Языкъ ашуга—соловей: онъ славить, не клянеть сплеча!
Предъ шахомъ онъ поетъ смѣлѣй, и для него нѣтъ палача,
Нѣтъ правилъ, судей и царей, онъ самъ спасаетъ всѣхъ, звуча,
Лишь ты, Саять-Нова,—въ бѣдѣ, пришла, не отойдетъ она!

7.

КЪ СОЛОВЬЮ.

Откуда ты? (я соловью).
Не плачь! не плачь! я слезы лью,
Ты розу ждешь, я—милую...
Не плачь! не плачь! я слезы лью.

Пой, соловей, пѣснь соловья!
Счастливой будь тропа твоя!
Тебѣ—цвѣтокъ, мнѣ—милая...
Но ты не плачь! я слезы лью.

Въ душѣ моей—тоска по ней,
Какъ острый шипъ въ груди твоей.
Цвѣтокъ иль яръ? что сладостнѣй?
Не плачь! не плачь! я слезы лью.

Какъ кипарисъ, одинъ стою.
Пой, соловей! и я пою.
Ты розу ждешь, я—милую...
Но ты не плачь! я слезы лью.

Пѣвецъ! мила мнѣ пѣснь твоя!
Пылаемъ мы, и ты и я...
Саять сказала: «О, милая!
Не плачь! не плачь! я слезы лью!»

8.

Твоихъ грудей гранать—что мечь!
Самшитъ твоихъ безцѣненъ плечь!
Хочу у двери милой—лечь!
Тамъ прахъ цѣлюю и пою.

О, твоего атласа звукъ!
Дай мнѣ испить изъ чаши рукъ,
Молю цѣленья въ смѣнѣ мукъ,
Люблю, ревную и пою!

Я не садовникъ въ эту ночь,
Какъ тайну сада перевозмочь?
Я—соловей, гдѣ роза? «Прочь!»
Шипу скажу я и пою.

Ты—пѣсня! И слова звучать!
Ты—гимнь! И я молиться радъ!
Саять-Новы ты—свѣтлый садъ!
Вотъ я тоскую и пою.

9.

Твой силенъ умъ: такимъ рожденъ,—себя глупцу равнять зачѣмъ?
Меня за свой вчерашнй сонъ презрительно считать зачѣмъ?
Я издавна горю, сожжешь! опять меня сжигать зачѣмъ?
Устала ты, повѣрю я, меня же обвинять зачѣмъ?

Привѣтъ! вѣдь ты сильна, какъ тотъ Ростомъ,¹ сынъ Зала!—
дочь царя!²

Старинный твой прославленъ родъ, красы зеркало, дочь царя!
Коль грѣшенъ я, пусть мечъ не ждетъ меня нимало, дочь царя!
Но Господа побойся ты: напрасно враждовать зачѣмъ?

Кто раненъ, позоветъ врача: не повредить, поможетъ онъ;
Раба ругаютъ сгоряча, судиться все жъ не можетъ онъ.

¹ Ростомъ, сынъ Зала,—Рустемъ, герой персидскаго эпоса.

² Дочь царя—рѣчь идетъ о грузинской царевнѣ.

Кто сердцемъ свѣтель, какъ свѣча, молву людей отложитъ онъ.
Я Богомъ истиннымъ клянусь: меня нещадно гнать зачѣмъ?

Не всѣмъ мой ключъ гремучій пить: особый вкусъ ручьевъ моихъ!
Не всѣмъ мои писанья чтить: особый смыслъ у словъ моихъ!
Не вѣрь: меня легко свалить! гранитна твердь основъ моихъ!
Такъ наводненьемъ безъ конца ихъ тщетно подрывать зачѣмъ?

Бьетъ вѣтръ морской, песокъ гоня: песка не меньше будетъ
все жъ!

Живу ль, не станеть ли меня, толпу напѣвъ разбудить все жъ!
Уйду, но въ мѣрѣ съ того дня и волосъ на убудеть все жъ!
Въ Габашъ, къ арабамъ, къ индамъ прахъ Саятъ-Новы ссылатъ
зачѣмъ?

10.

Угодливо, народный рабъ! служить ступай, Саятъ-Нова!
Стяжать отличіе царя не всякъ мечтай, Саятъ-Нова!
И пусть подносятъ желчь тебѣ, ты сахаръ дай, Саятъ-Нова!
Но отъ камней свое стекло оберегай, Саятъ-Нова!

Тупицу въ школу помѣсти,—отъ розгъ не поумнѣетъ онъ,
Покуда изъ него злой духъ покорно не отвѣдетъ вонъ;
Кто черенъ, будетъ вѣкъ такимъ, отъ мыла не бѣлѣетъ онъ;
Безродный въ знанъ не лѣзь, кривуль не выпрямляй, Саятъ-Нова!

Когда бъ ты звѣзды сосчиталъ и зналъ число очей ночныхъ,
Погубить злое дѣло—все: чти житія людей святыхъ!
Слова Спасителя—жемчугъ, прекраснѣе лилей лѣсныхъ,
И свиньямъ лалль и жемчуга ты не бросай Саятъ-Нова!

Тамъ—радость свадьбы, тамъ—печаль; тамъ—пиръ и пѣсно-
пѣнье—тамъ,

Тамъ—двое любящихъ въ саду, въ церквахъ богослуженье—тамъ;
Коль волю духа ты творишь, не можеть быть и тлѣнья—тамъ:
Водой шумящей унесенъ, не унывай, Саятъ-Нова!

11.

Ты, безумное сердце! мнѣ внемли:
Скромность возлюби, совѣсть возлюби.
Миръ на что тебѣ? Бога возлюби,
Душу возлюби, дѣву возлюби!

Божій гласъ внемли и твори добро,
Въ житіяхъ святыхъ слово—серебро:
Святыхъ цѣлей три: возлюби перо,
Возлюби письмо, книги возлюби.

Сердце, пусть тебя скорби не гнетутъ!
Знай, что хлѣбъ и соль люди чести чтутъ,
Но не будь смѣшнымъ: возлюби свой трудъ,
Мудрость возлюби, правду возлюби.

Тамъ, гдѣ господинъ, будь не гордъ, но тихъ;
Скромнымъ будь всегда у господъ своихъ;
Но у всѣхъ—душа: возлюби чужихъ,
Бѣдныхъ возлюби, гостя возлюби.

Такъ, Саятъ-Нова, мудрость жить велить.
Что намъ эта жизнь? Страшный судъ грозить!
Душу сберегай: возлюби и скитъ,
Келью возлюби, камни возлюби!

12.

КАМАНЧА.¹

Изъ всѣхъ людьми хваленыхъ лиръ полнѣй звучишь ты, каманча!
Кто низко, не иди на пиръ: предъ нимъ молчишь ты, каманча!

¹ Каманча (или кяманча) музыкальный инструментъ, аккомпанирующій себя на которомъ поютъ ашуги. Отдѣльныя части каманчи носятъ названія: «ушка», «волось», «чрева», «жельза» (строфа 2-я); инструментъ—струнный и играютъ на немъ смычкомъ, на которомъ натянуты конские волосы (строфа 3-я). Передъ началомъ игры ашугу подавали чай и кофе (строфа 4-я). При состязаніи пѣвцовъ побѣжденный отдавалъ обыкновенно свою каманчу побѣдителю (стихъ 4-й строфы 1-й). Крылатый конь (строфа 3-я)—отголосокъ мѣта о Пегасѣ.

Но къ высшему стремись: весь міръ, всѣхъ покоришь ты, каманча!
Тебя не уступлю я: мнѣ—принадлежишь ты, каманча!

Ушко—серебряное будь, сверкай на *головѣ*—алмазь;
Рука—слоновой кости будь, на *чревь*—перламутръ, что глазъ;
Струна—изъ злата свита будь, рѣзъбой плѣняй, *жельзо*, насъ;
Ты—бриллиантъ и лалль! И судъ—всѣхъ посрамишь ты, каманча;

Смычокъ быть долженъ золочень, чтобъ пышно онъ блисталь
звеня;

Пѣвучій *волосъ*—быть сплетень изъ космъ крылатаго коня.
Тѣмъ, какъ бальзамъ, даришь ты сонъ, тѣхъ ты бодришь всю
ночь, до дня:

Ты—золотой сосудъ съ виномъ, и всѣхъ пьянишь ты, каманча.

Въ ашугѣ двѣ души съ тобой: ему и чай и кофе есть;
Когда онъ утомленъ игрой, на полкѣ ты находишь честь,
Когда жъ поеть,—вновь пиръ горой, ты—празднествъ и гуляній
вѣсты!

Собравъ красавицъ вокругъ себя, ихъ всѣхъ манишь ты, каманча!

Ты всѣмъ даешь веселый видъ, съ тобой опять здоровъ больной;
Чуть сладкій зовъ твой зазвучитъ, блаженъ, кто говорить съ тобой.
Проси, да скажутъ: «Богъ продлитъ—дни насъ плѣнявшаго
игрой!»

Доколѣ живъ Саятъ-Нова, что не узришь ты, каманча!

ЛУНКІАНОСЪ.

XVIII—XIX В.

1. Видѣніе.
2. Гимнъ Богоматери.
Перевелъ В. Спасскій.

1.

ВИДѢНІЕ.

Рай разверся. Видѣлъ, восхищенный, я
Садъ, что полнъ благоухающихъ цвѣтовъ:
Пѣли ангелы о благѣ бытія,
Арфъ десятиструнныхъ былъ немолченъ зовъ.

Зеленѣлъ деревьевъ безконечный рядъ,
Вѣтви заплетались въ сладостную сѣть,
Висли финики, гранаты, виноградъ,
Было сладостно на тѣ плоды смотрѣть.

И царица вышла, въ славѣ, какъ въ огнѣ,
На челѣ съ вѣнкомъ, гдѣ лалль, алмазь, жемчугъ;
Праведниковъ сонмъ приблизился ко мнѣ,
Несказанныя слова шепча мнѣ въ слухъ.

И любви словами былъ я опьяненъ,
Страсть какъ никогда позналъ Лункіанось,
Ибо онъ сбрѣлъ, святыми окруженъ,
Ту Возлюбленную, ту Царицу грезь!

2.

ГИМНЪ БОГОМАТЕРИ.

Отрывокъ.

Для всѣхъ страдающихъ, для скорбныхъ всѣхъ сердецъ
Есть чаша сладости, о Богоматерь—Ты!
Ты—человѣчества торжественный вѣнецъ,
И слава всей земли, о Богоматерь,—Ты!

Ты—жизни вѣрный мость, ты—смути святой покой,
Престоль премудрости и роза чистоты;
Ты кротость нѣжная, что льется въ мѣръ людской,
И искупленіе, о Богоматерь,—Ты!

О, милосердая, Ты—упованье намъ,
Звѣзда разсвѣтная надъ чернью темноты!
Полобно солнечнымъ слѣпительнымъ лучамъ,
Сіяешь высоко, о Богоматерь—Ты!

Тобою озаренъ сей мѣръ, гдѣ мраченъ грѣхъ.
Путь для блуждающихъ и свѣтъ для слѣпоты,
Въ смиреніи, добра и благостна для всѣхъ,
Примѣръ прекраснаго, о Богоматерь,—Ты!

.....
Поетъ Лункіанось: Яви Свой обликъ мнѣ,
Я уготовалъ духъ къ видѣнью Красоты!
О, свѣтлый, чистый ключъ! для сердца, что въ огнѣ,
Противоядіе, о Богоматерь,—Ты!

ДЖИВАНИ.

1846—1911 Г.

1. «Какъ дни зимы...»

2. Въ эту ночь.

Перевелъ Валерій Брюсовъ.

1.

Какъ дни зимы, дни неудачь недолго тутъ: придуть-уйдутъ.
Всему есть свой конецъ, не плачь!—Что бѣгъ минутъ: придуть-уйдутъ.

Тоска потерь пусть мучить насъ, но вѣрь, что бѣды лишь на часъ:
Какъ сонмъ гостей, за рядомъ рядъ, они снуютъ: придуть-уйдутъ.

Обманъ, гоненіе, борьба и притѣсненіе племень,
Какъ караваны, что подъ звонъ въ степи идутъ: придуть-уйдутъ.
Мірѣ—садъ, и люди въ немъ цвѣты! но много въ немъ увидишь ты
Фіалокъ, бальзаминовъ, розъ, что день цвѣтутъ: придуть-уйдутъ.

Итакъ, ты, сильный, не гордись! итакъ, ты, слабый, не грусти!
Событія должны итти, творя свой судъ,—придуть-уйдутъ!
Смотри: для солнца страха нѣтъ скрыть въ тучахъ свой палящій
свѣтъ,

И тучи на востокъ спѣша, плывутъ, бѣгутъ: придуть-уйдутъ.

Земля ласкаетъ, словно мать, ученаго, добра, нѣжна;
Но дикихъ бродятъ племена, они живутъ: придуть-уйдутъ...
Весь міръ: гостиница Дживанъ! а люди—зыбкій караванъ!
И все идетъ своей чредой: любовь и трудъ,—придуть-уйдутъ!

2.

ВЪ ЭТУ НОЧЬ.

Виночерпица! дай мнѣ вина въ эту ночь,
Я томлюсь и душа такъ мрачна въ эту ночь.
Чѣмъ-нибудь пусть замлѣетъ она въ эту ночь,
Чтобъ не даромъ страдать мнѣ безъ сна въ эту ночь!

Сдѣлай милость, красавица, здѣсь отдохай!
О, хвалимая, боли моей сострадай!
Что въ сѣдыхъ погребяхъ, то вино мнѣ подай,
На огонь мой лей воду до дна въ эту ночь!

Дай мнѣ, милая, руку: тобой—я плѣнень;
Мы въ одно соединимъ нѣжный звукъ двухъ именъ;
Вѣдь ты видишь: ко мнѣ не придетъ уже сонъ.
Выйдемъ въ садъ, даль—чиста, даль—ясна, въ эту ночь.

Сколько разъ, милый другъ, я дѣлила твою боль.
Покориться тебѣ, быть рабомъ мнѣ позволь.
Любишь, нѣтъ ли, скажи! ахъ, солгать—хорошо ль?
Доскажи до конца, все сполна—въ эту ночь.

Ахъ, внимли! въ эту ночь можешь ты мнѣ помочь!
Постарайся смущенье свое превозмочь:
Если намъ другъ для друга цѣсти,—цѣпи прочь!
Будетъ данная клятва прочна—въ эту ночь.

НОВАЯ ПОЭЗІЯ.

I. Поэзія русскихъ армянъ.

РАФАЭЛЪ ПАТКАНЬЯНЪ.

1830—1892 г.

1. «И теперь намъ молчать...» (Изъ поэмы «Смерть храбраго Вардана Мамиконьяна.) Перевель *Валерій Брюсовъ*.
2. Слезы Аракса. Перевель *Ю. Веселовскій*.
3. Жаворонокъ. Перевела *Е. Сырейщикова*.
4. «Покинь свой садъ...» Перевель *С. Шервинскій*.
5. Не думайте, что славой обольщенъ...» Перевель *онъ же*.
6. Художникъ. Перевель *Валерій Брюсовъ*.
7. Передъ изображеніемъ Богоматери. Перевель *Эллисъ*.
8. «Ученый, книгу брсьсь...» Перевель *В. Бакулинъ*.
9. «Ребенка святой колыбелью клянусь...» Перевель *Валерій Брюсовъ*.
10. Великій человекъ. Перевель *онъ же*.

1.

ИЗЪ ПОЭМЫ

«СМЕРТЬ ХРАБРАГО ВАРДАНА МАМИКОНЬЯНА»¹

И теперь намъ молчать, о друзья, и теперь,
 Когда врагъ насъ терзаетъ, какъ яростный звѣрь,
 Прямо въ грудь направляетъ свой мечъ роковой,
 Не смущаясь рыданьемъ и скорбною мольбой?
 О, братья-армяне! пора отвѣчать:
 И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ
 Захватилъ ухищреньемъ нашъ отчій очагъ,
 Имя Гайка низвергъ, что блистало въ быломъ,
 И, великій въ вѣкахъ, обезчестилъ Торгомъ!²
 Лишилъ языка, отнял скипетръ и рать?
 И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ
 Отнял мечъ-оборону, униживъ нашъ стягъ,
 У работниковъ плугъ вырвалъ дерзко изъ рукъ,
 Передѣлалъ на цѣпи тотъ мечъ и тотъ плугъ?
 О, горе! въ плѣну мы должны изнывать!
 И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ,
 Поднимая оружье, какъ гибельный знакъ,

¹ Варданъ Мамиконьянъ — армянскій національный герой, погибшій въ битвѣ съ персами на Аварайрскомъ полѣ (451 г. по Р. X.).

² Гайкъ и Торгомъ — мифическіе прародители армянъ (см. Примѣчанія, гдѣ объясненія и другіе строфы этого стихотворенія).

Нась таить заставляеть рыданья невзгодъ,
 То; что душу гнететь, намъ сказать не даетъ?
 Чтось плакать, гдѣ свой намъ Евфратъ отыскать?
 И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ,
 Совершая съ надменностью каждый свой шагъ,
 Голосъ правды въ душѣ у себя заглушивъ,
 Гонить насъ изъ страны, отъ родныхъ нашихъ нивъ?
 Скитальцамъ, намъ некуда, братья, бѣжать!
 И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ,
 Равнодушно взирая на толпы бродягъ,
 Нагло руку простеръ и, преступно глумясь,
 Оборвалъ между братьевъ послѣднюю связь?
 Такъ близко погибель армянъ! Что начать?
 И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ
 Нась лишаетъ послѣднихъ, божественныхъ благъ?
 Нашу церковь гнететь, чтобъ сломить насъ вѣрнѣй,
 Волка въ шкурѣ овечьей поставивъ надъ ней?
 Нѣтъ храмовъ, гдѣ бь намъ принимать благодать!
 И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать? Что же скажетъ весь свѣтъ,
 Если камни и скалы застонуть въ отвѣтъ?
 Скажутъ всѣ, что армяне достойны судьбы,
 Что они по заслугамъ въ плѣну и рабы!
 Умѣли отцы родной защищать!
 Доколѣ жь молчать?

Пусть молчить тотъ, кто нѣмъ, чей недвижимъ языкъ,
 Или тотъ, кто въ ярмѣ, видѣть сладость привыкъ!
 Но, въ комъ сердце мужчинъ, кому честь дорога,
 Пусть безстрашно идетъ противъ злого врага!
 Кто славою сумѣлъ свою смерть увѣнчать,
 Тотъ вправѣ молчать!

2.

СЛЕЗЫ АРАКСА.

По берегамъ твоимъ заснувшимъ
 Брожу, Араксъ, въ тоскѣ моей.
 Я уношусь къ вѣкамъ минувшимъ,
 Взываю къ тѣнямъ славныхъ дней!..

Но волны бурныя несутся,
 Не внемля, пѣнясь и шумя;
 О берегъ съ плачемъ горькимъ бьются
 И мчатся въ дальніе края...

Повѣдай мнѣ, Араксъ могучій,
 По комъ рыдаешь ты порой?
 Зачѣмъ объять тоскою жгучей
 Ты даже чудною весной?

И слезы горькія струятся,
 Изъ гордыхъ падаютъ очей,
 И волны къ морю вдалѣ стремятся
 Отъ грустной родины моей!..

О, не мути же въ гнѣвѣ воды!
 Забудь волненье и печаль!
 О, вспомни вновь былые годы!..
 Зачѣмъ спѣшишь ты къ морю вдалѣ!..

Пусть снова розы украшаютъ
 Сады прибрежные твои,
 А ночью пѣсней оглашаютъ
 Заснувшій берегъ соловьи!

Пусть ивы свѣжестью отрадной,
 Сгибаясь, дышатъ у воды—
 И въ жаркій день въ струѣ прохладной
 купаютъ нѣжные листы.

Пускай пастухъ съ свирѣлью бродить
 По берегамъ твоимъ порой,
 И стало мирное приходитъ
 Къ тебѣ въ жару на водопой!..

Араксъ запынили гнѣвно воды
И влагу бурей всколыхалъ,—
И въ шумѣ дикомъ непогоды
Я голосъ грозный услыхалъ:

«Зачѣмъ съ желаньемъ безразсуднымъ
Пришелъ, безумецъ, ты ко мнѣ,—
Тревожить вновь видѣнемъ чуднымъ
Меня въ тяжеломъ полуснѣ?»

Въ тоскѣ по мужѣ, въ тяжкомъ горѣ,
Ужель вдову, средь грустныхъ слезъ,
Ты встрѣтишь въ праздничномъ уборѣ,
Какъ въ годы счастья, годы грезъ?

И мнѣ,—зачѣмъ мнѣ украшаться?
Красою чей мнѣ тѣшить взглядъ?
Мои сыны въ плѣну томятся,
Мои враги вездѣ царятъ!..

А были дни, въ краю свободномъ
Я въ чудномъ блескѣ протекалъ,
И къ морю вдаль въ просторѣ водномъ
Спокойно шелъ за валомъ валь.

Въ тѣ дни я гордо украшался,
Сверкали, искрились струи...
А утромъ раннимъ отражался
Въ нихъ отблескъ пламенной зари.

Но что же случилось съ древней славой
Моихъ роскошныхъ береговъ?
Гдѣ храмъ или замокъ величавый?
Гдѣ блескъ старинныхъ городовъ?..

Лишь Араратъ не забываетъ
О славѣ скрывшейся моею
И влагой нѣжно онъ питаетъ
Мое русло, какъ мать—дѣтей...

Но влаги вѣчной и священной
Достойны ль мертвые поля,
Гдѣ турокъ властвуетъ презрѣнный,
И стонеть древняя земля?

Мои сыны,—ихъ нѣтъ со мною!
Но сколько ихъ въ странѣ чужой,
Въ борьбѣ съ гнетущею нуждою,
Въ борьбѣ за хлѣбъ насущный свой!

Моихъ сыновъ враги изгнали,
Отчизну душитъ низкій плѣнь,
И въ древній край они прислали
Толпы невѣрныхъ мнѣ вгамънъ!

Для нихъ ли пышными цвѣтами
Теперь украшу берегъ свой,
И мнѣ ль предъ дикими очами
Блестать чарующей красой?

Пока сыны мои томятся,
Пока для нихъ отчизны нѣтъ,
Я буду скорби предаваться,—
И святъ да будетъ мой обѣтъ!»

И, бѣлой пѣной одѣваясь,
Въ ней скрылъ Араксъ свою печаль,—
И, точно змѣйка извиваясь,
Понесъ онъ волны къ морю вдаль.

3.

ЖАВОРОНОКЪ.

— Жаворонокъ, въ небо—ты зачѣмъ летишь,
Пѣсней серебрястой въ облакахъ звенишь?

Отчего не хочешь пѣть среди цвѣтовъ,
Тамъ, гдѣ ты выводишь маленькихъ птенцовъ?—

— «Ахъ, есть много, много горя у меня!
Другъ меня покинулъ, жизнь свою кляня;

Земледѣлецъ мирный этимъ другомъ былъ:
Страхъ передъ врагами миръ его смутить.

Сталь нашъ край родимый пусть и молчаливъ,
И растеть репейникъ вдоль армянскихъ нивъ.

На землѣ отнынѣ нѣтъ покоя мнѣ,
Оттого стремлюсь я—къ ясной вышинѣ.

Цѣлый день и вечеръ въ небесахъ я вьюсь,
Цѣлый день я пѣсней Господу молжусь,

Чтобъ благой десницей насъ Онъ защитилъ,
Чтобъ армянскій пахарь снова мирно жилъ,

Чтобъ свѣтило счастье намъ въ родномъ краю:
Вотъ о чемъ подъ небомъ грустно я пою.»

4.

Покинь свой садъ, приди, мой соловей,
На очи сына пѣсней сонъ навѣй.
Но плачетъ сынъ... Не надо прилетать:
Псаломщикомъ не хочеть сынъ мой стать.

Приди, куликъ, съ болотъ и съ луговинъ
Качать дитя, заснуть мой должень сынъ...
Но плачетъ онъ... Не надо прилетать:
Не хочеть сынъ мой послушникомъ стать.

Ты, перепелъ, птенцовъ покинь въ степи
И крикомъ сладкимъ сына усыпи.
Но плачетъ сынъ... Не надо прилетать:
Не хочеть сынъ мой плакальщикомъ стать.

Воровка, сребролюбица, сюда
Лети, сорока,—сынъ уснетъ тогда.
Но плачетъ сынъ... Не надо прилетать:
Торговцемъ не захочеть сынъ мой стать.

Ты, соколъ, съ храбрымъ сердцемъ, ты одинъ
Приди. Твоей захочеть пѣсни сынъ...
Лишь прилетѣлъ—и сынъ мой замолчалъ,
Подъ звуки бранныхъ пѣсень задремалъ.

5.

Не думайте, что славой обольщенъ,
Въ странѣ армянъ я пѣснь пою, какъ сточъ.
Нѣтъ, гордою душой я не искалъ
Толпы рукоплесканій и похвалъ.

Когда тоской звучитъ моя струна,—
Арменіи душа потрясена,
И каплетъ кровь у честныхъ изъ сердець,
И глазъ сомкнуть не можетъ удалецъ.

Зачѣмъ поръ?—Какъ знать? Скажите мнѣ,
Зачѣмъ алѣетъ роза по веснѣ,
И въ зелени, у ногъ родимыхъ горъ
Звучитъ ручья журчащій разговоръ.

Зачѣмъ зефиръ, порхая по листьямъ,
Какъ будто свой привѣтъ лепечеть намъ,
И почему подъ зеленью вѣтвей
Безропотенъ поющій соловей?..

6.

ХУДОЖНИКЪ.

Взоръ вперишь, безъ словъ, съ тайной на челѣ.
Юноша, куда мыслью ты влекомъ?
Кисти предъ тобой, краски на столѣ...
Что же ты стоишь, молча, предъ холстомъ?

Обрати глаза, оглянись вокругъ:
Вѣдь смѣется чернь надъ трудомъ твоимъ!
Милый! разгони сладостный недугъ,
Отомсти хоть разъ, пробудившись, имъ!

Но прощаешь ты все въ душѣ своей
Ропотомъ мірскимъ духъ твой не смущень.
Вдругъ въ глазахъ твоихъ вспыхнулъ блескъ огней,
Сердце быстро бьеть, весь ты опьяненъ.

Кисти ты схватилъ, въ краску обмакнулъ,
Къ жизни пробудилъ кистью полотно:
Въ таинствахъ небесъ думой потонулъ,—
Тайное другимъ—знать тебѣ дано.

Ненависть, любовь, гнѣвъ и блескъ ума,
Ты, взмахнувъ рукой, полотну даешь;
Все, предъ чѣмъ и рѣчь мудреца нѣма,
Красками безъ словъ ты возсоздаешь.

Изумленъ народъ, прибѣжалъ, стоитъ,
На твою мечту глядя черезъ порогъ,
Преклоняясь ницъ, еиміамъ кадитъ,
Голосомъ однимъ вопить: «Вотъ—нашъ Богъ!»

Ахъ, за подвигъ свой ты не жди награды:
Нѣсколько монетъ бросать предъ тобой,
Въ свой убогій домъ ты пойдешь назадъ...
Но картинѣ быть въ рамѣ дорогой!

7.

ПЕРЕДЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ БОГОМАТЕРИ.

Отчего пречистый ликъ Маріи,
Съ тихимъ взоромъ, полнымъ горькихъ слезъ,
Устремленъ на небеса родныя?
Отчего въ немъ просьба и вопросъ?

Ты—безгрѣшна. Почему жъ тревога?
И, скрестивши руки, почему
Ты молитвы, вздохи, Матерь Бога,
Воссылаешь къ Сыну Твоему

«Надъ землей, надъ засухой гнетущей
Снизойди, небесная роса,
Убери кору листвою цвѣтущей,»—
Очи Дѣвы молятъ небеса...

О, когда безгрѣшный не молился бь,
Да простить злодѣя-брата Богъ,—
Своди небесъ надъ нами помутился бь,
И потрясь бы землю тяжкій вздохъ!..

Если бь онъ, мучителей прощая,
Не забылъ безумную вражду,—
Кто бы спасъ насъ, небо возвращая?
Всѣ бы маду себѣ нашли въ аду!..

Сирыхъ мать, и вдовыхъ утѣшенье!
Воздыхая, скорби слезы лей!
Эти слезы—мира избавленье:
Пусть онъ струятся, какъ ручей.

8.

Ученый, книгу брось: не часъ—читать!
Ты, селянинъ, оставь быковъ и плугъ!
Отецъ, не время мертвыхъ погребать!—
Мать-Айастанъ—въ тоскѣ родильныхъ мукъ.

Въ тоскѣ родинъ армянская страна.
То новое, что ждемъ мы вѣкъ шестой,
Теперь она намъ подарить должна:
Свободу свѣтлую земли родной.

Забудемъ счеты наши, наконецъ,
Отбросимъ личныхъ выгодъ жалкій прахъ,
Слѣпыя страсти вырвемъ изъ сердецъ,
И вырвемъ изъ сердецъ—нашъ рабій страхъ!

Мы—дѣти Гайка,¹ племя христіанъ:
Того довольно! Различать должно ль
Католиковъ, армянъ-грегоріанъ
И лютеранъ! Армянство—нашъ пароль!

Мать-Айастанъ—теперь въ тоскѣ родинъ.
Ея намъ должно муки облегчить:
Когда жъ придетъ на свѣтъ прекрасный сынъ,
Его—врагамъ дадимъ ли задушить?

Все—въ даръ ему, чего бъ онъ не спросилъ!
Богатый—деньги, дѣвы—жениховъ,
Герои—храбрость, юный—крѣпость силъ,
Эчміадинъ—всѣ громы кондаковъ!²

Богъ сжалился надъ нами этотъ разъ,
И матери разверзъ онъ ложезна.
Когда мы—люди, ждешь спасенье насъ.
Нѣтъ?—сгибнешъ ты, родимая страна!

9.

Ребенка святой колыбелью клянусь,
И свѣтлой святыней отцовскаго гроба!
Крещеньемъ въ священной купели клянусь,
Родимой, мнѣ жизнь подарившей, утробой!

Свидѣтелемъ будь мнѣ гора Араратъ,
Что встала въ вѣкахъ пьедесталомъ ковчега,
И ты, о Аракса живой водопадъ,
Что мать-Айастанъ орошаешь съ разбѣга!

И вы, о строители царства армянъ,
Храните свидѣтельство клятвы безгрѣшной:
Саакъ, и Мэсропъ, и Хэвондъ, и Вартанъ,
Ашотъ милосердный, Гагикъ неутѣшный!³

¹ Гайкъ—миеологическій родоначальникъ армянъ. Айастанъ (Гайастанъ) Армения (см. выше).

² Кондаки—указы католикаса всѣхъ армянъ, имѣющаго пребываніе въ Эчміадинскомъ монастырѣ.

³ С вв. Саакъ, Мэсропъ и др.—высоко-чтимые дѣятели армянской исторіи (подробности—см. въ Примѣчаніяхъ).

Все отдалъ тебѣ я, народъ мой родной:
Жизнь, радость, богатство,—во имя обѣта!
И только любовь остается со мной...
Но, если такъ надо, возьмите и это!

10.

ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

— Ступай, мой сынокъ, и весь міръ обойди,
И, признанъ великимъ, назадъ приходи.

Отправился сынъ, много поту пролилъ,
И деньги большія, богатство скопилъ.
Вернулся къ отцу, говорить съ похвалой:
«Не сталъ ли великимъ твой сынъ дорогой?»
— Нѣтъ, нѣтъ! ты большое богатство снискалъ,
Но все же великимъ донинѣ не сталъ.

И снова пошелъ онъ—къ земнымъ мудрецамъ,
Ученымъ и гениемъ сдѣлался самъ.
Вернулся къ отцу, говорить съ похвалой:
«Не сталъ ли великимъ твой сынъ дорогой?»
— Нѣтъ, нѣтъ! ты великую мудрость снискалъ,
Но все же великимъ донинѣ не сталъ.

Пошелъ въ монастырь онъ, укрылся въ лѣса,
Вериги надѣлъ и творилъ чудеса.
Вернулся къ отцу, говорить съ похвалой:
«Не сталъ ли великимъ твой сынъ дорогой?»
— Нѣтъ, нѣтъ! ты великую святость снискалъ,
Но все же великимъ донинѣ не сталъ.

Онъ сталъ полководцемъ, былъ ловокъ и смѣлъ,
И много земель покорить онъ сумѣлъ.
Вернулся къ отцу, говорить съ похвальбой:
«Не сталъ ли великимъ твой сынъ дорогой?»
— Нѣтъ, нѣтъ! ты великую славу снискалъ,
Но все же великимъ донынѣ не сталъ.

Пошелъ онъ въ страну, гдѣ гнѣздилися драконъ;
Дракона убилъ исполинскаго онъ.
Вернулся къ отцу, говорить съ похвальбой:
«Не сталъ ли великимъ твой сынъ дорогой?»
— Нѣтъ, нѣтъ! ты великую доблесть снискалъ,
Но все же великимъ донынѣ не сталъ.

Онъ вспомнилъ тогда, что въ плѣну его братъ,
Что братскую руку оковы тягчать.
И вновь онъ на подвигъ тяжелый пошелъ
И, выручивъ, брата свободнымъ привелъ.
Вдругъ,—горы, и доли, и море кругомъ,
И люди, всѣ люди, вскричали объ немъ:

— Себя позабывъ, ты о братѣ въискалъ!
Великимъ, великимъ отнынѣ ты сталъ!

ГЕОРГЪ ДОДОХЪЯНЪ.

1837—1890 Г.

1. Цицернакъ. Перевелъ Валерій Брюсовъ.

1.

ЦИЦЕРНАКЪ.¹

Цицернакъ, цицернакъ,
Гость пернатыхъ ватагъ,
Ты куда же летишь,
За зигзагомъ зигзагъ?

Черезъ поля, черезъ оврагъ
Мчись въ родной Аштаракъ,
И подь кровлей родной
Свѣй гнѣздо, цицернакъ!

Тамъ, далеко, съ тоской,
Мой отецъ, весь съдой,
Сына милаго ждетъ
Съ каждой новой зарей.

Мой привѣтъ въ этотъ домъ
Передай передь сномъ,
И скажи: «Ахъ, старикъ!
Плачь о сынѣ своемъ!»

Разскажи, сколько бѣдъ
Я терплю много лѣтъ;
Что всѣ дни я—въ слезахъ.
Что полъ-жизни ужъ нѣтъ.

Для меня небосклонъ
Отъ зари затемненъ,

¹ Цицернакъ—ласточка. Аштаракъ—мѣстечко въ Эриванской губ., гдѣ родился авторъ.

На глаза мои въ ночь
Не спускается сонъ.

Ахъ, безъ пользы вдали
Силы сердца ушли.
Я—красивый цвѣтокъ
Безъ родимой земли.

Улетай, цицернакъ!
За зигзагомъ зигзагъ,
Мчись, къ армянской землѣ,
Въ мой родной Аштаракъ!

СМБАТЪ ШАХЪ-АЗИЗЪ.

1840—1907 г.

1. Сонъ. Перевель Валерій Брюсовъ.
2. «Кругомъ—весна...» Перевель В. Ходасевичъ.
3. Сонетъ. Перевель онъ же.
4. Аштаракъ. Перевель Ю. Веселовскій.
5. Изъ поэмы Скорбь Леона. Перевель онъ же.

1.

СОНЪ.

Я услышалъ нѣжный голосъ,
 Къ старой матери склонень,
 Сердце съ радостью боролось...
 Горе! это былъ лишь сонъ.

Тамъ журчалъ ручей струистый,
 Жемчугами опѣненъ,
 Какъ хрусталь прозрачно чистый...
 Горе, это былъ лишь сонъ!

Грустной пѣсней волнуемъ,
 Былъ я дѣтству возвращень...
 Мать приникла поцѣлуемъ.
 Горе! это былъ лишь сонъ.

Мать отерла мнѣ въ печали
 Взоръ мой,—былъ онъ затѣненъ.
 Ахъ, но слезы все бѣжали:
 Почему то былъ лишь сонъ?

2.

Кругомъ—весна. Бреду. Навстрѣчу мнѣ
 Зеленые холмы уходятъ въ даль,—
 И въ тихомъ, сладкомъ, безтревожномъ снѣ
 Смиряется на днѣ души печаль.

Деревьевъ рядъ чуть слышно шелестить
Зелеными кудрями. Ручеекъ
Бѣжитъ проворно. Милый сердцу видъ!
Тамъ роза раскрываетъ лепестокъ,

Алѣеть роза, огненной зари
Божественная дочь... Ея скромнѣй—
Кого люблю,—но нѣтъ, не говори,
Что дѣвы прелесть меркнетъ передъ ней.

3.

СОНЕТЪ.

Какъ жаль, лия, что Ева, а не ты
Предстала міру въ день, когда Творецъ
Предначерталъ прообразъ красоты,
Своихъ созданій женственный вѣнецъ.

Ты на землѣ явилась бы въ тотъ день,
Какъ неземной влюбленности обѣтъ.
Ты вся—лазурь. Что Ева?—Облакъ, тѣнь...
Средь смертныхъ дѣвъ тебѣ подобной нѣтъ.

Черна, какъ смоль, волна твоихъ кудрей,
Твой тонкій станъ ихъ прядями обвить;
Волшебный взоръ сіяющихъ очей

То нѣжно мнѣ любовью заблестить,
То, помрачася, грозовыхъ тучъ темнѣй,
Струить огонь и сердце пепелить.

4.

АШТАРАКЪ.

Листвой деревьевъ осѣненъ
Мой Аштаракъ родной...
Тамъ воздухъ чистъ, и небосклонъ
Сіяетъ голубой...

Кругомъ поля, какъ изумрудъ,
Душистые цвѣты...
И травы пышныя растутъ
Тамъ рѣдкой красоты.

Село родимое лежитъ
Надъ быстрою рѣкой.
Форель рѣвится и шалить
Въ волнахъ ея порой...

Разлить волшебный ароматъ
Въ привѣтливыхъ садахъ,
И воды ласково журчатъ,
Что вдаль несетъ Касахъ.

Но мракъ невѣжества гнететъ
Тамъ робкіе умы,
И задыхается народъ
Подъ игомъ вѣчной тьмы!

Грущу я часто въ тишинѣ,
Красу твою любя...
О Аштаракъ! подобно мнѣ
Любилъ ли кто тебя?..

Когда весь міръ въ объятяхъ сна,—
Какъ прежде, я томлюсь...
Въ полночный часъ душа грустна,—
Я за тебя молюсь.

5.

ИЗЪ ПОЭМЫ «СКОРБЬ ЛЕОНА».

Вотъ, съ улыбкой безпечной, веселой толпой
Предъ Леономъ проходятъ армянки...
Точно жалкая тѣнь передъ ихъ красотой
Блѣдный обликъ и взоръ сѣверянки!..

Пышны кудрей ихъ волны, и ростъ ихъ красивъ;
 Всѣ дивятся ихъ чудному взгляду...
 Не скрывай же, о юноша, страстный порывъ,
 Дай вѣнокъ имъ лавровый въ награду!

Черныхъ, нѣжныхъ очей ихъ плѣнителенъ взглядъ,—
 Въ нихъ то ночь, то заря вдругъ заблещетъ...
 Какъ цвѣтушія розы, ихъ щеки горять,
 И пылаетъ лицо, и трепещетъ...

Гдѣ поэтъ, чтобъ въ чарующей пѣснѣ своей
 Ихъ на лирѣ воспѣлъ вдохновенной?..
 Гдѣ та кисть, чтобъ могла чудный взоръ ихъ очей
 Возсоздать въ красотѣ несравненной?..

О, Эллада, счастливый, сіяющій край!
 Ты—страна красоты и блаженства!
 Здѣсь ты нѣжнаго сердца отраду познай
 И горячей любви совершенство!

О, Италия! Въ грезахъ къ тебѣ мы летимъ,
 Ты—позтовъ мечта золотая...
 Но достался вѣнецъ твой лавровый другимъ,—
 Скромнымъ дѣвамъ Кавказскаго края!..

Но любовь не всегда торжествуетъ въ груди,—
 Сердце жаждетъ, забывъ увлеченье,
 Въ юныхъ дѣвахъ народности проблескъ найти,—
 И его безуспѣшно стремленье!..

Всюду чуждый языкъ, всюду чуждая рѣчь...
 О, армячки! Презрѣвъ все родное,
 Вы рѣшились роднымъ языкомъ пренебречь
 И принять воспитанье чужое!..

Иль слаба и бѣдна рѣчь армянской земли,
 Чтобъ излить вамъ мечтанья и муки?
 Нѣтъ, и въ ней есть слова увлеченья, любви,
 Есть отрадныя, нѣжные звуки!

Пышно вы расцвѣли... Но въ армянскій народъ
 Не вдохнете вы счастья и жизни!
 Въ жены русскій, татаринъ, грузинъ васъ возьметъ,
 И забудете вы объ отчизнѣ!

Суетливо, безцвѣтно пройдутъ ваши дни...
 Нѣтъ вамъ счастья и нѣтъ утѣшенья!
 Слыша горькій укоръ вашей прежней земли,
 Вы свое проклянете рожденье!

И придутъ къ вамъ пѣвцы неприютные въ домъ...
 Они скажутъ вамъ: «О, помогите!
 Мать-Арменія страждетъ въ несчастъѣ своемъ»...
 «Васъ не знаемъ!» отвѣтъ вы дадите.

Ни горячія слезы молящихъ людей,
 Ни страны беззащитной терзанья
 Не зажгутъ въ вашемъ сердцѣ къ отчизнѣ своей
 И къ народу—огонь состраданья!..

Но умѣли армянки отчизну любить
 Въ старину беззавѣтной любовью
 И, безстрашно борясь, ея раны омыть
 Непорочною, чистою кровью.

Съ сладкозвучнымъ бамбирномъ, на битву съ врагомъ
 Шли отважно армянскія дѣвы.
 Изъ груди молодой, осѣненной крестомъ,
 Полились боевые напѣвы...¹

Когда персъ горделивый армянской странѣ
 Сталь готовить позоръ, разрушенье,
 Съ крикомъ «гибель врагамъ» понеслись на конѣ
 Благородныя дѣвы въ сраженье!

¹ По свидѣтельству историка Елисея (Егише), армянскія женщины, во время борьбы съ персами, въ V в., участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ и выказали много доблести. Б а м б и р н ѣ—народный музыкальный инструментъ.

Позабывъ о дѣвическихъ нѣжныхъ мечтахъ
И надежду на бракъ отвергая,
Лишь къ народу, къ странѣ сохранили въ сердцахъ
Онѣ пламя любви, умирая!

И остались въ тѣ дни въ запустѣннѣ, въ пыли
Ложа юныхъ супруговъ; ожиданье
Не сбылось; ихъ мужа—не вернулись они;
Грозный врагъ ихъ обрекъ на страданье!

Наступила весна... Пышно роза цвѣла...
Вновь безопасно толпа веселилась...
Въ юныхъ вдовахъ тоска умереть не могла,
И любовь неизмѣнно таилась.

Проходили года... Съ безутѣшной душой
Горевали онѣ объ отчизнѣ,—
И заснули навѣкъ, не разставшись съ тоской
До заката страдальческой жизни.

На поляхъ Аварайра ихъ кости легли...¹
Вскорѣ люди, придя, увидали:
Надъ могилой ихъ лиліи пышно цвѣли,
И фіалки на ней расцвѣтали...

Пусть вѣнчаютъ ихъ лавры за подвигъ святой!
Пусть, отдавшись мечтамъ вдохновеннымъ,
Ихъ почтять патріотъ благодарной слезой!..
Вѣчный миръ ихъ останкамъ священнымъ!..

¹ Битва при Аварайрѣ—та, въ которой палъ національный армянскій герой Варданъ Мамиконьянъ со всей своей ратью (см. выше, стр. 271).

ГАЗАРОСЪ АГАЯНЪ.

1840—1912 Г.

Прялка. Перевелъ Валерій Брюсовъ.

ПРЯЛКА.

Прялка, ты вертись, вертись,
Бѣлую кудель пряди,
Нитка толстая тянись:
Нуждѣ не мало впереди!

Масло я влила въ ушки,
Прикрѣпила рукоять;
Ну, пряди, пряди мотки,
Двигай крыльями опять!

Прялка, ты вертись, вертись,
Колесо свое вращай,
Нитка толстая тянись:
Веретена оплетай!

Тиграникъ мой къ пастуху
Ходитъ въ поле босикомъ,
Габріэль продалъ чуху,
Плачетъ ночью, плачетъ днемъ.¹

Прялка, ты вертись, вертись,
Бѣлую кудель пряди,
Нитка толстая тянись:
Нуждѣ не мало впереди!

Ни мѣшка нѣтъ, ни ремня,
Ни веревки, ни сумы;

¹ Тиграникъ и Габріэль—имена (сына и мужа героини романа, изъ котораго взята пѣсня). Чуха—верхняя одежда.

Не бывало прежде дня,
Чтобы такъ нищали мы!

Ахъ, невѣстой я ткала
И паласы¹ и ковры;
Замужъ вышла,—продала
Даже войлокъ съ той поры!

Красный день мой почернѣлъ,
Тотъ пришелъ, кто въ долгъ давалъ;
Съ чернымъ сердцемъ, что хотѣлъ,
Все унесъ, все отобралъ.

Прялка, ты вертись, вертись,
Бѣлую кудель пряди,
Нитка толстая тянись:
Нуждь не мало впереди!

ІОАННЕСЪ ІОАННИСІАНЪ.

1864 Г.

¹ Паласы—родъ ковра.

1. Рождение Ваагна. Перевелъ Вячеславъ Ивановъ.
2. «Умолкли навсегда...» Перевелъ К. Д. Бальмонтъ.
3. Новая весна. Перевелъ Ю. Верховскій.
4. Зерно. Перевела Е. Сырейщикова.
5. «Аразъ течеть, волной біа...» Перевелъ В. Шершеневичъ.
6. «Снѣгъ засыпаль всѣ пути...» Перевелъ А. Глоба.
7. «Будь молчаливо, сердце!» Перевелъ Ю. Верховскій.
8. «Дѣва-роза, подойди...» Перевелъ Вячеславъ Ивановъ.
9. «Онъ лежалъ на холодной постели...» Перевелъ К. Липскеровъ.
10. Сонетъ. Перевелъ В. Спасскій.
11. «Все впередъ, все навѣрхъ!» Перевелъ Валерій Брюсовъ.
12. Легенда о царѣ Арташесѣ. Перевелъ онъ же.

1.

РОЖДЕНІЕ ВААГНА.¹

Мучились мукой родинъ
 Нѣдра небесъ и земли,
 Лона пурпурныхъ глубинъ,
 Красный тростникъ на мели.

Зыблется заросль курящихся жерль;
 Пламя змѣится изъ тоненькихъ горль;
 Змѣйки склубились—и вспыхнулъ тростникъ;
 Море зардѣлось пурпурнымъ пожаромъ:
 Въ жаркомъ вѣнцѣ, въ велелѣпнн яромъ
 Юный Ваагнъ изъ пучины возникъ!

Огнь—волоса;
 Солнца—глаза;

Ликъ опушенъ пламенѣющимъ пухомъ;
 Дышать уста огневѣющимъ духомъ.

Бурнаго моря пурпурный прибой
 Ходить, и хлещеть, и берегъ разить.
 Юноша рѣветъ надъ нимъ огневой,
 Огненной пасти разверстой грозить.
 Вѣтры, не дуйте! Родился Ваагнъ!
 Волнь не бичуйте!.. И взвился Ваагнъ.
 Конь подъ Ваагномъ—крылатый огонь!
 Гривой взмахнулъ—и въ поднебесѣ конь!

¹ Ваагнъ—божество армянской миеологии (см. Примѣчанія къ этому стихотв.) А й а с т а н ь—Арменія.

Солнце, кто мчится, слѣпительный, ввысь?
 Ликъ покрываломъ прикрой, и затмись!
 Ты ль предъ Ваагномъ склониться не радъ,
 Сынъ исполиновъ, сѣдой Араратъ?
 Звону пучины, небесъ и земли,
 Чаша страданій, край отчій, внемли,
 Многодраконный, родной Аястанъ:
 Солнцемъ спасенья ты днесъ осиянь!

2.

Умолкли навсегда времяя былыхъ народы,
 Родились новые народы въ смѣну имъ;
 И съ пальмой нѣжною вѣждительной свободы
 Склонилось счастье къ народамъ молодымъ.

И слава прадедовъ, забрезживши звѣздою,
 Роняетъ имъ свой лучъ и свѣтомъ гонить зло;
 И добытый трудомъ, печалью и борьбою,
 Вѣнокъ безсмертія вѣнчаетъ ихъ чело.

Лишь только ты одна, Армения родная,
 Лежишь, какъ трупъ живой; мнѣ горестно взглянуть:
 Въ цѣпяхъ тоскуешь ты, прекрасный ликъ склоняя,
 Разметана твоя истерзанная грудь.

Изъ-подъ твоихъ руинъ не глядеть вѣтвью новой
 Зеленый миртъ любви,—спасенія символъ;
 Возложенъ на тебя тоски вѣнецъ терновый,
 Вѣнецъ нѣмыхъ скорбей и вѣковѣчныхъ золь!

Но нѣтъ, ты не умрешь! Я вѣрю въ обновленіе;
 Оно должно прійти,—оно къ тебѣ придетъ!
 Во мракѣ вѣковомъ горитъ звѣзда спасенья!
 Проснися, близокъ часъ, о родина—онъ ждетъ!

Все то, что нѣкогда въ душѣ твоей боролось,
 Пусть вспыхнетъ вновь! Воспрянь во прахѣ и пыли!
 Хоть полумертвая, услышь, подай свой голосъ,—
 Твои сыны придутъ со всѣхъ концовъ земли!..

3.

НОВАЯ ВЕСНА.

Ожидать тебя—кому же?
 Ты зачѣмъ идешь, весна?
 Воспѣвать тебя—кому же?
 Тщетно ты идешь, весна!

Въ долахъ кровь стоитъ, какъ море,
 Мракъ клубится на просторѣ:
 Этотъ годъ принеси намъ горе,
 Ты куда идешь, весна?

Соловью запѣть, залиться—
 Для кого? кому любиться?
 Чье же сердце будетъ биться?
 Тщетно ты идешь, весна!

Нѣтъ соловкѣ розы милой;
 Вотъ цвѣтникъ—пустой, унылый;
 Кто—безъ горести постылой?
 Ты куда идешь, весна!

Птиць твоихъ не сыщеть стая
 Гнѣздъ родныхъ, не узнавая
 Изувѣченнаго края,
 Тщетно ты идешь, весна!

У пѣвца уста закрыты;
 Каманча и сазъ¹—забыты;
 Сердце жожетъ недугъ несытый,—
 Ты куда идешь весна?

Ожидать тебя—кому же?
 Тщетно ты идешь, весна!
 Воспѣвать тебя—кому же?
 Ты куда идешь, весна!

¹ Каманча и сазъ—музыкальные инструменты.

4.

ЗЕРНО.

Свѣтаетъ. На пашню пора поспѣшить,
Взрывать сошникомъ грудь покорныхъ полей.
Зерно, я землѣ дамъ тебя сохранить
До жарнаго лѣта, до солнечныхъ дней.

Съ тобой свое горе я сѣю, зерно!
Но Богъ повелить, и ты встанешь опять:
Умреть подъ землей только горе одно,
А ты возвратишься меня утѣшать.

Предъ Матерью Бога съ молитвой склоняся,
Поставлю свѣчу, воскурю еиміамъ.
Чтобъ туча надъ нивой дождемъ пролилась,
Чтобъ милость Пречистой свѣтила хлѣбамъ.

Но если въ грѣхахъ я погрязъ безъ конца
И милости нѣтъ мнѣ,—я въ море тогда
Весь потъ обращу трудового лица,
Чтобъ жажды не знало зерно никогда!

Зерно, прорасти, зеленѣй, а потомъ
Покрой наши нивы волной золотой.
Тогда лишь въ ласкательномъ шумѣ твоемъ
Узнаетъ усталое сердце—покой!

5.

АРАЗЪ.¹

Аразъ течетъ, волной бѣя,
Волной въ утесъ крутой бѣя.
Гдѣ схороню свою тоску,
О землю головой бѣя?

¹ А р а зъ—рѣка (народное названіе Аракса).

Аразъ, твой валъ встаетъ сильнѣй!
Ты не видалъ ли яръ моей?
Мнѣ не достичь завѣтныхъ грезъ,
Такъ утоли тоску по ней!

Густѣютъ тучи надъ горой,
Одинъ грущу о дорогой,
И сожжена душа моя:
Что ждетъ ее,—молю,—открой!

Пишу письмо въ безсонный часъ
И слезы лью рѣкой изъ глазъ:
Заря еще не тронетъ волнъ,
Къ тебѣ снесу печаль, Аразъ!

На камень лучъ дневной упалъ,
Такъ въ сердце пламень злой упалъ;
Изъ черныхъ глазъ, съ бровей дугой
Мнѣ въ душу страхъ нѣмой упалъ.

Аразъ течетъ, волной бѣя,
Волной въ утесъ крутой бѣя.
Гдѣ схороню свою тоску,
О землю головой бѣя?

6.

Снѣгъ засыпалъ всѣ пути—
Ни проѣхать, ни пройти.
Ахъ, раскройся Алагязъ,¹
Къ моей милой пропусти.

Путь мой тяжекъ, каменистъ.
Сердце сохнетъ, словно листь.
Я безъ милой—на землѣ
Чужестранецъ, день мой мглится.

¹ А л а г я зъ—гора, расположенная противъ Арарата.

Видѣль милую: безъ сна
Горько плакала одна.
Дай дорогу, Алагязъ,—
Не идетъ ли тамъ она?

Что за птица тамъ, на пнѣ?..
Сердце точить кровь, въ огнѣ.
Черезъ горы бѣ полетѣль
Къ милой, если бѣ крылья мнѣ.

7.

Будь молчаливо, сердце! Тутъ
Намъ состраданья не найти:
Валы такихъ какъ мы несуть,—
Чтобъ тотчасъ дальше унести.

И щепкой легкой по рѣкѣ
Несемся мы впередъ, впередъ.
Нѣтъ исцѣленія тоскѣ,
Никто на стоны не придетъ.

Будь молчаливо, сердце! Пусть,
Несчастью вѣрные вдвоемъ,
Мы наше горе, нашу грусть
До гроба въ тайнѣ донесемъ.

8.

Дѣва-роза, подойди
И плечомъ не поводи!
Свѣтлорусая рѣзвунья,
Хохотунья, подойди!

Ты, играя межъ кустовъ,
Набирая пукъ цвѣтовъ,

Сорвала съ цвѣтами сердце,
Заплававшее въ груди.

Синій взоръ, дугою бровь!
Унесла мою любовь:
Соловьемъ я сталъ надъ розой...
Дѣва-роза, подойди!

9.

Онъ лежалъ на холодной постели
И вздыхалъ и внималъ онъ, какъ звонко
Буря выла и вихри шумѣли
И стонали стенаньемъ ребенка.

Мракъ чернѣлъ въ одинокомъ оконцѣ...
Онъ, простертъ на холодной постели,
Воздыхалъ о пылающемъ солнцѣ,
И стоналъ онъ, и вихри шумѣли.

10.

НАДЪ РУЧЬЕМЪ.

Сонеть.

На берегу журчащаго ручья,
Весеннимъ днемъ, въ разлумы я сидѣль,
И, съ изумленьемъ, скорбно, я глядѣль,
Какъ быстро мчитъ мутная струя.

Букетъ въ рукѣ своей я растрепаль,
Бросая въ воду за цвѣткомъ цвѣтокъ,
И мутныхъ водъ опѣненный потокъ
Ихъ, безвозвратно, дальше-дальше мчалъ.

Глядя на воду, я шептала безъ словъ:
«Вы дни мои влечете: Жизнь и ты,
Какъ мутный ручеекъ влечеть цвѣты!

Вдали исчезнуть, какъ букетъ цвѣтовъ,
Рой свѣтлыхъ грезъ, лелѣянныхъ въ тиши,
И степью станеть прежній рай души!»

11.

Все впередъ, все навверхъ! безконеченъ мой путь,
Истомилися руки, о гдѣ же конецъ?
Гдѣ удасться колѣнамъ моимъ отдохнуть?
Все впередъ, все навверхъ, непреклонный боець!

Пусть твердѣютъ уступы нахмуренныхъ горъ,
Пусть грознѣй предвѣщаютъ стремнины—конецъ,
Есть дыханье въ груди, и ногамъ есть упоръ,
Все впередъ, все навверхъ, неустанный боець.

Пусть далеко вершина, свѣтла и чиста,
Пусть еще не сегодня страданьямъ конецъ,
Завтра будетъ навѣрно побѣда взята.
Все впередъ, все навверхъ, вдохновенный боець!

12.

ЦАФЪ АРТАВАЗДЪ.

ЛЕГЕНДА.¹

Бей молотомъ по наковальнѣ, кузнецъ!
Бей молотомъ: звеня да крѣпнуть цѣпей!
Врага ненавистнаго звеня цѣпей!
Бей молотомъ по наковальнѣ, кузнецъ!

¹ Легенда говоритъ, что царь Артаваздъ, въ оковахъ, заключенъ въ пропасти Арарата; вѣрныя псы грызутъ цѣпи царя, но разъ въ году, въ страстную пятницу, кузнецы ударяютъ молотами, и оковы вновь крѣпнуть; выйдетъ же на волю плѣнный царь лишь въ послѣдній день міра, чтобы внести гибель и разрушеніе. См. примѣчанія

Угрюмыя тучи пришли, собрались;
Сѣдого Масиса¹ чело облекли.
И буря реветъ, словно звѣри сошлись,
Свистить, стонеть, буйствуетъ вѣтеръ вдали.

Бей молотомъ! ну! Дикій ревъ повторя,
Ужасные вопли изъ бездны звучать:
И молнія блещеть со взоровъ царя,
И искры отъ гнѣва высоко летять!

Онъ, мстительный, хочеть вернуться опять,
Чтобъ ядъ смертоносный страданій своихъ
По лону земли безъ конца разливать,—
Но крѣпко онъ стиснуть въ цѣпяхъ роковыхъ.

Пусть вѣрныя псы тѣ оковы грызутъ,
Грызутъ безпрестанно оковы царя,—
Страданья твои, Артаваздъ, не пройдутъ,
Послѣдняя въ мірѣ—далеко заря!

Твоей обезсиленной злобы порывъ
Подъ молотомъ нашимъ опять упадетъ!
Мы вѣримъ: нашъ край еще будетъ счастливъ,
И грѣшный народъ еще благо найдеть!

Но, если будемъ подобны камнямъ,
Разслышать не сможемъ призывовъ души,—
Спасенья купель не откроется намъ:
Нашъ молотъ тогда, Артаваздъ, сокруши!

Когда перестанемъ мы молотомъ бить,—
Вы, псы, разгрызите желѣзо оковъ:
Пора наступила—царя отпустить,
Онъ ринется въ мірѣ, и жестокъ и суровъ...

Но, нѣтъ! не пришла роковая пора!
Намъ съ новаго неба затеплился свѣтъ!

¹ Масисъ—Арааръ.

То—радуги, въ семь переливовъ, игра:
Свободной и свѣтлой судьбины завѣтъ!

Бей молотомъ, бей неустанно, кузнецъ!
Бей молотомъ, звеня да крѣпнуть цѣпей!
Царя ненавистнаго тяжесть цѣпей!
Бей молотомъ по наковальнѣ, кузнецъ!

АЛЕКСАНДРЪ ЦАТУРИАНЪ.

1865 Г.

1. «Не я пою...» Перевелъ Л. Уманецъ.
2. Ручей. Перевелъ К. Бальмонтъ.
3. Пѣсня. Перевелъ Валерій Брюсовъ.
4. «Мрачна, темна душа моя...» Перевелъ *Ив. Бунинъ*.
5. Пѣсня странника. Перевелъ Ю. Балтрушайтисъ.
6. Пѣсня о разсвѣтѣ. Перевелъ *онъ же*.
7. «Помню я...» Перевелъ Ю. Верховскій.
8. «Мой милый сынъ, ты слезъ не лей...» Перевелъ Н. Ашукинъ.
9. «Ребенка видѣлъ я...» Перевелъ Л. Уманецъ.
10. Рыбакъ. Перевелъ Валерій Брюсовъ.

1.

Не я пою... Въ печальныхъ пѣснопѣняхъ
 Страдалецъ, злой судьбой безжалостно гонимъ,
 Тоскуеть предъ людьми и о своихъ мученьяхъ,
 О ранахъ сердца онъ рассказываетъ имъ.

Не я пою... Стиховъ страдальческіе звуки
 Мой братъ тоскующій, измученный постъ;
 Въ нихъ вздохи слышатся многовѣковой муки,—
 То о судьбѣ своей рыдаетъ мой народъ!

Не я пою... Въ стихахъ—печаль и горе міра;
 Скорбятъ невинныя, святая жертвы зла...
 Приносить жалобы страдальческа я лира...
 Правдивымъ небесамъ на темныя дѣла.

2.

РУЧЕЙ.

Что ты плачешь, прозрачный, журчащій ручей?
 Пусть ты скованъ дѣлами суровой зимы,—
 Скоро вспыхнетъ весна, запоешь ты звончѣй
 На зарѣ, подъ покровомъ нѣмой полутьмы!

И, свободный отъ тяжкихъ, холодныхъ оковъ,
 Ты блеснешь и плеснешь изумрудной волной,—
 И на твой жизнерадостный, сладостный зовъ
 Вольный откликъ послышится въ чащѣ лѣсной.

И, подъ шелестъ листка, вѣтерка поцѣлуй
Заволнуешь твою бѣлоснѣжную грудь,
И застѣнчивымъ лиліямъ въ зеркало струй
На себя будетъ любо украдкой взглянуть.

Вся земля оживится подъ лаской лучей,
И безслѣдно растають оковы зимы...
Что жъ ты плачешь, скорбящій, звенящій ручей?
Что жъ ты рвешься такъ страстно изъ темной тюрьмы?..

3.

ПѢСНЯ.

Желанный май, зеленый май!
Какъ мнѣ привѣтствовать тебя?
Ты кровь и плачь принеси въ нашъ край,
И пѣть не въ силахъ я, скорбя.

Я пѣль, живой тоской объять,
Тебѣ хвалу, за днями день,
Когда твой сладкій аромать
Будиль въ горахъ и долахъ лѣнь.

Настрой въ лиру, пѣль бодрѣй,
Когда свѣтлѣли дали грезъ,
Я пѣль, какъ въ рошахъ соловей,
Когда нашъ край былъ полонъ розъ.

Но что теперь спюхъ мечты,
Какъ мнѣ привѣтствовать тебя?
Шипами стали всѣ мечты,
И пѣть не въ силахъ я, скорбя.

Дома у насъ—руины, прахъ,
Померкли радостные дни,
Надежды обратились въ страхъ,
И горе—въ океанъ, взгляни!

Братъ-армянинъ! Подъ мракомъ тучъ
Не вижу твоего лица,
Твой долгій плачь—уныль и жгучь,
И все же мукамъ нѣтъ конца.

Желанный май, зеленый май,
Какъ мнѣ привѣтствовать тебя?
Ты скорбь и кровь принеси въ нашъ край,
И пѣть не въ силахъ я, скорбя.

4.

Мрачна, темна душа моя!..
Измученъ безнадежнымъ горемъ,
На берегъ моря вышелъ я—
Тоскою подѣлиться съ моремъ.

О, безпредѣльной зыби даль!
Ты тоже мечешься бушуя,
Тебѣ сродни моя печаль,
Ты ропчешь, какъ и я, тоскуя.

Внемли же мнѣ, поплачь со мной
И отзовись на голосъ друга!
Быть можетъ, сблизившись душой,
Мы позабудемъ боль недуга.

Иль пусть, какъ сестры навсегда
Печали наши и томленья
Въ волнахъ исчезнуть безъ слѣда,
И тамъ найдутъ покой забвенья.

Мрачна, темна душа моя!
Измученъ безнадежнымъ горемъ,
На берегъ моря вышелъ я—
Тоскою подѣлиться съ моремъ!..

5.

ПѢСНЯ СТРАННИКА.

Чужое небо, свѣтъ чужой,
Вашъ свѣтъ надъ сирюю главою,
Какъ ни великъ... вы въ бѣгѣ дня—
Какъ ночь глухая для меня.

Весь—жажда, я гляжу на васъ
Въ слезахъ, и скованъ каждый часъ
Мой сирый часъ, въ пустынь дней,
Тоской по родинѣ моей.

Я всѣмъ пожертвовать готовъ
За ту лазурь, тотъ Божій кровъ,
Гдѣ съ малолѣтства въ тишинѣ
Свѣтило ярко солнце мнѣ.

Въ безопасности страны родной,
Гдѣ тѣнь отрадна, сладокъ зной,
Гдѣ даромъ началъ я свой вѣкъ
И росъ и цвѣлъ какъ человѣкъ.

И какъ забыть мнѣ въ смѣнѣ лѣтъ
Родныхъ долинъ волшебный свѣтъ?
Дающій жизнь просторъ земли?
Журчанье водъ, вблизи, вдали?

Какъ мнѣ забыть сверканье горъ,
Весь вешній благодный просторъ,
Гдѣ я порхалъ средь божьихъ нивъ,
Какъ мотылекъ, весь міръ забывъ?

Гдѣ слышалъ и, любя всегда,
Рѣчь братьевъ, плѣнниковъ труда,
Ихъ плачь, ихъ смѣхъ, и юныхъ дѣвъ
Живой, хотъ жалобный напѣвъ?

Чужое небо, свѣтъ чужой,
Вашъ блескъ надъ сирюю главою
Какъ ни великъ... вы въ бѣгѣ дня—
Какъ сумракъ ночи для меня.

6.

ПѢСНЯ О РАЗСВѢТѢ.

Нѣтъ, струнь моей души, малютка, не тревожь—
Звонь сладостныхъ молитвъ умолкъ въ ихъ стрѣ;,
Въ годину бѣдствій—въ сердцѣ только дрожь
И сѣтуетъ душа, какъ море грозное.

Родная жизнь, какъ стебель камыша,
Колелется во мглѣ надеждъ неясныхъ
И смотреть въ даль, усталостью дыша,
Какъ странница въ пустынь горъ безгласныхъ...

Когда же мы придемъ сквозь боль вѣковъ
Къ той пристани безбольной всѣхъ алканій,
Гдѣ намъ сверкнетъ, раскинувъ синій кровъ,
Просторъ небесъ, ликующей безъ грани?..

Нашъ путь—во мглѣ, безмѣренъ древній гнетъ,
Поить сердца и думы лишь ненастье...
И ветхою часовней въ мірѣ ждетъ
Родная жизнь молитвы тихой счастья...

Нѣтъ, струнь моей души, малютка, не тревожь—
Пѣвучихъ словъ любви ты жаждешь тщетно!
Въ ночь рабскихъ пытокъ, вся тоска и дрожь
Въ моей душѣ—одинъ напѣвъ разсвѣтный...

7.

Помню я скромный домишко родной,
Въ дальнемъ кварталѣ, въ проулкѣ глухомъ,
Гдѣ, словно въ ласковой люлкѣ весной
Былъ я согрѣтъ материнскимъ крыломъ.

Тамъ былъ я пестуномъ нѣжнымъ хранимъ—
Деревомъ тутовымъ милымъ моимъ.

Вѣтви раскинувъ надъ ветхой избой,
Било по кровлѣ оно подъ грозой.

Тамъ у пылавшаго жарко огня
Мать обнимала, ласкала меня:
Стлала—видѣнїемъ свѣтлымъ въ лучахъ—
Розы любви на сыновьихъ устахъ.

Скорби моей о тебѣ не забыть—
Домикъ отчемъ, убогомъ моемъ,
Гдѣ могъ я жизнь прожурчать—не прожить—
Горнымъ, серебрянымъ, свѣтлымъ ручьемъ.

8.

Мой милый сынъ, ты слезъ не лей,
Что смолкло сладкое баю,—
Надъ колыбелью я твоей
Великой битвы пѣснь пою...

Пусть наша пѣснь—напѣвъ святой
Волнуетъ вѣчно грудь твою,
Ты сонныхъ глазокъ не закрой,
Внимай и слушай—пѣснь пою.

Ты слышишь—всюду по дворамъ
Бряцанье, лязгъ и плачь и стонъ:
То—наша кровь струится тамъ,
Ей каждый камень напоенъ.

И слиты въ грозную волну,
Полки рабочихъ тамъ идутъ,
Труда и золота войну,
Неустрасимые, ведутъ.

Владыка-злато тамъ, съ лицомъ
Суровымъ, какъ у палача,
На хлѣбъ, отравленный трудомъ,
Заноситъ тяжкій взмахъ меча.

Тамъ наши дѣти, тамъ—отцы
Иной и новой жизни ждутъ
И, какъ герои и бойцы,
Смерть обнимаютъ и поютъ.

И пѣснь та грозная гремитъ
Въ рядахъ сплотившихся бойцовъ,
Какъ наводненіе съ горъ бѣжитъ,
Какъ въ тучахъ голоса громовъ.

Тамъ и надежда наша, онъ—
Нашъ яркій лучъ надъ очагомъ—
И твой отецъ, душой смущенъ,
Въ груди съ отравой и огнемъ...

Мой милый сынъ, ты слезъ не лей,
Что смолкло сладкое баю,—
Надъ колыбелью я твоей
Великой битвы пѣснь пою.

9.

Ребенка видѣлъ я, какъ съ радостной улыбкой
Онъ къ розѣ подбѣжалъ,
Но укололся онъ шипомъ на вѣткѣ гибкой
И горько зарыдалъ.

Такъ я, красавица, въ порывѣ страсти нѣжной
Любви твоей искалъ,
Но встрѣченъ былъ тобой съ холодностью небрежной
И горько зарыдалъ...

10.

РЫБАКЪ.

— «Что ты спѣшишь къ волнѣ ревучей,
Рыбакъ! гдѣ у тебя глаза?»

Смотри: чернѣя, всходятъ тучи
На голубыя небеса.

Чу! громъ ввали грохочетъ строго,
Весь кругозоръ—сурово дикъ.
Смотри: и море понемногу
Наморщило свой ясный ликъ!

— «Эхъ, баринъ! Не велико горе!
Вѣдь берегъ—колыбель моя.
Все дѣтство я провель на морѣ,
Дарами моря вскормленъ я.

Пусть много сердце повстрѣчало
На морѣ бурь, какъ въ жизни бѣдъ:
Меня волна, какъ мать, качала,
И въ морѣ новаго мнѣ нѣтъ.

Отецъ былъ у меня,—въ пучинѣ
Погибъ, въ глухую ночь пропалъ:
Всѣ братья спятъ подъ зыбью синей,
Друзей пожралъ сердитый валъ.

Жизнь хороша. Но, съ Рокомъ споря,
Зачѣмъ отъ смерти убѣгать?
Намъ хлѣбъ даютъ просторы моря,
И въ морѣ будетъ сладко спать!»

Сказалъ, и смѣло весла двинулъ,
Направилъ, съ громкой пѣсней, челнъ,
И малой точкой въ далихъ сгнулъ,
Рубя громады черныхъ волнъ.

ОВАННЭСЪ ТУМАНЬЯНЪ

1869 Г.

1. Перевалъ. Перевель Вячеславъ Ивановъ.
2. Пахарь. Перевель онъ же.
3. «Съ горныхъ высей стремится ручей...» Перевель К. Балмонтъ.
4. Армянское горе. Перевель Валерій Брюсовъ.
5. Экспромтъ. Перевель онъ же.
6. Лампада Просвѣтителя. Перевель онъ же.
7. Голубинный скитъ. Перевель Вячеславъ Ивановъ.
8. Сердце дѣвы. Перевель онъ же.
9. Анушъ. (Лирическая поэма въ шести пѣсняхъ съ Прологомъ и Эпилогомъ.) Перевель онъ же.
10. Капля меда. Сказка. Перевель В. Ходасевичъ.

1.

ПЕРЕВАЛЪ.

Съ младенчества тропю вверхъ прямой
Я неуклонно
Иду на лоно
Святынъ,—хоть ихъ не знаетъ разумъ мой.

Съ младенчества обрывистой тропой
По кручѣ горной
Иду, упорный,—
И вотъ, нашель на высотахъ покой.

Покинулъ я внизу, въ глубокой мглѣ,
Почеть, богатство,
Зависть, злорадство—
Все, что гнететь свободный духъ къ землѣ.

И вижу я (прозрачна даль въ горахъ)
Съ моей вершины,—
На днѣ долины
Какъ просто все, и пусто! Душный прахъ!

Легка сума; въ пути я не усталъ.
Пѣсней и смѣхомъ
Играю съ эхомъ—
И весело схожу за перевалъ.

2.

ПАХАРЬ.

Плугъ, забирай! Ну, ну, волю!
Дотянемъ понемногу
Къ полудню вонь до той скалы,—
Господь намъ будь въ подмогу!

Дай силы, Боже, ихъ плечамъ!..
Свернемъ-ка глыбу, ну же!
Хлестни ихъ, мальчикъ!.. Чернымъ днямъ
Конца нѣтъ. Жить все туже.

Не выйти изъ долговъ по-гробъ:
Сосѣдь пошелъ судиться;
Задаромъ пѣлъ молебень попъ,—
Проклясть теперь грозится.

Да недоимки не малы;
Намедни тожь раскладку
Затѣяли... Ну, ну, волю!
Дерите землю-матку!..

Долги плати, семью корми,
Повинность справь... А хата
(Эй, парень!)—голыми дѣтьми
Да голодомъ богата.

Плугъ, забирай! Ну, ну, волю!
Дотянемъ понемногу
Къ полудню вонь до той скалы,—
Господь намъ будь въ подмогу!

3.

Съ горныхъ высей стремится ручей;
Ниспадая, о камни онъ бьется,
И журчить, и ворчить, и смѣется,
И звенить подъ сияньемъ лучей.

Сочетанію радостныхъ звуковъ
Лѣсъ кругомъ слабый отзвукъ даетъ;
Такъ старикъ еле внятно поетъ,
Слыша звонкое пѣніе внуковъ.

Но безмолствуетъ вѣчный утесъ;
Наклонившись громадой угрюмой,
Онъ охваченъ загадочной думой,
Онъ исполненъ невѣдомыхъ грезъ...

4.

АРМЯНСКОЕ ГОРЕ.

Армянское горе—безбрежное море,
Пучина огромная вода;
На этомъ огромномъ и черномъ просторѣ
Душа моя скорбно плыветъ.

Встаетъ на дыбы иногда разъяренно
И ищетъ, гдѣ брегъ голубой:
Спускается въ глубь, иногда утомленно
Въ бездонный глубокой покой.

Но дна не достигнетъ она въ этомъ морѣ,
И берега вовѣкъ не найдетъ.
Въ армянскихъ страданьяхъ—на черномъ просторѣ
Душа моя скорбно живетъ.

5.

ЭКСПРОМПТЪ

ПЕРЕДЪ КАРТИНОЙ АЙВАЗОВСКАГО.

Возставъ, въ океанѣ, неистовость водъ
Тяжелыми всплесками бьетъ до высотъ,
Подъ яростный ревъ строить призраки горъ,
И буря—безбрежный, безгранный просторъ

Одѣваетъ, какъ въ дымъ,
Дуновеньемъ своимъ.

«Ни съ мѣста!» воскликнулъ,—палитра въ рукахъ,—
Старикъ чародѣй,—и взмутившійся прахъ
Покоренъ, слышавши геня зовъ,
И, въ бурю, безмолвно громады валовъ
Вотъ стоять, какъ во снѣ,
На его полотнѣ.

6.

ЛАМПАДА ПРОСВѢТИТЕЛЯ.¹

Лампада въ полночь, межъ свѣтилъ,
Виситъ блистая, въ небесахъ,
Что Просвѣтитель утвердилъ
Въ армянскихъ темныхъ небесахъ.

Хоть безъ веревки внесена
Надъ Арагацомъ высоко,
Съ престола вышняго она
Миръ озаряетъ далеко.

И теплится столѣтій рядъ,
Неугасима въ смѣнѣ дней:
Святого слезы въ ней горять,—
Благоухающій елей.

Рукъ людей не достигнуть
До той безсмѣтной высоты,
Ее и вѣтру не задуть,
Бродягѣ—вихрю темноты.

Когда нашъ дивный край лежитъ
Подъ чернымъ мракомъ безъ конца,

¹ Легенда рассказываетъ, что на высотѣ горы Арагаца (Алагяза) горитъ таинственная лампада, возженная Григоріемъ, просвѣтителемъ армянъ. Свѣтъ этой лампы зримъ только для чистыхъ сердецъ.

Когда унылый страхъ томить
Людскія слабыя сердца;

Тотъ, кто невиненъ, въ комъ любовь,
Кто твердой вѣрой осіянь,
Кто бодро ждетъ, что вспыхнетъ вновь
День лучезарный для армянъ,

Взглянувъ на небо, видитъ тотъ,
Что вѣчный свѣточъ тамъ повисъ,
Какъ око Господа,—съ высотъ
Глядящее на землю внизъ!

ГОЛУБИНЫЙ СКИТЬ.¹

Ленкъ-Тимуръ пришель—изувѣръ, палачь;
 Съ нимъ—огонь и мечъ, съ нимъ—туга и плачь;
 Не узломъ сдавилъ насъ удавъ-драконъ,—
 Наше племя врагъ полонилъ въ полонъ.
 На побережьѣ, гдѣ дышитъ мглой Сэванъ,
 У озерныхъ струй онъ разбилъ свой станъ—
 Тамъ, гдѣ, къ Богу силъ воскрылясь душой,
 Сторожитъ нашъ край монастырь святой.

Въ тѣ поры въ скиту—опекунъ армянъ—
 Преподобный жилъ скимонахъ Ованъ,
 День и ночь молясь за родной народъ,
 За крещеный людъ, за невѣрный родъ.
 Какъ прозналъ Ованъ изъ затворныхъ стѣнъ
 Злыхъ Татаръ набѣгъ, христіанскій плѣнъ,
 Осерчалъ зѣло, затужилъ вельми,
 Что владѣеть такъ Сатана людьми.
 Не скончалъ молитвъ сѣдовласый мнихъ,
 Хватъ за жезлъ—и вонъ изъ воротъ святыхъ.
 Бормоча, идетъ, куда путь ведетъ,
 Въ забытѣи—на гладь бирюзовыхъ водъ:
 Заплескалъ Сэванъ, но сѣдой росой
 Доплеснуть не смѣлъ до ступни босой.

Какъ увидѣлъ то басурманскій князь,
 Хилымъ былиемъ задрожалъ, склоняясь,

¹ Поэтъ обработалъ народную легенду, относящуюся къ нашествію Тамерлана (Ленкъ-Тимуръ). Сэванъ—озеро.

Завопиль, завылъ съ высоты крутой:
 «Не гнѣвись, вернись, человекъ святой!
 Съ миромъ въ домъ вернись!» Такъ замолился ханъ;
 Повернулъ стопы въ монастырь Ованъ.
 Чуть на брегъ сухой оперся жезломъ,
 Бьетъ угоднику супостатъ челою:
 «Ты бери съ меня, что велишь, старикъ:
 Золоту казну, аль на власть ярлыкъ!»
 — «Не купить меня ярлыкомъ, казной:
 Отпусти, отдай мнѣ народъ родной!
 Пусть, куда хотятъ, безъ помѣхъ идутъ,
 Пѣсню вольную житія поютъ!
 Аль въ поднебесьи ужъ простора нѣтъ
 Птицамъ Божимъ? Али тѣсенъ свѣтъ?»
 Лиходѣй въ отвѣтъ: «Столько душъ отдамъ,
 Сколько душъ войдетъ въ монастырскій храмъ.
 Ну, ступай, старикъ, да не помни зла!»
 И велѣлъ тотчасъ съ одного крыла
 Заходить толпѣ полоненной въ скить:
 Столькимъ вольнымъ быть, сколькихъ храмъ вмѣститъ.

Стража грозная отъ заставъ ушла;
 Потянулся людъ, что рѣка текла,
 За святымъ вослѣдъ чрезъ одно крыло:
 За сто тысячъ ихъ въ малый скить вошло,—
 Не наполнился и одинъ притворъ.
 Удивляется басурманскій вортъ
 Диву дивному, сторожамъ кричить,
 Новыхъ плѣнниковъ отпускать велить.
 Тучей людъ валить, въ церковь вваливаетъ,—
 За тму темъ число переваливаетъ,
 Все не полонъ скить, все гостей зоветъ;
 А людской потокъ плыветъ, да плыветъ.
 Ужъ и въ третій разъ Ленкъ-Тимуръ кричитъ,
 Остальной полонъ распускать велить.
 Идутъ задніе, и—за рядомъ рядъ—
 Всѣ прошли во храмъ. Одичалый взглядъ
 Водитъ лютый врагъ до окружающихъ горъ:
 Плѣнныхъ нѣтъ, какъ нѣтъ. И все пусть соборъ.
 Ужаснулся ханъ: «Это явь иль бредъ?»

Обыскать весь скитъ! Разыскать ихъ слѣдъ!»
 Входятъ бирючи во святой притонъ:
 Тамъ Ованъ одинъ; на колѣняхъ онъ,—
 Очи ввысь вперилъ,—словно въ землю вросъ;
 Борода влажна отъ обильныхъ слезъ.

Сколько въ малый скитъ ни вошло армянъ,
 Обернулъ ихъ всѣхъ въ голубей Ованъ,—
 Умолилъ на то благодать съ небесъ,—
 И въ родимый долъ, и въ родимый лѣсъ
 Выпускалъ онъ птицъ на живой просторъ:
 Всѣ въ пріютъ ушли неприступныхъ горъ.
 Упорхнули всѣ,—и сполохъ утихъ,
 И стоитъ, одинъ, на молитвѣ мнихъ.

8.

СЕРДЦЕ ДѢВЫ.

Нѣкогда въ царствѣ восточномъ цвѣла
 Юная дѣва, рѣзва, весела,
 Краше всѣхъ сверстницъ красою лица,
 Радость и гордость вельможи-отца.
 Только, зная, сердцу не писанъ законъ:
 Въ дочь властелина безродный влюбленъ;
 Дѣва любовью отвѣтной горитъ;
 «Онъ—мой избранникъ»,—отцу говорить,—
 «Онъ, не другой—
 Суженый мой.»

Крикнулъ вельможа: «Тому не бывать!
 Легче мнѣ въ землю тебя закопать!
 Нишаго зятемъ назвать не хочу;
 Въ крѣпкую башню тебя заточу.»
 Камень, скала онъ... Что страсти скала?
 Юношѣ дѣва тѣмъ болѣ мила.
 Нѣжностью пылкой невѣста горитъ;
 «Онъ—мой желанный»,—отцу говорить,—
 «Онъ, не другой—
 Суженый мой.»

Деспотъ угрюмѣй, чѣмъ хмурая ночь;
 Въ тѣсную башню сажаетъ онъ дочь:
 «Съ милымъ въ разлукѣ, вдали отъ людей,
 Блажь съ нея схлынетъ. Остынетъ онъ къ ней»...
 Нѣтъ для любви ни стѣнъ, ни замка;
 Лишь распалаетъ желанье тоска.

Страстию дѣва въ затворѣ горить;
«Онъ—мой любовникъ»,—отцу говорить,—
 «Онъ, не другой—
 Суженый мой.»

Духъ самовластный освѣтила тѣма;
Сводитъ гордыня владыку съ ума:
Вашню, гдѣ кладь свой ревниво берегъ,
Мстящей рукою безумецъ поджегъ...
Что для любви, что жарче тюрьма?
Ярымъ пожаромъ пылаетъ сама!
Узница въ душной темницѣ горить,
Клятвы обѣта, сгорая, творить:
 «Онъ, не другой—
 Суженый мой!...»

Грозная башня сгорѣла до-гла;
Въ пепель истлѣла, что прежде цвѣла.
Только—о, чуда безвѣстнаго даръ!—
Сердца живого не тронулъ пожаръ...
Стелется горькій съ пожарища дымъ;
Юноша плачетъ надъ пепломъ съдымъ.
Плакалъ онъ долго; застыла печаль;
Въ путь поманила далекая даль...
 Бродитъ онъ, сирь;
 Пусть ему миръ.

Нѣжная тайна! Подъ кладной золой
Что содрогнется,—не сердце ль,—порой?
Жаркое сердце въ огнѣ спасено;
Только подъ пепломъ сокрыто оно.
Сердца живого изъ дремлющихъ силъ,—
Словно изъ корня, что ключъ оросилъ
Слезъ изобильныхъ,—въ таинственный срокъ
Выросъ прекрасный и легкій цвѣтокъ:
 Огненный макъ;
 Глубь его—мракъ.

По чужедалнымъ блуждаетъ краямъ
Юноша, цѣли не вѣдая самъ,

Вкругъ озираясь,—любимая гдѣ?
Милой не видитъ нигдѣ, и нигдѣ!
Въ грезахъ о нѣжной склоняетъ главу;
Но безнадежность одна наяву.
Вѣрной любви и смерть не конецъ;
Чувства не гаситъ небесный вѣнецъ.
 Въ оный предѣлъ
 Вздохъ долетѣлъ...

Стонъ долетѣлъ къ ней, и тронулъ ее:
Тѣнь покидаетъ жилище свое,
Къ милому сходить, тоскуя, во снѣ,
Благоуханной подобна веснѣ.
Молвить: «Внемли, мой печальникъ, завѣтъ!
Выросъ надъ пепломъ моимъ алоцвѣтъ.
Дѣвы сожженной онъ сердце тайтъ,
Жизнью моею тебя упоитъ.
 Въ сокѣ огня
 Выпей меня!

«Нѣги медвяной, разымчивыхъ чаръ
Хмель чудотворный, цѣлительный даръ
Выжми и выпей пчелой изъ цвѣтка:
Черная душу покинетъ тоска.
Такъ ты спасешься, избудешь печаль.
Смоетъ земное волшебная даль;
Не увядаютъ ея красоты;
Миръ и блаженство извѣдаешь ты—
 Въ тонкой дали
 Лучшей земли!..»

Нѣжная тайна, ты сердцу мила!
Стала скитальца душа весела.
Сокомъ завѣтнымъ навѣкъ опьяненъ,
Воленъ, беспеченъ и мужественъ онъ.
Въ смѣнѣ вседневной воскреснетъ тоска,—
Радость за нею, какъ рай, глубока.
Прежнее бремя его не долить,
Прежнее пламя его не палить.—
 Въ тонкой дали
 Лучшей земли.

9.

АНУШЪ.

лирическая поэма.

Прологъ.

Сидя на лучахъ луны,
Пѣри легкія, какъ сны,
Рѣютъ въ облакъ весны.

Нѣгъ вѣтерка послушный,
Надъ горой ихъ рой воздушный
Вьется сонмомъ горныхъ душъ.
Плачь творить слетѣлись пѣри
О любви, о потерѣ
Усладительной Анушъ:¹

«Изъ семи ключей въ бадья
Зачерпала ты струи.

«Отъ семи цвѣтныхъ кустовъ
Набирала ты цвѣтовъ.

«Надъ цвѣтами, надъ водой
Чаровала подъ звѣздой:

— *Въ воду, лучикъ, заронись!*
Сердцу, счастье, улыбнись!—

«Горе, горе! Въ краткій срокъ
Вешній твой увялъ цвѣтокъ.

¹ А н у ш ъ буквально, —милая, сладостная, douce.

«Гдѣ лазурь твоихъ очей?
Чарованіе лучей?

«Плачьте, сонмы горныхъ душъ,
Надъ любовникомъ Анушъ!..»

Цвѣты, рассыпаны пестро
По склону горъ, вздыхали,
Въ живое вотканы сребро...
«Намъ жаль Анушъ! Намъ жаль Сарб!»
Шепча, благоухали.
Пылали томно ихъ сердца;
Мерцали лепестки вѣнца
Росинками печали...

Сонмъ воздушный легкихъ душъ,
До зари творили пѣри
О любви, о потерѣ
Усладительной Анушъ
Плачь подлунный, плачь пѣвучій;
Но, лишь солнца брызнулъ лучъ,
Скрылись—въ дымный горный ключъ,
Что съ уступа бьетъ, гремучій,
Низвергаясь на уступъ,—
Въ темнолиственный старый дубъ,—
Подъ увѣй цвѣточныхъ купъ.

Пѣснь первая.

I.

Зоветь бессонная тоска
На староселье земляка.
Лечу мечтой ширококрылой
Въ предѣль, очамъ и сердцу милый,
Гдѣ ждутъ меня мои домой,
Когда близъ очага зимой
Дружнѣй тѣснится сходъ вечерній
И мысль вникаетъ суевѣрнѣй

Въ родную былъ,—какъ на Лори
Живали встарь богатыри.

Лори! Обсталъ твои долины
Горъ баснословный хороводъ:
Чредою буйственной высотъ
Окаменѣли исполины.
Похитивъ Арагаза дочь,
Полонъ отпраздновали дѣвы—
Дѣвъ-Аль, Дѣвъ-Бѣтъ, другіе Дѣвы—
И въ брачную застыли ночь.

II.

Привѣтъ вамъ, старые знакомцы,
Лѣса, крутыхъ стремнинъ питомцы!
Вамъ, пастбища!.. О, счастье дней
Былыхъ! О, сонмъ былыхъ тѣней!
Исчезли вы, какъ вѣсенъ нѣга,
Рядившая въ роскошный цвѣтъ
Сухія пажити! Васъ нѣтъ,
Какъ ризы прошлогодней снѣга!..
Видѣнья первыхъ лѣтъ, зову,
Скиталець, васъ душою сирой:
Живите вы, коль я живу,
Коль оживить васъ властенъ лирой!
Приснись, бывшее, наяву!
Дыши, красуйся, въ плоть одѣто!
Стань осязательнымъ! Поэта
Мольбамъ откликнись!.. Я зову!

III.

Изъ мшистыхъ сводчатыхъ громадъ
И густолиственныхъ прохладъ
Волшебнo воскресаетъ эхо
Звонкоголосое игры
И переливчатого смѣха
Моей младенческой поры...
Яйла мнѣ снится,—гуль становій,—

Дымокъ надъ шалашомъ... Встаетъ
Предъ солнцемъ облако съ низовій...
Въ росѣ луга... Пастухъ поеть:

IV.

— «Дѣвушка, прячься въ шатеръ кочевой:
Выйдешь,—увидю,—и самъ я не свой!
Сталь я ашугомъ,¹—утратилъ покой.
Пѣть мнѣ отрада:
Въ ущельяхъ брожу;
Овчаго стада
Не сторожу.

«Сердце мнѣ взоромъ—аманъ²—ты зажгла;
Рѣзвья ноги косою оплела.
Сердце не стерпитъ: задремлетъ яйла,³—
Выхвачу силой
Добычу—и въ глушь
Горную съ милый
Скроюсь Анушъ.

«Ежели честью отецъ твой и мать
Не согласятся тебя мнѣ отдать,—
Кровь я пролью!.. Заодно пропадать
Мнѣ изъ-за черныхъ,
Что море, очей,—
Дугъ непокорныхъ—
Гордыхъ бровей!..»

V.

Саро надъ пастбищемъ поеть,—
Анушъ не усидѣтъ въ палаткѣ.
— «Мать, слышишь? Кто-то насъ зоветъ»...

¹ Ашугъ—пѣвецъ.

² Аманъ—заклинательное и клятвенное восклицаніе (междометіе).

³ Яйла—горныя пастбища.

— «Оставь, Анушь, свои повадки!
Шататься дѣвкѣ за шатромъ,
По сторонамъ глазѣть не гоже.
Пройдетъ—оборони насъ, Боже!—
Молва худая: стыдъ, соромъ!..»
— «Глянь, матушка,—по косогору
Какой зазеленѣлъ шавель!
Пойти бѣ, нарвать пучокъ... Да въ пору
И джань-гюлюкъ¹ бы пѣть...»—Тебѣ ль,
Анушь, вести себя, какъ дѣти?
Вѣдь ты невѣста на примѣтѣ,
А ищешь съ молодцами встрѣчь!
Должна ты честь свою беречь...»
— «Охъ, тяжко! Сердце то встомится,
Какъ будто подошла бѣда,
То вдругъ замечется, какъ птица,—
Такъ и летѣло бѣ,—а куда?..
Скажи, родная,—что со мною?
Напасть? Предчувствіе ль кручинъ?..
Возьму-ка на плечо кувшинъ:
Подруги сходятъ за водою».

VI.

Дѣвы съ пѣснею въ долины
Сходятъ къ звонкому ключу,
На плечѣ несутъ кувшины,
Бьютъ другъ-дружку по плечу.

Пѣсня.

Ключъ изъ облака струится
Въ бурно-пѣнистой игрѣ;
Добрый молодецъ крушится,
Плачетъ, сидя на горѣ.

¹ Весеннія пѣсни, приуроченныя къ кануну Вознесенія.

Льетесь вы, живыя воды,
Съ горъ ли, съ чеба ль самого
Въ степь, въ раздолія свободы:
Напоили ль вы его?

Охладили ль, окропили ль
Грудь палимую ему?
Жарь безсонный усыпили ль?
Понавѣяли ль дрему?

Ярѣ,¹ измаянъ жаждой жадной,
Брегомъ шумныхъ водъ ходилъ;
Мукъ любви струей прохладной
Огневыхъ не остудилъ.

Ключъ изъ облака струится
Въ бурно-пѣнистой игрѣ;
Добрый молодецъ крушится,
Плачетъ, сидя на горѣ.

VII.

Туманъ клубится по долинамъ.
Страхъ въ сердце матери сѣдой
Закрался, будто предъ бѣдой:
Не часъ прошелъ, какъ дочь съ кувшиномъ
Сошла въ ущелье за водой.
Густѣетъ сумракъ, ночь находитъ,
Окуталь горы дымъ глухой;
И лютый звѣрь въ тѣснинахъ бродить,
И бродитъ человѣкъ лихой.

Взошедъ на крайнюю скалу
И руку приложивъ къ челу,
Она оглядываетъ мглу.
И внизъ кричитъ: «Анушь! Не гоже

¹ Ярѣ—«влюбленный» и «возлюбленный». Любимая дѣвушка—также ярѣ. (см. выше, въ народной поэзіи).

Теперь гулять! Домой пора!
 Какого ищешь ты добра
 Въ горахъ, безстыдница?... Что, Боже,
 Съ ней сталось?...» Хлопаетъ рукой
 Мать по колѣнямъ. «Приключится
 Гляди, напасть!... Ахъ, озорница!..»
 А мгла плыветъ, плыветъ рѣкой.
 Густѣетъ сумракъ, ночь находить,
 Окуталъ горы дымъ глухой;
 И лютый звѣрь въ тѣснинахъ бродить,
 И бродить человѣкъ лихой...

VIII.

— «Пусти! Зовутъ меня...» — «Молю,
 Анушъ, помедли!» — «Ты погубишь
 Анушъ! Узнаетъ мать... Не любишь
 Ты такъ меня, какъ я люблю!
 Давно тебѣ Анушъ постыла...
 Я плачу, мучусь я тайкомъ,—
 Ты распѣваешь соловьемъ.
 Съ которыхъ поръ я тутъ застыла!
 Все жду, гляжу, покуда свѣтъ
 Не потускнѣлъ,—тебя все нѣтъ!..

«Сказываютъ: ива
 Дѣвушкой была;
 Долго, терпѣливо
 Милаго ждала.
 Не приходитъ милый.—
 Ивою унылой
 Въ бережокъ вросла.
 Вся дрожить пугливо,
 Сиротливо ива;
 Листъ плакучій клонить,
 Счастіе хоронить.
 Зеленью омытой
 Съ тихой рѣчкой ива
 Шепчется стыдливо
 О любви забытой...»

— «Неблагодарная, ко мнѣ ль
 Твои укоры?
 Встрѣчая пѣснею зарю,
 Съ кѣмъ рѣчь веду я?»

«Когда въ ночи моя свирѣль
 Разбудить горы,
 Кому я цвѣтъ мечты дарю?
 Кого зову я?»

«Въ разлукѣ томной ты—мой хмель!
 Твои мнѣ взоры
 Горятъ! Я сердцемъ говорю
 Съ твоимъ, тоскуя...»

Умолкнулъ юноша-пастухъ,
 Упалъ, сраженный, поблѣднѣлый,
 На перси дѣвы онѣмѣлой,
 И на груди ея потухъ...

IX.

Взываетъ мать. Дѣвичій голосъ—
 «Иду, иду!»—изъ мглы звенить...
 Анушъ!.. Спадаетъ дико волосъ
 На томный жаръ твоихъ ланить!
 Съ пустымъ кувшиномъ, платъ наплечный
 Забывъ у влаги быстротечной,
 Дрожа, какъ лань въ сѣтяхъ ловца,
 Вернулась ты отъ студента!..
 — «Я, глупая, перепугалась!
 Чужіе тамъ. Въ ознобъ и жаръ
 Всю кинуло меня. Купалась,
 Знать, по рѣкѣ толпа татаръ...»
 Ворчунья-мать, коря пугливость,
 И мѣшкотность, и нерадивость
 Шальной Анушъ, съ туманныхъ кручь
 Сама спускается на ключъ.

Пѣснь вторая.

I.

День Вознесенья! Праздникъ Мая!
 Цвѣтеть земли живой коверъ.
 Побѣги свѣжихъ розъ ломая,
 Толпой, на главы ближнихъ горъ
 Спѣшите, юныя армянки,
 Дней вешнихъ славить благодать,
 Играть веселыя веснянки,
 О долѣ дѣвичьей гадать.

— «Амбарцумъ, ¹ яйла!
 Въ черныя горы
 Весна привела
 Дѣвичьи хоры.

«Амбарцумъ, яйла!
 Черныя горы
 Въ пестрые уборы
 Весна убрала.

«Амбарцумъ, яйла!
 Кому я мила?
 Солнышко ярче,
 Любится жарче,—
 Пастухъ молодой,
 Ты ль суженый мой?

«Амбарцумъ, яйла!
 Въ цвѣтахъ крутояры!
 Весна привела
 Тайныя чары:
 Этой—свадьба, той—кручина,
 Разлюбилъ зазнобу яръ»...

¹ Припѣвъ весеннихъ «вознесенскихъ» пѣсень.

Такъ дѣвъ каждой разный даръ
 Сулить загадочно судьбина.

II.

Вновь жребій надъ головой вращаетъ,
 Свѣжа, какъ роза, «Мать цвѣтовъ»;
 И Джанъ-гюлюмъ звенить, и зовъ
 Гора отзывомъ возвращаетъ.
 Вѣщунья-дѣва возвѣщаетъ:

— «Яръ тебя любить,
 Красавица горъ;
 Яра погубить
 Выстрѣль въ упоръ».

Анушь затрепетала. Дѣвы
 Смутились: «Ложь! Не вѣрь, сестра!
 Гаданье—правдная игра.
 Пой съ нами рѣзвые припѣвы!
 Разсѣмь облакъ черныхъ думъ!
 Дружнѣй подхватимъ Джанъ-гюлюмъ!..»—

Анушь въ раздумьи: «Неужели
 Я проклята отъ колыбели,—
 Когда пришелъ въ нашъ домъ дервишъ,
 Спѣлъ пѣсню и просилъ бакшишъ,
 А мать ему: «Ребенокъ плачетъ,—
 Не до тебя! Вонъ со двора!»—

А онъ: «Такъ пусть всю жизнь проплачетъ!»
 И такъ ушелъ...»—«Не вѣрь, сестра,
 Ты предвѣщанію пустому.
 Мы загадаемъ по-иному:

«Дѣвушка-счастливица!
 Не затмитъ слеза
 Твои ланьи, горные,
 Черные глаза!

«Дѣвушка весеннихъ чаръ,
Цвѣсть тебѣ весной!
Какъ гора, красавецъ-яръ—
За твоей спиной.

«Амбарцумъ, яйла!
Въ цвѣтахъ крутояры!
Сладкія чары
Весна привела!
Яйла, джанъ, ¹—яйла!»

Пѣснь третья.

I.

Въ селенѣ, зимнею порой,
Играли свадьбу. Пиръ горой,
Шумъ, плясъ... Пришли съ яйлы высокой
Въ доль пастухи... Но молкнетъ смѣхъ:
Тѣснясь, для лучшей изъ потѣхъ
На плоской кровлѣ кругъ широкій
Расчистили. Зоветъ зурна.
Сплотились—на стѣну стѣна;
Сильнѣйшихъ въ станѣ выкликають.
Тѣ упираются; впередъ
Свои своихъ борцовъ толкають:
«Сходись, ребята! Чья возьметъ?..»

И съ лѣнью выступилъ притворной—
Саро; Моси стоитъ предъ нимъ,
Братъ милой, парню побратимъ.
А тамъ, за тканію узорной,
Сердца ревнивыхъ дѣвъ стучать.
Мужчины: «не робѣй!»—кричать...
Полы за поясъ подсучили,
Вразъ о землю хлопнули рукой
И другъ на друга наскочили
Два храбрыхъ съ рѣвостью лихой.

¹ Джанъ—эпитетъ, выражающій ласку; собственно значить: «душа».

Но повелось въ горахъ издавна,
И сынъ то слышалъ отъ отца,—
Что удальцу свалить безславно
Въ игрѣ предъ міромъ удальца.

И силачи-единоборцы,
Сплетясь, какъ опытные горцы,
То вмѣстѣ наземь припадутъ,
То вмѣстѣ на ноги встають,—
Знать, впрямь равны другъ другу силой.
Напрасны крики: «Понатужь,
Товарищъ, плечи! Аль не дюжъ?..»
Но вдругъ Анушь, невѣсты милой,
Какъ изваяніе застылой,
Саро потухшій встрѣтилъ взоръ
И въ немъ прочель печаль, укорь...
Захолонуло грудь; туманомъ
Въ его глазахъ затмился свѣтъ;
Забылъ онъ дѣдовскій завѣтъ!
И предъ ревущимъ дико станомъ,
Накрывъ соперника врасплохъ
(Не вѣрилъ тотъ въ лихой подвохъ,
Боролся нехотя, небодро),
Онъ снизу обхватилъ подъ бедра
Моси, и съ ногъ его свалилъ,
И грудь колѣномъ придавилъ.

Толпа и плещеть, и ликуеть,
Его удачу торжествуетъ,
Ведеть съ почетомъ къ жениху,
Сажаетъ рядомъ на тахту.
Межъ тѣмъ, за тканію узорной,
Взоръ дѣвичій, какъ стражъ дозорный,
Горящій, любопытный взоръ
Побѣду судить и позоръ.

II.

Анушь! Анушь! Твой братъ старшой
Встаетъ съ растерзанной душой,

Кричить: «Пусть вновь борьба зачнется!»
 Иль—солнцем дней своих клянется
 Отмстить укравшему хитро
 Побѣду подлую Саро...
 Его слова, въ весельи дикомъ,
 Толпа встрѣчаетъ бранью, гикомъ:
 «Что въ драку лѣзешь? Цѣль ли лобъ?
 Вѣдь покотился ты, какъ снопъ!
 Не вдосталь, знать, бока намяты?
 Стряхнемъ-ка пыль съ него, ребята!»

III.

Изъ дома свадебнаго онъ,
 Боль затаивъ обиды кровной,
 Выходитъ поступью неровной,
 Презрѣнъемъ общимъ угнетенъ.
 — «Навѣкъ, Моси, ты опозоренъ.
 Не зналъ ты равнаго въ борьбѣ,
 И не бывалъ отъ пыли черенъ
 Кафтанъ нарядный на тебѣ.
 А нынче ты горою рухнулъ
 И тяжко подъ колѣномъ ухнулъ,
 Когда тебя противникъ смялъ,—
 И кто тебя не осмѣялъ?
 Какимъ ты жалкимъ, пристыженнымъ
 Предстанешь дѣвушкамъ и женамъ!
 Что ждешь тебя... Изъ двухъ одно:
 Лечь въ гробъ—иль взять веретено».

IV.

— «Помилуй, сжался, милый братъ!
 Его любви не жажду болѣ...
 Въ ножны смертельный спрячь булатъ!
 Дрожу я, какъ былинка въ полѣ...
 Въ слезахъ, въ отчаяннн, безъ силъ,

У ногъ Моси Анушь лежала;
 Ей свѣтлымъ лезвиемъ кинжала
 Моси неистовый грозилъ.
 — «Клянись не знать его объятій!
 Главою братнею моею
 Клянись! Иль межъ твоихъ грудей
 Утонетъ ножъ до рукояти!»
 — «Я прахъ у ногъ твоихъ, Моси!
 Съ рабыни клятвы не проси;
 Я общала,—такъ и помни,
 Любить Саро не суждено мнѣ,
 Намъ въ жизни разныя стези.
 — «Ты лжешь, и разлюбить не можешь.
 Въ ночи мы слышали не разъ,
 Какъ рѣчью сонной ты тревожишь
 Или рыданьемъ тихій часъ:
 Саро зовешь ты въ нѣгѣ томной,
 Саро—лепечешь въ грезѣ дрѣмной...»
 — «О, не спиши меня убить!
 Слѣды твои въ пыли цѣлую!
 По немъ я больше не тоскую,
 Я не хочу его любить;
 Во снѣ о немъ шептать забуду,
 Тебѣ сестрою вѣрной буду...»

V.

Такъ повершилась свадьба сварой.
 Давно ль два славныхъ удалца
 Братались? Ненавистью ярой
 Пылаютъ нынѣ ихъ сердца.
 Доколь въ землѣ не похороненъ
 Моси (онъ духомъ непреклоненъ),
 Не быть сестрѣ его родной
 Борца коварнаго женой.

Быть можетъ, въ эту ночь, въ безсонныхъ
 Терзаньяхъ, мыслить онъ: «Добро,
 Невѣста пылкая Саро!
 Я изъ груди окровавленной
 Твой пламень вырву наконецъ!..»
 Быть можетъ, въ эту ночь овецъ
 Сосѣдъ сосѣдскихъ рѣжетъ, грабитъ:
 Какое мщенье гнѣвъ ослабитъ
 Ожесточеннаго врага?..
 Лишь звуки на селѣ притихнуть,
 Быть можетъ, вдругъ до неба вспыхнуть
 Того ли, этого ль стога?

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Встаютъ лѣнливо, какъ верблюды
 Отъ водопоя, облака;
 Ползутъ на каменныя груды,
 На Чатындагъ-горы бока.
 Изъ-за зубчатаго отрога
 По злату утреннихъ небесъ
 Пробился лучъ... Въ селѣ тревога.
 Ружье держа на перевѣсь,
 Бѣгутъ мужчины,—будто въ лѣсъ
 Участники звѣриной ловли;
 А жены ринулись на кровли.

II.

Пришелъ старикъ, парнямъ кивнулъ
 И пальцемъ указалъ въ долину;
 Изъ трубки разъ-другой пыхнулъ
 И рѣчь повелъ: «Наполовину
 Ужъ ночь прошла,—все не засну:
 Ворочаюсь, кряжчу, клянупу
 Лихую старость. Вдругъ овчарка
 Моя взбѣсилась. Кличу: «гей!..»

Молчать. «Ну», думаю, ей-ей,
 Дождались на селѣ подарка.
 Собака кинулась. А тьма—
 Ни эги не разберешь. «Эхма!»
 Сказалъ себѣ: «подмокъ твой порохъ!
 Уснешь, бывало, въ тотъ же часъ,
 Что скотъ,—а слышишь каждый шорохъ»..
 То, бишь,—и не сомкнулъ я глазъ,
 Какъ изъ села мелькнули двое,
 Какъ тѣнь,—въ ущеліе ночное,—
 Овчарки мимо... Вотъ мой сказъ»...

Вотъ отчего село въ тревогѣ!
 Анушгъ хватились: дѣвы нѣтъ!..
 Находятъ вскорѣ, близъ дороги
 Внизу,—двоихъ недавній слѣдъ.

III.

Луна смѣнилася. Ватага
 Всѣ, до послѣдняго оврага,
 Обрыскала трущобы горъ:
 Исчезъ съ добычей дѣвій воръ.
 Ни съ чѣмъ илутъ ловцы къ поселку,
 Нагорье обыскавъ окрестъ,
 И хвалятъ вора втихомолку:
 Гораздъ онъ умыкать невѣсть.
 Одинъ, повиненъ клятвѣ мести,
 Выслѣживать остался дичь
 Моси, дабы чету настичъ
 И зарубить двоихъ на мѣстѣ.

XX.

— «Раскинь-ка, Вардишахъ, ямень,
 Да погадай, что новый день
 Сулить... Мои ослѣпни очи:
 Мнѣ сонъ привелъ скиталецъ ночи,

Недобрый гость,—и не добро
 Пророчить онъ!.. Долъ вижу тѣсный,
 И будто темень сводъ небесный;
 Тамъ овцы бѣднаго Сарб
 Стоять—и воплемъ не овечьимъ,
 А будто гласомъ человѣчимъ
 Поютъ... Ну, кинь же горсть зерна,—
 Будь сынъ тебѣ во утѣшенъе!
 Къ чему сей сонъ? Судьба темна.
 Отверзи дверь намъ разумѣнья,
 Творецъ! Мы—прахъ у ногъ Твоихъ...
 Еще тотъ звукъ въ ухахъ моихъ:
 Пѣснь человѣчья безсловесныхъ
 Овецъ въ тюрьмѣ изъ скалъ отвѣсныхъ...
 И будто овцы голосають,
 А мать Саро, развивши платъ,
 Предъ ними пляшетъ... Стадо плачетъ,
 А та кружить... Что сонъ мой значить?»
 — «Къ бѣдѣ, знать, сонъ твой, Манишакъ!
 Глянь,—и ячень-то выпалъ какъ!
 Онъ черную чертитъ дорогу.
 На ней—Саро... Молися Богу,
 Да обратитъ Онъ зло въ добро.
 Храни, Господь, и мать Саро!»

V.

Ловець прилежный позади,
 Рокъ неизбежный впереди;
 Другъ—ворогъ; миръ—застѣнокъ темный...
 Въ горахъ, какъ загнанный олень,
 Скрывается Саро бездомный.
 Долъ стынетъ, повисла тѣнь,
 Послѣдній лучъ хребты румянить:
 Онъ съ горя баяти¹ затянетъ
 И такъ хоронитъ скорбный день:

¹ Баяти—плачевная пѣснь.

— «Гей, вы, круглыя горы!
 Крикъ мой: кручина, горе!
 Любо ль вамъ, сестры-горы,
 Вторить за мною: горе?..
 Горе!—въ ночномъ просторѣ
 Ваши твердятъ затворы...
 Вмѣстѣ горюемъ, горы!

«Съ вами, бѣглець усталый,
 Переклинаюсь, скалы!
 Гробы глубинъ раскройте,
 Странника упокойте!
 Путь мой залегъ въ чашобѣ:
 Спать бы мнѣ въ глыбномъ гробѣ!

«Спать?.. А любовь услышитъ
 Вѣсть, что Саро не дышитъ,—
 Какъ улегчить ей муку?
 Сны мои кто нарушитъ?
 Слезы ей кто осушитъ?
 Что возмѣститъ разлуку?..»

Пѣснь пятая.

I.

Рыдаетъ, бросаясь наземъ ницъ,
 Анушъ, покрытая позоромъ.
 Взираетъ жалостливымъ взоромъ
 Сходъ женъ сосѣдскихъ и дѣвицъ
 На плѣнницу, храня молчанье.
 Моси—Богъ миловаль!—въ скитаньѣ.
 Но пѣной бѣшеной плюетъ
 На дочь отецъ и дочь клянеть:

— «Прочь съ глазъ моихъ! Вонь! Сгинь, срамница,
 Измѣнница! Будь проклята
 Твоя вѣнчальная фата!
 Покройся чернымъ, какъ вдовица.
 Или, наложница врага,
 Въ глубь, въ землю черную, всѣмъ станомъ
 Врости! Ушла къ врагу обманомъ,
 Такъ жизнь тебѣ не дорога...
 Сосѣди добрые подходятъ,
 Отца отъ дочери отводятъ.
 Смятенемъ, старый, привлеченъ,
 Стоитъ священникъ за порогомъ
 И голосъ возвышаетъ онъ:
 — «Уйдите всѣ! Идите съ Богомъ!
 Анушь останется одна,—
 Всю правду скажетъ мнѣ она...
 Скажи, Анушь: ушла ты, чаю,
 По вольной волѣ, по любви?
 Да? Такъ Господь благослови
 Вашъ бракъ! Я милыхъ повѣнчаю...»

Шумъ издалече. Вопли. Клики.
 — «Убиль?—Моси?—Кого?—Гдѣ, гдѣ?—
 Воды скорѣй... Творецъ великій.
 Анушь, Анушь!..—Бѣда къ бѣдѣ!»

II.

Не туча рухнувшимъ потопомъ
 Грузъ ливней шумныхъ пролила:
 То юность ринулась всѣмъ скопомъ
 На понизовья изъ села.
 Летятъ стремглавъ, какъ вихрь крылатый,
 И видятъ: свой ужасный зѣвъ
 Доль крови скалить, долъ проклятый,
 Гдѣ, въ тѣснотѣ расшви́рпѣвъ,
 Бѣснуется Дѣбэтъ косматый.

Межь тѣмъ степенный сельскій людъ,
 Столпясь на выступѣ отвѣсномъ,
 Стоитъ въ смущеніи безсловесномъ:
 Всѣ внизъ глядятъ и молча ждутъ.
 А въ глубинѣ Дѣбэтъ¹ грохочетъ,
 Какъ громъ глухой, и рока судъ—
 Итогъ безстрастный смертныхъ смуть—
 Элораднымъ хохотомъ пророчить.

III.

Шатаясь, съ искаженнымъ ликомъ,—
 Тѣнь прежняго Моси,—предсталъ
 Убійца. Взоръ его блуждалъ,
 И ужась тлѣлъ во взорѣ дикомъ.
 Не замѣчалъ онъ никого,
 Добрель до крова своего,
 Ружье повѣсилъ на стропило,
 Какъ мертвую змѣю. Не смѣлъ
 Никто дохнуть; народъ нѣмѣлъ.
 Вдругъ изъ долины возопила
 Мать пастуха. «Харай!»²—зоветь,
 И волосы сѣдые рветъ.

IV.

Ее сельчанки провожаютъ
 Подъ оный роковой уступъ,
 И воплемъ воздухъ раздражаютъ,
 И чернымъ хоромъ окружаютъ
 Еще не охладѣлый трупъ.
 Межь тѣмъ, какъ юноши въ печальномъ
 Безмолвьи на камняхъ сидятъ,
 Онѣ съ обрядомъ поминальнымъ
 Достойный горца плачь творятъ.
 Поютъ: почто не излюбила

¹ Дѣбэтъ—рѣка.

² Крикъ зовущихъ на помощь.

Анушь другого жениха,
 Почто любимого сгубила;
 Какъ стаду быть безъ пастуха;
 Какъ на яйлѣ и какъ на ловлѣ
 Заклекчуть юные орлы:
 «Гдѣ сверстникъ нашъ?»—какъ псы на кровлѣ—
 Завоютъ, прибѣжавъ съ яйлы;
 Какъ мать Саро осиротѣть:
 Ей не видать веселья горъ;
 Въ одеждѣ черной одряхлѣть,
 Блюдя домашній свой затворъ...

И каждое изъ причитаній
 Ей, бѣдной, надрываетъ грудь.
 Мать, не буди воспоминаній!
 Былое счастье забудь!
 «Почто, мой сынъ, не пріотворишь
 На мигъ отяжелѣлыхъ вѣждъ?
 Мой недругъ, воръ моихъ надеждъ,
 Почто со мной о гробѣ споришь?..»
 Но мертвый глазъ не размыкалъ;
 Въ устахъ увянувшихъ сверкалъ
 Зубовъ бѣляющихъ оскалъ.
 Вотще—рыданья, въ грудь бѣнья,
 Проклятья, жалобы, моленья...

Стемлѣло. Женскій вой слабѣлъ.
 И пѣснь, и пени замолчали.
 Одинъ Дѣбеть свои печали
 Безъ устали въ ущельѣ пѣлъ,
 И громче плачь изъ безднъ гремѣлъ.

V.

Безъ отпѣванья, у рѣки
 Зарыли тѣло куняки,
 Тайкомъ слезу надъ нимъ пролили.
 Кадила горныхъ луговинъ—
 Полюнь, лилея, чобръ и тминъ—
 Молебный ладанъ воскурили.

А «Со святыми упокой»
 Не клиромъ стройнымъ было спѣто,
 Но голосистою рѣкой,
 Раскатнымъ рокотомъ Дѣбета.
 Подъ громозвучный шараканъ,¹
 Рыдающей стихійной силой,
 Друзья насыпали курганъ
 Надъ безымянною могилой,
 Гдѣ спитъ бѣглянки пылкій другъ,
 Сынъ вольныхъ горъ, пастухъ, ашугъ.

Пѣснь шестая.

I.

Вернулись птицы. Въ небѣ нѣга.
 Одѣла зелень холмъ и доль.
 Анушь цвѣты рѣчного берега
 Сбираетъ, бормоча, въ подоль—
 И плачь перемежаетъ смѣхомъ.
 Поеть,—ей горы вторять эхомъ...

— «Что, какъ потерянная, бродишь
 Въ лугахъ, красотка, день денской!
 Кого ты ищешь, не находишь?
 По комъ ты слезы льешь рѣкой?
 Коль ищешь, дѣва, майской розы,—
 Не за горами праздникъ розъ.
 Коль мертвому даришь ты слезы,
 Не расточай напрасныхъ слезъ!
 Землею взять женихъ любезный,—
 Его тебѣ не воскресить.
 Къ чему кручиной безполезной
 Огонь младыхъ очей гасить?
 Водъ родниковыхъ даръ обильный
 Пролей на холмъ его могильный
 Съ молитвой чистой и умильной

¹ Шараканъ—церковное пѣнопѣніе (см. Вступительный очеркъ).

И, принеся святую дань,
 Душою бодрою воспрянь.
 Покорствуй общему уставу:
 По долгу жизни и по праву,
 Иди, живи, супругой стань...»

—«Спасибо, братъ, идущій мимо!
 Да править Богъ твои стопы
 И да завидишь ликъ любимой
 У цѣли странничьей тропы!
 Дѣли, дѣли съ подругой нѣжной
 Услады жизни безмятежной!
 Мнѣ даль Всевышній—слезы лить;
 Мнѣ жажды слезъ не утолить...»

II.

И бродить вновь, поеть и плачуть...
 Безсвязны пѣсни: ничего
 Не изъясняетъ и не значить,
 Окромя горя самого,
 Ихъ темный складъ, ихъ бредъ унылый.
 Все ропщеть: гдѣ жъ онъ, гдѣ же милый?
 Какъ вдругъ свѣтъ Божій опустѣлъ,
 И глухи стали пѣсни, рѣчи,
 И горный лугъ осиротѣлъ?
 Какъ вдругъ ушелъ онъ—такъ далече?..

— «Куда ты скрылся,—
 И слѣдъ простыль?
 Мой день затмился,
 Мнѣ свѣтъ постыль...
 Всѣ я выплакала очи.
 Ты дожлись-ка темной ночи,—
 И за дѣло!
 За переваль
 Стада пригналь,—
 Бѣги же смѣло!..

«На пригоркѣ, на зеленомъ,
 Кто подъ буркой, кто уснулъ?
 Руку кто движеньемъ соннымъ
 Изъ-подъ бурки протянулъ?»

Ахъ, да это—мой желанный.
 Видно, вешній лугъ, въ дыму
 Пелены благоуханной,
 На него навелъ дрему...

«Вставай, сонливецъ!
 Не ранній часъ!
 Съ утра, лѣнливецъ,
 Ты стадъ не пасъ.
 До полудня спишь, спокоенъ:
 Скотъ не загнанъ, скотъ не доенъ...
 Ужъ стемнѣло...
 За твой возвратъ
 Отдамъ стократъ
 На муки тѣло!..

«Чу, не бубны ль въ бурѣ плачуть?
 Не зурна ли верещить?..
 Брачный поѣздъ! Гости скачуть.
 Кони пляшутъ. Снѣгъ валить.

«Чуръ, разсыпся,—свѣто мѣсто!—
 Навожденье!.. Ха-ха-ха!
 Вотъ такъ свадьба!.. Гдѣ жъ невеста?—
 И не видно жениха!..

«Несуть... Пустите!
 За нимъ иду!..
 Вотъ тутъ кладите,
 Въ моемъ саду!
 Расплету надъ мертвымъ косы!
 Вы тешите, гроботеса,
 Гробъ просторный,—
 Одинъ двоимъ!
 Спать сладко съ нимъ
 Въ могилѣ черной!..

«Лгутъ мнѣ люди, милый, милый!—
Будто взоръ твой помутнѣлъ,
Въ пятнахъ крови ликъ застылый
Исказился, почернѣлъ?»

«Ты все тотъ же, смугль и строень,
Что съ собой невѣстѣ несъ,
Юный пастыръ, свѣжъ и зноень,
Запахъ луга, влагу росъ!..»

«Куда жъ ты сгинуль?—
Какъ, лиходѣй,
Меня покинулъ
Съ тоской моею?
Слезы день и ночь точу я,
Дольше плакать не хочу я,—
Отплачу я!

Вернись, молю,—
Иль отомщу я...
Терплю, терплю—
Иль прогнѣвалюсь,
И не прошу я...
И, какъ люблю,
Такъ разлюблю;
И, какъ томлюсь,
Такъ истомлю—
Безъ поцѣлуя!..»

III.

Тамъ, гдѣ мутный валь Дѣбата,
Роясь, воетъ подъ скалой,
Есть могила, мхомъ одѣта;
Спать въ ней горечь удалой.
Какъ потерянная, бродить
У могилы той жена;
Долгій день въ слезахъ проводить,
Ночь унылую безъ сна.

Но ни жалобамъ, ни зовамъ
Изъ глубинъ отвѣта нѣтъ;
Изъ тѣсинъ звучить отвѣтъ
Утѣшеніемъ суровымъ...
«Не поддамся я оковамъ,
Вырвусь вонъ, на вольный свѣтъ!»
Узникъ яростный, Дѣбэтъ,
Ей гласить немолчнымъ ревомъ:

«Ты довѣрься мнѣ, Анушь!
Я обѣта не нарушу:
Уведу твою я душу
Въ тихій рай безплотныхъ душъ,—
Въ рай, гдѣ милый твой, Анушь!..»

— «Анушь, Анушь!»—склоняся съ обрыва,
Взываетъ мать: «домой пора!..»
Доль нѣмъ. Безмолвствуетъ гора...
Одинъ Дѣбэтъ, безъ перерыва,
Длитъ вѣчный вой: «Вушь, вушь!..¹ Увы...»—
Вздыхая пѣнныя главы...

Эпилогъ.

Въ ночь Вознесеня есть мгновенье
Неизреченной тишины:
Безмолвно дальнее творенье,
Врата небесъ отворены,
И дышитъ благодатью Господней
Вселенная до преисподней.

Душъ разлученныя четы,
Любившія безъ утolenья,
Въ тотъ мигъ блаженной полноты,
Покинувъ звѣздныя селенья,
Цѣлуютъ, духа духъ, въ уста,—
И замыкаются Врата.

¹ Вушь, вушь—«горе, горе!».

ОДНА КАПЛЯ МЕДА.

СКАЗКА.

Одинъ купецъ въ селѣ своемъ
 Торговлю всякимъ вель добромъ.
 Однажды изъ сосѣднихъ селъ
 Къ нему съ собакою пришелъ
 Пастухъ, саженный молодець.
 «Здорово», говорить, «купецъ!
 Есть медъ—продай,
 А нѣтъ—прошай.»
 «Есть, есть, голубчикъ пастушокъ!
 Горшокъ съ тобой? Давай горшокъ!
 Медъ—вотъ онъ: что укажешь самъ,
 Отвѣшу мигомъ и продамъ.»

Все по-хорошему идетъ,
 За словомъ слово—тотъ же медъ.
 Отвѣшенъ медъ—но какъ алмазь
 На землю капля пролилась.
 Жэз...: муха. Сладкій чужъ медъ,
 Жужжить, звенить и къ каплѣ льнетъ.
 Хозяйскій котъ, бочкомъ, бочкомъ,
 За мухой крадется. Потомъ
 Въ одинъ прыжокъ
 На муху—скокъ!

И въ тотъ же мигъ пастушій песь
 Ощерился, наморщилъ носъ,
 Рванулся, взвылъ
 Что было силъ,
 Кота подмялъ,
 За горло взялъ,
 Сдавиль, куснулъ—
 И отшвырнулъ.

«Загрызь! Загрызь! Ахъ, котикъ мой!
 Ахъ, чтобъ тѣ спохнуть, песь чумной!»
 Разгнѣвался купецъ—и вотъ,
 Чѣмъ попада, собаку бьетъ.
 Визжитъ собака—и рядкомъ
 Съ несчастнымъ падаетъ котомъ.

«Пропаль мой левъ, пропаль, конецъ!
 Кормилецъ, другъ мой!.. Ну, купецъ,
 Мерзавецъ, воръ, такой-сякой!..
 Да провались домишко твой!..
 Ты смѣлъ собаку бить мою—
 Отвѣдай же, какъ самъ я бью!»
 Взревѣлъ пастухъ нашъ, надъ купцомъ
 Дубину тяжкую съ кремнемъ
 Занесъ—и въ мигъ хозяинъ злой
 Упалъ съ пробитой головой.

— Убили!.. Кто тамъ?.. Караулъ!..
 По всѣмъ кварталамъ шумъ и гулъ,
 Народъ стекается, кричить:
 — На помощь! Караулъ! Убить!

Съ нагорныхъ улицъ, изъ низовъ,
 Съ дороги, съ пастбищъ, отъ станковъ,
 Крича, кляня,
 Вопя, стена,
 Отецъ и мать,
 Сестра и зять,
 Жена и братъ,
 И кумъ, и свать,

И всѣ дядья,
 И всѣ друзья,
 И съ тещей тесть,
 И какъ еще ихъ тамъ—Богъ вѣсть—
 Бѣгутъ, бѣгутъ, бѣгутъ, бѣгутъ
 И чѣмъ попало бьютъ и бьютъ:
 «Ахъ, окаянный! Ахъ, пострѣль!
 Да какъ ты могъ? Да какъ ты смѣлъ?
 Да съ чѣмъ ты шель: товаръ купить,
 Иль даромъ душу загубить?»

И рядомъ съ псомъ своимъ въ углу
 Пастухъ простерся на полу.
 «Ну, постояли за купца.
 Бери, кто хочетъ, мертвеца!»
 И вскорѣ въ ближнее село
 Извѣстье скорбное пришло.
 — Эй, кто тамъ есть?
 Возможно ль снести?
 Вѣдь это нашъ пастухъ убить!..

Порой шалунъ разворошить
 Гнѣздо осиное и прочь
 Уидеть. Не то же ли точь въ точь
 Надѣлала и муха та?
 Смятенье, шумъ и суета...
 Что подвернулось второпяхъ,
 Хватаютъ. Кто съ ружьемъ въ рукахъ,
 Кто съ вилами, а кто съ ножомъ,
 Съ лопатой, съ палкой, съ топоромъ,
 Кто съ заступомъ, кто вертель взялъ,
 Тотъ шапку въ слѣшкѣ потерялъ,
 Тотъ вскинулъ на-лошадь сѣдло—
 И всѣ на вражее село.

«Что за безсовѣстный народъ!
 Ни страхъ, ни стыдъ ихъ не беретъ.
 Къ нимъ за товаромъ забредешь—
 Накинутся — и въ спину ножъ.
 Тьфу, пропасть! Провалиться бѣ вамъ,

Убийцамъ лютымъ, дикарямъ!
 Пойдемъ, побьемъ,
 Сожжемъ, сотремъ!
 Эй, ну-ка, не плошай, впередъ!»

И вышелъ на народъ народъ.
 И каждый билъ, и билъ, и билъ,
 Рубилъ, и рѣзалъ, и громилъ,
 И всякъ чѣмъ больше порубилъ,
 Тѣмъ больше въ ярость приходилъ.
 Сосѣда билъ сосѣдъ,
 Сосѣда жегъ сосѣдъ,
 И кто гдѣ жилъ—
 Простылъ и слѣдъ.

Но вотъ бѣда: межъ этихъ селъ
 Рубежъ, дѣлившій земли, шель,
 И подать каждое село
 Владыкѣ своему несло.
 Заслышавши про тотъ разбой,
 Немедля царь страны одной
 Указъ громовый издастъ:

«Да знаетъ вѣрный нашъ народъ,
 Отчизны общей каждый сынъ,
 Рабочій, воинъ, дворянинъ,
 И нашъ Совѣтъ,
 И цѣлый свѣтъ,
 Что дерзкій, вѣроломный врагъ,
 Забывши честь и Божій страхъ,
 Насъ подлой лестью усыпилъ,
 Въ цвѣтущій нашъ предѣлъ вступилъ—
 И гражданъ мирную семью
 Предалъ желѣзу и огню.
 Кровь жертвъ изъ бѣднаго села
 Къ стопамъ престола притекла,
 И сколь ни горько это намъ—
 Мы отдали приказъ войскамъ
 Въ предѣлы вражіе вступить
 И за невинныхъ отомстить.»

А чтобы дерзких побороть,
Намъ въ помощь—пушки и Господь».

Но царь враждебный въ свой чередъ
Войскамъ такой приказъ даетъ:
«Предъ Господомъ и всей землей
Мы возвѣщаемъ: хитрый, злой
Сосѣдъ попраля небесъ законъ
И между братскихъ двухъ племень
Посѣяль злобу и раздоръ.
Онъ дружбы древній договоръ
Нарушилъ первый. Нынѣ, вставъ
За нашу честь, за добрый нравъ,
За кровь погубленныхъ людей,
За вольность родины своей,
Мы, властью намъ присущихъ правъ,
На помощь Господа призвавъ,
Подземлемъ мечъ побѣдный свой
И гнѣвъ—надъ вражеской главой.»

И злая началась война.
Въ огнѣ пылаетъ вся страна,
Шумъ, грохотъ, кровь, и крикъ, и стонъ,
И плачь, и скорбь со всѣхъ сторонъ.
И въ дуновеніи вѣтровъ
Струится запахъ мертвецовъ.
И такъ идетъ
За годомъ годъ:
Станки молчатъ,
Посѣвъ не сжать,
Все ширится войны костеръ,
За голодомъ приходитъ моръ.
Людей нещадно косить онъ,
И вотъ весь край опустошенъ.
И въ ужасѣ среди могилъ
Живой живого спросилъ:
— Съ чего жь, откуда жь и когда
Такая грянула бѣда?

АВЕТИКЪ ИСААКІАНЪ

1875 Г.

1. Моей матери. I—II. Перевель *А. Блокъ.*
- 2-13. Пѣсни. Перевель *онъ же.*
14. Съ посохомъ въ рукѣ...» Перевель *Вячеславъ Ивановъ.*
15. «Гиацинту ли нагорій...» Перевель *онъ же.*
16. «Звѣроловъ, оленьимъ слѣдомъ...» Перевель *онъ же.*
17. Моей матери. Перевель *онъ же.*
18. «Нѣтъ тебя, душа отчизна, краше...» Перевель *онъ же.*
- 19-21. Три стихотворенія. Перевель *Валерій Брюсовъ.*
22. «Моя душа...» Перевель *Ив. Бунинъ.*
23. «Черныя, мрачныя тучи...» Перевель *Л. Зилсвъ.*
24. Абуль-Ала-Маари. Касить въ 7 сурахъ съ Вступленіемъ. Перевель *Валерій Брюсовъ..*

1.

МОЕЙ МАТЕРИ.

I.

Отъ родимой страны удалился
Я, изгнанникъ, безъ крова и сна,
Съ милой матерью я разлучился,
Бѣдный странникъ, лишился я сна.

Съ горь вы, пестрыя птицы, летите,
Не пришлось ли вамъ мать повстрѣчать?
Вѣтерки, вы съ морей шелестите,
Не послала ль привѣта мнѣ мать?

Вѣтерки пролетѣли безшумно,
Птицы мимо промчались на югъ.
Мимо сердца съ тоскою безумной—
Улетѣли безшумно на югъ.

По лицу, да по ласковой рѣчи
Стосковался я, мать моя, джань,¹
Былъ бы сномъ я—далече, далече
Полетѣлъ бы къ тебѣ, моя джань.

Ночью душу твою цѣловаль бы,
Обнималъ бы, какъ сонный туманъ,
Къ сердцу въ жгучей тоскѣ припадалъ бы,
И смѣялся и плакалъ бы, джань!

II.

Мнѣ грезится: вечеръ мирень и тихъ,
Надъ домомъ стелется тонкій дымъ,

¹ Джань—ласкательное названіе (см. стр. 344 и др.).

Чуть выблуются вѣтви родимыхъ ивъ.
Сверчокъ трещить въ щели, невидимъ.

У огня сидитъ моя старая мать,
Тихонько съ ребенкомъ моимъ грустить.
Сладко-сладко спокойно дремлетъ дитя,
И мать моя молча молитву творить.

«Пусть прежде всѣхъ поможетъ Господь
Всѣмъ дальнимъ странникамъ, всѣмъ больнымъ,
Пусть послѣ всѣхъ поможетъ Господь
Тебѣ, мой бѣдный изгнанникъ, мой сынъ.»

Надъ мирнымъ домомъ струится дымъ,
Мать надъ сыномъ молитву творить,
Сверчокъ трещить въ щели, невидимъ,
Родимая ива едва шелестить.

ПѢСНИ.

2.

Аль-златъ нарядъ—мой дѣтка радъ.
Индійскій лаль въ ручонкѣ сжалъ,
Люль-люль, даръ-даръ, дитя краса,
Спи, спи, бай-бай, дремли, да-да,
Бровь—полумѣсяцъ, спи, даръ-даръ,
Глазокъ—звѣзда, Господень даръ.

День настаеъ, овца идетъ,
Дитя все спитъ и не встаеъ.
Вставай, капризначай, кричи,
Гопь-гопь, на соску, на, соси,
Топь-топъ, тихонечко ходи.
Нѣтъ, сладкій сонъ тревожитъ жаль,
Щека, какъ сахаръ, какъ миндаля.¹

¹ Люль—люль, даръ—даръ, да—да и другія восклицанія въ пѣснѣ—чисто звукоподражательныя, подобно нашему «бай—бай» и определеннаго значенія не имѣютъ.

Джанъ Божья Мать, молю тебя,
Отъ злого взора, наговора,
Храни, храни мое дитя...

3.

Былъ бы на Аразѣ¹ у меня баштанъ,
Посадилъ бы иву, розы я, да макъ,
Подъ тѣнистой ивой сплелъ бы я шалашъ,
Въ шалашѣ бы вѣчно пламенѣлъ очагъ!

Чтобъ сидѣла рядомъ милая Шушанъ,²
Чтобы намъ другъ друга у огня ласкать!
Кабы на Аразѣ завести баштанъ,
Для Шушикъ лилейной отдыха не знать!

4.

Быстролетный и черный орель
Съ неба палъ, мою грудь расклевалъ,
Сердце клювомъ схватилъ и возвелъ
На вершины торжественныхъ скалъ.

Взмыль сурово надъ кручами горъ,
Бросилъ сердце въ лазоревый блескъ,
И вокругъ меня слышенъ съ тѣхъ поръ
Орлихъ крылъ несмолкаемый плескъ.

5.

Во долинѣ въ полинѣ Сално³ боевой,
Раненъ въ грудь, умираетъ гайдукъ.
Рана—розы раскрытой цвѣтокъ огневой,
Стволъ ружья выпадаеъ изъ рукъ.

¹ Аразъ—Аракъ, рѣка, (см. выше). Баштанъ—садъ.

² Шушанъ, Шушикъ—женское имя Сусанна.

³ Сално—горная мѣстность въ турецкой арменіи.

Запѣваетъ кузнечикъ въ кровавыхъ поляхъ,
И, въ объятяхъ предсмертнаго сна,
Видитъ павшій гайдукъ, видитъ въ сонныхъ мечтахъ,
Что свободна родная страна...

Снится нива—колосья надъ вѣтромъ звенять,
Снится—звякая, блещетъ коса,
Мирно дѣвушки сѣно гребутъ—и звучать,
Все о немъ ихъ звенять голоса...

Надъ долиной Сално туча хмуро встаетъ,
И слезами увлажился доль.
И сраженному черныя очи клеюетъ
Опустившійся въ поле орель...

6.

Подъ Алмазнымъ вѣнцомъ
Среди звѣздъ—Алагязъ,
Выше горъ, выше тучъ
Онъ на тронѣ сидитъ, развалиясь.

Я помчусь за алмазнымъ вѣнцомъ
На крылахъ райской птицы Синамъ,
Къ тѣмъ звѣздамъ обращусь я лицомъ,
Сердце снамъ и видѣньямъ предамъ.

Въ сердцѣ—рай, тамъ поютъ соловьи,
Кущи розъ, о любви плачетъ сазъ...
О, Заро! насъ объятъя мои
На алмазный умчатъ Алагязъ!¹

7.

Ужъ солнце за вершиной горъ,
И даль луговъ мутна.

¹ Алагязъ—гора (см. выше). Синамъ—фантастическая птица.

Умолкъ уснувшій птицй хоръ,
А я—не знаю сна.

Сквозь крышу мѣсяцъ заглянулъ,
Вѣсы приподнялись,
Прохладный вѣтеръ потянулъ
Къ звѣздамъ въ ночную высь.

О, нѣжный вѣтеръ, звѣздный свѣтъ,
Гдѣ яръ мой въ эту ночь?¹
О, звѣзды, васъ прекраснѣй нѣтъ,
Гдѣ бродитъ яръ всю ночь?

Разсвѣтъ насталь и въ дверь вошелъ,
Туманъ, и дождь идетъ.
Аль-конь пришелъ, одинъ пришелъ,
Ахъ, яръ домой неидеть!

8.

Караванъ мой бренчитъ и плетется
Средь чужихъ и безлюдныхъ песковъ.
Погоди, караванъ! мнѣ спадется,
Что изъ родины слышу я зовъ...

Нѣтъ, тиха и безмолвна пустыня,
Солнцемъ выжжена дикая степь.
Далеко моя родина нынѣ,
И въ объятяхъ чужихъ—моя джань.

Поцѣлюямъ и ласкамъ не вѣрю,
Слезъ она не запомнитъ моихъ.
Кто зоветъ? Караванъ, шевелися—
Нѣтъ въ подлунной обѣтовъ святыхъ!

Уводи, караванъ, за собою,
Въ не родную, безлюдную мглу.

¹ Яръ—милый (см. выше, народная поэзия и др.).

Гдѣ устану—склоняюсь главою
На шипы, на утесы, на скалу...

9.

Издалека въ тиши ночной
До сердца пѣснь дошла.
Чья тихая душа тоской
Мнѣ душу облекла?

Въ печальной пѣсни—ароматъ
Бажокальной мечты.
Прибой любви священной, братъ,
Услышь безвѣстный, ты!

10.

Я увидѣлъ во снѣ: колыхаясь, вѣясь,
Проходилъ караванъ, сладко пѣли звонки.
По уступамъ горы, громовядясь и змѣясь,
Проползалъ караванъ, сладко пѣли звонки.

Посреди каравана—безцѣнная джанъ,
Радость блещетъ въ очахъ, подвѣчный нарядъ...
Я—за нею, палимый тоской... Караванъ
Раздавилъ мое сердце, повергъ меня въ прахъ.

И, съ раздавленнымъ сердцемъ, въ дорожной пыли,
Я лежалъ одинокій, отчаянья полнъ...
Караванъ уходилъ, и въ далекой дали
Уходящіе сладостно пѣли звонки.

11.

Да, я знаю всегда—есть чужая страна,
Есть душа въ той далекой странѣ,
И грустна, и какъ я одинока она,
И сгораетъ, и рвется ко мнѣ.

Даже кажется мнѣ, что къ далекой рукѣ
Я прильнуль поцѣлуемъ святымъ,
Что рукой провожу въ неисходной тоскѣ
По ея волосамъ золотымъ...

12.

Видитъ лань—въ водѣ
Отраженъ олень.
Рыщетъ лань вездѣ,
Ищетъ, гдѣ олень.

Лани зовъ сквозь сонъ
Услыхалъ олень.
Рыщетъ, ищетъ онъ,
Ищетъ ночь и день.

13.

Словно молніи лучъ, словно громъ изъ тучъ,
Омраченъ душой, я на бой пошелъ.
Словно стая тучъ надъ зубцами кручъ,
Милый другъ сестра, братъ твой въ бой пошелъ.

А утихнеть бой—не ищи меня
Въ удалой толпѣ боевыхъ друзей,
Ты ищи, сестра, ворона коня,
Онъ копытомъ бьетъ въ тишинѣ полей.

Не ищи, душа, не ищи дружка,
На хмѣльномъ пиру, средь товарищей.
Взвзоетъ горный вѣтръ, кинетъ горсть песка
Въ твоего дружка на пожарницѣ.

И чужая мать, неродная мать
Будетъ слезы лить надъ могилою,
Не моя сестра—горевать, рыдать,
Разсыпать цвѣты надъ могилою...

14.

СЪ ПОСОХОМЪ ВЪ РУКЪ...

Съ посохомъ въ рукѣ дрожащей, удрученъ, согбенъ, унылъ,
Послѣ долгихъ лѣтъ, скиталець, я завидѣлъ милый долъ.
Перешелъ семь горъ высокихъ, семь морей я переплылъ,
Все утратилъ, нищій странникъ, но до родины добрелъ.

Подходя къ селеню, съ сердцемъ переполненнымъ тоской,
За околицю, въ полѣ, друга дѣтства повстрѣчалъ.
«Старина»,—вскричалъ,—«Богъ помочь. Узнаешь, кто я такой?
Измѣнился?» Мой товарищъ поглядѣлъ и промолчалъ.

Мѣрю улицу клюкою. Вотъ и милой частоколь,
И сама, съ душистой розой, показалась у крыльца.
«Здравствуй»,—молвилъ я,—«сестрица! Богъ намъ свидѣтся
привель».

Отвернулась, отмахнулась отъ бродяги-пришлеца.

Никну ниже я. Родную вижу хижину, и тынь,
И старуху—мать.—«Хозяйка, гостю на ночь дай пріютъ!»
Содрогнулась и всплеснула мать руками:—«Какъ ты тутъ?»—
И ко мнѣ въ слезахъ прильнула:—«Сынъ мой милый. Бѣдный
сынъ!»

15.

ГІАЦИНТУ ЛИ НАГОРІЙ...

Гіацинту ли нагорій,
Соловью ль, пѣвцу садовъ,
Вѣтру ль мнѣ повѣдать горе,
Тѣни ль бѣглыхъ облаковъ?

Бѣлый свѣтъ подобенъ гробу,—
Словно въ землю я зарытъ.
Увели мою зазнобу!
Плачу, плачу я навзрыдъ.

Безъ нея мнѣ нѣтъ веселья:
Душу взявъ мою,—ушла
И, забывчивая, зелья
Мнѣ отъ ранъ не припасла...

Гіацинту ли нагорій,
Соловью ль, пѣвцу садовъ,
Вѣтру ль выплакать мнѣ горе,
Стаѣ ль бѣлыхъ облаковъ?

16.

ЗВѢРОЛОВЪ, ОЛЕНЬИМЪ СЛѢДОМЪ...

—«Звѣроловъ, оленьимъ слѣдомъ
Рыщешь ты весь долгій день.
Дикій логъ тебѣ ль не вѣдомъ,
Гдѣ таится мой олень?»

—«Солнце, сынъ мой, злой кручиной
Въ горы загнанъ, одичалъ.
Цвѣтъ мой, макъ мой надъ стремниной
Гдѣ цвѣтеть,—не примѣчалъ?»

—«Брачный платъ зелено-алый
Повязалъ твой сынъ, сестра.
Мнетъ во снѣ женихъ усталый
Нѣгу пестраго ковра.»

—«Кто жъ она,—скажи, родимый,
Коль прослышала ты молву,—
Чью на грудь мой сынъ любимый
Клонить буйную главу?»

—«Вицѣль я: склонясь лежалъ онъ
На скалу, твой удалецъ.
Не жену къ себѣ прижалъ онъ:
Онъ зажалъ въ груди свинець.»

17.

МОЕЙ МАТЕРИ.

—Межъ цвѣтовъ не макъ алѣеть,—
Спитъ онъ въ каменномъ гробу.
Вѣтерочекъ тихо вѣеть,
Развиваетъ прядь на лбу.

Въ чуждальномъ я плѣну
Жизнь бездомную клянѹ:
Какъ съ родимую простился,
Сномъ спокойнымъ не забылся.

Вы летите, птицы, съ горь:
Залетали ль къ ней на дворъ?
Вѣтерокъ, ты съ моря дуешь:
Отъ нея ль меня цѣлуешь?

Стая въ облакъ кричить,
Мимовѣйный вѣтръ молчить:
Краемъ крыль души коснулись,
Пронеслись—и не вернулись.

Свѣтомъ ласковыхъ очей,
Сладкой звучностью рѣчей
Хоть во снѣ бѣ отвелъ я душу,
Хоть во снѣ бѣ ее подслушаль!

Какъ покроетъ доли тьма,
Одолѣетъ мать дрема,—
Льнулъ бы къ ней въ туманѣ тонкомъ,
Ей привидѣлся бѣ ребенкомъ!

18.

НѢТЬ ТЕБЯ, ДУША ОТЧИЗНА, КРАШЕ...

Нѣтъ тебя, душа-отчизна, краше!
Въ небѣ горы тають. Розу клонить
Вѣтерокъ. Озеръ синѣютъ чаши...
А народъ въ потопѣ крови тонеть!

Отдаль бы тебѣ, моя отчизна,
Душу я: души единой мало.
Тысячу бѣ, съ одною, отдавъ жизнью:
Дать другія сердце бѣ тосковало!

Я любви твоей сынамъ родимымъ
Жертвою бы сталъ тысячекратной!..
Дай же,—если быть пѣвцу щадимымъ,—
Пѣснью величать тебя прятной,—

Съять кровью полита́я нива,
Жаворонкомъ съ неба вѣсть восхода:
Зеленѣетъ огненное диво,
Солнце новыхъ дней встаетъ—свобода!

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ.

19.

Сорванную розу вѣткѣ не вернуть,
Мигомъ миновавшимъ снова не вздохнуть.

Что пережила ты—все во снѣ, въ туманѣ,
И любовь и горе—тѣнь воспоминаній.

Сохрани же чистымъ сердце, доброй будь,
Чтобъ на память жизни не осѣла мать,

Не спѣши... Смерть глянетъ поздно или рано...
Все пройдетъ безслѣдно: сны и мгла тумана!

20.

Твоихъ бровей два сумрачныхъ луча
 Изогнуты, какъ мечъ у палача.
 Все въ мѣрѣ—призракъ, ложь и суета,
 Но будь дано испить твои уста,
 Ихъ алое вино,—
 Я съ радостью приму ударъ меча:
 Твоихъ бровей два сумрачныхъ луча
 Изогнуты, какъ мечъ у палача.

21.

Безвѣстна, безымянна, позабыта
 Могила есть въ безжизненной степи.
 — Чей пепель тлѣетъ подъ плитой разбитой,
 Кто, плача, здѣсь молился: «мирно спи!»

Нѣмой столой столѣтія проходятъ;
 Вновь жаворонка пѣснь безпечна днемъ,
 Вновь вѣтеръ волны травяныя водить...
 — Кѣмъ былъ любимъ онъ? кто мечталъ объ немъ?

22.

МОЯ ДУША...

Моя душа объята тьмой полночной,
 Я суетой земною истомленъ.
 Моей душой, безгрѣшной, непорочной,
 Владѣетъ дивный и великій сонъ.

Лазурнокрылый ангелъ въ небѣ рѣетъ,
 На землю дѣва сходитъ, и она
 Дыханьемъ звѣздъ, лобзаньемъ неба свѣтетъ
 Съ моей души ночныя чары сна.

И день, и ночь ея прихода жду я,—
 Вотъ-вотъ она покинетъ небосклонъ,
 Разсѣетъ ночь души—и, торжествуя,
 Я воспою мой дивный, вѣщій сонъ!

23.

ЧЕРНЫЯ, МРАЧНЫЯ ТУЧИ...

Черныя, мрачныя тучи сошлись у тебя на челѣ,
 Ты запахнулся въ туманъ, Алагязъ.
 Въ сердцѣ моемъ—солнце потухло во мглѣ,
 Сердце въ туманѣ мое, Алагязъ.¹

Къ пестрымъ уступамъ твоимъ я подходилъ, я искалъ:
 Не было розъ безъ шиповъ и на нихъ.
 Ахъ, мои розы, старикъ, рано завяли у скалъ,
 Горе, шиповъ не исчислить моихъ.

Эй, вы, красивыя птицы Манташа, поэты вершинъ!
 Если бы горе мое суждено было вамъ,
 Эти блестящія шелкомъ и пестрыя перышки спинъ
 Стали бы чернѣе, чѣмъ тьма по ночамъ.

Эй, вы, вѣжные вѣтры Манташа! Вы—сказки листовъ!
 Если бы долею вы помѣнялись со мной,
 Въ чашечкахъ вашихъ сладко-медвяныхъ цвѣткахъ
 Брызнулъ бы ядъ, сжегъ бы яростный зной.

Крылья разбились, мнѣ ихъ опять не взметнуть.
 Здѣсь я, упалъ я въ объятія твои, Алагязъ.
 Дай мнѣ сердцемъ, старикъ, къ великому сердцу прильнуть
 И плакать, рыдать... Ой, кровью рыдать, Алагязъ!

¹ Алагязъ и Манташъ—горы.

24.

АБУЛЬ АЛА МААРИ.

касить въ 7 сурахъ.¹

Вступленіе.

Абуль Ала Маари,
 Поэтъ знаменитый Багдада,
 Прѣжилъ три-раза десять лѣтъ въ великолѣпномъ градѣ калифовъ,
 Прѣжилъ въ усладахъ и въ славѣ;
 У вельможъ и богатыхъ садился за столъ,
 Съ учеными и съ мудрецами вступалъ въ разговоръ,
 Друзей любилъ и извѣдалъ,
 Въ земляхъ разныхъ народовъ бывалъ, смотря, наблюдалъ и
 людей и законы,—
 И его пронизательный духъ постигъ челоуѣка, постигъ и глубоко
 возненавидѣлъ.
 И, такъ какъ онъ не имѣлъ ни жены, ни дѣтей,
 Нищимъ онъ роздалъ богатство,
 Собралъ караванъ изъ верблюдовъ, взялъ нѣсколько старыхъ
 испытанныхъ слугъ,
 Взялъ припасы въ дорогу, и, ночью, когда,
 Подъ сладострастные шелесты пальмъ, въ сонъ погрузился
 Багдадъ, на берегахъ, кипарисами убранныхъ, Тигра,
 Тайно изъ города вышель.

¹ Болѣе подробныя объясненія къ этой поэмѣ см. въ Примѣчаніяхъ.

Сура I.

И караванъ Абуль Алы, какъ ручей, что, журча, бѣжитъ средь
 песковъ,
 Въ дремотной ночи неспѣшно шагаль, со звяканьемъ нѣжнымъ
 большихъ бубенцовъ.
 Размѣреннымъ шагомъ путь совершалъ ночной караванъ, вѣясь
 какъ змѣя,
 И звонъ сладковучный лился, затоплялъ погруженныя въ сонъ
 нѣмыя поля.
 Облеянный нѣгой, въ дремотѣ Багдадъ былъ истомой
 объять райски-пламенныхъ грезъ,
 Въ гелистанахъ газели пѣлъ соловей: пѣсни сладкія страсти
 пѣлъ сладко до слезъ.
 Водометы смѣялись, роняя вокругъ адамантовый смѣхъ, ясный
 смѣхъ безъ конца;
 Благовонныхъ лобзаній лился еиміамъ отъ кристалльных кіос-
 ковъ въ преддверьяхъ дворца.
 Ароматомъ гвоздики рассказывалъ вѣтръ сказки древнихъ вре-
 менъ, сказки Шехерезадъ;
 Кипарисы и пальмы, въ изнѣженномъ смѣ, у старой дороги
 качались въ рядъ.
 И караванъ, вѣясь какъ змѣя, назадъ не глядѣлъ, звенѣлъ дальше
 во мглу,
 Неизвѣданный путь неисчетностью чаръ манилъ и ласкалъ
 Абуль Алу.
 И другой караванъ—бриліантовыхъ звѣздъ свой путь совершалъ
 по небеснымъ путямъ,
 И торжественно-ясный, божественный звонъ звенѣлъ въ непре-
 дѣльныхъ просторахъ и тамъ
 Былъ полонъ весь міръ, очарованъ во смѣ безпредѣльнымъ на-
 пѣвомъ, перезвономъ съ небесъ,
 И, душой ненасытной, Абуль Маари неумолчнымъ внималъ
 перезвонамъ съ небесъ.
 — «Иди, все иди, ты мой караванъ! шагай все впередъ, остановокъ
 намъ нѣтъ!»
 Такъ, въ душѣ самъ съ собой, говорилъ съ тоской Абуль Маари,
 великій поэтъ.

«Въ пустыню веди, къ безлюднымъ краямъ, свободнымъ, святымъ,
въ изумрудную даль,
Къ солнцу стремись, торопись! будетъ мнѣ—въ сердцѣ солнца
спалить свое сердце не жаль!
Вамъ прости не скажу я, могила отца, материнская люлька подъ
кровлей родной,
Съ былымъ мое сердце въ ссорѣ навѣкъ: съ тобой, отчій домъ!
память дѣтства съ тобой!

«Когда-то любилъ я сердечно друзей, и далекихъ и близкихъ, не
всѣхъ ли людей,
Но стала любовь ядовитой змѣей и огненной мучить отравой
своей!
Я все ненавижу, что прежде любилъ, что въ душахъ людскихъ
мой взоръ подсмотрѣлъ:
Тысячу золь я въ людяхъ обрѣлъ,—отватныхъ и черныхъ, по-
зорныхъ дѣлъ!
Но тысячу первымъ гнушаюсь я зломъ,—лицемѣриемъ гнуснымъ,
что хуже всѣхъ золь,
Я бѣгу отъ него, ибо красить оно человѣческой ликъ въ святой
ореолъ.
Языкъ человѣка! души его адъ въ покровѣ убираешь ты, въ сотню
прикрасъ,
Въ лазурный наметъ, въ поцѣлуй, въ ароматъ,—но правдивое
слово сказалъ ли хоть разъ?
Языкъ человѣка! Отравленный дротъ! Медь струя, ты мнѣ сердце
пробилъ, какъ стрѣла.
Въ сердцѣ умерло небо любви и надеждъ, и, какъ солнце заходить,
въ немъ вѣра зашла.

«Въ пустыню иди, ты, мой караванъ! въ безлюдный, и въ дикій,
и въ знойный край!
Подъ грозной стѣной мѣдно-рыжихъ скалъ тамъ сдѣлай приваль,
межъ звѣрей отдыхай!
Гдѣ гнѣзда ехиднъ, разобью свой шатерь! разобью свой шатерь,
гдѣ спитъ скорпионъ!
Вдали отъ людей будетъ въ тысячу разъ безопаснѣй, покойнѣй,
прекраснѣй мой сонъ!
Безопаснѣй, чѣмъ въ дни, когда я преклонялъ главу утомленно
другу на грудь,

Ахъ, другу на грудь, подъ которой всегда разверстая бездна го-
това сглотнуть.
Доколѣ Синая съдую главу суровое солнце будетъ палить,
И желтыя груди въ пустынѣ нагсой, какъ волны морей, волно-
ваться и бить,—
Я не захочу увидѣть людей, друзей былыхъ и кровныхъ родныхъ,
Я не захочу услышать объ нихъ, объ ихъ дѣлахъ, ничтожныхъ
и злыхъ!»

Въ послѣдній разъ Абуль Маари, обратясь, на Багдадъ уснувшій
взглянулъ,
Свой морщинистый лобъ съ отвращенемъ отвелъ и къ шеѣ вер-
блюда любовно прильнулъ.
Со сладостной лаской поэтъ цѣловалъ горячимъ лобзаньемъ
верблюда въ глаза,
И одна за другой, палящей росой, по рѣсницамъ поэта стекала
слеза.
Со звяканьемъ нѣжнымъ, качаясь въ пескахъ, спокойно, раз-
мѣрно шагаль караванъ,
По пустынѣ впередъ совершалъ свой походъ къ голубымъ бере-
гамъ неизвѣданныхъ странъ.

Сура II.

И тотъ караванъ, вѣясь какъ змѣя, межъ пальмъ горделивыхъ
свой путь совершалъ,
И песокъ поднималъ, песка караванъ, и вѣтеръ игривый ту пыль
развѣвалъ.

— «Впередъ, караванъ! что кинули мы, чтобъ глядѣть,
сожалѣя, на жизнь прошлыхъ лѣтъ?»
Такъ, въ душѣ самъ съ собой, говорилъ съ тоской Абуль Маари,
великій поэтъ.
«Что за нами осталось, о мой караванъ! чтобъ вернуться назадъ,
въ отчизну свою?
Покинули мы друзей и жену? богатство и славу, родныхъ и
семью?
Покинули мы людей и народъ? законъ, справедливость,
отчизну, права?
Или и не медли! покинули мы лишь оковы и цѣпи, обманъ и слова!

«Ахъ! женщина что? кровожадный паукъ, коварный и лживый,
тщеславье безъ дна,
Что любить лишь хлѣбъ твой! и, ядъ въ поцѣлуй вливая, другому
она продана!
На ветхой ладѣ лучше въ море плыви, чѣмъ женщинѣ, клятеѣ
преступной, повѣрь:
Устами ея Иблисъ¹ говорить! о блудница, въ красивомъ обличіи
звѣрь!
О лиліи чистой, лучистой звѣздѣ ты мечталъ, ты желалъ спать
подъ свѣтлымъ крыломъ,
Ждалъ, что будетъ она бальзамомъ для ранъ, надъ страдающей
жизнью сіяющимъ сномъ,—
Ты грезилъ о пѣснѣ, какъ пѣснь родника, что влечетъ и поетъ
въ голубыхъ берегахъ,
Жаждалъ сладостныхъ слезъ на небесной груди, безсмертной
росы на прелестныхъ очахъ!
Но жаждущимъ душамъ женщинѣ любовь только горечь сулитъ,
какъ морская вода.
Въ сладострастномъ томленьи ты тѣло лобзалъ, не насыщень
и съ новымъ желаньемъ всегда!
«О, безстыдное тѣло женщинѣ! змѣя! преступленья и зла сата-
нинскій сосудъ!
Упоенія горьки, палящія плоть, и на солнце души они тучу
несутъ!
Ненавижу любовь, этотъ буйный прибой обжигающихъ больно,
палящихъ пучинъ,
Этотъ сладостный ядъ, опьяняются чѣмъ и жалостный рабъ и
царь-властелинъ!
Ненавижу любовь, что жестока какъ смерть, что рождаетъ по-
всюду зло безъ узды,
Неисчерпемый ключъ, что струитъ на весь міръ постыдную тину
вмѣсто воды!
«Ненавижу я женщинѣ, лобзанія ихъ, гнушаюсь коварствъ
оскверняющихъ нѣгъ,
Отъ порочнаго ложа ласки бѣгу и родильницы одръ проклиная
навѣкъ!

¹ Иблисъ—злой духъ.

«Васъ, жестокіе роды и боли, кляню! порождаете вы стаю хищ-
ныхъ вперъ,
Что, клубяся, шипять и другъ друга являютъ, чадной страстью
сквернить звѣзды выпрєнныхъ сферъ!
Тотъ безчестенъ, себя превратилъ кто въ отца, изъ блаженнаго
сна вызвалъ новый ростокъ,
Въ жизни сей стебелекъ на страданья обрекъ, и надъ нимъ бытія
Геену зажегъ!
«Согрѣшилъ мой отецъ въ быломъ предо мной, но я ни предъ кѣмъ
грѣха не свершилъ!»
Напишите такъ на могилѣ моей, если мнѣ суждено вѣдать радость
могилъ.
«Доколѣ вокругъ изумрудныхъ береговъ Геджаса¹ гремитъ при-
боя ударъ,—
Желать я не буду женской любви, искать я не стану обманчивыхъ
чаръ.
Скорѣй возжелаю терновникъ ласкать, его кустъ цѣловать, что
дикъ и колючъ,
Скорѣй на скалу главу положу, ланитой прильну на камень-
горючъ!»
И караванъ, стовзвучно звеня, свой путь продолжалъ, вѣясь какъ
змѣя,
Спокойно и стройно къ пустынѣ нагой онъ шелъ все впередъ въ
золотыя поля.
Казалось, рыдали въ ночи бубенцы, и звонкія слезы по каплѣ
лились,
Какъ-будто рыдали объ томъ, что въ быломъ любилъ Маари и
твердили: «вернись»!
Свирѣли зефирровъ пѣли во мглѣ, такъ сладко, нѣжнѣй, чѣмъ
напѣвы шарги,²
Про раны любви, про тоскливую скорбь, про тихіе сны и мечтанья
тоски.

Были сумрачны думы Абуль Алы, и грусть его снова—безъ
конца, безъ границъ,

¹ Геджасъ—сѣв.-зап. берега Аравіи.

² Шарга—музыкальный инструментъ.

Какъ путь, что угрюмо тянулся средь мглы, вился межъ
песковъ—безъ конца, безъ границъ.
Въ душѣ тосковалъ Абуль Маари, безнадежной тоской было
сердце полно,
Къ созвѣздіямъ нѣжнымъ онъ взоръ устремлялъ, съ безбрежнымъ
путемъ сливаясь въ одно,
Но назадъ не глядѣлъ на пройденный путь, и душа не горѣла
забытымъ былымъ,
Отвѣчать не хотѣлъ на привѣты другихъ, и привѣтовъ не слалъ
караванамъ другимъ.

Сура III.

И караванъ Абуль Алы, какъ ручей, что журчитъ посреди ти-
шины,
Спокойно и стройно шель все впередъ при сладостномъ свѣтѣ
смирной луны.
И луна, словно грудь юной дѣвы—изъ тѣхъ, что мечтаютъ въ
Дженнатъ,¹ прозрачна, свѣтла,
То стыдливо скрывалась во мглу облаковъ, то выско и нѣжно
по небу плыла.
Въ благовонную дрему укрылись цвѣты, изъ алмазовъ надѣвъ
несравненный уборъ,
Птицы, съ крыльями радугъ, ласкались, дрожа, доносился ихъ
щебетъ, какъ радостный хоръ.
Ароматомъ гвоздики нашептывалъ вѣтръ сказки древнихъ вре-
мень, сказки Шехерезадъ;
Кипарисы и пальмы, въ изнѣженномъ снѣ, у старой дороги кача-
лись въ рядъ.

Сказкамъ вѣтра внимая, Абуль Маари самъ съ собой говорилъ,
знаменитый поэтъ:
— «Вся вселенная—сказка, полная чаръ, гдѣ нѣтъ конца и
начала гдѣ—нѣтъ.

Кто же сплелъ эту сказку, роскошный рассказъ, сплелъ съ ней
вмѣстѣ созвѣздыя, бесцѣтность чудесъ?

¹ Д ж е н н а т ь—рай.

Говорить безпрестанно съ такимъ волшебствомъ на бесцѣтность
ладовъ, говорить, но исчезъ?
Возникаютъ народы, уходя въ мглу, но никто разгадать смысла
сказки не могъ.
Лишь поэты порой, что-то въ ней угадавъ, безсмертный напѣвъ
оставляютъ въ залогъ.

«Начала ея не слышалъ никто, не услышитъ никто ея конца,
Но вѣками живетъ каждый жизненный звукъ, безъ начала жи-
ветъ, живетъ безъ конца.

Для каждаго, кто приходитъ въ сей мѣръ, прекрасная сказка
также нова,

Начинается съ жизнью, до смерти звучитъ, пока живъ человѣкъ,
эта сказка жива.

Вселенная—сказка, жизнь—нѣкій сонъ, народы—прохожій, въ
пути караванъ,

Идущій впередъ, съ пламенѣющимъ сномъ, къ недвижнымъ моги-
ламъ невѣдомыхъ странъ.

Слѣпцы и безумцы, не чувствуя сна, упорно не внемля той сказкѣ
святой,

Вырываютъ съ борьбой другъ у друга куски, другъ друга тол-
каютъ къ могилѣ съ борьбой.

«Мы создали сами законовъ ярмо; паукъ намъ разставилъ губя-
щую сѣть;

Волшебную сказку мы сами мертвимъ, и снамъ не даемъ ихъ
огнемъ пламенѣть.

Злосчастные люди! все будетъ—лишь прахъ: ваши злыя сердца
и дѣла вашихъ рукъ.

Безучастное время сотретъ всѣ слѣды кровавой расправы, и
славы, и мукъ!

И вѣтеръ безпечный будетъ свистѣть надъ плитами вашихъ
забытыхъ гробовъ,

Ибо вы не сумѣли упиться вполне этой сказкой волшебной,
цѣлебностью сновъ!»

Межъ тѣмъ караванъ бриллиантовыхъ звѣздъ свой путь совер-
шалъ по небеснымъ путямъ,

И торжественно-ясный, божественный звонъ звенѣлъ неумолчно
въ просторахъ и тамъ.

Быль полонъ весь міръ, очарованъ во снѣ безпредѣльнымъ на-
гѣвомъ, перезвономъ съ высоту,
И душой ненасытной Абуль Маари неумолчнымъ внималъ пере-
звонамъ съ высоту.

—«Иди, караванъ мой! сплетая свой звонъ со звономъ небеснымъ,
нетлѣннымъ,—иди!

Въ материнское лоно природы веди, развѣй мои стоны, назадъ не
гляди!

Въ тотъ свѣтло-одеждный, невѣдомый край, къ одинокой, дале-
кой, безвѣстной странѣ,

Гдѣ есть мой оазъ, гдѣ грезы моихъ ключъ звенить, освѣжая,
въ святой тишинѣ!

Молчаливое небо! со мной говори языкомъ твоихъ звѣздъ и меня
утѣшай!

То сердце мое, что міръ уязвилъ, что ужалили братья, въ тиши
обласкай!

Свободенъ мой духъ! надъ собой не терплю—я ни силы, ни
власти, все—воля моя:

Нѣтъ для меня ни блага ни зла, ни суда ни закона, я самъ—свой
судья!

Надъ моей головою быть не должно ни защиты, ни крова отъ
вѣчной Судьбы;

Пусть внѣ жизни моей—какъ въ темницѣ темно, пусть тамъ,
гдѣ не я, цари и рабы!

Быть хочу внѣ предѣловъ, не вѣдать владыкъ, долга не знать,
забыть Божество:

Быть свободной безмѣрно, безгранно, во всемъ,—душа моя
жаждетъ лишь одного!»

Караванъ все впередъ совершалъ свой походъ, и сіяли надъ
нимъ,—такъ смѣется дитя,—

Очи вѣчно-свободныхъ, сверкающихъ звѣздъ, въ тверди синей
надъ тихой пустыней блестя.

Росою волшебной въ дремотной ночи весь искрился путь въ
бирюзовой дали;

Въ бирюзовую даль, въ безмятежную даль верблюды, качаясь,
размѣренно шли.

Сура IV.

Какъ гигантская птица, черная ночь ширѣко простерла крылья
свои;

Огромныя крылья нависли, покрывъ караванъ, всю пустыню,
оазы, ручьи...

И, отъ дали до дали, сумраки тучъ разостлали по небу, чернѣя,
кайму;

Луна и созвѣзды утратили свѣтъ, и казалось, что тьма окутала
тьму.

Налетали сурово вѣтры, стена, словно кони, сорвавшись съ
узды или съ цѣпей;

Въ ураганъ кружились, крутились въ борьбѣ облака и песокъ
сожженныхъ степей.

Смертоносную дрожь вызывали, свистя, и на сто голосовъ завыва-
вали вокругъ,

Словно звѣри на волѣ, отъ боли рыча, изъ желѣзныхъ затворовъ
ринулись вдругъ.

Вились по ущельямъ, съ весельемъ вопя, листья пальмъ по
оазамъ крутили, шурша

И скорбный псаломъ запѣвали потомъ, словно чья-то въ пустынѣ
рыдала душа.

— «Иди, караванъ мой! стойко иди! противъ вѣтра впередъ!
остановокъ намъ нѣтъ!

Такъ, въ душѣ самъ съ собой, говорилъ съ тоской Абуль Маари,
великій поэтъ.

«Войте, лютые вѣтры! ревите кругомъ! обвѣвайте, вы, вихри,
главу мою!

Вотъ, робости чужды, съ непокрытымъ челомъ, я, буйные вѣтры,
предъ вами стою.

Нѣтъ, я не вернусь назадъ въ города, гдѣ ликуетъ, бушуетъ
мутная страсть,

Не вернусь никогда я въ тѣ города, гдѣ людская царить крово-
жадная власть.

Нѣтъ, я не вернусь, бездомный, домой! я самъ погасилъ свой
отчій очагъ.

Горе тому, кто живетъ въ дому, кто не смѣетъ, какъ песъ, стойти
ни на шагъ!

«Налетите, о вѣтры, на отчій мой домъ! расшатайте устои, разрушьте въ немъ все!
 Развѣйте по свѣту безбрежному пылъ! дорога безъ края—мое жилье!
 Уединенье—отчизна моя! отчій кровь мнѣ теперь—въ звѣздахъ небеса!
 И караванъ—теперь мнѣ семья! и мой покой—пустынь голоса!
 О, чудесный мой путь, неизвѣстный всегда, вѣчно полная жизни, отчизна моя!
 Уводи меня въ дали! сердце, полное слезъ, уводи въ тѣ края, гдѣ одинъ буду я!
 И, куда бѣ ни привелъ, и оттуда спѣши: на пути остановка—новая боль!
 Добрый путь, уводи, дай исчезнуть, пропасть, дай скрыться отъ всѣхъ, затеряться позволь!

«Что осталось за нами, о мой караванъ, чтобъ вернуться назадъ, въ край близкихъ моихъ?
 Покинули мы друзей и жену? богатство и славу: семью и родныхъ?
 Людей и народъ покинули мы? законъ, справедливость, отчизну, права?
 Иди все впередъ! покинули мы лишь оковы и цѣпи, обманъ и слова!
 Что слава? Сегодня возносятъ тебя, именуя, ликуя, къ послѣдней чертѣ,
 А завтра съ презрѣньемъ камнями бьютъ, и топчутъ, повергнувъ въ своей слѣпотѣ.
 Что честь? или что уваженье людей? чтуть золото только, изъ страха насъ чтуть,
 Но чуть поскользнешься,—сталь честень другой, надъ тобой же свершаютъ безжалостный судъ.
 И что же богатство? Имъ каждый глупецъ покупаетъ и власть, и талантъ, и любовь.
 Богатство—то трупы убитыхъ людей, и слезы сиротъ, и пролитая кровь.
 Да что и отчизна? глухая тюрьма! поле брани и злобы, гдѣ править толпа,
 Гдѣ тиранъ беспощадный во славу свою въ пирамиду слагаетъ жертвъ черепа!

«Ненавижу отчизну! она богачамъ тучнымъ пастбищемъ служить для всякихъ потребъ,
 А пахарь безправый кровавой земли голый камень грызеть, взирая на хлѣбъ!
 Ненавижу я чернь! раболѣпна, тупа, она повторяетъ любой глупый толкъ,
 Но, духа гонитель, насилья упоръ, она, власть почуявъ, свирѣпа, какъ волкъ!
 И общество что? только лагерь враговъ, гдѣ всѣ неизмѣнно въ презрѣнномъ плѣну.
 Оно не выносить паренья души, стремленья свободной мечты въ вышину.
 Общество—обручъ, сжимающій духъ! ужасающій бичъ, свистящій подъ смѣхъ,
 Ножницы жизни, что рѣжутъ людей, чтобъ равными сдѣлать, похожими всѣхъ.
 Ахъ! что и законы? самими людьми въ руки сильныхъ дается отточенный мечъ,
 Чтобы сильныхъ хранить, чтобы слабыхъ губить, чтобы головы бѣднымъ безжалостно сѣчь.

«Я ненавижу, во гнѣвѣ святомъ, людскіе законы, права и суды.
 Гдѣ властенъ законъ, тамъ бѣднякъ угнетенъ: гдѣ не дремлютъ суды, тамъ свобода вражды.
 Путь невѣдомый мой! безслѣдно укрой меня вдаль отъ кровавыхъ правъ!
 Пусть лучше меня растерзаетъ тигръ, чѣмъ въ силу закона буду я правъ.
 Меня уведи, о мой караванъ! ехиднамъ довѣрь, подъ пескомъ схорони!
 Шагъ въ пустыню направь, отъ закона избавь! да въ великой свободѣ пройдутъ мои дни!»

А въ ярости буйной огнистымъ мечемъ руки молній рубили по мгlistости тучъ,
 Дробились въ упоръ о выступы горъ, и громъ грохоталъ, непокорно-могучъ.
 Вѣтры вопили, въ оазахъ вдали, кипарисы и пальмы шумѣли, треща,
 И караванъ, подъ звонъ бубенцовъ, безудержно, быстро бѣжалъ трепеща,

Бѣжалъ онъ, летѣлъ онъ, подъ звонъ-перезвонъ, песчанымъ
 плащемъ покрывая свой путь,
 Какъ будто гонимый незримой рукой, отъ грозной погони спѣша
 ускользнуть.

Сура V.

Благоухали въ полдневномъ жару нарцисъ и заторъ, дыша, всѣ
 въ цвѣту,
 И караванъ, затерянь въ пыли, подвигался впередъ, утомлень
 и въ поту.

— «Иди, караванъ мой! сквозь бурю и зной, въ пустыню войди,
 остановокъ намъ нѣтъ!»

Такъ, въ гнѣвѣ, съ тоской, говорилъ самъ съ собой Абуль Маари,
 великій поэтъ.

«Пусть встрѣтитъ меня обжигающій вѣтръ, слѣдъ въ горючихъ
 пескахъ пусть сотретъ онъ навѣкъ,
 Чтобъ меня человѣкъ не нашель никогда, чтобъ рядомъ со мной
 не дышалъ человѣкъ.»

Отъ людей я въ пустынь буду спасень, такъ кого же еще мнѣ
 бояться теперь?

Съ громкимъ рыканьемъ въ пескахъ на меня пусть нападаетъ
 яростный звѣрь!

Уже вижу я львовъ рыжешерстыхъ вдали, что глядятъ на меня,
 тая свой порывъ,

И вѣтеръ свѣваетъ тысячу искръ на желтый песокъ съ ихъ жел-
 тѣющихъ гривъ.

«О, придите, взываю, я не бѣгу! придите пожрать уязвленную
 грудь!»

Я назадъ въ города не вернусь никогда, въ людское жилье не
 войду отдохнуть.

Быть должно съ людьми на страхъ всѣ дни, съ оружьемъ въ ру-
 кахъ озираться вокругъ,

Чтобъ тебя не обидѣлъ, не растерзалъ, накинувшись вдругъ,
 и недругъ и другъ.

Что люди? Подъ маской—дьявольскій ликъ! у ажда го коготь
 и жало найдешь,

Копыто и клыкъ: ихъ лживый языкъ всегда ядовитъ и колеть,
 какъ ножъ.

Что люди? Имъ любы крохи твои! вызираетъ ихъ взглядъ, гдѣ
 отъ денегъ ключи.

Готовы отречься, готовы предать, что стая лисицъ, палачи,
 палачи!

Всѣ низкопоклонны, продажны всѣ, малодушны и лъстивы во дни
 нищеты;

Всѣ немилосерды, мстительны всѣ, во дни богатства, кичливы,
 пусты.

Обозрѣвши пески, если счесть всѣ шаги, что мой караванъ по
 дорогѣ прошелъ,

Несчастность шаговъ не сравнится съ числомъ въ единый сутки
 свершаемыхъ золь.

И вотъ говорю я: услыште меня, ты, Сѣверъ и Западъ, ты Югъ
 и Востокъ!

Чьи враждебные вѣтры внемлютъ теперь правдивымъ словамъ,
 что путникъ изрекъ!

Услыште! развѣйте жгучую рѣчь, пусть отъ моря до моря
 узнаетъ весь свѣтъ,

Что хуже, постыднѣй, чѣмъ человѣкъ, что жесточе его—созданія
 нѣтъ.

Люблю я шакала и съ жаломъ змѣю, и лишь къ человѣку во мнѣ
 нѣтъ любви.

Кто столь же нещадно мучилъ меня? чьи алчныя руки столь же
 въ крови?

Доколь надъ пустыней въ синей выси огневѣтъ созвѣзій за
 взглядами взглятъ,

Доколь, воздымаясь, волны песка подъ вѣтромъ шумятъ и какъ
 змѣи шипятъ,—

Я не захочу человѣка узрѣть, не вернусь къ прежней жизни
 въ отчизнѣ, какъ въ плѣнѣ,

Пусть вихрь огневой встаетъ предо мной, пусть мнѣ угрожаютъ
 зубы гнѣнь!

«Бѣги, караванъ мой! отъ шумныхъ пировъ, безумныхъ разврат-
 ныхъ безстыдныхъ всегда.

Отъ гнусныхъ базаровъ торговли и лжи, отъ мерзостныхъ ско-
 пищъ безъ капли стыда!»

Отъ женщинъ бѣги, и бѣги отъ любви, отъ дружбы и мести бѣги
цѣлый день,
Мнѣ ненавистно все, что съ людьми, мнѣ ненавистна людей даже
тѣнь.
Иди, караванъ мой, иди, попирай копытами—землю, права и
законъ
И пылью пути своего покрывай, какъ добро, такъ и зло,—бѣги
дальше подъ звонъ!»

Выпрямивъ выи крутыя свои, верблюды бѣжали, какъ вѣтеръ
легки,
Бѣжали подъ звонъ, и по ихъ слѣдамъ, какъ другой караванъ
клубились пески.
Бѣжали подъ звонъ, по сожженнымъ степямъ, въ даль невѣдо-
мыхъ странъ, къ золотистой дали,
Оазы, деревни, деревья, поля исчезали за ними въ песчаной
пыли.
Словно испуганъ, Абуль Маари бѣжалъ неустанно все къ новымъ
мѣстамъ,
Какъ будто бы люди, женщина, долгъ гнались безпрестанно
за нимъ по пятамъ.
Подъ звонъ-перезвонъ, проходилъ караванъ безвозвратно, не
глядя, чрезъ множество странъ,
Мимо сумрачныхъ башенъ большихъ городовъ, гдѣ наживой
и страстью людъ алчущій пьянъ;
Мимо скорбныхъ строеній глухихъ деревень, столѣтья объятыхъ
довольствомъ тупымъ;
Бѣжалъ неустанно къ пустынь нагой, съ постоянной тоской,
по степямъ золотымъ.

Караванъ все бѣжалъ, и ночи и дни, свой путь совершалъ, вѣялъ
какъ змѣя,
И въ душѣ размышлялъ Абуль Маари, нахмутивъ чело и гнѣвъ
затая.
Онъ плакалъ безъ слезъ, и въ сердце впиалась нѣмая тоска, безъ
конца, безъ границъ,
А путь его росъ, дорога вилась по равнинамъ песка, безъ конца,
безъ границъ.
Не хотѣлъ онъ взглянуть на пройденный путь, и прошлаго было
не жалко ему,

Безъ отвѣта привѣты другихъ оставлялъ и привѣтствій не слалъ
по пути никому.

Сура VI.

И караванъ Абуль Алы, вратъ пустыни достигнувъ, сталъ,
утомленъ.
Аравійской великой пустыни предѣлъ предъ нимъ простирался,
солнцемъ сожженъ.
Берега кругозора надъ далью песковъ загорались, одинъ за дру-
гимъ, въ свой чередъ;
Черно-бархатный плащъ поднимала мгла; въ фосфорическомъ
блескѣ дрожала небосводъ.
И близъ каравана Абуль Ала, одинокій, спокойный, задумчи-
вый—сѣлъ,
Главу преклонивъ на златистый утесъ, онъ пристально въ даль
голубую смотрѣлъ.

— «Какъ свободенъ, свободенъ безбережно я! Ужель берега
пустыни сполна
Вмѣстятъ, заключать свободу мою, обнимуть свободу безъ
граней, безъ дна?
Не достигнетъ рука челоуѣка меня, не подсмотреть никто моихъ
пламенныхъ грезъ.
О свобода! ты—свѣтлый, святой аромать роскошныхъ, въ раю
расцвѣтающихъ розъ!
Вѣнкомъ этихъ розъ меня увѣнчай, свой факель зажги въ потем-
кахъ души!
Ты, свобода,—безсмертный, святой Аль-Коранъ соловьевъ, что
въ раю распѣвають въ тиши!
Царица пустыня! ты—миръ золотой одиночества! здравствуй,
святое жилье!

«Благословенъ непорочный край, гдѣ люди людей не терзали
еще!
Протянись, разстели мятежныхъ песковъ безбрежное море во всѣ
концы,
Покрой всѣхъ людей, упокой города, селенья сады, лачуги,
дворцы!

Съ драконами бурь, пусть вольность твоя повсюду отнынѣ надъ
міромъ царить,
И, пронзая лазурь, пусть солнце, горя, свободу пустыни вездѣ
золотить!
Волшебствомъ неисчетнымъ, чарующимъ сномъ, все пылая
огнемъ, воздвигаетъ чертогъ
Надъ вселенною Солнце, раскинувъ власы: встало Солнце,
всталъ Шемсъ,¹ кто сильнѣе, чѣмъ Богъ!
И пыльное солнце встало, горя, надъ великой пустыней, какъ
шаръ, заалѣвъ,
Засверкали, зажглись золотые пески, какъ возставшій гигантъ,
титаническій левъ.
-- «Саламъ тебѣ, Солнце! шюкръ безъ конца!² материнское лоно,
бессмертная мать,
Только ты есть добро, милосердо лишь ты, лишь тебѣ вся любовь!
святъ, святъ, святъ! благодать!
Ты бессмертнымъ восторгомъ наполнило грудь Зороастра-
пророка когда-то давно!
Завязь, полная жажды, здѣсь сердце мое: пурпуровое влей
въ мое сердце вино!
Ты—нетлѣнная чаша вселенной, въ тебѣ—золотыхъ опьяненій
и радостей хмель,
Ты—бездонная чаша негаснущихъ чаръ, ты—бессмертныхъ и
чистыхъ восторговъ купель!
«Опьяняй же меня! опьяняй же меня! неисчерпнымъ виномъ
опьяняй меня!
Чтобъ забыть навсегда скорбь, и зло, и людей, и ночи обманъ,
и насиліе дня!
Ты связываешь весь міръ на немолкнушій пиръ, ты—вселенной
добро, и сумракъ—твой врагъ!
Необорный противникъ, сражаешь ты мглу! ты сильнѣе, чѣмъ
Богъ! ты—праведный стягъ!
Опьяняй же меня блаженствомъ твоимъ, твоей свѣтлостью
вѣчной меня опьяняй!

¹ Шемсъ—имя божества.

² Саламъ, шюкръ—привѣты.

Все, что ранить въ быломъ, да канетъ навѣкъ въ благовонный,
безсонный, бездонный твой рай!

«Только ты есть добро, милосердо лишь ты, ты—бессмертная мать,
благодать, святъ, святъ, святъ!
Поправшее смерть, ты—матерь весны, ты выше чудесъ, ты
прекрасно стократъ!
Тебя я люблю! тебя я люблю! жги, язви, опаляй—меня средь
пустынь,
Палящей любовью меня облаской и золотомъ космъ мнѣ на-душу
кинъ!
Мнѣ уста окровавь, на нихъ, наложивъ какъ палящій пожаръ,
золотой поцѣлуй!
Мнѣ объятья раскрой, чтобъ съ блаженной тоской я кинулся
въ бурю пламенныхъ струй!»

«Эй, верблюды, пора! поднимайтесь!» вскричалъ, обратясь къ
каравану Абуль Маари,
«Отъ копытъ отряхните проклятую пыль прежнихъ, рабскихъ
дорогъ, въ свѣтъ новой зари!
И, въ послѣдній разъ, внемлите словамъ: Я васъ ненавижу,
люди земли,
Вашихъ вѣръ не хочу, гнушаюсь я всѣмъ, и зломъ и добромъ,
всѣмъ, что вы обрѣли!
Лишь цѣпи куеть, создаетъ человѣкъ, лишь тюрьмы рабамъ,
каждый день, каждый часъ.
Я васъ ненавижу навѣкъ, навѣкъ! о, въ послѣдній разъ ненавижу
я васъ!
Пусть оглохнеть мой слухъ, чтобъ его не смущалъ ненавистный
шумъ, человѣческій шумъ,
Пусть ослѣпнеть мой взоръ, чтобъ вовѣкъ не желалъ оглянуться
назадъ, на люпской самумъ!
Впередъ, караванъ мой! вѣками лети! вѣками мчись къ солнцу,
взвивайся, какъ пухъ,
Чтобъ въ свѣтлыхъ огняхъ, въ пьяныхъ лучахъ, осолнчился я,
обезсмертилъ свой духъ!
О, Солнце-Родитель! пурпурнымъ плащемъ мнѣ плечи покрой
въ моей новой судьбѣ,
Чтобъ я, побѣдитель, лазурнымъ путемъ, стремился мечтой все
къ Тебѣ, все къ Тебѣ!»

Сура VII.

И, златистые челны,—верблюдовъ ряды,—прорѣзавши волны
огнистыхъ песковъ,
Помчались, качаясь, взрывая слѣды, въ златистую даль, подъ
звонъ бубенцовъ.
Никакіе самумы палящимъ крыломъ не догнали бы ихъ межъ
песчаныхъ долинъ,
И ихъ не догналъ бы звенящимъ копьемъ, на быстромъ конѣ
летя, бедуинъ.
И пальмы оазовъ какъ пери свѣтлы, лобзанья дарили Абуль
Маари,
И пламенной сказкой, привѣтомъ любви, услаждали его, отъ
зари до зари.

Но онъ не внималъ нѣжнымъ шелестамъ ихъ, привѣтамъ любви,
что шептала зари,
Онъ къ Солнцу, онъ къ Солнцу упорно летѣлъ, самъ солнцу
подобенъ, какъ солнце горя.
За нимъ разстилалась пустыня одна, залитая свѣтомъ, лишь
свѣтомъ однимъ,
А знойное Солнце, въ сапфирѣ волосъ, пронизанныхъ свѣтомъ,
горѣло надъ нимъ.

Недоуздокъ на волѣ, мчался верблюдъ, безшумно, безумно,
рьяно впередъ,
Въ желто-пламенномъ полѣ, не вѣдая путь, безраздумно, без-
думно и пьяно впередъ.
Подъ пылающимъ сонмомъ небесныхъ лучей надъ верблюдами
словно горѣли вѣнцы,
Немолкнушимъ звономъ вольнѣй, веселѣй, свободнѣй звенѣли
вездѣ бубенцы.
И, пурпурнымъ плащемъ одѣтъ, Маари, летѣлъ, погруженъ
въ божественный сонъ,
Лазурнымъ путемъ, отъ зари до зари, все къ Солнцу, все къ
Солнцу летѣлъ, опьяненъ.

ДЭРЭНИКЪ ДЭМИРЧІАНЪ.

1873 Г.

1. Осень. Перевелъ Валерій Брюсовъ.
2. Отрывки изъ поэмы. Перевелъ онъ же.

1.

ОСЕНЬ.

Осень въ лѣсу—роковую, печальную,
Тихую пѣсню поеть, погребальную,
Грусть нагоняя на сердце надгробную,
Тихую, грустную,
Пѣсню печальную,
Стону подобную,
Долгую, грустную,
Пѣсню прощальную,
Пѣсню незлобную.
Смерти предвѣстиемъ душу страдальную,
Душу смущая, къ борьбѣ неспособную.

2.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ

ЛЭНКЪ-ТИМУРЪ.

1.

Насталъ жестокой, черный годъ: зима—безснѣжна и тепла,
Весна—потоплена въ дождяхъ; дни лѣтніе—сухая мгла.
Какъ-будто кровью полный глазъ, стояло солнце въ облакахъ,
Вѣщая кровь, смотрѣло внизъ, и взглядомъ наводило страхъ.
Изъ тучъ, какъ высохшихъ грудей, струилась ржавчина и ядъ,
Посѣвъ не приносили плодовъ, дышала зловоніемъ распадъ,
И мертвецы изъ мглы могилъ, вставали, жалобно стеля:
Шель черный годъ, жестокой годъ, гладь, мечъ, всемірная рѣзня.

II.

Рѣзня, рѣзня, вездѣ, вездѣ, безуміе, убійства, страхъ!
 Рѣзня повсюду,—въ городахъ, по деревнямъ, въ монастыряхъ!
 Рѣзня нещадная вездѣ! кто живъ, кляни свой первый вздохъ,
 Кто видитъ,—лучше бы ослѣпъ, кто слышитъ—лучше бы оглохъ!
 Ослѣпнемъ всѣ, и ослѣпимъ мы солнце, зтошь глазъ дневной,
 И сверху донизу весь міръ задернемъ черной пеленой.
 Ударьте, вѣтры, безъ препонъ, безудержно трясите твердь,
 Разверзани чрево, хаосъ! Пусть грядетъ Послѣдній День и Смерть!
 Что за чудовищный народъ, суроволикъ, великоглавъ?
 Не въ трубы ль Страшнаго Суда трубятъ архангелы, возставъ?

III.

Сурунь, сурунь!¹—то броней звонъ,
 Гора гремитъ и вторитъ долъ,
 Сурунь, сурунь! бѣгите прочь,
 Гора гремитъ и вторитъ долъ.

Бѣда, бѣда роднымъ горамъ,
 Бѣда, бѣда роднымъ полямъ,
 Бѣда князьямъ и пастухамъ,
 Пришелъ суровый Лэнкъ-Тимуръ...

Бѣги, дитя! бѣги, старикъ!
 Бѣги, богачъ! бѣги, мужикъ!
 Въ пещерахъ, дѣвы, скройте ликъ!
 Пришелъ суровый Лэнкъ-Тимуръ.

Грозить мечемъ, грозить огнемъ,
 Наполнилъ страхомъ высь и долъ,
 Сурунь—сурунь! бѣгите прочь,
 Гора гремитъ и вторитъ долъ.

¹ Сурунь—возгласъ древнихъ монголовъ при нападеніи. Лэнкъ-Тимуръ—Тамерланъ (см. выше, стр. 328).

ШУШАНИКЪ КУРГИНЬЯНЪ.

1875 Г.

1. Панихида. Перевелъ В. Спасскій.

1.

ПАНИХИДА.

Ни креста, ни плиты: лишь земли бугорокъ
Въ безпредѣльной степи, молчаливъ, одинокъ,
Безмятежно стоять.

Кто-то спить подь землей, и разбитую грудь
Вихри огненныхъ думъ не способны взметнуть:
Безпробудно онъ спить!

Онъ прильнулъ головой къ мать-родимой землѣ,
Но рыданій земныхъ онъ не слышитъ во мглѣ,
Онъ уснулъ, онъ забылъ.

Какъ лампы горятъ сонмы звѣздъ въ вышинѣ,
Омѣямы струягъ волны травъ въ тишинѣ,—
Милліоны кадилъ.

Надъ могилой шумить вѣтеръ съ тихой тоской:
Какъ напѣвъ гробовой, говорить: «упокой!»
Полонъ сумрачныхъ грезъ.

Ни креста, ни плиты... Въ свой торжественный часъ,
Онъ свой крестъ роковой, ради всѣхъ, ради насъ,
На Голгоѣу понесъ!

ВАНЪ ТЭРІАНЪ.

1885 г.

1. «Скользаящей стопой...» Перевель Валерій Брюсовъ.
2. «Опять спустилась ночь...» Перевель онъ же.
3. Газелла. Перевель онъ же.
4. Въ весеннемъ городѣ. Перевель онъ же.
5. Изъ «Наирскихъ пѣсень». Перевель Ѡ. Сологубъ.
6. Наирянка. Перевель К. Бальмонтъ.
7. «Ужель поэтъ послѣдній я?» Перевель Валерій Брюсовъ.
8. «Какъ не любить тебя...» Перевель онъ же.
9. «Я помню, осень подошла.» Перевела Е. Выставкаина.
10. «Если нѣтъ любви...» Перевель В. Бакулинъ.

1.

Скользаящей стопой, словно нѣжнымъ крыломъ шелеста тем-
ноты,
Прошла чья-то тѣнь, облелѣвъ во мглѣ травъ бѣлѣющей цвѣтъ;
Вечерней порой,—легковѣющей вздохъ, что ласкаетъ кусты,—
Видѣнье прошло, женскій призракъ мелькнулъ, бѣлымъ фле-
ромъ одѣтъ.

Въ пустынный просторъ безконечныхъ полей прошептала она,—
Не слово ль любви прошептала она задремавшимъ полямъ?
Остался въ цвѣтахъ этотъ шопоть навѣкъ, словно отзвуки сна,
И шопоть лова, этотъ шопоть святой, я склоняюсь къ цвѣтамъ!

2.

Опять спустилась ночь, опять! и снова
Ты—одинока, ты—обнажена,
Во власти ты смущенія большого,
И страхомъ, страхомъ снова ты полна!

Какъ листъ, встрѣчая вѣтеръ предосенней,
Трепещешь ты, какъ стебель камыша,
Ты предъ собой сама безъ силъ, безъ охраненій,
Ты предъ собой сама,—моя душа!

3.

ГАЗЕЛЛА.

Дни пришли и ушли эти дни, для меня ничего не осталось.
Дуги радугъ, огни да огни, для меня ничего не осталось.

Какъ весеннихъ цвѣтовъ лепестки и какъ чаши пылающихъ розъ
Вѣтеръ все разметалъ, о взгляни! для меня ничего не осталось!

И меня, кто любилъ, но кому я не отдалъ, не отдалъ души,
Всѣ исчезли, исчезли въ тѣни, для меня ничего не осталось.

И кого я любилъ, ахъ! любилъ—болью сердца, безумьемъ моимъ,
Опьянясь, отошли и они, для меня ничего не осталось!

И зима надъ моей головой, холодна, глубока и нѣма.
Ключъ изсякъ, не звени! не звени! ничего, ничего не осталось.

4.

ВЪ ВЕСЕННЕМЪ ГОРОДѢ.

На улицѣ—шумъ и топотъ шаговъ,
На блѣдности лицъ играетъ улыбка;
Въ пыли золотой—громады домовъ,
И къ небу деревья тянутся зыбко.

Еще не просохъ весенній бульваръ,
Но дѣти кричатъ въ аллеяхъ такъ рады;
Теперь всѣ слова—исполнены чаръ,
Какъ стрѣлы теперь—случайные взгляды.

Все стало роднымъ: плита мостовой,
И старая пѣснь, что слышалъ украдкой;
Свобода въ душѣ, безгнѣвный покой,
И самое горе сдѣлалось сладко.

Все мило теперь,—и дѣвушекъ взоръ,
Подобныхъ цвѣтамъ, и необычайный

Разряженныхъ дамъ богатый уборъ:
Все полно сегодня сладостной тайной.

Сердца-мертвецы, какъ въ полѣ цвѣты,
Въ пыли золотой теперь оживаютъ;
Волненьемъ сладкимъ хмѣлень и ты,
Заботы былия—таютъ и таютъ...

О! благо вамъ, пѣснь, мечта и любовь!
Привѣтъ тебѣ, жизнь, безгранность стремленья!
Привѣтъ тебѣ, ночь страданія вновь!
И муки и смерть, вамъ благословенье!

5.

ИЗЪ «НАИРСКИХЪ ПѢСЕНЪ».¹

Ты не горда, страна моя.
Ты съ мудростью печаль сплетаешь.
Завѣты древніе тая,
Ты огненной тоской пылаешь.

И развѣ не за скорбь твою
Тебѣ любовь моя и радость?
Какъ ты, и я покорно пью
И горечь всю твою, и сладость.

Люблю не славу свѣтлыхъ дней,
Не наши древнія сказанья,
Люблю я миръ души твоей
И пѣснь тихія рыданья;

Люблю я бѣдный твой нарядъ,
Тоской молитвенною боленъ,
Огни неяркіе изъ хатъ
И звоны съ грустныхъ колоколенъ.

¹ На ир — одна изъ областей древнѣйшей Арменіи.

6.

НАИРЯНКА.

Мнѣ Наирянка улыбнулась тонкостанная,
 Печальныхъ глазъ былъ прямъ и огненъ вѣрный взоръ,
 И чистъ былъ пламень, какъ заря изъ ночи данная,
 Горѣлъ и жилъ открытый обликъ дѣвы горь.

И тамъ, гдѣ сѣверно и сумрачно отъ холода,
 Наирскій день блеснулъ въ душѣ, какъ Солнце, аль,
 И въ сердцѣ роза, сердце огненно и молодо,
 Оно горитъ и мнѣ велитъ, чтобъ не молчалъ.

Не пѣть нельзя мнѣ непорочную и чистую,
 Огонь поеть, огонь краса, я весь въ огнѣ,
 Такъ солнце тучу разрѣзаетъ дымно-мглистую,
 Наирскій край, высокій край, весь виденъ мнѣ.

7.

Ужель поэтъ послѣдній я,
 Пѣвецъ послѣдній въ нашемъ мѣрѣ?
 Сонъ или смерть—та скорбь твоя,
 О, свѣтлая страна, Наири?

Во мглѣ, бездомный, я поникъ,
 Томясь мечтой объ осіянной,
 И лишь твой царственный языкъ
 Звучитъ молитвой неустанной.

Звучить, и свѣтель и глубока,
 Жжетъ и наноситъ сердцу раны.
 Что ярче: розы ли цвѣтокъ,
 Иль кровь изъ сердца, токъ багряный?

И стонетъ, въ страхъ, мысль моя:
 «О, возсіяй, мечта, Наири!

Ужель поэтъ послѣдній я,
 Пѣвецъ послѣдній въ нашемъ мѣрѣ?»

8.

Какъ не любить тебя, родная, бѣдная?
 Въ скорби покорной страна опаленная,
 Снова мечамъ остроблещущимъ преданная,
 Ты—Богородица, семь разъ пронзенная!

Словно урокъ выполняя заученный,
 Жертва безвольная, все отдавала ты.
 Ты не была ль непорочно мученицей,
 Въ крестномъ страданіи, кровію залита.

Душу, горящую пламенемъ, дарственно
 Ты, безъ вины, отдала за вселенную;
 Ты, величавая, скромная, царственная,
 Смерть принимала и муку безсмысленную.

Время! Воспрянь! Жду пурпурно-горящую!
 Ревность прими, какъ доспѣхъ, богатырскую,
 Смѣло затепли, во мракѣ таящуюся,
 Огне-крещеную, душу наирскую!

9.

Я помню осень подошла
 Подъ золотымъ своимъ плащомъ.
 Пылалъ закатъ скупымъ огнемъ,
 И ближній холмъ одѣла мгла.

Мое село межъ голыхъ горъ,
 Рѣка въ туманной пеленѣ,
 Колокола, какъ въ полуснѣ,
 Звенять, поблѣкъ полей уборъ.

Изъ нашей хаты вышла мать,
Ей теплыхъ хочется лучей,
Со мной присѣла у дверей
И тихо, долго будетъ ждать.

Простой и трогательный видъ,
Она кротка и такъ стара....
Въ закатномъ пламени гора.
Печально колоколь звенить.

10.

Если нѣтъ любви,—(о, другъ, внимли!)
Въ этомъ мѣрѣ зломъ,—страдать зачѣмъ!
Къ лону темному—припавъ земли,
Словно камень, я—пребуду нѣмъ.

Пусть, холодная,—смѣется твердь,
Пусть предастся мѣръ—своей судьбѣ,
Если смысла нѣтъ,—въ тебѣ, о смерти!
Если некому—внимать мольбѣ!

АРТАШЕСЪ
ТЕРЬ-МАРТИРОСЬЯНЪ.

1. «Словно звѣзды...» Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.
2. «Я теперь ничего не прошу...» Перевелъ *В. Спасскій*.

1.

СЛОВНО ЗВѢЗДЫ...

Словно звѣзды, въ безвѣстность ушедшія,
Дни мои—безъ конца, безъ начала,
Словно письма, тебя не нашедшія,
Словно взгляды, что ты не встрѣчала....

Чѣмъ безумная скорбь растрavляется?
Свищетъ вѣтеръ надъ отмелью спящей;
Болью жалости мысль воспalается,
Видя бѣдный тростникъ, весь дрожащій.

Шелестъ робкихъ колосевъ несвязанныхъ,
Грусть сноповъ позабытыхъ, покорныхъ,
И дрожаніе словъ недосказанныхъ,
Робкихъ словъ,—въ безвѣстностяхъ черныхъ!

2.

Я теперь ничего не прошу у тебя,
Я не буду тобой недоволенъ теперь;
Не клянупу, и не славлю, безмолвно любя,
И не буду тобой недоволенъ теперь.

Небывалого свѣта горитъ ореолъ
Подъ твоимъ, о, царица! волшебнымъ окномъ.
Издалека тебя навѣстить я пришелъ...
Подъ твоимъ я, царица, волшебнымъ окномъ.

Я молчу, ничего не прошу у тебя,
Я безцѣльно брожу въ очарованномъ снѣ,
Лишь таинственный свѣтъ созерцаю, любя,
У тебя, о царица! въ волшебномъ окнѣ.

ЛЕЙЛИ.

1. Молитва. Перевелъ В. Бакулинъ.

1.

МОЛИТВА.

Снова лампаду зажгла я во мглѣ,
Предъ Твоимъ ликомъ склоняю колѣни:
— Грѣшная—я, всѣмъ чужда на землѣ,
Грѣшная—я, какъ грѣшна передъ всѣми!

Холодъ и дождь, и метель на дворѣ,
Келья моя—здѣсь, надъ озеромъ льдистымъ...
Спать кипарисъ, видеть сонъ о зарѣ:
Вѣтеръ играетъ ночью съ кипарисомъ.

Тихо молюсь я, безъ вздоха, безъ слезъ,
Муки души моей знаетъ ли небо?
— Предъ Твоимъ ликомъ, предъ вѣнчикомъ розъ,
Путь потерявшая, грѣшная дѣва!

Келья моя—въ безызвѣстной глуши,
Плачу беззвучно, съ безмолвной усладой...
— Тяжекъ мой грѣхъ для усталой души...
Предъ Твоимъ ликомъ мерцаетъ лампада...

НОВАЯ ПОЭЗИЯ.

II. Поэзия турецких армянъ.

ГЕОНДЪ АЛИШАНЪ.

1820—1901 Г.

1. Разданъ. Перевель С. Шервинскій.

1.

РАЗДАНЪ.

Разданъ—рѣка, потокъ родной,
Разданъ, сладчайшая струя.
Къ тебѣ, покинувъ край чужой,
Пришелъ, Бабкенъ-скиталець, я.
Разданъ! ахъ, струй родимыхъ бѣгъ!
Объ чемъ грустишь, безмолвный берегъ?

Я—вашъ! Меня ли не признать?
Вѣдь сердце не забыло васъ.
Зачѣмъ забыли вы журчать,
И скорбь—въ сѣньи вашихъ глазъ?
Разданъ! ахъ, струй родимыхъ бѣгъ!
Объ чемъ грустишь, безмолвный берегъ?

Увы, найду ль зеленый лѣсъ,
Мою лачугу съ миндалемъ?
Подъ бурей сгибъ, въ волнахъ исчезъ .
Ужель мой садъ? и ты, мой домъ?
Разданъ! ахъ, струй родимыхъ бѣгъ!
Объ чемъ грустишь, безмолвный берегъ?

Гдѣ свѣтъ очей, моя Хантукъ?
И гдѣ друзья мои, Разданъ?
Въ плѣну ль у перса, въ рядѣ мукъ,
Иль имъ покой въ могилѣ данъ?
Разданъ! ахъ, струй родимыхъ бѣгъ,
Объ чемъ грустишь, безмолвный берегъ?

Прошло, исчезло все. Ушла
Исчезла мать Айастанъ.¹
Я одинокъ здѣсь, у русла,
И мимо ты бѣжишь, Разданъ.
Бѣги! ты многое унесъ.
Довольно мнѣ, Бабкену, слезъ!

¹ Ай а с т а н ь—Арменія.

МКРТИЧЪ ПЭШИКТАШЛЯНЪ.

1820—1868 Г.

1. Къ зефиру Алемдага. Перевелъ Валерій Брюсовъ.
2. Старикъ изъ Вана. Перевелъ Владиславъ Ходасевичъ.
3. Мы—братья. Перевела Е. Сырейщикова.
4. «О, милая мать!» Перевела она же.
5. «О, какъ нѣжно и прохладно...» Перевела она же.

1.

КЪ ЗЕФИРУ АЛЕМДАГА.

Дитя-Зефиръ, нѣжнокрылатъ!
Вдоль ручейковъ, будящихъ тишь,
Межъ розъ, струящихъ аромать,
Навстрѣчу мнѣ куда летишь?
Прохладу льешь, льешь оμίамъ,
Дыханьемъ сладкимъ льнешь къ устамъ!

О, вѣтерокъ! люблю тебя,
Когда спѣшишь ко мнѣ прильнуть,
Пляша, свистя, въ свой рогъ трубя,
Лаская пламенную грудь!
И, освѣжень, цвѣтокъ души
Для свѣтлыхъ дней цвѣтеть въ тиши.

Мой милый вѣстникъ! мчись, лети,
Скажи оврагамъ и холмамъ,
Лѣсамъ, стоящимъ по пути,
Гдѣ соловьи поютъ цвѣтамъ,
Что вѣрный другъ вернулся къ нимъ,
Что онъ восторгомъ полнъ былъ имъ!

О, радости погибшихъ дней,
Васъ снова обрѣтаю я:
Таились вы въ тѣни вѣтвей,
Подъ пѣной тихаго ручья:
Вы рѣете въ густыхъ листьяхъ
И въ темныхъ зонтичныхъ кустахъ.

И свѣяно съ чела, чредой,
Такъ много тягостныхъ заботъ!

И рядъ часовъ, суля покой,
Надъ сердцемъ: «ты усни!» поеть.
Природа, любящая мать,
Въ объятяхъ хочетъ заласкать.

Гуляетъ здѣсь, подъ вечерокъ,
Въ тѣни прохладной, много дѣвъ;
Взвѣвалъ ихъ кудри вѣтерокъ,
Лицо пылало, заалѣвъ.
Луна, и дѣва, и цвѣтокъ,—
Любовью созданный вѣнокъ!

О! какъ, Любовь и Дружба, вы—
Прекрасны, миръ лѣсной дѣля,
Гдѣ ваше ложе—глубь травы,
Гулянье—вольныя поля!
Въ объятяхъ Дружбы, ей дыша,
Пусть отлетитъ моя душа!

А ты, Зефиръ, нѣжнокрылатъ,
Летя, вдоль звонковзвучныхъ струй,
Съ цвѣтовъ свѣвая ароматъ,
Дари, дари мнѣ поцѣлуй;
Прохладу лей, лей еиміамъ,
Дыханьемъ сладкимъ льни къ устамъ!

2.

СТАРИКЪ ИЗЪ ВАНА.

Въ ночи, какъ въ сердцѣ, мракъ царить.
Блескъ пѣнныхъ переливныхъ волнъ
По морю Ванскому бѣжить,
И ропотъ водъ стенаній полнъ.
Ни звѣздъ, ни упованій нѣтъ,
И какъ далеку еще разсвѣтъ!

О, лилія луговъ, Мегекъ,
Дочь нѣжная моя, прійди

И дряхлаго отца навѣкъ
Въ Айоць Дзоръ, на востокъ веди.
Ни звѣздъ, ни упованій нѣтъ,
И какъ далеку еще разсвѣтъ!

Храбрецъ Артакъ въ тебя влюбленъ,
Но грустно въ эту ночь онъ пѣлъ:
Хвала любовь, невольню онъ
О бѣдствіяхъ армянъ скорбѣлъ.
Ни звѣздъ, ни упованій нѣтъ,
И какъ далеку еще разсвѣтъ!

«Доколь будемъ мы, любя,
Отчаянье таить въ сердцахъ?»
На лирѣ такъ онъ пѣлъ, скорбя,
Мы слушали его въ слезахъ.
Ни звѣздъ, ни упованій нѣтъ,
И какъ далеку еще разсвѣтъ!

Тамъ кипарисы у могилъ,
Подъ ними нашихъ предковъ прахъ.
Тамъ, только зимній вѣтеръ взвиль,—
Рыдають сонмы душъ въ вѣтвяхъ.
Ни звѣздъ, ни упованій нѣтъ,
И какъ далеку еще разсвѣтъ!

Я старъ, какъ скорбь. Пора и мнѣ
Къ великимъ сыновьямъ армянъ,
Туда, къ могильной тишинѣ...
Пусть плачетъ надо мною Ванъ.
Мегекъ, и ты въ слезахъ? О, нѣтъ,
Пойдемъ: ужъ недалеку разсвѣтъ!

3.

МЫ—БРАТЬЯ.

Пусть, какъ одинъ святой напѣвъ,
Природы голоса поютъ;

Иль пусть—прекраснѣйшей изъ дѣвъ
Персты по струнамъ пробѣгутъ;
Всѣ эти пѣсни не звучать
Милѣе звуковъ слова: «братъ!»

Мы—братья! руку мнѣ подай:
Лишь буря разлучала насъ!
Въ лобзаньи братскомъ исчезай,
Все зло, что создалъ Рокъ на часъ!
Вездѣ, гдѣ очи звѣздъ блестятъ,
Что есть желаннѣй слова: «братъ!»

Пусть мать съдая Аястанъ
Другъ съ другомъ видитъ сыновой
И боль цѣлится глубокихъ ранъ
Слезами сладкими очей!
Вездѣ, гдѣ звѣздъ огни горять,
Что есть прекраснѣй слова: «братъ!»

Мы прежде шли путемъ однимъ...
Мечты—вновь вмѣстѣ быть—зовутъ!
Печаль и радость соединимъ,
И плодотворенъ будетъ трудъ!
Вездѣ, гдѣ звѣздъ нетлѣнень рядъ,
Что есть священнѣй слова: «братъ!»

Ахъ! вмѣстѣ сѣять, вмѣстѣ жать,
И вмѣстѣ лить на нивахъ потъ,
И жатву блага собирать:
Твой, твой расцвѣтъ, родной народъ!
Какіе жъ звуки прозвучать
Милѣй желанныхъ звуковъ: «братъ!»

4.

О, милая мать, здѣсь ты ищешь кого?
Не бойся, родная, приблизься сюда,
Не плача на сына гляди твоего:
Израненный, гаснетъ и онъ навсегда....

Пусть матери турокъ рыдаютъ.... О, мать,
Въ Зейтунъ¹ поспѣши эту вѣсть передать!

Я помню, меня материнской рукой
Ты часто ласкала, склоняясь ко мнѣ,
И дѣтскому тѣлу давала покой,
Какъ ангель мнѣ пѣла въ ночной тишинѣ.
Теперь же, въ землѣ упокойвѣ,—о мать,
Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать!

«Армяне, я сына родила для васъ,
Чтобъ свѣтъ его жизни надъ вами сіялъ!»
Ты такъ напѣвала въ полночный часъ,
Когда въ колыбели, малютка, я спалъ.
И вотъ это солнце угасло... О, мать,
Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать!

Пусть капаетъ кровь изъ сыновней груди...
Родная, морщины расправь на челѣ:
На трупы враговъ кровожадныхъ гляди,
Ихъ тысячи спятъ на холодной землѣ:
Какъ мечъ ихъ сразилъ безошадно, о мать,
Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать

Когда же враги, словно стая звѣрей:
На насъ нападали въ безумьи слѣпомъ,
О, родина! Наши сердца горячѣй
Къ тебѣ устремлялись въ огнѣ боевомъ.
И красными стали долины... О, мать,
Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать!

И били въ ладоши скелеты отцовъ,
Ликую, что пламя въ потомкахъ горить.
И весело было рядамъ мертвецовъ,
Что вражеской кровью позоръ нашъ омыть.
Угрюмый Масисъ прояснился,—о, мать,
Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать!

¹ Зейтунъ—городъ; Масисъ—Араратъ; Аястанъ—Арменія
(см. выше примѣчанія къ др. стихотвореніямъ).

О, мать, умирая, цѣлую тебя:
 Ты милой моей передай поцѣлуй!
 И землю родную лобзаю, любя,
 Сходя въ ея нѣдра... Но ты не тоскуй,
 И, крестъ надъ умершимъ поставивъ, о мать,
 Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать!

5.

ВЕСНА.

О, какъ нѣжно и прохладно
 Раннимъ утромъ вѣтерокъ,
 Вѣешь ты, лаская жадно
 Локонъ дѣвы и цвѣтокъ;
 Но, я знаю,—ты чужой—
 Прочь! Не властвуй надо мной!

О, какъ сладко въ благовонныхъ
 Вѣткахъ свищеть соловей!
 Ты плѣняешь всѣхъ влюбленныхъ
 Пѣсней сладостной своей.
 Но, я знаю,—ты чужой—
 Прочь, не властвуй надо мной.

Въ глубь твою, гдѣ сказка снится,
 Чистый, тихій ручеекъ,
 И красавица глядится,
 И пурпуровый цвѣтокъ.
 Но, я знаю,—ты чужой—
 Прочь, не властвуй надо мной.

Пусть среди руинъ—армянскій
 Вѣтеръ съ соловьемъ поетъ,
 Пусть ручей бѣжитъ армянскій
 Тамъ, гдѣ кипарисъ растеть:
 Это пѣснь земли родной.
 Эта пѣснь всегда со мной.

ПЕТРОСЬ ДУРИАНЪ.

1851—1872 г.

1. Моя смерть. Перевель *Валерій Брюсовъ.*
2. «Близъ океана голубого...» Перевель *онъ же.*
3. Моя скорбь. Перевель *К. Бальмонтъ.*
4. «Боролся день съ послѣдней тьмой.» Перевела *Е. Сырейщикова.*
5. Ропоты. Перевель *В. Бакулинъ.*

I.

МОЯ СМЕРТЬ.

Если смерти ангелъ блѣдный
Мнѣ предстанеть, взоръ склонивъ,
Свѣтъ скорбь рукой побѣдной,—
Знайте: я, какъ прежде, живъ!

Если свѣтомъ блѣднымъ свѣчи,
Ложе смерти озаривъ,
Мнѣ зальютъ лицо и плечи,—
Знайте: я, какъ прежде, живъ!

Если другъ, въ слезахъ, быть можетъ,
Льдистымъ саваномъ обвивъ,
Въ черный гробъ меня положить,—
Знайте: я, какъ прежде, живъ!

Если колоколъ застонеть—
Смерти смѣхъ, ея призывъ,
И мой гробъ въ толпѣ потонеть,—
Знайте: я, какъ прежде, живъ!

Если близкіе, съ рыданьемъ,
Гробъ въ могилу опустивъ,
Не промедлятъ съ разставаньемъ,—
Знайте: я, какъ прежде, живъ!

Если жъ та могила станеть
Всѣмъ чужой, и навсегда
Память обо мнѣ увянетъ,—
Знайте, что я—мертъвъ тогда!

2.

Близь океана голубого,
Гдѣ блещутъ золотомъ пески,
Когда въ золѣ, покрывшей снова
Весь пепель грезь, тѣхъ розъ тоски,
Зари засвѣтятся огни,
Мою любовь ты вспомяни!

Когда опять въ листьѣ зеленой,
Чью тѣнь любили мы съ тобой,
Гдѣ часто, въ часъ замороженный,
Сердцецъ мы пили сладкій зной,
Листъ дрогнетъ, какъ въ былые дни,
Мои признанья вспомяни!

И утромъ, на зарѣ весенней,
Когда просторъ и аль и чистъ,
Иди въ поля, въ просторъ цвѣтеній,
Смотри гдѣ сухъ, гдѣ зеленъ листь....
Вдругъ птичка запоетъ въ тѣни:
Мои мечты ты вспомяни!

Чамлы-Чая взойди на кручи,
Иль на уступѣ Бахларъ-Баши:¹
Мы любовались тамъ на тучи,
Мы тамъ блуждали,—двѣ души!
Зефиръ шепнетъ тебѣ «усни»!
Мою судьбу ты вспомяни!

Когда ночь лѣтняя привѣтитъ
Тебя, звѣздиста и чиста,
И, какъ фонарь, луна засвѣтитъ,
Чтобъ озарить твой путь къ Мота,²
Былымъ мечтамъ не измѣни,
Мою печаль ты вспомяни!

¹ Чамлы-Чая, Бахларъ-Баши—горы.

² Мота—известный, въ свое время, ресторанъ.

Когда посмотришь ты, угрюмой,
На черноликий небосводъ,
И сдавать сумрачныя думы
Твое чело и взоръ, какъ гнетъ,
Ударить колоколь... Вздохни
И смерть мою ты вспомяни!

3.

МОЯ СКОРБЬ.

Я не о томъ скорблю, что въ жандѣ сновидѣній,
Источникъ думъ святыхъ изсякшимъ я нашель,
Что прежде времени мой нерасцвѣтшій геній
Сломился и поблекъ подъ гнетомъ тяжкихъ золь;

И не согрѣлъ никто горячимъ поцѣлуемъ
Ни блѣдныхъ устъ моихъ, ни блѣднаго чела;
И, счастья не познавъ, любовью не волнуемъ,
Смотри—ужь предо мной зияетъ смерти мгла...

И не о томъ скорблю, что нѣжное созданье,
Букетъ изъ красоты, улыбки и огня,—
Не усладить мое послѣднее страданье,
Лучомъ своей любви не озарить меня...

Я не о томъ скорблю... Нѣтъ, родинѣ несчастной—
Всѣ помыслы мои... О ней моя печаль!
Не въ силахъ ей помочь, томясь тоской напрасной,
Безвѣстно умереть,—о, какъ мнѣ жаль, какъ жаль!

4.

Боролся день съ послѣдней тьмой,
Лучами сѣялъ и росой,
Ты межъ цвѣтовъ была видна,
И улыбалась, какъ луна.

Твои глаза—чертоги нѣгъ,
Персты—какъ лиліи, какъ снѣгъ,
И розы на щекахъ горять,
И новымъ небомъ мнится взгляды.

Къ твоимъ ногамъ склоняюсь мечтой,
Тебя любилъ я, ангель мой,
Но отъ любви я сѣдъ, какъ лень,
И поздно понялъ: жизнь, какъ сонъ.

Молю тебя: о пожалѣй!
Не властвуй надъ душой моею.
Увы, напрасно... Съ давнихъ поръ,
Какъ стрѣлы смерти милый взоръ.

Когда иду я въ лѣсъ грустить,
О прошломъ счастья слезы лить,—
Ты тамъ меня находишь вновь,
Межъ листьевъ шепчешь про любовь.

Когда на берегу ручья,
Найти покой стараюсь я,—
И тамъ ты снова въ тишинѣ,
Изъ свѣтлыхъ волнъ смѣешься мнѣ.

И въ горы я бѣгу тогда,
Чтобъ не встрѣчаться никогда,—
Но въ шумѣ бури голосъ твой
Звенить и таетъ надо мной.

Когда печальный свѣтъ луны
Мнѣ шепчетъ ласковые сны,—
Межъ звѣздъ веселыхъ съ высоты
Вновь улыбаешься мнѣ—ты.

И, вѣрно, только смертный часъ
Разъединитъ на свѣтѣ насъ;
Тогда смогу произнести:
Прости, жестокая, прости!

5.

РОПОТЫ.

Прошайте, Богъ и солнце,—миръ лучей,
Горящій знойно надъ душой моею!
Собой умножу въ небесахъ огни.
Что звѣзды? Не проклятье ли они
Несчастливыхъ, неповинныхъ душъ, чело
Браздящихъ неба, горько и свѣтло?
О, ружья огненные Бога!—вы
Основы молній, перлы синевы!

Что я сказалъ? Испепели меня,
Разбей, о Боже! Атомъ жалкій, я
Осмѣлился стремиться къ небесамъ!
Желалъ взнестись къ божественнымъ огнямъ!
Молюсь Тебѣ, о Боже, въ дрожи мукъ,
Цвѣтеніе и лучъ, волна и звукъ,
О, снявшій розу съ моего чела,
Огонь—съ очей, съ устъ—трепетъ, блескъ—съ крыла!
Ты сердцу—вздохи далъ и взорамъ—тѣму,
Сказалъ, что въ Смерти я Тебя пойму.
За гробомъ жизнь, о вѣрю, для меня
Ты сохранилъ: молитвъ, цвѣтовъ, огня!
А если мнѣ исчезнуть суждено,
Беззвучно, безответно пасть на дно,—
Дай блѣдной молніей теперь же стать,
Надъ именемъ твоимъ возставъ, кричать,
Что Ты—«Богъ мести»,—впиться въ грудь Твою
Проклятіемъ, подобно острію!

Ахъ, я дрожу, я блѣденъ, я заклятъ,
Во мнѣ вся внутренность кипитъ, какъ адъ...
Межъ стонувъ кипарисовъ черный вздохъ,
Я—листь осенній, что поблекъ, иссохъ.
Мнѣ искру дайте, искру, чтобы жить!
Какъ послѣ грезъ холодный гробъ влюбить?
О, Боже, какъ судьба моя черна,

Могильной сажей вписана она.
О, влей хоть каплю пламени в нее!
Я жить хочу, хочу любить еще...
Мнѣ въ душу падайте, огни небесъ,
Чтобъ вашъ любовникъ горестный воскресъ!

Весна челу ни розы не даетъ,
Ни лучъ съ небесъ улыбкой не скользнетъ:
Ночь—гробъ мой; звѣзды—факелы; уныль,
Блуждаетъ мѣсяцъ, плача, средь могиль.
Для тѣхъ, надъ кѣмъ никто не сронитъ слезъ,
Ты зтотъ мѣсяцъ въ небеса вознесъ.
Кто къ смерти близки, все же нужны тѣмъ
Сначала—жизнь, и плакальщикъ затѣмъ.
Писали тщетно звѣзды мнѣ: «Любовь!»
Пѣлъ тщетно соловей: «Люби же вновь!»
Твердили тщетно вѣтры о «любви»
И отражали ясный ликъ ручьи!
Напрасно лѣсъ при мнѣ былъ молчаливъ,
Молчали листья, тайну затаивъ,
Чтобъ не смутить мечты святой моей,
Напрасно, я всегда мечталъ объ ней,
Напрасно вы, весенніе цвѣты,
Струили ладанъ на мои мечты!
Нѣтъ, все смѣялось, въ злобѣ торжества,
И зтотъ міръ—насмѣшка Божества!

СИПИЛЬ.

1863 г.

1. Ладанъ. Перевель *К. Бальмонтъ.*
2. Идеаль. Перевель *С. Головачевскій.*
3. Въ монастырь. Перевель *Валерій Брюсовъ.*
4. Туча. Перевель *В. Спасскій.*

1.

ЛАДАНЪ.

Восходить еймамъ, курясь предъ алтаремъ;
Звеня серебряно, качаются кадила,
И дымка ладана, рожденная огнемъ,
Плывя, чело святыхъ молебно осѣнила.

Моленья долгиа подъ сводами дрожать,
И плачетъ пламя свѣчь. Длиннѣе и короче
Ихъ устремленія. Тоскливо—блѣдный рядъ,
Какъ-будто сонныя, слѣпяся, мигаютъ очи.

У сумрачныхъ колоннъ, гдѣ стоновъ глѣбеть страсть,
Трепещеть бѣлое, снѣжисто, покрывало,
Тамъ сердце, сумрака извѣдавшее власть,
Какъ ладанъ отъ огня, горить и бьется ало.

До вышнихъ областей восходить еймамъ,
Идя, какъ изъ цвѣтка, изъ чашечки кадила.
Быль ладанъ веществомъ,—какъ запахъ входитъ въ храмъ,
Сожженный пламенемъ, онъ красочная сила.

И сердце женщины, лелѣющее стонъ,
Когда расплавится, тогда лишь будетъ сильно,
И сталью вырвется изъ кожаныхъ ноженъ,
Лазурнымъ пламенемъ взнесясь надъ всѣмъ, что пыльно.

2.

ИДЕАЛЬ.

То—солнца яркій лучъ, затмившій свѣтъ луны,
 То—сонъ изъ пламени, блѣднѣющей съ разсвѣтомъ,
 То—молнія на мигъ пришедшей къ намъ весны,
 Цвѣтокъ, роняющій свой вѣнчикъ знойнымъ лѣтомъ.

То—сонъ изъ пламени, блѣднѣющей съ разсвѣтомъ,
 То—лента радуги, прозрачная, въ огняхъ,
 Цвѣтокъ, роняющій свой вѣнчикъ знойнымъ лѣтомъ,
 Сіянье сѣвера въ лазурныхъ небесахъ.

То—лента радуги, прозрачная, въ огняхъ,
 То—роза, грудь твою пронзившая шипами,
 Сіянье Сѣвера въ лазурныхъ небесахъ,
 То—пѣна волнъ въ борьбѣ напрасной со скалами.

То—роза, грудь твою пронзившая шипами,
 Отъ крыльевъ лебедя слетѣвшій пухъ съ высотъ,
 То—пѣна волнъ въ борьбѣ напрасной со скалами,
 Дыханье воздуха, теченье быстрыхъ водъ.

Отъ крыльевъ лебедя слетѣвшій пухъ съ высотъ,
 Священный поцѣлуй въ заоблачномъ предѣлѣ,
 Дыханье воздуха, теченье быстрыхъ водъ,
 Для духа идеаль—качанье колыбели.

Священный поцѣлуй въ заоблачномъ предѣлѣ,
 То—дѣва, чуждая пылающимъ страстямъ,
 Для духа идеаль—качанье колыбели,
 Мечтаній юныхъ сонмъ, летящій къ небесамъ.

То—дѣва, чуждая пылающимъ страстямъ,
 Кольцо, связавшее насъ съ жизнью, золотое,
 Мечтаній юныхъ сонмъ, летящій къ небесамъ,
 Сердечный гимнъ любви въ торжественномъ покое.

3.

ВЪ МОНАСТЫРѢ.

Здѣсь, въ кельѣ я сижу одна. Вотъ полночь бѣтъ.
 Лампады нѣтъ, и нѣтъ луча на небесахъ.
 Послѣдній свѣтъ погасъ въ дому и у воротъ,
 И я—одна, погружена въ глухихъ мечтахъ.

Кочуетъ вокругъ унылый сонмъ густыхъ тѣней;
 То подойдутъ, то отойдутъ, то стануть въ рядъ.
 И углубленъ ихъ скорбный стонъ сильнѣй, больнѣй,
 Когда они, утомлены, вблизи стоять.

Видѣнья—то моей мечты, печальныхъ думъ,
 Сны молодой, ахъ, молодой! моей души...
 Когда звучитъ холодныхъ дней тоскливый шумъ,
 Цѣленье слезъ приносятъ мнѣ они въ тиши.

Межъ грустныхъ лицъ склоняюсь ницъ, съ моей тоской,
 Межъ строгихъ дѣвъ, для коихъ нѣтъ страстей и грозъ,
 Чьи голоса—молитвъ напѣвъ, псаломъ святой,
 Губящій—рой, прекрасный рой надеждъ и грезъ!

Я жить хочу, а мнѣ твердятъ про небеса!
 Хочу любви,—онѣ кричатъ: «Богъ есть любовь!»
 Въ разсказахъ ихъ: Иовъ, Давидъ иль чудеса;
 Внушаютъ: «Намъ надежда—смерть! не суесловъ!»

Горитъ заря, и свѣтъ дневной, и лунный лучъ,
 Людей живя, цвѣты, поля и весь просторъ...
 А предо мной лампадный свѣтъ, чуть живъ, не жгучъ,
 Которымъ мой, всегда безъ сна, томится взоръ!

Я вздоха жду огнистыхъ устъ, средь душевной тьмы;
 Порывы думъ—отвѣтныхъ словъ, страдая, ждутъ...
 А мнѣ въ кровать, предъ тѣмъ какъ спать, даютъ Псалмы,
 И на ночь крестъ, на сердце мнѣ, какъ знакъ, кладутъ!

Но вижу я во снѣ всегда—одно, одно:
Борьбу за жизнь, бездонный свѣтъ, мечту свою!
Я въ мѣръ—прахъ, но сердце все жь огнемъ полно,
И небо, ахъ! его святымъ я отдаю!

4.

ТУЧА.

СОНЕТЪ.

Той тучѣ свѣтлой я свои вручила грезы,
На небесахъ, въ лучахъ серебряной луны;
Но туча на клочки разбита; съ вышины
На землю падаютъ пылающія слезы.

Съ роднымъ сіяніемъ она разлучена,
Гонима злбными бичами вѣтра съ силой...
Ей въ небѣ жизнь была; земля была могилой,
Гдѣ радость помысловъ навѣкъ погребена.

И улыбаются просторы высоты,
Безстрастно чуждые всей нашей скорби жгучей,
Лелѣютъ новыя, въ своихъ объятяхъ, тучи,

Тревоги новыя и новыя мечты!
Межъ тѣмъ, палимыя бессонными страстями,
Мы плачемъ: кто—дождемъ, кто—горькими слезами!

Л. ШАНТЪ.

1869 г.

1. Ночной сторожъ.

2. Философы.

Перевель С. Шервинскій.

1.

НОЧНОЙ СТОРОЖЪ.

Тангъ-тангъ—часовъ ночныхъ унылый звонъ.
Кругомъ все спитъ, все предано покою.
Лишь сторожъ ходитъ. Одиноко онъ
Бредеть въ раздумьи улицей пустою.

И свѣжій вѣтеръ вѣетъ на чело,
Гдѣ все былое вновь живетъ воочью,—
Такъ за небеснымъ пологомъ свѣтло
Забытыя мерцаютъ звѣзды ночью.

И мчится мысль невольно въ домъ родной,
И, вольная, уносится въ просторы,
Туда, гдѣ жизнь въ тѣ дни была иной,
Гдѣ дикія величественны горы.

Онъ помнитъ ночь надъ доломъ снѣговымъ.
Вотъ онъ—съ сестрой. Сквало ихъ вниманье:
Сѣдая мать рассказываетъ имъ
Родной страны волшебное преданье.

Мать говоритъ, сама вдохновлена,
О томъ, какъ Меръ прославленъ мощной силой...
А вьюги вой тоскуетъ у окна,
Въ отдушину врывается, унылый.

Какъ будто стонуть адскія уста,
Груба угроза вьюжнаго порыва,
И мать свершаетъ знаменье креста,
Слова молитвы шепчетъ боязливо,

И на сестру въ молчаньи смотреть братъ,
 О будущемъ въ душѣ надежды строя,
 И оба Меромъ, Меромъ стать хотять,
 Когда достигнуть возраста героя.

И вотъ... тангъ-тангъ... Часовъ задумчивъ звонъ...
 Кругомъ все спить, все предано покою...
 Лишь сторожъ ходитъ. Одиноко онъ
 Бредетъ въ раздумьи улицей пустою.

2.

ФИЛОСОФЫ.

Подъ полной и яркой луной
 На груди равнинной вдали,
 Другъ къ другу склоняся головой,
 Горбатыя горы легли.

О, нѣтъ! То не горы.—Тамъ рядъ
 Морщинистыхъ старцевъ сѣдыхъ.
 Согнувшись, прижавшись, стоятъ.
 Окутали саваны ихъ.

Мрачны, безсловесны, одни,
 Ушли они въ думу свою...
 Быть можетъ, находятъ они
 Разумнѣйшій смыслъ бытію...

АРШАКЪ ЧОБАНІАНЪ.

1872 г.

1. «Вот и снова Ничто превращается въ Свѣтъ...»

2. М а р и н а.

Перевелъ Валерій Брюсовъ.

1.

Вотъ и снова Ничто превращается въ Свѣтъ.
Съ заалѣвшихъ вершинъ тѣнь сдвигается прочь,
Волны моря окрашены въ пурпурный свѣтъ:
Это стрѣлы Зари, поражающей Ночь!

Съ заалѣвшихъ вершинъ тѣнь сдвигается прочь,
Вырывается пламя изъ бездны небесъ.
Это стрѣлы Зари, поражающей Ночь, —
Чтобы Сумракъ, дрожа, отступилъ и исчезъ.

Вырывается пламя изъ бездны небесъ.
Тѣни таютъ, клубясь, улетаютъ какъ дымъ...
Чтобы Сумракъ дрожа, отступилъ и исчезъ,
Солнце, солнце восходить съ лицомъ огневымъ!

Тѣни таютъ, клубясь, улетаютъ, какъ дымъ,
Птицы съ пѣньемъ порхаютъ съ чинары на вязь,
Солнце, солнце восходить съ лицомъ огневымъ...
Возрожденіе жизни!.. Плънительный часъ!

2.

МАРИНА.

Надъ глалью моря вздохи вѣтерка
Лазурный шелкъ сгибаютъ непривычно,
И, въ складки ровня согнувъ слегка,
Кладутъ запутанно, но симметрично.

И кажется: прозрачное шитье
Голубиной сияет углубленной,
Но зелень травъ подводныхъ сквозь нее
Просвѣчиваетъ неопредѣленно.

ВАНЪ МАЛЭЗІАНЪ.

1873 г.

1. «Словно кто-то въ тоскѣ...» Перевелъ *В. Спасскій*.
2. Сонетъ. Перевелъ *С. Бобровъ*.

1.

Словно кто-то въ тоскѣ,
Зашепталъ вдалекѣ....
Ахъ, не мысль ли моя
Вспоминаеть!

Вечерь холодно-мглисть....
Съ вѣтки падаетъ листь....
Не надежда ль моя
Увядаеть!

Лампа гаснетъ и въ ней
Свѣтъ слабѣй и слабѣй....
Не любовь ли моя
Умираеть.

Со свѣчами вдали
Черный гробъ пронесли....
Не себя ль жизнь моя
Погребаеть!

2.

СОНЕТЪ.

Свою корзину, полную плодовъ,
Поставивъ, негрятянка проворчала:
— «Вглядись въ очей темноты и на зовъ
Отвѣтствуй,—въ рай ведетъ любви начало.

«Вдохни мой запах; я цвѣткомъ сгорала.
И мускусъ таять предо мной готовъ,—
Тѣмъ ядомъ пьянотнымъ дыша немало,
Пей дикую любовь межъ смутныхъ сновъ.

«Дай сжать твою бѣлѣющую шею,
И тотчасъ сердца раны излечу
Кудрей фатою темною моею;

«Пѣснь, какъ гашишь, твою жевать хочу
Пока и мнѣ споешь душой больною,—
И, если смерть во мнѣ—умри со мною.»

ВААНЪ ТЭҚЭЯНЪ.

1877 г.

1. Лампада Просвѣтителя. Перевела *Е. Выставкина*.
2. Арменіи. Перевела *она же*.
3. «Тебя мы чтили, мщенія клинокъ...» Перевелъ *К. Липскеровъ*.
4. Падучія звѣзды. Перевелъ *Ю. Балтрушайтисъ*.
5. Пѣснь объ армянскомъ языкѣ. Перевелъ *онъ же*.

1.

ЛАМПАДА ПРОСВѢТИТЕЛЯ ¹.

Сонетъ.

Межъ звѣздъ, неисчетныхъ небесныхъ одна золотая
Горитъ еженощно, главу Арагаца вѣнчая.
Горитъ одиноко, лишь намъ дорога и близка,
Какъ-будто родная ее засвѣтила рука.

То, нашу земную навѣкъ освѣщая обитель,
Лампаду затеплилъ высоко армянъ просвѣтитель,
Наполнилъ слезами, и слезъ его чистый елей,
Пылая любовью, горитъ ослѣпительно въ ней.

Такъ вѣрилъ и вѣритъ народъ угнетенный, родимый
И взоръ его ищетъ, тоской и надеждой палимый,
Поутру Масисъ бѣлоснѣжный, а ночью звѣзду.

Такъ я, о Учитель, исполненный новой отрады,
Почувствовалъ свѣтъ отъ твоей драгоценной лампы
И вмѣстѣ съ народомъ зари воскресенія жду.

2.

АРМЕНИИ.

Мы какъ знамя тебя полюбили
Съ дѣтскихъ лѣтъ и узнали съ тѣхъ поръ,

¹ См. примѣчаніе на стр. 326.

Что тебя на хребты наших горъ
Вознесли и опять низложили.

Но мы вѣримъ, промчитъ надъ тобой
Вольный вѣтеръ широкой волной,
И согрѣетъ насъ вновь твое пламя.
Мы тебя полюбили, какъ знамя.

И какъ иву тебя мы любили,
Иву въ зелени нѣжныхъ кудрей
И поломанныхъ бѣдныхъ вѣтвей.
Люди мимо тебя проходили,

Надъ тобой заносили топоръ,
И слѣдилъ отуманенный взоръ
Какъ изъ вѣтокъ свирѣли точили.
Мы какъ иву тебя полюбили.

Ты какъ мечъ овладѣла сердцами,
Мечъ, забытый давно подъ землей,
Онъ изъять былъ безвѣстной рукой
И съ угрозой сверкнулъ надъ врагами.

Но сразить палачей онъ не могъ,
Онъ сломался, и ржавый клинокъ
Былъ отброшенъ съ насмѣшкою нами.
Ты какъ мечъ овладѣла сердцами.

Ты мила намъ, какъ цѣпи неволи,
Призывая къ возстанію насъ,
Ты въ безсильное тѣло впила,
И отъ острой, безжалостной боли

До земли преклоняемъ мы станъ.
Но возлюбимъ и слѣдъ твоихъ ранъ
Въ день и часъ торжества твоей доли.
Ты мила намъ, какъ цѣпи неволи.

3.

Тебя мы чтили, мщенія клинокъ....
Ты былъ въ землѣ, когда тебя подъяла

Рука бойца и сталь твоя сверкала...
Приникнуть къ горлу деспота ты смогъ,
Но онъ дрожалъ лишь краткую минуту...
Ты разломился, ржавый и погнутый,
Осмѣянный, ты легъ у нашихъ ногъ...
Тебя мы чтили, мщенія клинокъ...

Мы любимъ васъ, о цѣпи униженья,
Зовете вы, звенящія, возстать...
Вамъ велѣно намъ шею обвивать.
При каждомъ шагѣ каждое мгновенье
Нашъ горбится, отъ ярой муки, станъ...
Но мы слѣды полюбимъ нашихъ ранъ,
Когда цвѣтами стануть ваши звенья...
Мы любимъ васъ, о, цѣпи униженья...

4.

ПАДУЧИЯ ЗВѢЗДЫ.

Сонеть.

Мои глаза падучихъ звѣздъ полны.
Я собиралъ ихъ лѣтними ночами,
Когда, скользя среди сонной тишины,
Онѣ сверкали кроткими лучами.

Я ихъ собралъ въ полночномъ лѣтнемъ храмѣ,
Пока онѣ, въ паденьи съ вышины,
Цвѣли еще надъ дольными холмами
И, врывъ любовь, не умерли, какъ сны.

Моя душа, отсель, всегда свѣтла.
Мои глаза — ларцы съ лучистымъ кладомъ.
И въ день, когда мнѣ слишкомъ тяжела:

Скорбь нищаго и съ горестнымъ разладомъ
Тревога мрака входитъ въ жизнь мою —
Изъ этихъ звѣздъ я солнце создаю.

5.

ПѢСНЯ ОБЪ АРМЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Ты мнѣ, языкъ армянскій, милъ какъ пышный садъ.
 Средь древней чаши нашего былого,
 Гдѣ—только мракъ, твое любое слово—
 Какъ сочный плодъ, что я срывать, блуждая, гадаю.

Какъ пышный садъ, ты любъ пѣвцу, языкъ армянъ.
 Честь нашихъ храминъ, рощею зеленой,
 Въ борьбѣ столѣтій, цвѣлъ ты полный зсна,
 И будетъ цвѣсть въ вѣкахъ, и сокъ твой будетъ прянь.

Въ тѣни твоихъ деревьесъ я плетусь самъ другъ,
 Гляжу, въ слезахъ, на вѣтви ихъ и корни
 И лишь дивлюсь, какъ живъ твой шелестъ горній
 Тамъ, гдѣ гроза не разъ сметала все вокругъ.

Грузъ сочныхъ пестрыхъ гроздій—вотъ твои слова!
 Твои слова, что въ разномъ зноѣ зрѣли,
 Слова, что здѣсь покотъ въ моей свирѣли,
 Звонъ сочныхъ словъ твоихъ, чьимъ медомъ грудь жива.

МИСАКЪ МЭЦАРЕНЦЪ.

1885—1908 г.

1. «Ночь сладостна...» Перевель *Валерій Брюсовъ*.
2. На разсвѣтъ. Перевель *онъ же*.
3. Сонеть съ кодою. Перевель *В. Бакулинъ*.

1.

Ночь сладостна, ночь знойно сладострадна,
Напоена гашишемъ и бальзамомъ;
Я, въ опьяненіи, иду—какъ свѣтлымъ храмомъ:
Ночь сладостна, ночь знойно сладострадна.

Лобзанія дарить мнѣ вѣтеръ и море,
Лобзанія дарить лучей сплетенье,
Сегодня—праздникъ, въ сердцѣ—воскресенье,
Лобзанія дарить мнѣ вѣтеръ и море..

Но свѣтъ души, за мигомъ миги, меркнетъ,
Уста иного жаждутъ поцѣлуя...
Ночь — въ торжествѣ; луна горитъ ликуя...
Но свѣтъ души, за мигомъ миги, меркнетъ.....

2.

НА РАЗСВѢТѢ.

Сонеть.

Въ горахъ, въ монастырѣ, пѣснь колокола плачетъ;
Газели на зарѣ, на водопой спѣшать;
Какъ дѣва, влившая мускатный аромать,
Пьянъ, вѣтеръ надъ рѣкой и кружится и скачетъ;

На тропкѣ караванъ по склону горъ маячить,
И стоны бубенцовъ, какъ ночи пѣснь, звучать;

Я слышу шорохи за кольями оградъ
И страстно солнца жду, что ликъ свой долго прячетъ.

Весь сумрачный ландшафтъ,—ущелье и скала,—
Похожъ на стараго, гигантскаго орла,
Что сталь когтей вонзилъ въ глубины безъ названья.

Пьянящій запахъ мнѣ безстрастно шлетъ заря;
Мечтаю межъ деревь, томлюсь, мечтой горя,
Что Пери явится—вѣнчать мои желанья!

3.

СОНЕТЪ СЪ КОДОЮ.

Цвѣты роняютъ робко лепестки,
Вечерній вѣтеръ полонъ ароматомъ,
И въ сердцѣ, грезой сладостной объятъ,
Такъ сумерки жемчужны и легки.

Акаціи, опьянены закатомъ,
Льютъ нѣжный духъ, клоня свои листки,
Къ нимъ вѣтеръ льнетъ, и вихремъ бѣловатымъ,
Какъ снѣгъ, летятъ пахучіе цвѣтки.

Какъ гуріи невѣдомаго рая,
Сребристыхъ кудрей пряди распуская,
Ихъ бѣлый сонмъ струится въ водометъ;

Вода фонтана льется, бьется звонко,
Чиста, прозрачна какъ слеза ребенка,
Но сладострастно пѣснь ея зоветъ...

Чу! осыпается коронка за коронкой...

СИМАНТО.

1877 г.

1. Мои слезы.
 2. Родной источникъ.
 3. Горсть пепла.
- Перевель С. Шергинскій.

1.

МОИ СЛЕЗЫ.

Я съ грезой одинъ межъ родимыхъ долинъ проводилъ свой младенческий день.
Былъ легокъ мой шагъ, какъ на горныхъ лугахъ бѣлокурый прекрасный олень.
Я, радостный, бѣгалъ, была моя грудь отъ лазурнаго неба пьяна.
Въ глазахъ было золото, въ сердцѣ—надежда, душа была Богомъ полна.
Пришелъ и роскошный, дарующій блага румянаго лѣта, закатъ,
И мнѣ, и землѣ за корзиной корзину дарилъ плодородный нашъ садъ.
И молча я срѣзалъ со стройнаго стана ветлы, изъ прекрасныхъ вѣтвей.
Одну—для свирѣли, для тайной свирѣли, для будущей пѣсни моей.
Я пѣлъ, и ручей, адаманта свѣтлѣй, и знакомые птицъ голоса,
И ропотъ источниковъ съ чистой волной, и шумящiе вѣчно лѣса.
И утреннiй вѣтеръ, зефиръ легковѣйный, нѣжнѣе, чѣмъ ласка сестры,
Мнѣ все отвѣчало на лепетъ пѣвучiй, на звуки свирѣльной игры.
Сегодня во снѣ я коснулся рукой сладковзвучной свирѣли моей.
Къ губамъ трепетавшимъ прильнула она поцѣлуемъ утраченныхъ дней,—
Но память проснулась, прервалось дыханье, и, скрытая тьмою ночной,
Не пѣсня лилась, а катилась слеза, а катилась слеза за слезой.

2.

РОДНОЙ ИСТОЧНИКЪ.

То было въ дни моей зари, когда я жилъ съ тобой,
 О, сладостный, прохладный ключъ, источникъ мой родной!
 И голосъ твой еще со мной, какъ прежде, говорилъ.
 Усталый, безнадежный мозгъ еще тебя хранилъ.
 Твой алмазный потокъ, потокъ, потокъ обильныхъ водъ,
 Въ развалинахъ души моей давно-давно течетъ,
 Со мной онъ память о быломъ оплакивать привыкъ.
 Тебя я помню, дальній мой, о братскій мой родникъ!
 Я помню, къ тайнѣ водъ твоихъ, сверкающихъ свѣтло,
 Я, мальчикъ, приходилъ смочить счастливое чело.
 И ты, о ласковая мысль о волѣ дорогой,
 Мнѣ улаждала жизнь и свѣтъ, витая надо мной.
 Тогда еще объ злой утесъ не поломалъ я крыль,
 Тогда не разъ глаза свои отъ радости закрылъ.
 Мечталось о побѣдахъ мнѣ, и счастливъ былъ мой вздохъ
 Тебя я помню, о ручей; твой золотистый мохъ,
 Что лентой по теченью шелъ журчанья твоего,—
 И брелъ младенческой стопой я по коври его.
 Я брелъ, мечтами опьяненъ, по мшистому пути,
 Какъ тѣ, которые хотять желанное найти...
 Еще течешь ли ты, ручей, журчаньемъ говоря,
 Ты, чистый, какъ минувшихъ дней весенняя заря?
 Все такъ же ль, какъ въ былые дни прозраченъ ты, родникъ?
 И пѣсня ль все звучитъ изъ волнъ иль мести грозный крикъ?
 Не замутилась ли въ твоей прозрачной синевѣ
 Отъ крови, мною пролитой, невинныхъ капли двѣ,
 Чтобъ горькимъ сдѣлать алмазъ сверкающей струи?
 Въ потокахъ крови, въ страшныхъ дняхъ всѣ помыслы мои
 Безумны стали — навсегда... О, горе, горе мнѣ!

3.

ГОРСТЬ ПЕПЛА—РОДНОЙ ДОМЪ.

Увы! ты, какъ дворецъ, великъ былъ и богатъ,
 И съ плоской высоты твоихъ бѣленныхъ крышъ,
 Звѣздоточивой лишь настанетъ ночи тишь,
 Внималъ я какъ внизу, шумя, бѣжить Евфратъ...

Я плакалъ, плакалъ я, узнавъ, что нынѣ ты—
 Развалина, лежатъ обломки лишь одни...
 То былъ день ужаса, и крови, и рѣзни...
 А около тебя цвѣли въ саду цвѣты.

Теперь спаленная, тамъ комната была
 Вся голубая. Въ ней я ползалъ на коврѣ,
 Тамъ дѣтство проводилъ въ весельи и въ игрѣ,
 И за спиной росли два радостныхъ крыла.

Увы, то зеркало разбито, чей кристалль,
 Сіявшій золотомъ, въ своихъ лучахъ таилъ
 Мои мечты, любовь, и чаянья, и пылъ,
 Гдѣ воля красная, гдѣ разумъ мой блисталъ.

Ахъ, умеръ ли родникъ, поущій во дворѣ?
 Ахъ, ива сломлена ль и мой зеленый тутъ?
 И подъ деревьями ужели не текутъ
 Источника струи, стекая по горѣ?

И клѣтку помню я, и куропатку въ ней...
 Напротивъ—розъ кусты... Когда горѣлъ востокъ,
 На утренней зарѣ журчащей голосокъ
 Дремоту съ глазъ сгонялъ мнѣ пѣсенкой своей.

О, домъ мой, вѣрь! Едва засну я вѣчнымъ сномъ,
 Душа свободная къ развалинамъ роднымъ,
 Какъ голубь, прилетитъ, чтобъ волю дать своимъ
 И пѣснямъ, и слезамъ. О, вѣрь, родимый домъ!

Но кто, когда умру, кто принесетъ съ собой
Святого пепла горсть отъ пепелищъ твоихъ
И бросить на парчу покрововъ гробовыхъ
И съ нимъ смѣшаетъ прахъ пѣвца земли родной?

Горсть пепла, отчій домъ! О, съ прахомъ горсть твоимъ,
Горсть пепла изъ нѣмой развалины твоей,
Изъ прошлыхъ дней твоихъ, отъ горя и скорбей
Горсть пепла,—чтобъ мое осыпать сердце имъ!..

ДАНИЭЛЬ ВАРУЖАНЪ.

1884 г.

1. Письмо тоски. Перевелъ С. Шервинскій.
2. Курящаяся лампада. Перевелъ онъ же.
3. Колыбель армянъ. Перевелъ Валерій Брюсовъ.

1.

ПИСЬМО ТОСКИ.

Мать пишетъ: сынокъ, о, скиталець ты мой,
Доколь свои дни подь чужою луной
Ты будешь влачить, не придешь отдохнуть
Ко мнѣ на горячую грудь.

Согрѣтымъ когда-то въ ладоняхъ моихъ,
Довольно ногамъ твоимъ—лѣстницъ чужихъ.
Ты сердцемъ изсохъ, вспоминая съ тоской
Пустынное сердце родной.

Рука истомилась, а пряжа длинна...
Изъ бѣлыхъ волосъ—мнѣ на гробъ пелена.
Лишь видѣть тебя—да подь тяжестью вѣкъ
Закреть бы и душу навѣкъ.

Сажусь передь домомъ: мнѣ вѣсть про тебя ль
Приносить журавль, улетающій вдаль?..
А ива твоя осѣняетъ меня,
Печальная вѣтви клоня.

Напрасно глаза мои подь-вечеръ ждуть.
Изъ сель молодцы только мимо идутъ,
Работникъ идетъ, тамъ пастухъ молодой,
Лишь я одинока—съ луной.

Въ дому разоренномъ одна я сажу,
Очагъ берегу, да въ могилу гляжу;

Сижу черепахой, чей треснутый щитъ
Прилипшую кожу хранить.

Домъ отчій лишь ты возстановишь теперь.
И погребъ расхищенъ, и сломана дверь.
Весеннія птицы влетаютъ въ окно,
Гдѣ выбиты стекла давно.

Изъ стада всего ни одной головы
Въ живыхъ не осталось, баранъ лишь, увы,
Чьей маткѣ ребенкомъ,—припомни тотъ день,—
Даваль ты изъ ручекъ ячмень.

Даю ему клеверъ и отруби, рисъ.
Богатый курдюкъ у барана повисъ!
Расческой слоновой вожу по шерсти,
Чтобъ жертвѣ роскошнѣй расти.

Вернешься—ему я надѣну вѣнокъ,
Твоей ради жизни зарѣжу, сынокъ!
Въ той жертвенной крови, скиталецъ ты мой,
Усталыя ноги омой.

2.

КУРЯЩАЯСЯ ЛАМПАДА.

Намъ праздникъ—эта ночь! Пришелъ побѣдный часъ!
Невѣстка, ты въ лампаду масла влей!
Вернется съ боя сынъ, обниметь, милый, насъ!
Сними нагаръ, невѣстка, съ фитилей!

Тамъ, у колодца мнѣ ужъ слышенъ стукъ колесъ.
Невѣстка, намъ пора зажечь огни!
То ѣдетъ сынъ—въ вѣнцѣ! Побѣды вѣсть принеси!
Лампаду въ дверь, невѣстка, протяни!

Но... кузовъ трауромъ и кровью нагруженъ.
Скорѣй огонь, невѣстка, поднеси!
О, воинъ, о, мой сынъ, ты въ сердце пораженъ!
Лампаду, ахъ, невѣстка, погаси!

3.

КОЛЫБЕЛЬ АРМЯНЪ.

Есть хата; въ ней—колыбель;
Изъ кипариса она.
Вкругъ дико воеетъ метель
И совѣ насмѣшка слышна.

Со сводовъ виснеть сѣдыхъ
Бусъ синихъ, синихъ овалъ.
То слезы неба, но ихъ
Жестокій холодъ сковаль.

Тамъ копоть, сырость, капель...
И тамъ, безмолвно въ тиши
Качается колыбель,
Какъ мечь въ глубинахъ души.

То—мѣсто, гдѣ армянинъ
Мятежныхъ кормить дѣтей,
Гдѣ цвѣтъ лобзаній—одинъ:
Кровавой розы алѣй.

Тамъ нѣжныхъ словъ не слышать,
Подъ нѣсъ любви не уснуть:
И мгла тамъ—строгая мать,
А молній вспышка тамъ—грудь.

Въ слезахъ, лишенный всего,
Ребенокъ долженъ тамъ жить;
Тамъ случай вылететь его
И другъ приходитъ кормить.

Но тамъ, подъ синюю тѣхъ бусь,
Герой, быть можетъ, сокрытъ.
Какъ въ ясляхъ спалъ Иисусъ,
Освободитель тамъ спитъ!

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПОДРАЖАНІЯ И ПЕРЕПѢВЫ.

- А. Исаакіанъ. 1. Отгадчица. Перевель Вячеславъ
Ивановъ.
Онъ же. 2. На чужбинѣ. Перевель онъ же.
Онъ же. 3. Ожиданіе. Перевель онъ же.
А. Чарыгъ. 1. Тринадцать лѣтъ. Перевель С. Боб-
ровъ.
В. Тэкзянь. 1. Сонетъ. Перевель Валерій Брюсовъ.

1.

ОТГАДЧИЦА.

«Дѣвица, красавица!
Обернись я, молодецъ,
Мать-землею черною,—
Чѣмъ бы ты была?»
—«Я бѣ тебѣ покорною
Весенкой цвѣла».

«Дѣвушка—отгадчица!
А прикинься молодецъ
Глубиной озерною,—
Какъ бы догнала?»
—«Утицей проворною
Я бы поплыла».

«А скажи, отвѣтчица!
Растекись въ поднебесье
Молодецъ, въ просторное,—
Что бы ты взяла?»
—«Солнышко дозорное!
Небушко бѣ зажгла!»

2.

НА ЧУЖБИНѢ.

Въ чужедальномъ я плѣну
Жизнь бездомную клянупу:
Какъ съ родимую простился,
Сномъ спокойнымъ не забылся.

Вы летите, птицы, съ горь:
Залетали ль къ ней на дворъ?
Вѣтерокъ, ты съ моря дуешь:
Отъ нея ль меня цѣлуешь?

Стая въ облакъ кричить,
Мимовѣнный вѣтръ молчить:
Краемъ крылъ души коснулись,
Пронеслись—и не вернулись.

Свѣтомъ ласковыхъ очей,
Сладкой звучностью рѣчей
Хоть во снѣ бь отвелъ я душу,
Хоть во снѣ бь ее подслушалъ!

Какъ покроетъ долы тьма,
Одолѣетъ мать дрема,—
Льнуть бы къ ней въ туманѣ тонкомъ,
Ей привидѣлся бь ребенкомъ!

3.

ОЖИДАНИЕ.

Вечеръ—гость на дворъ; обошелъ дома;
По селу въ окнахъ позажглись огни.
Мой лишь дворъ одинъ утонулъ въ тѣни:
Какъ въ душѣ, въ дому безъ просвѣта тьма.

Всѣхъ собралъ сельчанъ съ поля поздній часъ;
Вечерять съли за семейный столъ.
Съ горь газель моя не бѣжить ли въ доль,—
Я глядѣлъ въ темень, не жалѣя глазъ.

Наступила ночь непроглядная;
Водитъ души въ снахъ по садакъ весна.
Жду, пожду одинъ, въ ночь гляжу безъ сна:
Не пришла греза ненаглядная!

АРАМЪ ЧАРЫГЪ.

I.

ТРИНАДЦАТЬ ЛѢТЬ ЕЙ.

Тринадцать лѣтъ ей, милой; по ночамъ
Она меня такъ часто навѣщаетъ,
И, ручки приложивъ къ моимъ вискамъ,
У изголовья сядетъ—и лобзаетъ.

Лобзаетъ ненасытно, и, вперивъ
Въ глаза мои свои газельи очи,
Холоднымъ голосомъ мнѣ говорить:
«Люблю тебя, люблю—всѣ наши ночи!»

Она мнѣ родственницею была,
Недѣлями у насъ жила въ домѣ;
Бывало, сладко поцѣлуемъ жгла,—
«О, мое сердце!»—плакалась въ истомѣ.

И въ тѣ же дни ее покинулъ я,
Не вѣдая, что въ жизни съ нею стало;
И на письмо отвѣтила семья,
Что «безъ тебя одна она скончалась.»

Тринадцать лѣтъ умершей; по ночамъ
Она меня такъ часто навѣщаетъ,
И, ручки приложивъ къ моимъ вискамъ,
Съ тоской могильною меня лобзаетъ.

ВААНЪ ТЭКЭЯНЪ.

I.

СОНЕТЪ.

Какъ братъ, что издавна не видѣлъ брата,
 Сталь съять дождь, вокругъ и на поляхъ,
 И я услышалъ звукъ, звукъ поцѣлуевъ, ахъ!
 И сердце было завистию сжато;

И о цвѣтахъ я вспомнилъ, что въ садахъ
 Возносятся чаши, полны аромата;
 И о слезахъ, не пролитыхъ когда-то,
 И о моряхъ сіяній, о моряхъ

Благоуханій: о твоихъ очахъ!
 Ни капли мнѣ то не послало море,
 Чтобъ умягчить вадывишееся горе!

И что жъ, дитя, я вновь—въ твоихъ вратахъ,
 Пришелъ, какъ странникъ, что пріюта ищетъ,
 Когда льетъ дождь и вѣтеръ скорби свищетъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ОБЪЯСНЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ. БИБЛІОГРАФІЯ.
 СОДЕРЖАНІЕ.

Примѣчанія и Библиографія составлены В. Я.
Брюсовымъ, въ сотрудничествѣ съ Карэномъ Микаэляномъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Вступительный очеркъ, какъ указано въ Объясненіяхъ редакціи (стр. 18), отнюдь не притязаетъ на полноту сообщаемыхъ въ немъ историко-литературныхъ свѣдѣній, являясь лишь предисловіемъ къ данной книгѣ.

Историческая часть очерка основана на работѣ того же автора: «Очеркъ историческихъ судьбъ армянскаго народа съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, Мск. 1916 г.», гдѣ указаны источники, которыми пользовался авторъ. Для историко-литературной части очерка важнѣйшими источниками были: работы А. Чобаньяна и др., указанныя ниже въ Библиографіи, непосредственное знакомство съ созданіями армянской литературы, въ переводахъ и, частью, въ оригиналѣ, и, особенно, личные разъясненія и указанія П. Н. Макинціана и Карэна Микаэляна, которымъ авторъ еще разъ выражаетъ свою глубокую признательность. Нѣкоторыя дополненія къ даннымъ, сообщеннымъ во Вступительномъ очеркѣ, приведены далѣе въ Примѣчаніяхъ.

Орфографія армянскихъ словъ и собственныхъ именъ, какъ во Вступительномъ очеркѣ, такъ и во всемъ сборникѣ, выдержана въ согласіи съ произношеніемъ русскихъ армянъ (включая и имена западно-армянскихъ постовъ, за немногими исключеніями уже установившихся написаній). При этомъ редакція имѣла въ виду воспроизвести именно произношеніе, отчего написаніе отдѣльныхъ именъ не единообразно. Въ частности окончаніе армянскихъ фамилій имѣетъ, въ русской транскрипціи, нѣсколько формъ: на —*іанъ* (напр., Чобаніанъ, Исаакіанъ), на —*ьянъ* (напр., Патканьянъ, Туманьянъ), на —*янциъ* (напр., К. Костаньянциъ) или, иногда, на —*янъ* (напр., Микаэлянъ). Имена крестныя приведены—частью въ армянской формѣ, напр., Петросъ Дуріанъ, частью—въ русской формѣ, напр., Моисей Хоренскій, Іоаннъ Мандакуни, Григорій Магистръ, частью—въ обихихъ формахъ, напр., Елисей (Егише), Лазарь (Газаросъ), Левъ (Левонъ); также, въ отдѣльныхъ случаяхъ, различно написаніе имени—Іоаннесъ, Ованнесъ и др. Редакція рѣшилась допустить такую пестроту написаній, чтобы не нарушать уже установившейся традиціи, по которой въ русскихъ сочиненіяхъ постоянно пишется Моисей, а не Моисеъ Хоренскій, но Рафаэль, а не Рафаилъ Патканьянъ, Ованнесъ Туманьянъ, но болѣею частью—Іоаннесъ Іоаннисіанъ, Александръ Цатуріанъ, но—Петросъ Дуріанъ и т. под.

Тексты народных пѣсень взяты, преимущественно, изъ изданій еп. Серваидзіана, Н. О. Эмина, А. Чобаніана и изъ различныхъ пѣсенниковъ («сергараны» и «тагараны»); тексты древнѣйшихъ пѣсень изъ изд. историка Моисея Хоренскаго. Текстъ сказки о «Владыкѣ Асланѣ» основанъ на изд. К. Костаньянца; эпосъ «Давидъ Сасунокій»—на изд. Манука Абегіана; нѣкоторыхъ джанъ-гюлюмовъ—на изд. «Кнаръ Айкананъ» («Армянская Лира»). Нѣсколько пѣсень заимствовано (П. Н. Макинціаномъ) изъ ванскихъ журналовъ и выписано (имъ же) изъ рукописей Эчмиадзинской библиотеки. Небольшое число пѣсень, главнымъ образомъ—обрядовыхъ, переведено съ французскаго перевода А. Чобаніана, такъ какъ армянскій текстъ этихъ стиховъ получить не удалось. Тексты произведеній средневѣковыхъ поэтовъ и ашуговъ взяты, частью, изъ изд., названныхъ выше (К. Костаньянца, А. Чобаніана, «Кнаръ Айкананъ»), а также изъ изд.: арх. Тевканица («Айергъ») Г. Ахвердова (Саятъ-Нова), А. Потуріана и др.; тексты шаракановъ—изъ изд. «Шаракана» (армянскаго, сличеннаго съ русскимъ переводомъ Н. О. Эмина); тексты «Элегій на взытіе Эдессою» и «Пѣсни о плѣненіи короля Левона»—изъ изд. Э. Дюлорье. Тексты произведеній новыхъ поэтовъ почерпнуты изъ изд. ихъ соч. и различныхъ антологій, причемъ нѣкоторые тексты сообщены самими авторами.

НАРОДНАЯ ПОВѢЯ. ЛИРИКА.

Изъ древнѣйшихъ пѣсень, стр. 93—96.

«Древняя армянская литература, пишетъ А. Чобаніанъ (Chants populaires Arméniens, LXXI), лишена своей интереснѣйшей половины: поэзіи языческой... Погибли навсегда цѣлые циклы прекрасныхъ эпическихъ и мифологическихъ пѣсень, отъ которыхъ осталось лишь нѣсколько отрывковъ, приводимыхъ Моисеемъ Хоренскимъ и Григоріемъ Магистромъ... Соглашаясь съ авторомъ этихъ строкъ, мы постарались, въ началѣ нашего изд., собрать важнѣйшіе изъ этихъ орудныхъ отрывковъ.

Рожденіе Ваагна. Моисей Хоренскій, кн. I, гл. 31, приводя эту пѣсню и называя Ваагна (или Вахагна) сыномъ царя (мифическаго) Тиграна Древняго, говоритъ: «Мы собственными ушами, слышали, какъ пѣли эту (пѣсню), сопровождая ее бамбирномъ. Затѣмъ въ пѣснѣ воспѣвали борьбу Ваагна съ драконами и побѣду надъ ними... Воспѣвали также его апоэосу; и тамъ, въ странѣ Иверовъ, была ему воздвигнута статуя въ ростъ его, которую чествовали жертвами.» Полагають, что Ваагнь одно изъ древнѣйшихъ національныхъ божествъ у армянъ. Въ эпоху вліянія эллинизма, при Тигранѣ Великомъ, Ваагна приравняли къ Гераклу, чѣмъ объясняются слова Моисея Хоренскаго (тамъ же): «Все воспѣваемое (о Ваагнѣ) имѣло большое сходство съ подвигами Геракла.» Другіе армянскіе писатели (Агавангелъ, Ананій Ширакскій) дополняютъ свѣдѣнія о Ваагнѣ. Это Ваагнь образовалъ млечный путь, разронявъ по пути на небо соломенки изъ снопа, похищеннаго у Баршама (по-сирійски.—Солнце); женой Ваагна была Астхикъ (букв.—звѣздочка), и т. под. Все это позволяетъ видѣть въ Ваагнѣ—божество звѣздное.—См. ниже литературную обработку преданія о рожденіи Ваагна въ стихахъ І. Іоаннісіана (стр. 301).

О царѣ Арташесѣ. Моисей Хоренскій, кн. II, гл. 50, кромѣ этого отрывка, приводитъ еще два стиха изъ пѣсни о женитбѣ Арташеса на Сатеникѣ, царевнѣ алановъ, говоря: «Это мѣсто такъ поется выписаннами въ ихъ пѣснѣ:

Арташеса на свадьбѣ шель дождь золотой;
Сатеникѣ на свадьбѣ шель дождь жемчуговъ.»

Моисей Хоренскій относитъ эту пѣсню къ «последнему Арташесу», котораго считаетъ преемникомъ Еруанда II (врядъ ли существовавшего) и отцомъ Артавазда II, при чемъ смерть Арташеса приходится на годы правленія Адріана (117—138 г. по Р. X.). Все это не вяжется съ исторіей Арменіи, поскольку она намъ извѣстна документально. Естественнѣе предполагать, что эта народная пѣсня возникла въ болѣе древнія времена; ктому же имя Арташесъ (въ греческой транскрипціи,—Артакія) носило нѣсколько царей Арменіи, начиная съ Арташеса I (189—160 г. до Р. X.), современника Ганнибала и основателя города Арташата. Моисей Хоренскій сообщаетъ про другія пѣсни «охтанскихъ пѣвцовъ» о царѣ Арташесѣ (II, 49, 61 и др.) и, между прочимъ, передаетъ преданіе, что онъ, связанный желѣзными цѣпями, заключенъ въ пещерѣ,—обработанное, въ стихахъ І. Іоаннісіаномъ (см. стр. 308—9 и примѣчаніе къ этой легендѣ, стр. 505).

О построеніи Вардгеса. Моисей Хоренскій, кн. II, гл. 65, говоритъ, что царь Вагаршъ, котораго отождествляютъ съ Вагаршемъ или Вологасомъ, царствовавшимъ въ Арменіи въ эпоху Септимія Севера (194—211 г. по Р. X.) и, по преданію, основавшимъ городъ Вагаршата (иначе Норъ-Кахакъ или Кайнеполь, м. б., современный—Эчмиадзинъ), «обвелъ также стѣною большое селеніе Вардгеса, что на рѣкѣ Кахакѣ, объ чемъ въ легендѣ говорится слѣдующее... Слѣдуютъ 5 стиховъ, воспроизводимыхъ нами почти безъ измѣненій въ переводѣ Н. О. Эмина, такъ какъ его прозаическій переводъ почти совпадаетъ съ ритмомъ подлинника. Добавимъ, что послѣдній стихъ для перевода представляетъ трудности и можетъ быть истолкованъ иначе.

Другіе народные стихи, приводимые Моисеемъ Хоренскимъ,—крайне отрывочны и представляютъ болѣе историческій, нежели художественный интересъ. См. Н. О. Эминъ, «Моисей Хоренскій и древній армянскій эпосъ»; E. Dulaurier, «Chants populaires arméniens», и др.

Пѣсня о расвѣтѣ. Хотя въ стихахъ говорится о Христѣ и Просвѣтителѣ (т. е. Григоріи изъ царскаго рода Аршакидовъ, съ именемъ котораго связано крещеніе царя Тиридата и армянъ, въ самомъ концѣ III в.), однако, полагають, что эта пѣсня могла возникнуть еще въ языческую пору, причемъ позднѣе языческіе имена и образы были замѣнены христіанскими.

Пѣсни о любви, стр. 97—104.

Армянскія народныя пѣсни о любви, какъ аналогичныя народныя пѣсни русскія и др. народовъ, прежде всего показываютъ, какъ высоко самъ народъ цѣнилъ жизнь чувства. Въ то время, какъ интеллигентные печальники горя народнаго, въ своихъ стихахъ наибольшее вниманіе уделяють обычно бѣдствіямъ роднаго народа, его тяжелой долѣ, онъ самъ охотно поетъ о радостяхъ любить и быть любимымъ. Въ стихахъ о любви, сложенныхъ ар-

мянскимъ народомъ, эстетическое отношеніе къ міру одерживаетъ полную побѣду, отражая силу духа «народа-художника». Вотъ почему мы сочли нужнымъ дать сравнительно много мѣста этимъ любовнымъ пѣснямъ, большинство которыхъ выделяется особой художественностью выраженія. Двѣ изъ этихъ пѣсенъ:

Для милой надо платье шить, стр. 97, и Золотая звѣздочка въ небѣ, стр. 115, были ранѣе напечатаны («Огонекъ» 1915 г.); перепечатано въ «Сборникъ армянской литературы», Пгд. 1916) въ другой редакціи перевода:

I.

Сшейте платьице для милой
Вы изъ солнечнаго свѣта;
Лунный свѣтъ—подкладка платью,
Нитки—облаковъ волокна;
Кружева—морская пѣна;
Звѣзды яркія—застежки,
А на грудь цвѣтокъ—я самъ!

II.

Полюбила звѣздочка въ небѣ
Рыбку малую въ синемъ морѣ;
Но не плавать рыбешкѣ въ небѣ,
Не блистать и звѣздочкѣ въ морѣ.

Джанъ-гюлюмы связаны съ гаданіемъ подь праздникъ. Въ суду съ водой, простоявшій всю ночь подь розовымъ кустомъ и свѣтомъ звѣздъ, дѣвушки кладутъ свои мѣтки: утромъ дѣвочка, «мать цвѣтовъ», съ лицомъ, закрытымъ покрываломъ, достаетъ эти мѣтки подь пѣніе джанъ-гюлюмовъ: чья мѣтка вынется, къ тому и относятся слова пѣсни (П. Макинціанъ, «Очеркъ армянской литературы»).

Свадебная пѣсня, стр. 107—8, переведена не полностью: поется еще рядъ строфъ, продолжающихъ развитіе тѣхъ же варіацій.

Зейтунскій маршъ, стр. 117, до сихъ поръ распространенная, пѣсня удальцовъ. Название Зейтунъ не упоминается въ хроникахъ Киликійскаго царства и встрѣчается впервые въ XVI в. Но съ того времени Зейтунъ постоянно оставался горнымъ гнѣздомъ, обитатели котораго не хотѣли признавать чужеземной власти. Съ оружіемъ въ рукахъ, всѣ—воины съ дѣтства, зейтуны упорно обороняли свою свободу и отъ турецкихъ чиновниковъ и отъ турецкаго регулярнаго войска, которому затруднительно было бороться съ партизанскими отрядами, въ горной области. Въ Зейтунѣ сохранялись патриархальные нравы старины, жили древнія пѣсни и преданія; въ мѣстномъ монастырѣ хранилось много старинныхъ рукописей. Въ 1865 г. туркамъ, хитростью, удалось восстановить

зависимость Зейтуна, впрочемъ, первоначально совершенно номинальную. Въ 1879 г. впервые въ Зейтунѣ былъ введенъ турецкій гарнизонъ. Но когда турки стали облагать населеніе Зейтуна тяжелыми податями, жители начали волноваться. Последнее, самое серьезное возстаніе, въ числѣ причинъ котораго были и систематическія избиенія армянъ турками въ другихъ вилайетахъ, произошло въ 1895 г. Противъ Зейтуна была отправлена огромная армія Эдхема-паши съ осадной артиллеріей. Зейтуны геройски оборонялись, но, лишеныя подвоза боевыхъ припасовъ, должны были уступить силѣ. Благодаря посредничеству Россіи, Англіи и Франціи, условія сдачи были почетны: зейтудцамъ былъ гарантированъ этихъ условій не в полнили. Лучшая работа о Зейтунѣ: Aghassi, Zeitun, depuis les origines jusqu'a l'insurrection de 1895. Trad. d'A. Tchobanian. 2 éd. P. 1897.

Пѣсни средневѣковыя, народныя и неавѣстныхъ авторовъ. О происхожденіи этихъ пѣсенъ см. Вступительный очеркъ, стр. 59.

Пѣсня на плѣненіе короля Левона, стр. 120.

Текстъ взятъ изъ изд. E. Dulaurier, Recueil des historiens de croisades. Въ 1266 г. египтяне (мамелюки) вторглись въ Киликію, одержали побѣду при Терпесагѣ и взяли въ плѣнъ Левона, сына короля Гетума I. Левонъ былъ уведенъ въ Каиръ и томился въ плѣну больше двухъ лѣтъ. Наконецъ, Гетуму, горько оплакивавшему утрату двухъ сыновей (другой, Торосъ, т. е. Сеодоръ, былъ убитъ при Терпесагѣ), удалось добиться обмена плѣнными: Сеодоръ, былъ убитъ при Терпесагѣ), удалось добиться обмена плѣнными: Ашшара, попавшаго, при взятіи Алеппо, въ плѣнъ къ татарамъ, бывшимъ въ то время союзниками армянъ. Левонъ вернулся въ Киликію и, по смерти Гетума I, царствовалъ подь именемъ Левона (Льва) III.—Народная пѣсня излагаетъ эти событія въ томъ освѣщеніи, каковаго требовала народная гордость. О Сисѣ, столицѣ Киликіи, см. Вступительный очеркъ, стр. 34.

Арутунъ Туманьянъ, стр. 128,—современный поэтъ, авторъ нѣсколькихъ сборниковъ стиховъ.

ЭПОСЪ.

Эпосъ. По свидѣтельству Моисея Хоренскаго и Григорія Магистра, древнѣйшая народная армянская поэзія была богата эпическими созданіями, воспѣвавшими сказанія о богахъ и герояхъ. Эти пѣсни до-христіанской эпохи погибли для насъ, кромѣ скудныхъ отрывковъ (см. выше). Дошли до насъ лишь позднѣйшія народныя обработки христіанскихъ легендъ и отрывки обширнаго эпоса о Давидѣ Сасунскомъ, можетъ быть, впитавшіе въ себя, однако, кое-что изъ древнѣйшихъ пѣсенъ. Поэтому о народномъ армянскомъ эпосѣ должно судить, какъ о скромныхъ остаткахъ нѣкогда величественнаго цѣлаго.

Владыка Асланъ, стр. 131 и сл. Въ основѣ этой сказки лежитъ обще-арійскій мифъ о вѣрной женѣ, которая отдаетъ свою жизнь въ обменъ за жизнь мужа. Наибольше извѣстенъ этотъ мифъ въ эллинской обработкѣ оказанія о царѣ Адметѣ и его женѣ Алкестѣ, пересказаннаго въ утерянной повѣсти, приписываемой Гесиоду, въ также утерянной драмѣ Фриниха

и въ сохранившейся трагедіи Еврипида «Алкеста». У греческаго трагика, какъ и у армянскаго поэта, и старикъ-отецъ Адмета и его старуха-мать отъ казываются отдать свою жизнь въ обмѣнъ за жизнь сына; соглашается пожертвовать за мужа своей жизнью лишь его юная и прекрасная жена—Алкеста. Трагедія Еврипида заканчивается счастливымъ исходомъ: Геракль, связанный съ Адметомъ узами гостепріимства, въ рукопашномъ бою отбиваетъ у демона смерти Алкесту и возвращаетъ ее мужу. Такой конецъ у армянскаго поэта-христіанина замѣненъ вмѣшательствомъ Господней воли. Впрочемъ, полагаютъ, что сюжетъ возвратился въ Армению черезъ посредство восточныхъ обработокъ (персидскихъ и арабскихъ).

Давидъ Сасунскій, стр. 135 и сл. Текстъ взятъ изъ изд. Манука Абергяна «Давидъ и Мырь», Шуша 1889. Въ нашемъ переводѣ воспроизведена лишь часть эпоса (около половины), съ небольшими пропусками. Впрочемъ, извѣстно много различныхъ ея вариантовъ, изъ которыхъ нѣкоторые содержатъ совершенно новые эпизоды. Судя по вступленію, гдѣ перечислены имена лицъ, дѣйствующихъ въ эпосѣ, она дошла до насъ не полностью, и возможно, что еще будутъ открыты новыя ея части.—Прощаніе Сасунскаго княжества относится къ XI—XIV в. После сельджукскаго завоеванія, отдѣльныя области Армении стали постепенно добиваться полу-независимаго положенія. Наиболее значительнымъ княжествомъ было Захаридское (называемое такъ по династїи, шедшей отъ Захарїя Долгорукаго), ставшее въ вассальныя отношенія къ Грузїи. Рядомъ съ нимъ возникли княжества—Сюнїйское (князей Орбеляни), Хаченское, Хеджкенидовъ (гдѣ княжила вѣтъ Ариуридовъ) и др., въ томъ числѣ Чортуанелидовъ (князья котораго вели свой родъ отъ Мамиконидовъ). Последние были оттѣснены изъ равнины Тарона въ горный Сасунъ. Мѣстоположеніе въ горахъ помогало Сасуну отстаивать свою независимость, среди постоянной борьбы окружающихъ мелкихъ династїевъ, характерной вообще для феодальной эпохи. Окончательно утратилъ Сасунъ свою независимость лишь вмѣстѣ съ другими армянскими княжествами после нашествія Тамерлана и завоеваній турокъ-османовъ.—Эпосъ «Давидъ Сасунскій», въ подлинникѣ, написана неравносложными стихами, о метрѣ которыхъ еще продолжаютъ споры. Судя по языку и чертамъ нравовъ, встрѣчающимся въ эпосѣ, окончательную обработку она получила значительно познѣе той эпохи, когда процвѣталъ Сасунъ. Однако, есть въ эпосѣ черты глубокой древности, показывающія, что въ ея основу легли древнѣйшія историческія пѣсни, позднѣе приуроченныя къ Сасунскому Давиду: таковы черты, намекающія на языческія вѣрованія. Возможно, что на армянскій эпосъ оказали вліяніе эпосъ персидскій и, черезъ него, индїйскій; съ другой стороны, извѣстны на персидскомъ и курдскомъ языкахъ варианты «Давида Сасунскаго».

ПОЭЗІЯ СРЕДНЕВѢКОВЬЯ.

Поэзія средневѣковья. Къ тому, что сказано въ нашемъ вступительномъ очеркѣ о поэзїи армянскаго средневѣковья, мы можемъ добавить сказанное объ ней А. Чобаніаномъ (*Chants populaires*, LXXIII):

«Эта поэзія, свободная, полная живого и чарующаго изящества, часто поражающая своимъ сильнымъ и самобытнымъ складомъ, составляетъ наиболѣе живую и наиболѣе оригинальную часть древней армянской литературы.» Говоря дальѣ о религіозной поэзїи армянскаго средневѣковья, тотъ же авторъ пишетъ: «Ея созданія не блѣднѣютъ рядомъ съ прославленнѣйшими твореніями міровой литературы христіанства.» Такое высокое значеніе средневѣковой армянской поэзїи и побудило насъ отвести ей значительное мѣсто въ нашемъ сборникѣ.

Григорій Нарекскій, стр. 159—163, и Вступ. сч., стр. 43—44. Очеркъ о жизни и произведеніяхъ Григорія Н. см. въ книгѣ F. Nève, *L'Arménie chrétienne et sa littérature*, Louvain 1886. Комментаторы считаютъ стихи «Алмазная роза» аллегоріей Богородицы; въ подлинникѣ стихотв. старался воспроизвести. Объ аллегорическомъ смыслѣ «Пѣсни на Воскресеніе Христова» мнѣнія комментаторовъ расходятся. Въ образѣ тѣлги видятъ, напр., изображеніе Армении, погрязшей въ язычествѣ, которую выводить на правый путь христіанство. Недавно было высказано мнѣніе, что поэтъ, аллегоризуя спасенія вѣрныхъ, черезъ Воскресеніе Христова, въ «Новомъ Сїонѣ», описалъ, въ своихъ стихахъ, простое явленіе природы: изъ того монастыря, гдѣ жилъ Григорій, соувѣдіе Большой Медвѣдицы представляется въ видѣ колесницы, спускающейся съ Арарата (Масиса горы).

Нерсесъ Благодатный, стр. 165—178, и Вступ. сч., стр. 44—45. Характеристику Нерсеса В. см. въ брошюрѣ: А. Tchobanian, *L'Arménie, son Histoire, sa Littérature*, P. 1897. См. также обширный очеркъ въ книгѣ F. Nève и вступительную замѣтку Dulaurier въ его изд. *Recueil* etc.

Стихи: На великій пятокъ составляютъ отрывокъ стихотворенія, въ которомъ наждыхъ два стиха начинаются послѣдовательно съ новой буквы алфавита (въ нашемъ переводѣ отъ К до Т).

Въ Элегїи на взятіе Эдессы, въ подлинникѣ, около 4000 стиховъ оканчиваются на одну и ту же риму (—инъ; переводчикъ, по возможности, стремился воспроизвести эту особенность оригинала. Нѣкоторые думаютъ, что такой приемъ стихосложенія заимствованъ армянскими поэтами у арабовъ; Saint-Martin (въ предисл. къ французскому изд. «Элегїи» Jehan Zohrab) приписываетъ его вліянію франковъ въ эпоху Крестовыхъ походовъ. Должно, однако, напомнить, что подобный приемъ встрѣчается, въ армянской поэзїи, уже у Григорія Магистра (ум. около 1058 г.). Авторъ называетъ свою поэму «просопопей», такъ какъ олицетворяетъ городъ Эдессу и заставляетъ ее самое рассказывать о своихъ несчастіяхъ (отсюда выраженія: «созерцала я...», «мой», «у меня» и т. под.). Взятіе Эдессы связано съ началомъ наступленія мусульманъ на новыя христіанскія государства Передней Азїи въ XII в. Въ 30-хъ годахъ этого столѣтія атабекъ (визирь Зенги или Занки), правившій Мосуломъ, какъ опекунъ малолѣтняго сельджукскаго эмира Альпъ-Аслана, предпринялъ завоеваніе всей Сирїи и Месопотамїи. Захвативъ рядъ городовъ, Занки осадилъ Эдессу. Архіепископъ города, ждавшій помощи изъ Іерусалима и Антіохїи, убѣдилъ гарнизонъ и жителей обороняться. Но помощь не подошла (см. примѣч. къ ст. 811), и въ городѣ начался голодъ. Занки подкупалъ

стѣны, важегъ бревна, вставленныя въ подкопы, и этимъ обрушилъ стѣны. Мусульмане ворвались въ Эдессу и разграбили городъ; архіепископъ былъ убитъ въ свалкѣ. Черезъ два дня сдалась и цитадель (декабрь 1144 г.). Мусульманскіе поэты прославили подвиги Занки. «Элегія» Нерсеса, помимо своихъ художественныхъ достоинствъ, является важнымъ историческимъ свидѣтельствомъ современника.—Въ армянской литературѣ известна другая поэма, которая можетъ быть поставлена въ параллель съ «Элегіей» Нерсеса Б.: «Элегія на взятіе Іерусалима» (Саладиномъ въ 1187 г.), написанная католикомъ Григоріемъ Отрокомъ или Тра (1133—1189 г.). Отъ Григорія Отрока осталось нѣсколько писемъ по богословскимъ вопросамъ и «Элегія», написанная тѣмъ же стихомъ, какъ поэма Нерсеса В.

Фрикъ, стр. 179—184, и Вступ. оч., стр. 49—50. Ожидается изд. его соч., въ которомъ долженъ впервые появиться рядъ произведеній (п дъ рен. а х. Тифайра). Изъ стихотв. «Жалобы» переведено нами лишь начало; въ подлинникѣ все стихотв. выдержано на одну рѣму.

Іоаннъ Ерэынкайскій, стр. 185—188, и Вступ. оч., стр. 49—50. Іоаннъ Е. род. въ 1250 г., въ Ерэынкѣ (Ерэынкайскъ) и ум. около 1326 г. Его называютъ также: Ованнесь изъ Ерэынка, Плусть (т.-е. голубоглазый, изъ Дзордзора (ибо долгое время жилъ въ Дзордзорскомъ монастырѣ) Во время прѣыванія Ованнеса Е. въ Киликію, король Левонъ III устроилъ ему торжественный пріемъ и поручилъ управление академіей Сиса; тогда же Ованнесь Е. изучилъ латинскій яз. и перевелъ на армянскій часть «Summa Theologiae» Фомы Аквинскаго. Число соч. Ованнеса Е. (частью не дошедшихъ до насъ) весьма велико; въ ихъ числѣ имѣется поэма, въ 1000 стиховъ, о движеніи небесныхъ тѣлъ (на тотъ же сюжетъ авторомъ написано прозаическое разсужденіе), составленная въ Тифлисі.

Константинъ Ерэынкайскій, стр. 189—192, и Вступ. оч., стр. 50—51. Соч. Константина Е. изданы, о. Потуріаномъ, членомъ братства мхитаристовъ, въ Венеціи, съ подробнымъ комментариемъ.

Аракель Багешскій, стр. 193—197, и Вступ. оч., стр. 51—52. Аракель В. род. въ деревнѣ Боръ, около Багеша (совр. Битлис), въ концѣ XIV в., и былъ ученикомъ поэта-мистика Григорія Тверенца. Отъ Аракеля В. дошелъ до насъ рядъ поэмъ на граларѣ и на народномъ яз., а также стихотворныя переложенія «Исторіи Іоасафа» и «Исторіи семи мудрецовъ» (сюжеты—широко распространенные на Востоцѣ).

Мкртичъ Нагашъ, стр. 199—202, и Вступ. оч. стр. 52. Отъ Мкртича Н. дошло до насъ 11 стихотв. частью посвященныхъ вопросамъ современности, частью—гномическихъ раздумій. О Мкртичѣ Н. см. очеркъ К. Костаньянца (его изложеніе въ книгѣ: А. Tchobanian, Les Trouvères Arméniens.)

Ованнесь Тылкуранскій, стр. 203—206, и Вступ. оч., стр. 53. Тылкуранъ—деревня въ Діарбекирѣ. Что Ованнесь Т. окончился престарѣлымъ, видно изъ его словъ, въ одномъ стихотв., обращенныхъ къ самому себѣ: «Вотъ уже 70 лѣтъ ты живешь на свѣтѣ!» Отъ Ованнеса Т. дошло до насъ около 25 стихотв., изъ которыхъ 16 изданы К. Костаньянцомъ (Тифлисі 1892).

Ованнесь (Ерэынкайскій), стр. 207—210, и Вступ. оч., стр. 53—54.

Предположеніе, что этотъ Ованнесь жилъ въ концѣ XV в., въ одномъ изъ Ерэынкайскихъ монастырей, принадлежитъ К. Костаньянцу.

Григорій Ахтамарскій, стр. 211—222, и Вступ. оч., стр. 54—55. О двухъ переведенныхъ нами стихотв. (1-мъ и 3-мъ) см. брошюру К. Костаньянца: Роза и соловей. Къ положенію армянъ въ XVI в., М. 1913. Авторъ приходитъ къ выводу, что въ «Пѣснѣ объ одномъ епископѣ» мы имѣемъ дѣло о стихотв. чисто бытового характера. Относительно «Пѣсни о розѣ и соловѣѣ» К. Костаньянцъ пишетъ: «Армянскіе авторы до Григорія А. пользовались аллегоріей о розѣ и соловѣѣ для представленія религиозныхъ понятій. Между тѣмъ у Григорія А. аллегорія эта даетъ картину опять-таки разбитой жизни, впрочемъ, поддерживаемой надеждою на возстановленіе и обновленіе,—картину, вполне соответствующую историческому и бытовому положенію армянъ XVI вѣка.»

Наапеть Кучакъ, стр. 223—232, и Вступ. оч., стр. 55—56. Характеристику Кучака см.: А. Tchobanian, Les Trouvères Arméniens. Принадлежность Кучаку пѣсни «Крункъ»—сильно оспаривается: по языку и по манеру письма она представляетъ значительныя отличія отъ стихотв., несомнѣнно принадлежащихъ Наапету Кучаку.—Четверостишіе XII («Ахъ милой мой миндальный цвѣтъ»... стр. 227) въ заключительныхъ стихахъ повторяетъ мысль, что встречающуюся у различныхъ поэтовъ Востока (персидскихъ, арабскихъ, индусскихъ) и заимствованную у нихъ нѣкоторыми нѣмецкими романтиками (Жанъ Поль Рихтеръ, Уландъ, Глей-Реттихъ). У насъ та же мысль была обработана въ четверостишіи К. Фофанова:

Съ плачемъ младенецъ родился на свѣтъ.
Всѣ улыбаются, ты только нѣтъ.
Сдѣлай же такъ, чтобъ на смертномъ одрѣ,
Ты улыбался, а плакали бѣ всѣ.

Іеремія Кѣмурджіанъ, стр. 233—236, и Вступ. оч., стр. 57—58. А. Чобаніанъ считаетъ Іеремію К. «самой значительной фигурой въ армянской литературѣ XVII в.»

Іонатанъ Нагашъ, стр. 237—242, и Вступ. оч., стр. 58. Дата смерти Нагаша І. известна намъ изъ стихотворенія, написаннаго его сыномъ Гакобомъ въ память отца.

Помимо поэтовъ, стихи которыхъ приведены въ нашемъ сборникѣ, известны еще цѣлый рядъ другихъ армянскихъ средневѣковыхъ лириковъ, а изученіе монастырскихъ архивовъ и др. собраній рукописей, за послѣднее время, почти ежегодно обнаруживаетъ новыя имена. Особенно заслуживаютъ вниманія поэты: Кероба (жилъ, по мнѣнію о. Потуріана, въ концѣ XV в.), Газаросъ (Лазаръ) Севастійскій (концѣ XVI и начало XVII в.), Нерсесь-архимандритъ (род. въ Моккѣ, въ концѣ XVI в., жилъ въ Іерусалимѣ, потомъ въ Тагевскомъ монастырѣ, наконецъ, поселился на островѣ Ахтамарскаго озера, гдѣ основалъ, въ 1622 г., монастырь, существующій понынѣ; оставилъ основанъ, въ 1622 г., монастырь, существующій понынѣ; оставилъ стихи на взятіе Іерусалима, хвалу Пресвятой Дѣвѣ, гимнь Небу и Землѣ и др.), Давидъ Салнадзорскій, Акопъ изъ Артки, Оксисъ Тертаръ, Минасъ Тохатскій, Саркавагъ Бердакскій и др.

ПОЭЗІЯ АШУГОВЪ.

О поэзіи ашуговъ см. Вступительный очеркъ, стр. 58—64.— Различаютъ типъ ашуга: русской и турецкой Армении. Ашуги русской Армении постепенно составили какъ бы особый цехъ пѣвцовъ, необходимыхъ на каждомъ домашнемъ или общественномъ торжествѣ. Наиболее удачливые изъ нихъ получали отъ своего ремесла пѣвцовъ и импровизаторовъ порядочный достатокъ. Въ турецкой Армении, въ областяхъ Муша, Битлиса, Вана, до послѣдняго времени сохранялся старинный типъ ашуга-перехожаго. Часто это—слѣпецъ, бродящій изъ деревни въ деревню и почитаемый за существо боговдохновенное. Матери иногда, по обѣту, назначаютъ своего будущаго ребенка для служенія Богу и тогда отдають мальчика известному ашугу: сначала мальчикъ служитъ поводыремъ слѣпцу, а потомъ перенимаетъ у него искусство пѣть и слагать стихи. Впрочемъ, этотъ древній типъ исчезаетъ теперь и на своей родинѣ. Поэзія ашуговъ заинтересовала исследователей ранѣе, чѣмъ монастырская поэзія средневѣковья. Однимъ изъ первыхъ собирателей пѣсенъ ашуговъ былъ поэтъ Алишанъ. Однако, большинство пѣсенъ, сложенныхъ ашугами въ прошлые вѣка, погибло безвозвратно или живеть безымянно, какъ народныя пѣсни. Ашуги послѣдняго времени сами собирають и печатають свои сочиненія.

Степанность, стр. 243—246. Одинъ изъ старѣйшихъ ашуговъ, пѣсни котораго дошли до насъ съ именемъ автора.

Саять-Нова, стр. 247—258, и Вступ. оч., стр. 59—64. О Саять-Нова существуетъ богатая литература на армянскомъ яз.,—работы Ахвердова, К. Костаньянца, Ов. Туманьяна, Н. Агбальяна и мн. др.; по-французски см. этюды М. Тсѣгазъ, въ журналѣ «l'Arménie» 1893 г., А. Тсховалианъ и др.; по-русски этюды и переводы Я. Полонскаго, А. Гарденина, Аврелиана и др. Формы своихъ стиховъ Саять-Нова бралъ, болѣею частью, у персидскихъ поэтовъ. Грузинскіе и татарскіе стихи Саять-Новы еще не изданы, какъ, повидимому, остается въ рукописяхъ и рядъ его армянскихъ стихотвореній.

Лункіаность, стр. 259—262. Лункіаность писалъ пѣсни на армянскомъ и турецкомъ яз., мистическія, эротическія, на темы историческія и злободневныя. Дошли до насъ почти исключительно пѣсни мистическія и нѣсколько злободневныхъ.

Дживани, стр. 263—266. Память Дживани понынѣ жива среди современныхъ ашуговъ русской Армении, и его пѣсни понынѣ поютъ на празднествахъ. Дживани былъ поэтъ очень чуткій, и на рѣдкое событіе, производившее впечатлѣніе среди армянъ, не отзывался пѣсней.

Число изданныхъ пѣсенъ ашуговъ довольно велико, но мы не исползовали ихъ по причинамъ, указаннымъ на стр. 63—4. Такъ, послѣ смерти Г. Ахвердова, его наслѣдниками напечатанъ 2-ой томъ его собранія пѣсенъ ашуговъ, куда вошли произведенія Ширинъ, Азбаръ-Адама, Мискинъ-Бурджи и мн. др.

ПОЭЗІЯ РУССКИХЪ АРМЯНЪ.

Поэзія русскихъ армянъ распадается на три періода: ея зачинателей, какъ Р. Патканьянъ, С. Шахъ-Ависъ и др.; ея рас-

цѣта, въ творчествѣ І. Иоаннисіана, А. Цатуріана, Ов. Туманьяна, А. Исаакіана и др.; новыхъ теченій, наиболее виднымъ представителемъ которыхъ является В. Теріанъ. Несомнѣнно, что на эту поэзію оказала свое вліяніе русская литература (см. брошюру Ю. Веселовскаго, Русское вліяніе въ армянской литературѣ, М. 1901). Въ нашемъ изд. мы старались собрать произведенія, отмѣенныя печатью оригинальности, оставляя въ сторонѣ, хотя бы и талантливые, перепѣвы мотивовъ русскихъ поэтовъ.

Р. Патканьянъ, стр. 296—282 и Вступ. очеркъ, стр. 71—74. Поэтическая дѣятельность Патканьяна представляетъ два раздѣльныхъ періода. Къ первому относятся юношескіе опыты и затѣмъ стихи 1855—1864 гг., въ томъ числѣ «Слезы Аракса», появившіеся въ пяти сборникахъ «Гамаръ-Катипа» (подъ этимъ псевдонимомъ, присвоенномъ себѣ поэтомъ однимъ Патканьяномъ, печатали свои стихи члены маленькаго дружескаго кружка, среди нихъ—Г. Додохьянъ). Въ этотъ же періодъ Патканьянъ издалъ «Новую азбуку», «Народный пѣсенникъ» и др. Съ середины 60-хъ годовъ Патканьянъ, какъ поэтъ, почти замолкаетъ. Продавъ маленькую типографію, которую онъ имѣлъ въ Петроградѣ, и прекративъ свой журналъ «Свѣрь», онъ живеть въ Нахичевани, занимаясь педагогической дѣятельностью. Въ турецкую войну 1878 г. Патканьянъ вновь выступаетъ со сборникомъ стиховъ «Свободныя пѣсни» и уже до конца жизни продолжаетъ дѣло поэта. По-русски о Патканьянѣ см. статьи Ю. Веселовскаго; Гр. Чалхушьянъ, Армянская поэзія въ лицѣ Патканьяна, Р. и Д. 1886; А. Дервишъ, Патканьянъ, М. 1904 и др. Переводили стихи Патканьяна Ю. Веселовскій, Л. Уманецъ, С. Головачевскій, В. Шуфъ, Д. Пагиревъ, Элизисъ и мн. др.

Изъ поэмы Смерть Вардана, стр. 271. Варданъ Мамиконьянъ Великій былъ предводителемъ возстанія армянъ противъ персидскаго владычества въ V в., вскоре послѣ раздѣленія Армении между Византіей и Персіей. Одно время во главѣ движенія думалъ встать Васакъ Сюнійскій, бывшій маршпаномъ (т. е. правителемъ,—персы часто назначали правителей изъ природныхъ армянъ), и ожидалась помощь византійской Армении, гдѣ правителемъ былъ Васакъ Мамиконидъ, а также императора Феодосія, Иберіи, Албаніи (кавказской) и гунновъ. Однако надежды на поддержку со стороны не оправдались. Тогда Багратиды (соперничавшіе съ Мамиконидами: два наиболее вліятельныхъ княжескихъ дома въ Армении) отступились отъ дѣла возстанія, также какъ Васакъ Сюнійскій (за что и былъ заклеименъ армянскими историками какъ изменникъ,—миѣніе, которое нынѣ оспаривается). Армянское ополченіе, подъ начальствомъ Вардана Великаго было, въ 451 г. по Р. Х., разбито и истреблено при Аварайрѣ, близъ Аракса. Но персы, встрѣтивъ сильное сопротивление, сдѣлали различныя уступки армянамъ (въ вопросахъ вѣроисповѣданія), такъ что возстаніе не пропало даромъ. Позднѣе всѣ, павшіе въ бою съ Варданомъ, были армянской церковью причтены къ лику святыхъ (вардананцы). (См., кромѣ общихъ исторій, брошюру Н. Адонца, Марзбанъ Васакъ). Лѣтъ черезъ 30 возстаніе персидскихъ армянъ повторилось подъ руководствомъ племянника Вардана, князя Ваана Мамиконида, который добился назначенія его маршпаномъ (484 г.).—Гайкъ и Торгомъ—миѣнческіе родоначальники армянъ: по Моисею Хоренскому (кн. I, гл. 5) «Гафетъ» родитъ Гомера, Гомеръ—Эираса, Эирасъ—Эоргома (Торгома), Эоргомъ—

Хайка (Гайка). Современная филология въ словѣ hai (мн. число: haik) видитъ производное отъ арийскаго корня peti, даващаго въ греческомъ—peteg, въ латинскомъ—pater (отецъ). Отсюда и названіе Армении Айастанъ или Halastan, т.-е. «домъ гайковъ», съ помощью корня (иранскаго происхожденія): stan (домъ, область).—Другіе переводы (не полные) того же стихотворенія принадлежатъ: Ю. Веселовскому («Армянская Муза») и С. Шервинскому («Сборникъ армянской литературы»).

Ребенка святой колыбелью клянусь, стр. 280. Сав. Месропъ и Саакъ—изобрѣтатели армянскаго алфавита, въ V в. по Р. X. Преданіе говоритъ, что въ самомъ началѣ V в. католикосъ Саакъ (Исаакъ) и монахъ Месропъ Маштоцъ были заняты вопросомъ о оседаніи азбуки для армянъ (которые ранѣе пользовались, можетъ быть, алфавитами греческимъ и сирійскимъ, не передающими воѣхъ звуковъ армянскаго языка). Испробовавъ различные алфавиты, а также «письмена Даниила», изобрѣтенныя «въ древнѣйшія времена» для армянскаго яз., Саакъ и Месропъ нашли ихъ не достаточными и изобрѣли новую азбуку (по преданію, она явилась св. Месропу въ вѣщемъ снѣ), послѣ чего завели школы и стали учить мальчиковъ новой грамотѣ. Въ томъ же V в. былъ совершенъ и великій трудъ—перевода на армянскій яз. Библии. (Такъ рассказываютъ армянскіе историки: Корюнъ, Лазарь Парпокий и Моисей Хоренскій; см. изслѣдованіе Месропа Теръ-Моисеяна: Исторія перевода Библии на армянскій языкъ, Спб. 1902).—Гавондъ—іерей, герой битвы на Аварайскомъ полѣ. Ашотъ Милосердый и Гагикъ Неутѣшный—цари Багратидской династіи. «Строители царства армянъ»—въ подлинникѣ: «авгаганъ», изъ «аз»—нація, народъ и «шенъ», отъ глагола «шинель»—строить.

Георгъ Додохьянъ, стр. 283—286 и Вступ. оч., стр. 75—76. Поэтъ родился въ селѣ Аштаракъ, какъ и С. Шахъ-Азизъ. Другіе переводы того же стихотв.—Ю. Веселовскаго («Армянская Муза») и Н. Реулло («Армянскій Вѣстникъ» 1916 г.)

С. Шахъ Азизъ, стр. 287—294, и Вступ. оч., стр. 74—75. Въ русской литературѣ Шахъ-Азизъ нашель дѣятельнаго пропагандиста въ лицѣ Ю. Веселовскаго, издаващаго отдѣльную книгу переводовъ произведеній Шахъ-Азиза и посвятившаго ему нѣсколько статей («Женская доля въ изображеніи армянскихъ литераторовъ» въ сборникѣ: Литературные очерки, М. 1900, и др. см. Библиографію). Переводили Шахъ-Азиза, кромѣ Ю. Веселовскаго, Л. Уманецъ, С. Головачевскій, И. Гриневская, О. Чюмина и др. Др. переводъ стихотв. Со н ѣ—Ю. Веселовскаго («Армянская Муза»).

Г. Ага я н ѣ, стр. 295—298, и Вступ. оч., стр. 76. Ага я н ѣ началъ литературную дѣятельность въ стихахъ («Арутюнъ и Мануэль», «Дѣвѣ сестрѣ» и др.); потомъ работаль по педагогикѣ (прекрасные учебники); считается лучшимъ писателемъ для дѣтей.

И. Иоаннисіанъ, стр. 299—310, и Вступ. оч., стр. 76—77. Къ сказанному нами добавимъ сужденіе П. Манинціана: «Основателемъ ново-армянской національной поэзіи нужно считать Иоаннисіана. Онъ впервые внесъ въ поэзію понятіе стиля. Онъ, прекрасно знакомый съ народной поэзіей, изъ этого неиссякаемаго источника черпаль образы и краски для воплощенія, какъ личныхъ, такъ и общественныхъ настроеній». По-русски характеристику Иоаннисіана см. въ статьѣ М. Алавердыянца, «Спб.

Вѣдомости», 1912 г. Иоаннисіана переводили Ю. Веселовскій, К. Вальмонть, И. Бѣлуосовъ, Л. Уманецъ, Е. Богословскій, М. Шагиньянъ, Л. Зяловъ и др.

Рожденіе Ваагна, стр. 301,—литературная обработка древняго стихотв., сохраненнаго Моисеемъ Хоренскимъ (см. примѣч. на стр. 494).

А р а в ѣ, стр. 304. Др. переводы того же стихотв.: К. Липскерова («Сборникъ армянской литературы») и А. Глобы («Армянскій Вѣстникъ» 1916 г.).

Новая весна, стр. 303, Снѣгъ засыпаль всѣ пути, стр. 305. Др. переводъ этихъ стихотв. Е. Богословскаго.

Царь Артаваздъ, стр. 308. Моисей Хоренскій (кн. II, гл. 61) такъ рассказываетъ легенду: «Артаваздъ, при переѣздѣ черезъ мостъ города Арташата, чтобы охотиться на кабановъ и онагровъ у истоковъ рѣки Гина, встревоженный какими-то видѣніями, долго носился на конѣ безъ слѣду, пока, наконецъ, не упаль въ глубокую пропасть и не пропаль безъ слѣду. Объ немъ Гохтанскіе пѣвцы поютъ такъ: По случаю смерти Арташеса (отца Артавазда) большая была гибель народу по языческому обычаю. Огорчился, говорятъ, Артаваздъ и говорить отцу: «ты ушелъ и унесъ съ собою всю нашу землю, какъ же мнѣ царствовать надъ развалинами, За это Арташесъ прокляль его, сказавъ: «если ты пойдешь на охоту на свободный (т.-е. недоступный людямъ) Масисъ (Араратъ), тебя захватятъ какъки (злые духи), тамъ останешся и свѣта не увидишь болѣе». Старухи также рассказываютъ про него, что онъ (Артаваздъ), связанный желѣзными цѣпями, заключенъ въ какой-то пещерѣ, что двѣ собаки грызутъ безпрестанно его цѣпи, и онъ силится выйти и положить конецъ міру; но что отъ звука ударовъ кузнечныхъ молотовъ снова, говорятъ, цѣпи укрѣпляются. Поэтому также и въ наше время многіе изъ кузнецовъ, слѣдуя легендѣ, по воскресеньямъ ударяютъ трижды и четырежды (молотомъ) о наковальню, чтобы укрѣпились цѣпи Артавазда.» Съ историческими царями Артаваздами (Артаваздъ I, полумифическій царь III в. до Р. X.; Артаваздъ II, 125—95 г. до Р. X.; Артаваздъ III, 56—33 г. до Р. X.; Артаваздъ IV, 5—2 г. до Р. X., и Артаваздъ V, ум. въ 11 г. по Р. X.) герой легенды имѣеть мало общаго, развѣ только если принять мнѣніе А. Амфитеатрова (Арменія и Римъ, Пгд. 1916 г., стр. 297), что «эти государи собою приишли армянскому народу, потому что имя Артавазда осталось въ былинахъ армянскаго эпоса весьма недалекимъ отъ имени злого духа». Легенда о скованномъ въ пещерѣ царѣ, можетъ быть,—отголосокъ персидскаго мифа о скованномъ Ариманѣ.

А. Цатуріанъ, стр. 311—322, и Вступ. оч., стр. 81—82. По-русски о Цатуріанѣ см. статью М. Алавердыянца, «Спб. Вѣдомости», 1912 г., и др. связанныя преимущественно съ 25-лѣтнимъ юбилеемъ дѣятельности поэта (праздновавшемся въ Московскомъ Литературно-Художественномъ Кружкѣ). Переводили Цатуріана Ю. Веселовскій, К. Вальмонть, Л. Уманецъ, И. Бунинъ, М. Шагиньянъ, Е. Выставкина и др. Въ стихотв. Н е я п о ю, по желанію автора, опущено нѣсколько строф.—П ѣ с н я, стр. 314. Др. переводъ этой пѣсни—Е. Выставкинскій («Сборникъ армянской литературы»).

О в. Туманьянъ, стр. 321—364, и Вступ. оч., стр. 77—79. Эпи-

чекій складъ творчества Туманьяна сказанъ между прочимъ въ его литературной обработкѣ эпосовъ о Давидѣ Сасунскомъ. Переводили Туманьяна К. Бальмонтъ, Тхоржевскіе, Л. Уманецъ, Эллисъ и др.; отдѣльно издано: «Парвана», Т. 1913.

Голубинный скитъ, стр. 328 и сл. Легенда относится къ эпохѣ нашествія Тамерлана и могла вырасти изъ обычая—устранять въ нѣкоторыхъ армянокихъ церквахъ потайные ходы, черезъ которые молящіяся скрывались при приближеніи враговъ (такія церкви сохранились до нашего времени).

Анушъ, стр. 334 и сл. Поэма появлялась въ трехъ послѣдовательныхъ обработкахъ автора. Въ основу нашего перевода положенъ послѣдній вариантъ. Въ п.эму включено авторомъ много мотивовъ народной пѣсни.

Одна капля меда, стр. 360,—художественная обработка распространенной на Востокахъ сказки.

А. Исаакіанъ, стр. 365—398, и Вступ. оч., стр. 79—80. Послѣдніе годы Исаакіанъ живетъ, какъ эмигрантъ, въ З. Европѣ. Переводили Исаакіана И. Бунинъ, И. Бѣлоусовъ, С. Головачевскій, Эллисъ, М. Шагиньянъ и др.; отдѣльно издано «Цѣфты Араза», М. 1907.

Въ долинь Сально..., стр. 369. Др. переводъ этого стихотв. А. Глобы («Армянскій Вѣстникъ» 1916 г.).

Я увидѣлъ во снѣ, стр. 372. Др. переводъ этого стихотв., Валерія Брюсова, мы помѣщаемъ здѣсь:

Мнѣ снился сонъ: вѣяса какъ змѣя,
Шель караванъ, звеня,—о нѣжный звонъ!
По склонамъ горъ, извилина вѣя,
Брель караванъ, звеня: динь-донъ, динь-донъ!
Тамъ, въ караванъ,—милая моя!
Нарядъ невѣсты на ней, блистая, цвѣль.
Въ огнѣ тоски къ ней устремился я...
Ахъ, караванъ по сердцу мнѣ прошелъ.
И я лежалъ, раздавленъ, на пескѣ,
Съ разбитымъ сердцемъ, скорбью сокрушенъ...
Но все еще былъ слышенъ вдалекѣ
Звонъ нѣжный каравана: динь-донъ-донъ!

Абуль-Ала-Маари, стр. 380 и сл. Поэма написана въ формѣ, любимой арабскими поэтами, откуда названіе «каситъ» (поэма, написанная длинными двустишіями) и дѣленіе на «суры» (пѣсни, какъ раздѣленъ и Коранъ). Абуль-Ала-Маари—лицо историческое, дѣйствительно арабскій поэтъ, жившій въ Багдадѣ, 973—1058 г., но, конечно, авторъ подъ маской арабскаго поэта изобразилъ себя самого и свои переживанія... Воспроизводя духъ арабской поэзіи, авторъ оставилъ въ поэмѣ рядъ арабскихъ словъ: дженнатъ—рай; гулистанъ—цвѣтникъ розъ, rosarium; саламъ—привѣтъ и шюкръ—слава, благословеніе; Шэмсъ—солнце (древній богъ солнца), и др. Нѣкоторыя выраженія подлинника, при всей ихъ картинности, не поддавались переводу, напр., сура I, ст. 3: путь «волор у молор», т. е. путь зигзагами (въ переводѣ: «вѣяса, какъ змѣя»); сура I,

ст. 11: караванъ «орор у шорор звенѣль впередъ» («орор у шорор»—звуко-подражательное выраженіе), т. е. подвигался впередъ, звеня бубенцами, колокольчиками, и колыхаясь, колеблясь (въ переводѣ: «вѣяса, какъ змѣя, звенѣль дальше во мглу»), и др. Кромѣ объясненій, данныхъ подъ текстомъ, должно добавить еще къ сурѣ II: Иблисъ—сатана мусульманской демонологіи (искаженное греческое слово diabolos, диаволь); стихъ—

Согрѣшилъ мой отецъ въ быломъ предо мной, но я ни передъ
къмъ грѣха не свершилъ.

начертанъ на памятникѣ надъ могилой Абуль-Ала-Маари.—Въ нашемъ переводѣ нѣсколько строфъ (двустишіи), въ разныхъ сурахъ, опущено.

Д. Демирчянъ, стр. 399—402, и Вступ. оч., стр. 82; Ш. Кургиньянъ, стр. 403—406, и Вступ. оч., стр. 83; В. Тэрианъ, стр. 407—414, и Вступ. оч., стр. 86—87. По-русски характеристику В. Тэриана далъ М. Манучарянъ, «Баку», 1911 г. Др. переводы стихотвѣтъ же авторовъ см. въ изданіяхъ, указанныхъ въ Библиографіи.

Теръ-Мартиросіанъ, стр. 415—418, и Лейли, стр. 419—22, и Вступ. оч., стр. 87; см. Объясненія ред., стр. 14.

ПОЭЗІЯ ТУРЕЦКИХЪ АРМЯНЪ.

Поэзія турецкихъ армянъ развивалась въ иныхъ условіяхъ, нежели армянская поэзія въ Россіи. Западные армяне имѣли за собой большій опытъ культурнаго обновленія народа. Уже съ конца XVIII в. въ интеллигентныхъ кругахъ армянскаго общества въ Турціи и на Западѣ (въ колоніяхъ) дѣлались попытки создать новую національную литературу (сначала на греческѣ). Въ самомъ началѣ XVIII в. въ Константинополѣ былъ основанъ цѣлый рядъ армянскихъ школъ; въ 1794 г., въ Калькуттѣ возникла первая армянская газета «Азпараръ», а въ 1803 г.—вторая, въ Венеціи, что повело къ развитію армянской прессы. Если, однако, имѣть въ виду только литературу на новомъ яз., поэзію турецкихъ армянъ также можно раздѣлить на три періода: первый—дѣятельность зачинателей, М. Пэшикташяна, П. Дуріана, позднѣйшіе стихи Алишана и др.; второй—развитіе лирики, подъ господствующимъ вліяніемъ французской литературы, въ творчествѣ В. Тэкьяна, г-жи Сипилъ, А. Чобаніана, М. Мэцаренца и др.; третій—возвращеніе къ народности, лучшимъ представителями котораго являются Сіаманто и Д. Варужанъ (что и побудило насъ, нѣсколько нарушивъ хронологическую послѣдовательность, поставить этихъ двухъ поэтовъ въ самомъ концѣ отдѣла, послѣ М. Мэцаренца, бывшаго моложе ихъ по годамъ, но скончавшагося уже нѣсколько лѣтъ назадъ).

Гев. Алишанъ, стр. 425—428, и Вступ. оч., стр. 66. Алишанъ замѣчательнъ также, какъ одинъ изъ первыхъ собирателей древней армянской литературы; нѣсколько стихотв. ашуговъ было издано имъ съ англійскимъ переводомъ (Armenian popular songs, Ven. 1852).—Раданъ, стр. 427—8. Др. переводъ того же стихотв.—Л. Уманца («Армянская Муза», гдѣ и переводъ отрывка изъ поэмы Алишана).

М. Пашикташлянъ, стр. 429—436, и Вступ. оч., стр. 67—68. О Пашикташлянъ, кромѣ др. изслѣдованій, см. обстоятельный очеркъ Ю. Веселовскаго въ книгѣ: «Литературные очерки», М. 1900. По-русски Пашикташляна много переводилъ Л. Уманецъ, переведшій также стихотв. Мы — братья и О какъ нѣжно и прохладно.—Алемдагъ—мѣстность на родинѣ поэта. Ванъ—озеро, которое въ народныхъ пѣсняхъ часто именуется моремъ. Ай о ц ъ-Д з о р ъ—букв. «армянское ущелье», въ Ванскомъ вилайетѣ. О Зейтунъ см. выше стр. 496.

П. Дуріанъ, стр. 438—444, и Вступ. оч., стр. 68—69. О Дуріанъ кромѣ др. изслѣдованій см. брошюру: Grand Nazariantz, Bedros Turian, Bari 1915 (на итальянскомъ яз.). Дуріана переводили Ю. Веселовскій, О. Чюмина, И. Гриневская, Л. Уманецъ и др.

Сипилъ, стр. 445—450; Л. Шантъ, стр. 451—4; А. Чобаніанъ, стр. 455—8; Малезіанъ, стр. 459—462; В. Тэкэянъ, стр. 463—8; М. Мэцаренцъ, стр. 469—472, и Вступ. оч., стр. 84—85. Всѣ эти авторы пользуются популярностью и въ читательскихъ кругахъ русскихъ армянъ, ибо равнища въ языкѣ, которымъ пользуются писатели турецкой Арменіи, съ языкомъ русской Арменіи, не велика, сводится къ произношенію нѣкоторыхъ буквъ, къ употребленію нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ и т. под. Л. Шантъ пишетъ на языкѣ, представляющемъ нѣчто среднее между двумя литературными нарѣчіями. Языкъ западно-армянскихъ писателей считается болѣе разработаннымъ и болѣе гибкимъ, хотя близость къ древнему армянскому говору, безспорно, на сторонѣ русскихъ армянъ (въ чемъ сознается, напр., историкъ F. Tournebise, Histoire de l'Arménie, p. 813). Стихи названныхъ поэтовъ переводили Ю. Веселовскій, С. Головачевскій, Н. Новичъ, Эллисъ и др.

Идеаль, стр. 448, и Вотъ и снова, стр. 457. Форма стихотв., несомнѣнно, заимствована изъ французской поэзіи (у Ш. Бодлера и др.). Лампада Просвѣтителѣ—см. примѣч., на стр. 326, къ аналогичному стихотв. Ов. Туманяна (на ту же тему есть стихотв. І. Иоаннисіана). Пѣсня объ армянскомъ языкѣ, стр. 468. Аналогичное стихотв. есть у А. Чобаніана.

Сіаманто, стр. 473—8; Д. Варужанъ, стр. 479—484, и Вступ. оч., стр. 87—88. Судьба этихъ поэтовъ, ко времени, когда редактируются эти примѣчанія (іюль 1916 г.), остается невыясненной. Известно, что, въ началѣ Великой войны, послѣ Ванскаго восстанія, они были арестованы турецкимъ правительствомъ, въ Константинополь, въ числѣ 10.000 армянъ (всей мѣстной интеллигенціи), и сосланы въ глубь азіатской Турціи. Передъ окнами тюрьмы, въ которой были заключены Сіаманто и Варужанъ, три дня стояли висѣлицы, при чемъ узникамъ было категорически заявлено, что они будутъ повѣшаны. Однако, потомъ висѣлицы были убраны, а заключенные уведены въ другое мѣсто. Есть извѣстіе, что на пути узники были убиты, но нѣкоторые изъ бѣженцевъ оспариваютъ это. Хочется вѣрить, что страшная судьба минула талантливѣйшихъ изъ представителей молодой поэзіи турецкой Арменіи...

Колыбель армянъ, стр. 483. Въ подлинникѣ—«Колыбель гайковъ»; о значеніи слова «гайка», см. выше, стр. 504.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Помѣщенные въ этомъ отдѣлѣ стихотворенія представляютъ скорѣе свободное подражаніе, нежели точный переводъ оригиналовъ, но все же въ такой мѣрѣ передаютъ, по мнѣнію редакціи, духъ подлинника и художественность его формы, что вполне заслуживаютъ включенія въ нашъ сборникъ, какъ образцы именно армянской поэзіи.

Арамъ Чарыгъ, стр. 489. То же стихотв. имѣется въ переводѣ Валерія Брюсова:

ВИДѢНІЕ.

Прелестная дѣвочка тринадцати лѣтъ
Нерѣдко является ко мнѣ по ночамъ;
Возьметъ мою голову, и, лаской согрѣтъ,
Прижавшись къ шекъ ея,—вѣрюсь мечтамъ.
Меня съ ненасытностью цѣлуетъ она.
Глазами газельими въ глаза мнѣ глядитъ.
Шепча лихорадочно, но вся холодна,
«Люблю я, люблю тебя!»—до утра сидитъ.
Прелестная дѣвочка была мнѣ родной,
Бывало, на много дней, входила въ нашъ домъ,
И также шептала мнѣ: «Ахъ, радостный мой!»
И плакала, плакала,—со мною вьюемъ.
Въ тѣ дни съ ней разстались мы, увѣи навсегда!
Не зналъ я, куда она на свѣтѣ ушла,
Когда жъ я спросилъ объ ней, въ отвѣтъ мнѣ тогда
Сказали: «Увянувши,—она умерла!»
Умершая дѣвочка тринадцати лѣтъ
Нерѣдко является ко мнѣ по ночамъ,
Беретъ мою голову... Я—лаской согрѣтъ,
Она же, печальная, приникнетъ къ устамъ.

Изъ новыхъ поэтовъ, не включенныхъ въ нашъ сборникъ, особаго вниманія заслуживаютъ: Левонъ Мануельянъ (р. въ 1864 г., переводы—въ «Армянской Музѣ»), Леренцъ, Христофоръ Татевосянъ, Онопріосъ Анопьянъ, Семень Бабіанъ, д-ръ Левонъ Атабекьянъ (сборн. стихотв. 1913 г.), Акопъ Акопьянъ (см. Вступ. оч., стр. 83), Егія Демирчибашьянъ (см. Объясненія ред., стр. 15) и др.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Русскіе переводы стиховъ армянскихъ поэтовъ появлялись въ слѣдующихъ отдѣльныхъ изд. А)—сборники:

Армянскіе беллетристы, драматурги и поэты, подъ ред. Ю. Веселовскаго и М. Берберьяна, М. 1894. Р. Патканьянъ, С. Шахъ-Азизъ, М. Бешикташленъ (Пшикташлянъ), П. Дуріанъ, Ов. Ованнисянъ (І. Иоаннисіанъ), Леренцъ, А. Цатуріанъ, Ов. Туманьянцъ (Туманьянъ).

Стихотворные переводы Ю. Веселовскаго, М. 1898. С. Шахъ-Азизъ, І. Иоаннисіанъ, А. Цатуріанъ, Леренцъ.

Современные армянскіе поэты, подъ ред. Л. Уманца и А. Дервишъ, М. 1903. І. Иоаннисіанъ, А. Цатуріанъ, Л. Мануэльянъ, А. Исаакіанъ.

Современная армянская литература, М. 1906. Ов. Туманьянъ, А. Исаакіанъ, Тадевосянъ.

Армянская Муза, подъ ред. Ю. Веселовскаго и Г. Халатянца. М. 1907. Р. Патканьянъ, С. Шахъ-Азизъ, Г. Додохьянъ, Ов. Ованнисянъ (І. Иоаннисіанъ), Л. Мануэльянъ, А. Цатуріанъ, Леренцъ, Ов. Туманьянъ, А. Исаакіанъ, Гев. Алишанъ, С. Гекимьянъ, Хоренъ Наръ-Бей, М. Бешикташленъ (Пшикташленъ), П. Туріанъ (Дуріанъ), А. Чобаніанъ, Малезіанъ, Сибиль (Сипиль).

Сборникъ армянской литературы, подъ ред. М. Горькаго, Пгд. 1916. Р. Патканьянъ, С. Шахъ-Азизъ, І. Иоаннисіанъ, А. Цатуріанъ, Ов. Туманьянъ, А. Исаакіанъ, Д. Демирчьянъ, В. Тэрианъ.

В)—отдѣльные поэты.

Р. Патканьянъ, пѣвецъ гражданской скорби, вступ. статья А. Дервишъ, М. 1904.

Армянскій поэтъ С. Шахъ-Азизъ, 2-е изд., М. 1905. Критич. этюдъ и переводы Ю. Веселовскаго и др.

А. Исаакіанъ, Цѣвты Араза, предисл. П. Макинціана, М. 1907. Ов. Туманьянъ, Парвана, легенда, Тифл. 1913.

Л. Григорьянцъ, Чайка, стихотворенія, Спб. 1913.

С)—журналы, альманахи и т. под.

Саятъ-Нова, въ сборн. «Братская помощь», 2-е изд., М. 1898, «Тифлиссій Журналъ» 1913 г., соч. Я. Полонскаго, «Русс. Мысль» 1915 г. «Армянскій Вѣстникъ» 1916 г. Н. Кучакъ, «Русс. Мысль» 1915 г.

Новые поэты—въ «Армянскомъ Вѣстникѣ» 1916 г., «Одесскомъ Листкѣ», 1915—6 г., «Утрѣ Россіи» 1915—6 г., «Лѣтописи» 1916 г., «Ключъ» 1915 г., Вакинскихъ и Тифлискихъ газетахъ и мн. др. изд.

Характеристики поэтовъ, на русскомъ яз., были даны:

Во вступительныхъ статьяхъ къ сборникамъ «Армянскіе беллетристы» (М. Берберьяна, Ю. Веселовскаго, А. Хатисова), «Армянская Муза» (Ю. Веселовскаго), «Современные армянскіе поэты» (А. Микаэлянца, А. Дервиша, А. Багратуни) и др.

Въ отдѣльныхъ изд.: М. Алавердьянцъ, Идеологи освобожденія турецкихъ армянъ (Р. Патканьянъ), Пгд. 1905; Ю. Веселовскій, Русское вліяніе въ современной армянской литературѣ, М. 1901; Его же, Литературные очерки (М. Пшикташленъ и др.) М. 1900; Ив. Гнуні, Мотивы армянской поэзіи, Саратовъ 1915; Гр. Чалхушьянъ, Армянская поэзія въ лицѣ Р. Патканьяна, Р. н/Д. 1886; Я. Полонскій о Саятъ-Новѣ въ собр. соч.

Въ альманахахъ, газетахъ и журналахъ: см. статьи, указанная въ Примѣчаніяхъ, М. Алавердьянца о Иоаннисіанѣ и Цатуріанѣ, М. Манучаріана о В. Тэрианѣ; Армянскіе ашуги, «Кавказъ», 1853 г.; Айранетьянцъ, Армянская литература, современная поэзія, «Новая Заря» 1909 г. М. Берберьянъ, Замѣтки о новой армянской литературѣ, «Братская помощь», М. 1897; Ю. Веселовскій, «Русс. Мысль» 1901 г., «Армянскій Сборникъ», М. 1915 г.; С. Р-ій, современная армянская поэзія, «Южныя Записки», 1905 г. и др.

Общая свѣдѣнія объ Арменіи, ея исторіи и т. д., на русскомъ яз., въ общедоступной формѣ, даютъ слѣдующія изд.:

Статьи въ энциклопедическихъ словаряхъ (въ томъ числѣ въ «Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона прекрасныя статьи—Н. Адонца и І. Орбели).—Вотупилъ, статьи къ «Сборнику армянской литературы» (П. Макинціана и Д. Анануна).—Обстоятельная работа (преимущественно географическая и этнографическая)—Линчъ, Арменія, перев. Джунковской, Тиф. 1910.—К. Костаньянцъ, Краткій очеркъ исторіи Арменіи, «Армянскій Сборникъ», М. 1915 г. (и отдѣльнымъ оттискомъ).—Статьи Ю. Веселовскаго, А. Дживилегава, С. Кара-Мурзы, А. Симеоньянца, В. Томоіанца и др. въ томъ же сборникѣ.—Валерій Брюсовъ, Очеркъ историческихъ судебъ армянскаго народа, М. 1916.—А. Амфитеатровъ, Арменія и Римъ, Пгд. 1916.—Н. М. Лаговъ, Арменія, Пгд. 1915.—Л. де Контансонъ, Армянскій вопросъ, М. 1914, и др. брошюры, преимущественно по политическимъ вопросамъ.

Научная литература, на русскомъ языкѣ, по армяновѣднію за послѣдніе годы значительно обогатилась. Къ болѣе старымъ работамъ принадлежатъ: Лекція и изслѣдованія Г. Халатянца, Очеркъ исторіи Арменіи, М. 1910 (читаны въ Лазаревскомъ Инст.); Армянскіе аршакиды, М. 1903; Армянскій эпосъ, М. 1896, и др.; Н. Зминъ, Моисей Хоренскій и древній эпосъ армянскій, М. 1881; Переводы и статьи по духовной армянской литературѣ, М. 1897, и др.; Г. Эзовъ, Сношенія Петра В. съ армянскимъ народомъ, Спб. 1898; М. Теръ-Мовсесянъ, Исторія перевода Библии на армянскій яз., Спб. 1902; Его же, Эчмѣадзинъ и др. армянскія церкви, Спб. 1905, и др. изслѣдованія въ «Извѣстіяхъ И. Археол. Комиссіи» и др. изд.; Гренъ, Династія Вагратидовъ въ Арменіи, «Ж. М. Н. П.» 1893 г.—Устарѣли работы: Муравьевъ, Грузія и Арменія, Спб. 1848; Д. Вакрадзе, Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства, Тиф. 1875, и др. Совершенно устарѣли книги Ив. Шоплена, Историческій памятникъ состоянія Армянской области въ эпоху ея присоединенія къ Россійской имперіи, Спб. 1852, и др., но содержащіяся въ нихъ цифровыя и вообще фактическія данныя могутъ быть полезны понѣмъ.

Къ болѣ новымъ работамъ принадлежать замѣчательные труды акад. Н. Я. Марра, изслѣдованія Н. Адонца, І. Орбели и др., попутныя изслѣдованія акад. А. Крымскаго и др., въ томъ числѣ: Н. Я. Марръ, Грамматика др.-армянскаго яз., Спб. 1903; О раскопкахъ и работахъ въ Ани, Спб. 1907; Разысканія по армяно-грузинской филологіи, «Ж. М. Н. П.», а также др. изслѣдованія, замѣтки и статьи въ «Ж. М. Н. П.», «Извѣстіяхъ И. Археол. Комиссіи», «Запискахъ Вост. Отд. Археол. Общ.», «Запискахъ Общ. Любит. Кавказской археологіи» и др. ученыхъ изд.; среди нихъ статья: Кавказскій культурный міръ, «Ж. М. Н. П.» 1915 г. (и отдѣльно), — сжатое изложеніе основныхъ идей автора по армяновѣднію; Н. Адонцъ, Армения въ эпоху Юстиніана, Спб. 1908; Марзбанъ Васакъ передъ судомъ историковъ, «Записки Вост. Стд. Р. Археол. Общ.» XV (и отдѣльно, Спб. 1904), а также др. изслѣдованія, статьи и замѣтки въ различныхъ ученыхъ изд.; І. Орбели, Развалины Ани, Спб. 1911; А. Крымскій, Исторія Сассанидовъ, М. 1905; Джаваховъ, Государственный строй въ древней Грузіи и Армении, М. 1905; Рядъ брошюръ Н. Я. Марра, Н. Адонца и др. подъ общимъ заглавіемъ: «Анійская серія», Спб. 1910 г. и сл. (I и III: Каталогъ Анійскаго музея; II: Реестръ предметовъ изъ раскопокъ Ани; IV: Путеводитель по Ани; V: Надпись царя Тиридата, и др.). — По вопросамъ армянскаго искусства еще — работы И. Толстого, Н. Кондакова, Егіазарова, Мартиросянца, Д. Айналова и др.

Большая часть армянскихъ историковъ имѣется въ переводѣ на русскій яз.: Моисей Хоревскій, перев. Н. О. Эмина, 2-е изд., М. 1893; Себеосъ, перев. К. Патканьяна, Спб. 1862; Леонцій, Исторія халифова, перев. его же. Спб. 1862; Моисей Каганкаваши, Исторія ага-вяня, перев. его же; Исторія Вардана Великаго, перев. Н. О. Эмина; Елисей, перев. Шаншиеваля; Стефанъ Сюнійскій, перев. Х. Иоаннесова, М. 1883, и др. Значительные стрывки изъ армянскихъ историковъ — въ работахъ: Эзовъ, Объ ученіи древнихъ маговъ (Езникъ и др.), Спб. 1858; К. Патканьянъ, Исторія монголовъ по армянскимъ источникамъ. Спб., и др.

На другихъ яз., кромѣ армянскаго, основныя соч. по армяновѣднію принадлежать слѣдующимъ авторамъ: Hübschmann (по исторіи Армении и по армянской филологіи); N. Dolens et A. Katch, Histoire des anciens arméniens, Gen. 1907; F. Tournébiz, Histoire de l'Arménie, P. (jusqu'à l'an 1393); E. Dulaurier, Le royaume de la Petite Arménie (Recueil des historiens de Croisades) P. 1908; Marquart (исторія); E. Lehmann-Haupt (географія и этнографія), и др. Работа: Saint Martin, Mémoires sur l'Arménie, 2 vol., P. 1819, значительно устарѣла, но сохраняетъ значеніе, какъ сводка фактовъ и по включеннымъ въ нее переводамъ; большое значеніе имѣютъ разнообразныя работы А. Чобаніана (о которыхъ см. Вступ. очеркъ, стр. 85—86), историко-литературныя, публицистическія и иныя: два т. переводовъ (на французскій яз.) армянской народной поэзіи, Chants populaires, P. 1896, и поэзіи ашуговъ, les Trouvères Arméniens, P. 1905, очеркъ исторіи армянской литературы, L'Arménie, P. 1896, изданная подъ его ред. книга о Зейтунѣ, Zeitoun, P. 1896, и мн. др.

СОДЕРЖАНІЕ.¹

ОБЪЯСНЕНІЯ РЕДАКЦИИ.		Стр.
Валерій Брюсовъ. Отъ редактора къ читателямъ		3
Редакція. Задачи изданія		11
» Распределеніе работъ		19
ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРКЪ.		
Валерій Брюсовъ. Поэзія Армении и ея единство на протяженіи вѣковъ. Историко-литературной очеркъ. 1—7		21
НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ—ПѢСНИ.		
Изъ древнѣйшихъ пѣсенъ. Перевелъ Валерій Брюсовъ.		
Рожденіе Ваагна		95
О царѣ Артасешѣ. Стривокъ		—
О построеніи Вардгеса		96
Пѣсня о разовѣтѣ		—
Пѣсни о любви. Пер. Валерій Брюсовъ.		
Пѣсня на день Преображенія		97
Для милой надо платье сшить		—
Ахъ, раствориться		98
Я повторять всегда готовъ		—
Отнесите меня		—
Какъ изъ яблокъ шерbetъ		99
Виль бы савомъ я		—
Ахъ, дѣва! твой станъ		100
Джанъ-гюлюмы. Пер. Валерій Брюсовъ.		
Соловей, въ мой садъ летай		101
Ахъ, въ бахчѣ ты выросла		—

¹ Звѣздочкой отмѣчены переводы, заимствованные редакціей изъ другихъ изданій (преимущественно изъ сборника «Армянская Муза»); остальные переводы были исполнены специально для нашего изданія.

	Стр.
Ты, Аравъ, меня пойми	101
Ночь велѣла людямъ спать	102
Статный воядникъ проскакалъ	—
Не умчаться жерновамъ	—
Противъ вашего нашъ садъ	—
Что ты, паренъ молодой	103
Бѣлый конь, тебѣ ль подкова	—
Какъ у насъ за домомъ	104
Дождь прошелъ и просверкалъ	—
Пѣсни колыбельныя. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Ты, вода, теки	105
У меня ль невѣста есть	—
Ты въ постелькѣ хороша	106
Ваю-бай, идутъ овечки	—
Свадебная пѣсня. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже	107
Пѣсни похоронныя. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Плачь вдовы	109
Плакальщицы—матери	—
» надъ молодымъ	—
Жалоба сестеръ	110
Заплачка	—
Религіозныя. Заклинанія. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Забѣллася заря	111
На подушку я голову склонилъ	—
Погашены огни	—
Заклинаніе на волка	112
» на оглазъ	—
» старухъ къ лунѣ	113
Пѣсни о природѣ и разныя. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Ноктюрнъ	114
Какъ вамъ не завидовать	—
Не пой ты солнцу обо мнѣ	115
Золотая звѣздочка въ небѣ	—
Пѣсня хариба	—
Плясовая ванцевъ	—
Военныя пѣсни. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Зейтуновскій маршъ	117
Военная эзерумская пѣсня	118
Пѣсня удалцовъ	—

	Стр.
Пѣсни средневѣковья, народныя и неизвѣстныхъ авторовъ. Пер. Валерій Брюсовъ.	
На плѣненіе короля Левона	120
Пѣсня аиста	121
Юноца и вода	122
О, алая! съ черной красотой	123
Пѣсня пахарей	124
О четырехъ элементахъ. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Пѣсня о четырехъ элементахъ. Весна. Лѣто. Осень. Зима.	126
Подражаніе народному. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Арутюнь Туманьянъ. Пѣсня	128
НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ. ЭПОСЪ.	
Владыка Асланъ. Сказка. Пер. Валерій Брюсовъ.	131
Давидъ Сасунскій. Эпопея. Пер. онъ же	135
ПОЭЗИЯ СРЕДНЕВѢКОВЬЯ.	
Изъ Шаракана. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Месропъ-Маштоцъ. Море жизни	157
Онъ же. Рано утромъ предстану	—
Іоаннъ Мандакуні. Пресображеніемъ Твоимъ на горѣ	—
Комитасъ. Изъ канона спутницамъ св. Рипсимѣ	158
Григорій Нарекскій. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Алмазная роза	161
Пѣснь на воскресеніе Христова	162
Нерсесь Благодатный.	
На распятіе Господне. Пер. Валерій Брюсовъ	167
На Великій Пятокъ. Пер. С. Шервинскій	168
На ночь Великаго Пятка. Пер. Валерій Брюсовъ	169
Всѣмъ усопшимъ. Пер. онъ же	—
Свѣтъ, Свѣта Творецъ... Пер. онъ же	170
Изъ Элегій на взытіе Эдессы. I—VII. Пер. онъ же	171
Фрикъ. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Жалобы. Отрывокъ	181
Колесо судьбы	183
Іоаннъ Ерзынкайскій. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Гномическія размышленія. I—V	187
Константинъ Ерзынкайскій. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Весна.	191
Аракелъ Багешскій. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Пѣсня о розѣ и соловьѣ	195

Мкртичъ Нагашъ. Пер. Валерій Брюсовъ.	Стр.
Суета міра	201
Ованесъ Тылкуранскій. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Пѣсня любви	205
Къ смерти	206
Ованнесъ (Ерзынкайскій). Пер. Валерій Брюсовъ.	
Пѣсня любви	209
Григорій Ахтамарскій. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Пѣсня объ одномъ епископѣ	213
Пѣсня	214
Пѣсня о розѣ и соловьѣ	216
Наапеть Кучакъ.	
Пѣсни любви и гномы. I—XVI. Пер. Валерій Брюсовъ	225
Пѣсни любви. I—VII. Пер. Федоръ Сологубъ	229
Гномы. I—II. Пер. С. Шервинскій	230
Крункъ. Пѣсня хариба. Пер. Валерій Брюсовъ	231
Іеремія Кемурджіанъ. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Пѣсня любви	235
Нагашъ Іонатанъ. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Пѣсни любви. I—III	239
ПОЭЗИЯ АШУГОВЪ.	
Степаннось. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Пѣсня любви	245
Саятъ-Нова. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Я въ жизни вѣдоха не издамъ	249
Я—на чужбинѣ соловей	250
Нынче видѣлъ я во снѣ	251
Меня и милую мою година та жъ родила	—
Чужбина—мука оловья	252
Ахъ, почему мой влаженъ глазъ	253
Откуда ты? (я—соловью)	254
Твоихъ грудей гранать—что мечъ	255
Твой силень умъ	—
Угодливо, народный рабъ, служить ступай	256
Ты, безумное, сердце, мнѣ внемли	257
Каманча	—
Лункіанось. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Видѣніе	261
Гимнъ Богоматери	262

Дживани. Пер. Валерій Брюсовъ.	Стр.
Какъ дни зимы	265
Въ эту ночь	—

НОВАЯ ПОЭЗИЯ РУССКИХЪ АРМЯНЪ.

Р. Патканьянъ.

И теперь намъ молчать. (Изъ поэмы «Смерть храбраго Вардана Мами-коньяна»). Пер. Валерій Брюсовъ	271
*Слезы Аракса. Пер. Ю. Веселовскій	273
Жаворонокъ. Пер. Е. Сырейщикова	275
Покинь свой садъ... Пер. С. Шервинскій	276
Не думайте, что славой обольщенъ... Пер. онъ же	277
Художникъ. Пер. Валерій Брюсовъ	—
*Передъ изображеніемъ Богоматери. Пер. Эллисъ	278
Ученый, книгу брось... Пер. В. Бакулинъ	279
Ребенка святой колубелью клянусь... Пер. Валерій Брюсовъ	280
Великій человекъ. Пер. онъ же	281

Г. Додохьянъ.

Цицернакъ. Пер. Валерій Брюсовъ	285
---	-----

С. Шахъ-Азизъ.

Сонъ. Пер. Валерій Брюсовъ	289
Кругомъ—весна... Пер. В. Ходасевичъ	—
Сонетъ. Пер. онъ же	290
*Аштракъ. Пер. Ю. Веселовскій	—
*Изъ поэмы Скорбь Леона. Пер. онъ же	291

Г. Агаянъ.

Прялка. Пер. Валерій Брюсовъ	297
--	-----

І. Іоаннисіанъ.

Рожденіе Ваагна. Пер. Вячеславъ Ивановъ	301
*Умокли навсегда. Пер. К. Д. Бальмонтъ	302
Новая весна. Пер. Ю. Верховскій	303
Зерно. Пер. Е. Сырейщикова	304
Аразъ течетъ, волной бія. Пер. В. Шершеневичъ	—
Снѣгъ засыпалъ всѣ пути. Пер. А. Глоба	305
Будь молчаливо, сердце!.. Пер. Ю. Верховскій	306
Дѣва-роза, подойди. Пер. Вячеславъ Ивановъ	307
Онъ лежалъ на холодной постели. Пер. К. Липскеровъ	—
Надъ ручьемъ. Сонетъ. Пер. Валерій Брюсовъ	—
Все впередъ, все навверхъ. Пер. онъ же	308
Легенда о царѣ Артаваздѣ. Пер. онъ же	—

А. Цатуріанъ.

*Не я пою. Пер. Л. Уманецъ	313
*Ручей. Пер. К. Бальмонтъ	—

	Стр.
Пѣсня. Пер. Валерій Брюсовъ	314
*Мрачна, темна душа моя. Пер. Ив. Бунинъ	315
✓ Пѣсня странника. Пер. Ю. Балтрушайтисъ	316
*Пѣсня о разовѣтѣ. Пер. онъ же	317
Помню я. Пер. Ю. Верховскій	—
Мой милый сынъ, ты слезъ не лей. Пер. Н. Ашукинъ	318
*Ребенка видѣлъ я. Пер. Л. Уманецъ	319
Рыбакъ. Пер. Валерій Брюсовъ	—
Ов. Туманьянъ.	
Переваль. Пер. Вячеславъ Ивановъ	323
Пахарь. Пер. онъ же	324
*Съ горныхъ высей стремится ручей. Пер. К. Бальмонтъ	—
Армянское горе. Пер. Валерій Брюсовъ	325
Экспромптъ. Пер. онъ же	—
Лампада Просвѣтителя. Пер. онъ же	326
Голубинный скитъ. Пер. Вячеславъ Ивановъ	328
Сердце дѣвы. Пер. онъ же	331
Анушъ. (Лирическая поэма въ VI пѣсняхъ съ Прологомъ и Эпилогомъ). Пер. онъ же	334
Капля меда. Сказка. Пер. В. Ходасевичъ	360
Ав. Исаакіанъ.	
Моей матери. I—II. Пер. А. Блокъ	367
Аль-златъ нарядъ. Пер. онъ же	368
Быль бы на Аразѣ у меня баштанъ. Пер. онъ же	369
Быстролетный и черный орель. Пер. онъ же	—
Во долинь, въ долинь Сально. Пер. онъ же	—
Подъ алмазнымъ вѣнцомъ. Пер. онъ же	370
Ужъ солнце за вершиной горъ. Пер. онъ же	—
Караванъ мой бренчить и плетется. Пер. онъ же	371
Издадена въ тиши ночной. Пер. онъ же	372
Я увидѣлъ во снѣ... Пер. онъ же	—
Да, я знаю всегда. Пер. онъ же	—
Видитъ лань... Пер. онъ же	373
Словно молній лучъ... Пер. онъ же	—
Съ посохомъ въ рукѣ. Пер. Вячеславъ Ивановъ	374
Гиацинту ли нагорій. Пер. онъ же	—
Звѣроловъ, оленьимъ слѣдомъ. Пер. онъ же	375
Моей матери. Пер. онъ же	376
Нѣтъ тебя, душа отчизна, краше. Пер. онъ же	377
Сорванную розу вѣткъ не вернуть. Пер. Валерій Брюсовъ	—
Твоихъ бровей два сумрачныхъ луча. Пер. онъ же	378
Безвѣстна, безымянна, позабыта. Пер. онъ же	—
Моя душа объята тьмой полночной. Пер. Ив. Бунинъ	—
Черныя, мрачныя тучи. Пер. Л. Зиловъ	379
Абуль-Ала-Маари. Каситъ въ 7 сурахъ. Пер. Валерій Брюсовъ	380

	Стр.
Дареникъ Дамирчьянъ.	
Осень. Пер. Валерій Брюсовъ	401
Изъ поэмы Лянкъ-Тимуръ. Пер. онъ же	—
Ш. Кургиньянъ.	
Панихида. Пер. В. Снасскій	405
Ваанъ Тэрианъ.	
Скользвящей стопой... Пер. Валерій Брюсовъ	409
Опять опустилась ночь... Пер. онъ же	—
Газелла. Пер. онъ же	410
Въ весеннемъ городѣ. Пер. онъ же	—
Изъ «Наирокижъ пѣсенъ». Пер. Э. Сологубъ	411
Наирянка. Пер. К. Д. Бальмонтъ	412
Ужель поэтъ послѣдній я? Пер. Валерій Брюсовъ	—
Какъ не любить тебя... Пер. онъ же	413
Я помню, осень подошла. Пер. Е. Виставкина	—
Если нѣтъ любви... Пер. В. Бакулинъ	414
Теръ-Мартиросьянъ.	
Словно звѣзды... Пер. Валерій Брюсовъ	417
Я теперь ничего не прошу. Пер. онъ же	—
Лейли.	
Молитва. Пер. В. Бакулинъ	421
НОВАЯ ПОЭЗІЯ ТУРЕЦКИХЪ АРМЯНЪ.	
Г. Алишанъ.	
Разданъ. Пер. С. Шергинскій	427
М. Пэшикташлянъ.	
Къ зефиру Алемадага. Пер. Валерій Брюсовъ	431
Старикъ изъ Вана. Пер. В. Ходасевичъ	432
Мы—братья. Пер. Е. Сырейщикова	433
О, милая мать! Пер. она же	434
О, какъ нѣжно и прохладно... Пер. она же	436
П. Дуріанъ.	
Моя смерть. Пер. Валерій Брюсовъ	439
Близъ океана голубого. Пер. онъ же	440
*Моя скорбь. Пер. К. Бальмонтъ	441
Боролся день... Пер. Е. Сырейщикова	—
Ропоты. Пер. Валерій Брюсовъ	443
Сипиль.	
Ладанъ. Пер. К. Бальмонтъ	447
*Идеаль. Пер. С. Головачевскій	448

	Стр.
Въ монастырѣ. Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	449
Туча. Пер. <i>онъ же</i>	450
Л. Шангъ.	
Ночной сторожъ. Пер. <i>С. Шервинскій</i>	453
Философы. Пер. <i>онъ же</i>	454
А. Чобаніанъ.	
Вотъ и снова... Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	457
Марина. Пер. <i>онъ же</i>	—
В. Малезіанъ.	
Словно кто-то въ тоскѣ. Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	461
Сонетъ. Пер. <i>С. Бобровъ</i>	—
В. Такэянъ.	
Лампада Просвѣтителя. Сонетъ. Пер. <i>Е. Выставкаина</i>	465
Арменія. Пер. <i>она же</i>	—
Тебя мы чтимъ... Пер. <i>К. Липскеровъ</i>	466
Падучія звѣзды. Пер. <i>Ю. Балтрушайтисъ</i>	467
Пѣсня объ армянскомъ языкѣ. Пер. <i>онъ же</i>	468
М. Мэцаренцъ.	
Ночь сладостна... Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	471
На разсвѣтѣ. Сонетъ. Пер. <i>онъ же</i>	—
Сонетъ съ нодою. Пер. <i>онъ же</i>	472
Сіаманто.	
Мои слезы. Пер. <i>С. Шервинскій</i>	475
Родной источникъ. Пер. <i>онъ же</i>	476
Горсть пепла. Пер. <i>онъ же</i>	477
Д. Варужанъ.	
Письмо тоски. Пер. <i>С. Шервинскій</i>	481
Курящаяся лампада. Пер. <i>онъ же</i>	482
Кольбель армянъ. Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	483
Приложеніе.	
А. Исаакіанъ. Отгадчица. Пер. <i>Вячеславъ Ивановъ</i>	487
Онъ же. На чужбинѣ. Пер. <i>онъ же</i>	—
Онъ же. Ожиданіе. Пер. <i>онъ же</i>	488
А. Чарычъ. Тринадцать лѣтъ. Пер. <i>С. Бобровъ</i>	489
В. Такэянъ. Сонетъ. Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	490

ПРИМѢЧАНІЯ. БИБЛІОГРАФІЯ.

Примѣчанія	493
Библиографія	510
Алфавитный указатель	521

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.*

Абовіанъ, Хачатуръ—15, 70, 76.	Восканіанъ—69.
Абегіанъ, Манукъ—40, 494, 498.	Газарось Парпоскій—см. Лазарь.
Агаянъ, Газарось—76, 295—298, 504.	Газарось Севастійскій—51, 501.
Агавангелъ—494.	Галфянь (Хоренъ Наръ Бей)—69, 510.
Агбелянъ, Н.—502.	Гекимьянъ, С.—510.
Азмаръ-Аданъ—502.	Григорій Ахтамарскій—8, 51, 54, 55, 211—222, 501.
Айранетьянцъ—511.	Григорій Магистръ—37, 493, 494, 497, 492.
Акопянъ, Аколь—83, 509.	Григорій Мартирофилъ—43.
Акопъ изъ Артика—501.	Григорій Нарекскій—3, 13, 16, 43, 44, 45, 159—163, 499.
Алавердыянцъ—504, 505, 511.	Григорій Отрокъ (Тра)—500.
Алишанъ, Геонидъ—66, 67, 425—428, 507, 510.	Григорій Просвѣтитель—96, 323, 465, 495.
Ананій Ширакскій—494.	Григорій Тзеренцъ—500.
Ананунъ, Д.—511.	Григорьянцъ, Л.—510.
Анопьянъ, Онопріосъ—509.	Давидъ Салнаворскій—501.
Аракель Вагашскій—51, 52, 193—198.	Дживани—13, 64, 263—266, 502.
Арцуни, Г.—71.	Додохьянъ, Георгъ—75, 76, 283—285, 503, 504, 510.
Атабекьянъ, Левонъ—509.	Дурианъ, Петросъ—66, 68, 69, 84, 85, 437—444, 493, 507, 503, 510.
Атома Ярджаньянъ—см. Сіаманто.	Дэмерчібашьянъ, Егія—15, 69, 84, 509.
Ахвердовъ, Г.—494, 502.	Дэмерчьянъ, Дереникъ—82, 399—402, 507.
Ачемьянъ—69.	Езникъ—512.
Бабіанъ, Семень—509.	Елисей (Егише)—293, 493, 512.
Вагратуни, Арсенъ—66, 510.	Исаакіанъ, Аветикъ—11, 14, 20, 76, 77, 79, 80, 81, 83, 84, 365—
Барсегъ Тчонъ—42.	
Берберьянъ—75, 510, 511.	
Бодурианъ, о. А.—см. Потурианъ.	
Бэшикташьянъ, М.—см. Пэшикташьянъ.	
Варужанъ, Даніэль—20, 88, 479—484, 507, 508.	

* Въ Указатель перечислены имена исключительно армянскихъ писателей (какъ тѣхъ, чьи произведенія представлены въ сборникѣ, такъ и тѣхъ, которые только упомянуты въ Вступительномъ очеркѣ или Примѣчаніяхъ).

- 398, 486—488, 493, 503, 506—507, 510.
 Иоаннисіанъ, Іоаннесъ—14, 20, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 84, 299—310, 493, 494, 503, 504—505, 508, 510.
 Іоаннь Ервннкаяскій—43, 44, 45, 49, 50, 51, 185—188, 500.
 Іоаннь Мандакуни—42, 43, 156—157, 493.
 Іоаннь Плуть или изъ Двордвора—смотри Іоаннь Ервннкаяскій.
 Іонатанъ Гакобъ—501.
 Іонатанъ Нагашъ—8, 58, 237—242, 501.
 Кемурджианъ, Іеремія—14, 57, 58, 233—236, 501.
 Кербозъ—51, 501.
 Комитъ, католикось—42, 156, 158.
 Константинъ Ервннкаяскій—8, 50, 51, 53, 189—192.
 Корюнъ—504.
 Костаньянцъ, К.—19, 37, 55, 493, 494, 501—502, 511.
 Кургиньянъ, Шушаникъ—14, 83, 403—405, 507.
 Кучакъ, Наапеть—8, 14, 20, 55, 56, 57, 223—232, 501, 510.
 Лазарь (Газарось) Парпскій—504.
 Леонтій—512.
 Леренцъ—509, 510.
 Лейли—87, 419—421, 507.
 Лункіанось—64, 259—262, 502.
 Мамурианъ—69.
 Макинціанъ, Павелъ—19, 493—495, 504, 511.
 Малезіанъ—84, 85, 459—462, 508, 510.
 Манучарианъ, М.—507.
 Мануэльянъ, Левонъ—82, 509, 510.
 Мартиросьянъ, теръ, А.—87, 415—418, 507.
 Матей Эдесскій—172.
 Месропъ, св.—31, 42, 43, 280, 504.
 Месропъ-Маштоцъ, св.—156—157.
 Месропъ, еп. (Теръ-Мовсесянъ)—4, 504, 511.
 Микаэлянцъ, А.—510.
 Микаэлянъ, Карзнь—19, 492, 493.
 Минасъ Тохатскій—501.
 Миракіанъ, Ваанъ (Миръ-Коно)—82.
 Миръ-Коно—см. Миракіанъ, В.
 Мискинъ-Бурджи—502.
 Мкртичъ Нагашъ—8, 51, 52, 53, 58, 199—202, 500.
 Монсей Каганкавацъ—512.
 Монсей Хоренскій—12, 37, 40, 42, 58, 493, 495, 497, 503—505, 512.
 Мхитаръ Себасташи—65.
 Мѣцаренцъ, Мисакъ—84, 85, 469—472, 507, 508.
 Назарьянцъ, Г.—508.
 Назарьянцъ, С.—70.
 Налбандьянъ, М.—70.
 Нерсесь, архимандритъ—51, 501.
 Нерсесь Благодатный—8, 13, 16, 43, 44, 45, 165—178, 499—500.
 Нерсесь Ламбронскій—43, 44, 45.
 Ованесъ Ервннкаяскій—8, 51, 53, 54, 207—210, 503, 501.
 Ованесъ Тылкуранскій—51, 53, 203—206, 500.
 Оксисъ Тертъръ—501.
 Огіанъ—69.
 Паткановъ (Патканьянъ), К.—512.
 Патканьянъ, Габріэль—70, 71.
 Патканьянъ, Коровнъ (дѣдъ и внукъ)—71.
 Патканьянъ, Рафаэль—11, 20, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 269—282, 493, 502, 503—504, 510.
 Пароніанъ—69.
 Потурианъ, о. А.—494, 500, 501.
 Прошьянцъ, Перчъ—71.
 Пѣшикташлянъ, Мкртичъ—66, 67, 68, 69, 84, 85, 429—436, 507, 508, 510.
 Раффи, Александръ—15, 71, 76.
 Русиньянъ—69.
 Саакъ, св.—31, 42, 280, 504.
 Саркавагъ Верпакоскій—51, 501.
 Саятъ-Нова—3, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 246—258, 502, 510.
 Сервандаціанъ, еп.—494.
 Сипиль—20, 84, 85, 445—450, 507, 508, 510.

- Сіаманто (псевдонимъ Атома Ярд-жаньяна)—20, 88, 473—478, 507, 508.
 Степанось—59, 243—246, 502.
 Стефанъ Сюнійскій—512.
 Сундукіанъ, Габріэль—70.
 Татевосьянъ, Христіанъ—509.
 Тевканцъ, арх.—494.
 Теръ-Мовсесянъ, М.—см. Месропъ.
 Тиграніанъ, Арменуи—87.
 Туманьянъ, Арутюнъ—128, 497.
 Туманьянъ, Ованесъ—11, 14, 18, 20, 60, 61, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 321—364, 493, 502, 503, 505, 506, 508, 510.
 Туріанъ, П.—см. Дуріанъ.
 Тцеренцъ—69.
 Тэкэянъ, Ваанъ—20, 84, 85, 463—468, 490, 507, 508.
 Тәрианъ, Ваанъ—20, 86, 87, 407—414, 503, 510.
 Фрикъ—8, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 179—184, 500.
 Халатьянцъ, Г.—4, 511.
 Хосровъ Андзевацискій—43.
 Цатуріанъ, Александръ—14, 20, 76, 81, 82, 84, 311—320, 493, 503, 505, 510.
 Чалкушьянъ, Гр.—503, 511.
 Чарыгъ, Аранъ—489, 509.
 Чобаньянъ, Аршакъ—44, 49, 51, 56, 57, 84, 85, 86, 455—458, 493, 494, 498—502, 507, 508, 510, 512.
 Шантъ, Л.—84, 85, 451—454, 508.
 Шахъ-Азисъ, Сибать—11, 20, 71, 74, 75, 76, 287—294, 502, 504, 510.
 Ширинъ—502.
 Эминъ, Н.—43, 494, 495, 511, 512.

ПОЭЗІЯ АРМЕНІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ДО НАШИХЪ ДНЕИ,

въ переводѣ русскихъ поэтовъ.

Сборникъ поступилъ въ продажу въ слѣдующихъ изданіяхъ:

- 1) На обьяковенной бумагѣ. Обложка работы М. С. Сарьяна (многоцвѣтная автотипія). Ц. 3 р.
- 2) На бумагѣ вержэ. Обложка работы М. С. Сарьяна (многоцвѣтная автотипія), на лучшей бумагѣ. Ц. 5 р.
- 3) Ограниченное число роскошныхъ экземпляровъ на бумагѣ вержэ. Обложка работы М. С. Сарьяна (многоцвѣтная автотипія), на лучшей бумагѣ. Фронтисписъ работы В. Я. Суреньяна (хромолитографія).

Съ требованіями на роскошные экземпляры просятъ обращаться къ издателямъ: Московскій Армянскій Комитетъ (Москва, Армянскій пер., д. Армянской церкви). Выписывающіе отъ издателей за пересылку не платятъ.
